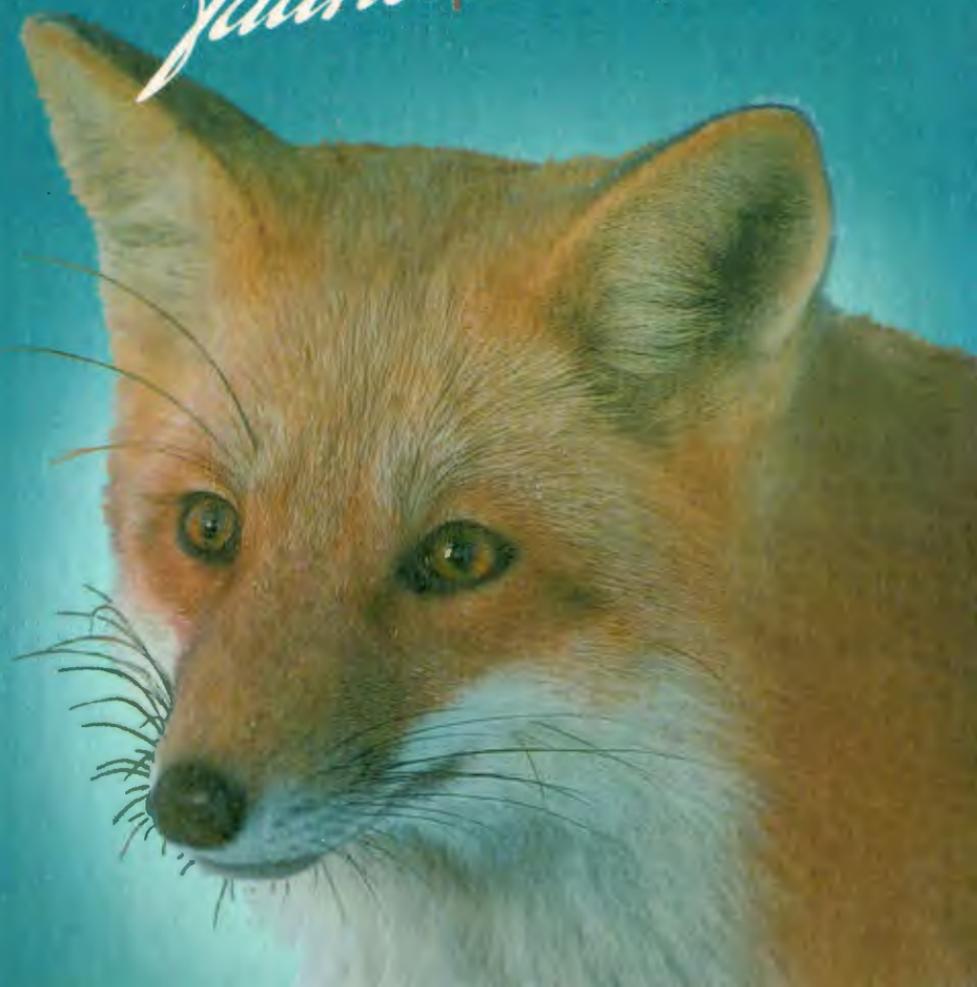
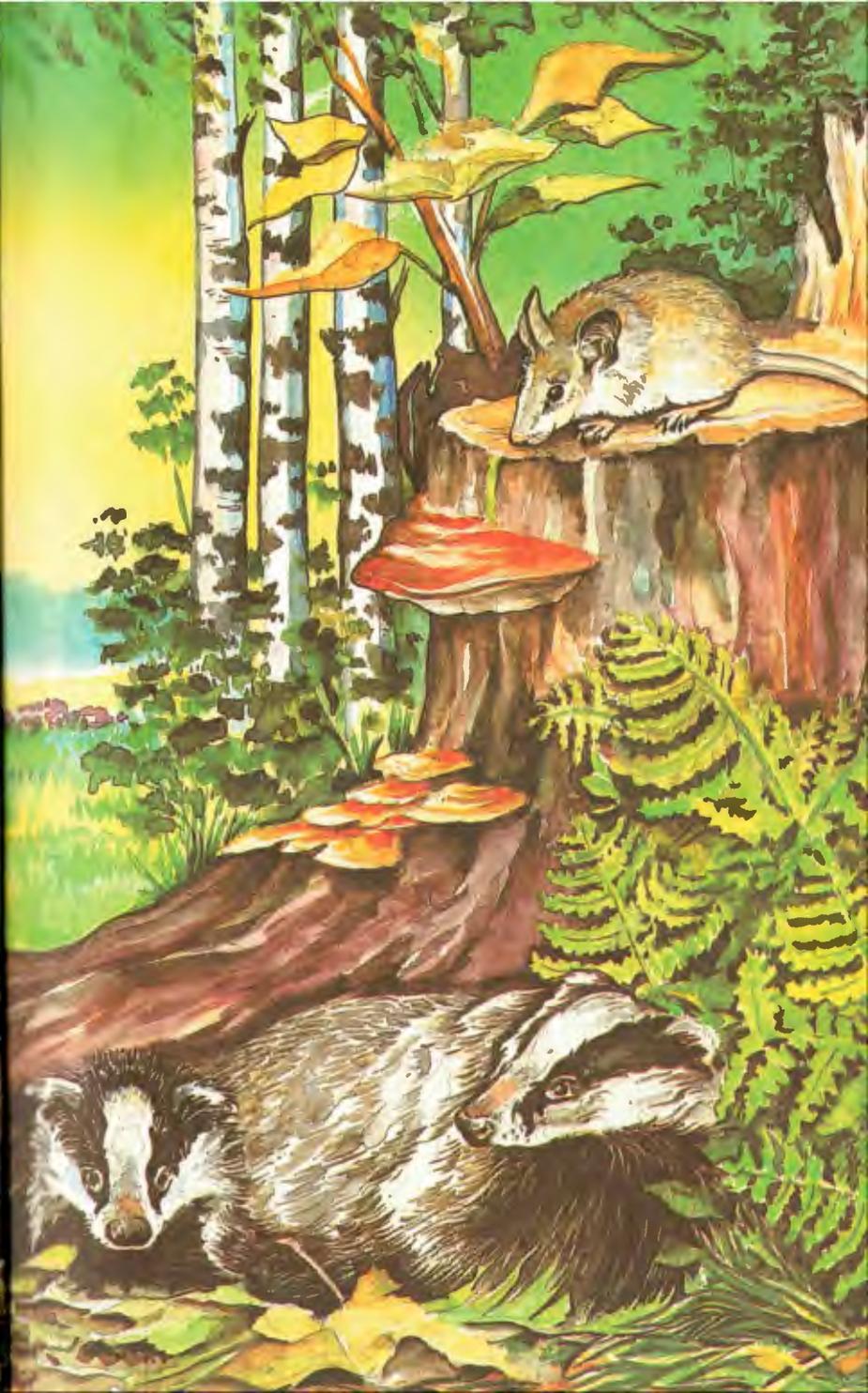

ПАУЛИНА

КИШЕВ

*Мой
тайный мир*

ПАУТИНА
КИДНЕР

ЗЕЛЕНАЯ СЕРНЯ

История
Барсуков

Мой
тайный мир

ПАУТИНА КИДШЕР

Перевод с английского
С. ЛОСЕВА

АРМАДА
Москва
1997

УДК 82-311.8(02)
ББК 84(4)-44я5
К 38

Иллюстрации
А. В. Ермакова

ISBN 5-7632-0582-0

© Перевод, Лосев С. С., 1997
© Сост., художественное оформление,
АРМАДА, 1997
© Иллюстрации, Ермаков А. В., 1997

История Бабушки

Paulina Kidner
LIFE WITH BLUEBELL
Copyright © Pauline Kidner 1993

*Публикуется с разрешения Robinson Publishing
и представителя издательства Александра Корженевского (Россия)*

С ЛЮБОВЬЮ ПОСВЯЩАЮ трем мужчинам, на которых держится наш дом, — моему мужу Дереку и двум маленьким сыновьям — Дэниелу и Симону, не ведавшим босоногого детства (потому что лисята и барсучата очень любят кусать за пальцы) и даже в столовую вынужденным ходить в высоких сапогах. Они с готовностью брали на себя заботу о моих питомцах, когда мне случалось отлучаться из дому, и всегда охотно предлагали помощь, когда одной моей пары рук явно не хватало. ИСКРЕННО БЛАГОДАРЮ ЗА ВСЕ, ЧТО ВЫ ДЛЯ МЕНЯ ДЕЛАЛИ!

Автор

ПРЕДИСЛОВИЕ

Немало на свете таких людей, которые думают, будто ухаживать за осиротевшими и попавшими в беду дикими зверюшками — сушье пустяки: мол, накормишь, напоишь, а дальше хоть целый день бей баклуши. Советую всем, кто придерживается подобного мнения, прочитать эту книгу и еще раз задуматься: сколько же для такого занятия нужно сил, заботливости, самоотверженности, не говоря уже о чувстве юмора и готовности посвятить этому делу всю жизнь! Позвольте же представить вам чету Киднер — Паулину и Дерек, наделенных вышеперечисленными добродетелями, не побоюсь сказать, с избытком.

Наша первая встреча состоялась, когда мне потребовалось заснять молодого барсука, выискивающего личинок в полый коряге. Прослышав, что у четы Киднер на ферме в Сомерсете живет молодая барсучиха по кличке Блюбелл (что значит Колокольчик), которую они подобрали осиротевшим детенышем, я немедленно позвонил туда. День-два работы — и один из задних дворов фермы превратился в подобие нехоженого лиственного леса. И вот я лежу плашмя на земле, вожусь со своими колдовскими штуками, а тем временем не в меру любопытная барсучиха принимает к моим ушам: уж там-то точно скрываются самые вкусные личинки! Пока я снимал, Паулина беспрестанно носилась туда-сюда, то подтирая лужицы за лисятами и детенышами норки, то кормя белок, черепах, хрюшек, цыплят, умудряясь при этом угощать нас кофе с домашним печеньем и сохраняя безмятежное спокойствие и дружелюбие, будто вертеться как белка в колесе для нее в порядке вещей.

Впоследствии Дерек и Паулина еще не раз выручали меня, и я, как никто другой, понял, что такая суматошная жизнь для этой четы и в самом деле в порядке вещей и только бесконечная преданность животным позволяет им, несмотря на все, оставаться дружелюбными и приветливыми. А впрочем, главный секрет обаяния Паулины заключается, по-моему, в неистребимом чувстве юмора, которое пронизывает всю ее личность. Благодаря этому она легче переносит трагедии осиротевших и покалеченных зверюшек; их горести и напасти быстро излечиваются теплом ее ласковых, добрых рук. Иной раз досадно даже: зачем я не барсучонок или не детеныш косули? Мне было бы так хорошо и уютно на гостеприимной ферме заботливой Паулины!

Только вот какая штука: прокорм животных, ветеринарное обслуживание, отопление и изготовление клеток и загонов для многочисленных обездоленных созданий влетает Паулине в копейчку. Большая часть «черновой» работы, которая делается на ферме, скрыта от глаз публики и проводится исключительно на средства, заработанные хозяевами. Увы, этого не хватает на содержание всей многоголосой оравы, численность которой к тому же постоянно возрастает, — бюджет четы Киднер напряжен так, что вот-вот лопнет! Но упорство духа, присущее Паулине, привело к созданию «Общества Блюбелл». Вступайте в это общество покровительства животным, и вы проникнетесь гордостью от сознания того, что внесли свой вклад в дело сохранения дикой фауны. А если будет возмож-

ность и желание побывать на ферме Нью-Роуд, вас примут как почетных гостей, со всеми вытекающими отсюда приятными последствиями. Подробности об условиях вступления в «Общество Блюбелл» смотрите на последней странице данной книги.

Симон КИНГ

Симон Кинг снимает фильмы о жизни дикой природы вот уже более тринадцати лет. В частности, он снял фильмы «Прогулка по дикой стороне» («Walk on the Wild Side») для Би-би-си-1 и «Следы» («Tracks») для Би-би-си-2. Он также работал над фильмом «Испытания жизни» («Trials of Life») для Би-би-си-1. В 1994 г. вышла его книга «Путеводитель по дикой природе, или Как наблюдать за дикими животными в Британии».

Глава первая

**ФЕРМА НЬЮ-РОУД,
ИЛИ КАК ВСЕ ЭТО НАЧИНАЛОСЬ**

«ФЕРМЕРУ С ТРЕМЯ ДЕТЬМИ СРОЧНО ТРЕБУЕТСЯ ПОМОЩНИЦА ДЛЯ РАБОТЫ НА НЕБОЛЬШОЙ МОЛОЧНОЙ ФЕРМЕ. ЖЕЛАТЕЛЬНО — УМЕЮЩАЯ ВОДИТЬ МАШИНУ. ОБРАЩАТЬСЯ: П/Я 418».

Вот так выглядело объявление, которое позвало меня в дорогу. Накануне я переговорила по телефону с подавшим его фермером, договорилась о встрече на следующий день и теперь, темным ноябрьским вечером 1977 года, ехала по глухим уголкам Сомерсета. Мой собственный брак распался, и я, временно проживая с родителями, искала заработка: ведь у меня на руках остались двухлетний сын и шестилетний красный сеттер. Сельская жизнь не была мне в новинку: после окончания школы я два года работала дояркой, и мне — не считите это за хвастовство — нравилось доить целое стадо джерсийских и гернсийских коров да еще присматривать за вкочущей оравой несушек, потомство которых плодилось не

по дням, а по часам. Смешно, ей-богу, что я и моя сестра пошли на ферму — весьма экстравагантно со стороны дочерей полицейского, лишенных каких бы то ни было деревенских корней!

Я вкатила в ворота старой, выдавшей виды фермерской усадьбы, и свет фар заблестел в многочисленных лужах. Встревоченный моим вторжением, на меня накинулся с лаем невообразимо грязный такс. Но вот в дверном проеме вспыхнула полоса света, и мне навстречу вышел Дерек. Он полюбился мне с первого же взгляда — высокий, темно-русый, с улыбающимися глазами, смягчавшими его бородатую физиономию. Подхватив на руки псину, я вошла на кухню, где стояла старая печь «Рейберн», от которой струилось тепло (как я выяснила впоследствии, кухня была единственным теплым помещением во всем доме, насчитывавшем восемь спален). Детишки играли в лото в гостиной, перед гудящим камином, нещадно и бесполезно поглощавшим полешки, а мы с Дерекком сидели в кухне за чашкой кофе и расспрашивали друг друга о житье-бытье. Оказывается, супруга Дерека ушла к другому, оставив на руках бывшего мужа ферму и троих детей — четырех, семи и восьми лет, так что не нужно объяснять, как отчаянно нуждался он в помощи. Дерек с детьми жил на этой ферме всего шесть месяцев; прежде здесь жили его родители, перебравшиеся в небольшой дом по соседству. Наказав мне не снимать куртку (!), Дерек повел меня на экскурсию по остальным комнатам, в большинстве из которых никто не жил. Полагаю, любого нормального человека вывели бы из себя осыпающаяся штукатурка и ободранные обои; но я уже так настроилась на получение этого места, что мое сознание не думало бунтовать. А главное, думала я, потребуются всего несколько мелочей, чтобы сделать это запущенное жилище куда более уютным — ну хотя бы абажур для лампочки, одиноко висящей на кухне! Да и Дерек понравился мне с первого взгляда — простите, что повторяюсь (позже он скажет — больше всего его тронуло то, что я взяла на руки замызганную собачонку, хотя была одета в роскошную куртку кремового цвета).

Мы еще немного поболтали на кухне и вдоволь посмеялись над досадными недоразумениями, возникшими в ходе вчерашнего телефонного разговора, — так, до него сразу не дошло, что «огненно-рыжая девчонка», о которой я вела речь, это вовсе не дочка, а красный сеттер по кличке Шина.

— Ну, а как насчет рекомендаций? — спросила я.

— Насчет рекомендаций... Хм... Если ты так настаиваешь, я, пожалуй, представлю одну.

— Так я же не про то... Я ждала, что ты сам меня об этом попросишь.

Короче, мы удивительно быстро договорились, что я переезжаю к нему на следующей неделе, и в знак этого ударили по рукам. Главное, чтобы наши псы и детишки нашли между собой общий язык, а остальное приложится.

С того момента, как я со всем семейством (и в комплекте с абажуром) переехала к Дереку, дни понеслись будто мгновения. Мой сынишка Симон быстро подружился с младшим сыночком Дерекы Дэниелом, хотя тот старше его на два года, да и характеры у них совершенно несхожи — впрочем, таковыми они остаются и по сей день. Что же касается двух старших детей Дерекы — погодков Келли и Бэрри, — то это были типичные брат и сестра, которым подчас доставляло удовольствие подтрунивать друг над другом; но стоит тебе сказать о ком-то из них что-нибудь нелестное, как брат тут же встанет горой за сестру и наоборот. Ну, а Шина нашла очень забавным Чатни (так звали облаявшего меня и обласканного мною такса), как и он ее. А коль скоро дети и собаки не скандалили и не ссорились (по большей части), а мы с Дерекком с первой же встречи почувствовали, будто прожили вместе много лет, то вскоре мы стали семьей.

А что в этом удивительного? У нас с Дерекком столько общего! Мы оба любим сельский труд и животных. Мы оба остались с продырявленным сердцем после неудавшихся браков, так что каждому из нас особенно ценно, чтобы партнер был еще и добрым другом. В общем, вскоре мы зажили дружной семьей (правда, если уж признаться честно, дом так и остался холодным: одним теплом любящих сердец его не натопишь), но прошло несколько лет, прежде чем мы официально оформили наши отношения, — это произошло в 1981 году. О детях я еще расскажу в свой черед; забегая вперед, замечу, что мое прибытие внесло в их жизнь кардинальные перемены: во-первых, были введены в употребление водяные грелки, а во-вторых, к их рациону добавилось арахисовое масло; и тем и другим юное поколение осталось весьма довольно.

Приближавшиеся рождественские праздники принесли с собой приятные хлопоты по выбору подарков и приготовлению — впервые в нашей совместной жизни — всех подходящих по сему случаю вещей. Мы дружно клеили елочные гирлянды, делали игрушки, покупали подарки и тщательно упа-

ковывали их в четыре чулка — по числу теперь уже общих детей. Столько всего успели за короткое время! Кстати, это было первое Рождество, когда родители Дерекы не жили на ферме, а в прошлые годы к рождественскому ужину всегда приезжала сестра Дерекы Розмари с семьей. Мы решили — пусть эта традиция сохранится и в наступающее Рождество, и в последующие годы.

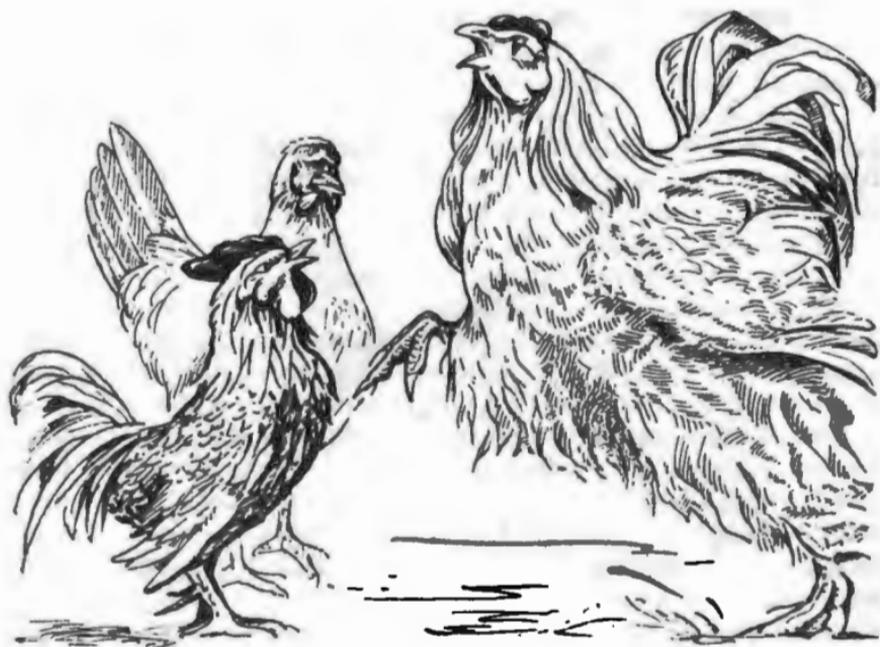
Киднеры-старшие были простыми деревенскими людьми, вели бесхитростный образ жизни и кормились тем, что давала им земля. Более милой четы мне никогда прежде встречать не доводилось. С момента нашего знакомства они отнеслись ко мне как к родной дочери, а к Симоше — как к внуку. Прежде почтенный Киднер много и охотно помогал Дереку, но под старость силы стали уже не те, и, естественно, столько трудиться на ферме, сколько прежде, он уже не мог. Он быстро утвердился во мнении, что я — такая, как надо, особенно когда застал меня за посадкой лука: по-видимому, это занятие пользовалось в округе особым почетом. Кстати, и сама фамилия Киднер происходит от названия здешней местности, и я с уверенностью могу сказать, что всякий носящий такую фамилию приходится нам в той или иной степени родственником. Хотя одна из ветвей семейства перебралась в Норфолк, оставшаяся здесь ветвь тоже весьма представительна — я и теперь, будучи столько лет замужем за Дерекком, нахожу все новых и новых людей с такой фамилией.

За рождественскими празднествами последовал новогодний снегопад, какого не видали уже много лет. В течение двух дней наша дорога была полностью закрыта для проезда; после этого стоило немалых усилий укатать ее трактором, чтобы можно было безопасно ездить. Зимой эта часть Сомерсет-Левелс выглядит еще наряднее, чем в другие времена года, — земля укуталась белым ватным одеялом, длинные тонкие лозы ив, стоящих, словно часовые, по берегам протоков, разделяющих наши поля, украсили хрустальные гирлянды сосулек. Кое-где намело сугробы высотой в пять-шесть футов — какое раздолье детишкам! Хочешь — катайся на салазках сколько душе угодно, а хочешь — лепи снежную бабу! Однако об этих приятностях зимы как-то забываешь, когда, ложась спать, заворачиваешься в шубу или когда тянешь застывшие ступни и кончик носа к камину, жадно поглощающему поленья и все равно не спасающему от сквозняков. В положенный срок метели сменились оттепелью; всякому, кто живет в старом доме со свинцовыми дренажными трубами, ведомы последствия этого. Вода во дворе стоит на уровне нескольких дюймов,

хоть покупай лодку и учись грести! Когда же, пошлепав по воде, доберешься до дома, думаешь: как хорошо, что полкаменный, так легко протереть его шваброй.

С нами на ферме жила кошка Сьюзи (когда впоследствии определили, что это кот, имя пришлось сократить до Сью), которую не пускали в дом, и если ей каким-то образом удавалось пробраться, то на нее кричали, шикали, а то и прогоняли метлой. С наступлением же невиданных доселе холодов кошку, естественно, потянуло к домашнему теплу, как никогда прежде, и мой маленький Симоша никак не мог взять в толк, почему ее не пускают — у нас-то животные входили в дом свободно! Согласитесь, если тебе от роду всего два года, крайне трудно взять на руки кошку, которая почти с тебя ростом, и мой Симоша делал так: брал киску «под мышки» передних лап, а задними она уже сама шагала к печке, после чего победно устраивалась на самом теплом местечке, а мальчонка пугливо озирался, ожидая наказания. Впрочем, коренные обитатели фермы быстро примирились с тем, что порядки в их доме изменились, и Сьюзи стала привычным предметом кухонного интерьера; блаженно вытянувшись на полу, она напоминала полосатый коврик. Нам даже удалось убедить Дерека, что неплохо бы обзавестись еще парой зверей-мышеловов, хотя бы на тех условиях, что проживать они будут вне дома. Так у нас появились Блэки — черный, словно уголь, и Бекки — милая киска цвета панциря черепахи. Они и в самом деле определились на жительство во дворе, но по мере приближения зимних холодов стали все настойчивее проситься в дом — кошки ведь отнюдь не глупые животные. Блэки стал любимцем Дерека и впоследствии был одним из немногих животных, по которому Дерек лил слезы, когда он умер. Ну а Бекки прожила с нами много лет.

С новой весной в саду начала энергично пробиваться зелень, и оказалось, я даже не представляла, какое здесь многообразие растений. Сад у нас был большой, частично обнесенный каменной стеной; беда заключалась только в том, что разбит он был на глинистой почве и обращен на восток. В то время у нас был также большой огород, которого теперь нет. Я люблю находиться на воздухе и все больше втягивалась в хлопоты по ферме, особенно по мере того, как доля участия почтенного Киднера-старшего сокращалась. Чтобы за садом было легче ухаживать, на большей части территории мы посеяли газон и посадили цветы, и мне доставляло наслаждение разбивать и приводить в порядок клумбы. Зато надулся — мол, охота с ними возиться! — сын Дерека Бэрри, копия

своего досточтимого дедушки. Тому нравилось все подстригать и обрезать. У миссис Киднер было в саду любимое дерево, но ее благоверный, решив, что оно слишком высоко, укоротил его. С тех пор оно ни разу не цвело.

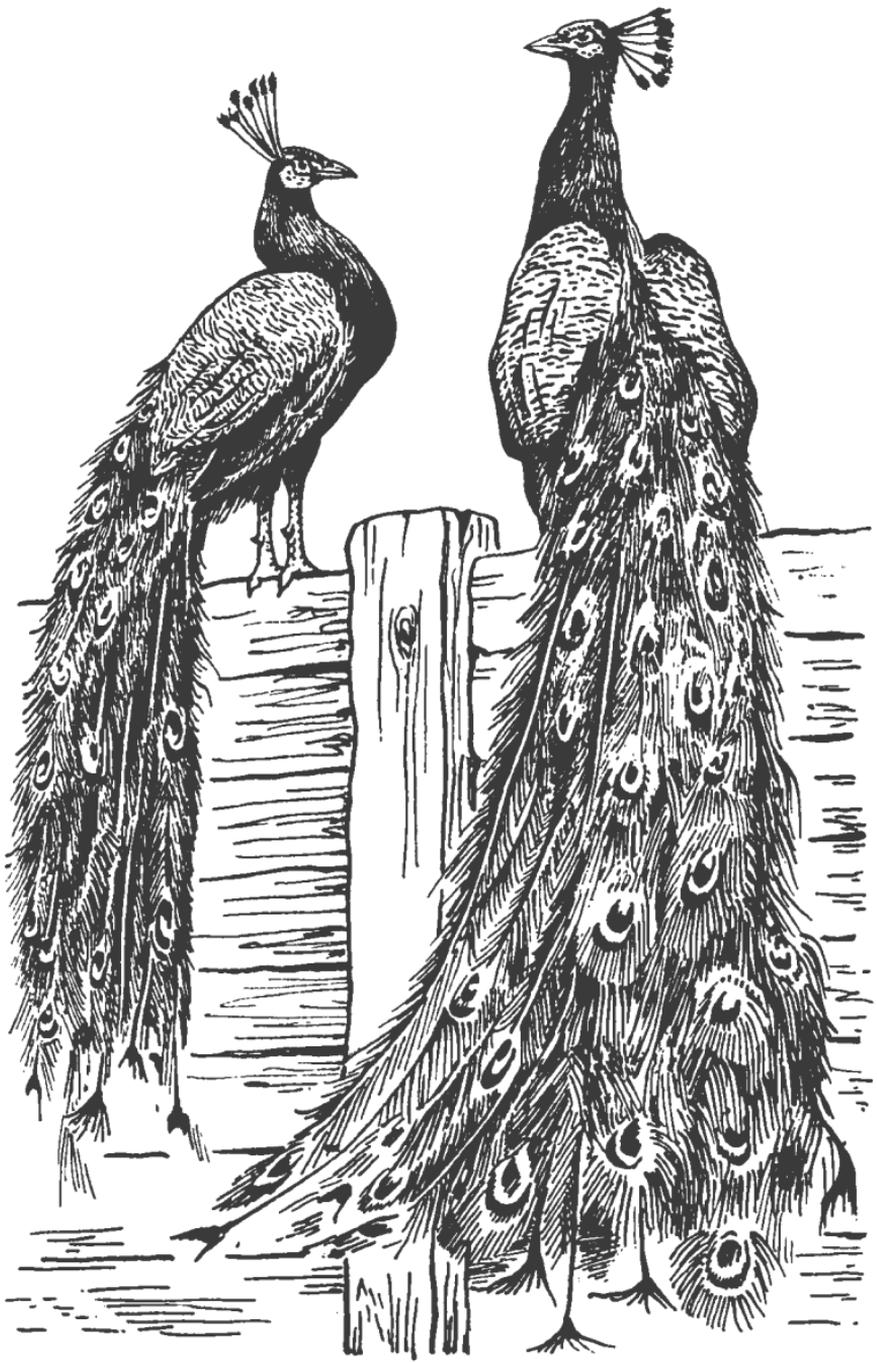
Когда весенняя прохлада сменилась летней жарой, работу в саду мы стали все чаще откладывать на вечер, а днем мало-помалу занимались украшением нашего дома. Дерек дрожал от страха, когда я произносила, словно заклинание, фразу «Я думаю, что...», да и теперь боится ее как огня, поскольку это заклинание всегда предвещало новый виток работ. Скажем, есть у нас превосходный курятник, который только чуть подправить да подкрасить; но что в нем толку, если он стоит пустой? Купим кур да разведем цыплят! Сказано — сделано, и вот уже два десятка бурых хохлаток наперегонки несутся, подобрав перышки, когда я зову их обедать. Квочки сделались нашим хобби, которое переросло в навязчивую идею.

Увлекало уже одно то, что на свете бесчисленное множество видов кур и прочей домашней птицы. «Кудрявые» куры с оперением, как бы зачесанным назад; польские с большими помпончиками на голове; «шелковые», состоящие почти из одного пуха — у них перышки только на крыльях. Всякий раз, когда мы покупали пару того или другого вида, мы неизменно замечали другие виды, которые нам нравились. В итоге за

несколько лет нам удалось собрать коллекцию из сорока различных видов домашней птицы, в которую входили не только куры, но и гуси, и утки, и даже павлины.

Первую пару павлинов мы купили у местного фермера, причем Дерек никогда раньше не видел таких крупных птиц. Вооружившись мешком, чтобы посадить туда отловленных павлинов, он попросил фермера показать, как их надо отлавливать. Надо сказать, что взрослых птиц нельзя ловить за хвост: павлин вырвется, хвост останется у тебя в руке, и придется заплатить за всю птицу, которую ты лишил главного украшения. «Как их ловить? Нет ничего проще! — заверил нас старик фермер с обветренным лицом и повел куда-то по грязному закоулку. — Вон они у меня там, в старом цыплятнике», — сказал он, показывая на крохотный сарайчик шести футов в длину, четырех в ширину. Дерек думал, что фермер из вежливости пропускает его вперед; но, судя по тому, как быстро захлопнул дверь, он понял, что это из практических соображений — помешкаешь с дверью, удерут еще! «Ну, теперь смотри, как это делается», — раздался изнутри голос фермера, за которым последовал такой душераздирающий крик павлина, какой даже трудно себе вообразить. Изо всех щелей дышавшего на ладан сарайчика повалили клубы пыли — удивительно, как еще стены не рухнули! Впрочем, вскоре дверь отворилась, и оттуда вылез изрядно помятый, но торжествующий Дерек, держа в руках мешок с двумя пойманными птицами. Судя по его внешнему виду, можно было подумать, что он только что с честью вышел из рыцарского поединка.

Самым забавным в деле составления коллекции домашней птицы были, пожалуй, не столько сами странствия по далеким и неизвестным уголкам, сколько разнообразные колоритнейшие характеры, которые можно встретить везде, куда бы ни заехал. А уж хитростей, как разводить, кормить и лечить птицу, мы вывели столько, сколько не вычитали бы ни в одной ученой книге. Мы побывали во многих местах, и повсюду люди, посвятившие жизнь разведению того или иного вида животных, всегда по первой просьбе охотно приходят на помощь и делятся секретами мастерства, на раскрытие которых они порою затрачивали годы. (Впрочем, отдельные мелочи ты открываешь и сам — скажем, если по весне ты приобретаешь павлинов, то стоит пустить их в огород, как они тут же устроят гонку, кто первым доберется до грядок с цветной капустой; ну а если по недосмотру дорвутся до клумб, полных садовой желтофиоли, там уж точно останутся одни ряды безжизненных стеблей. Но это я так, к слову.)

Полку домашних пернатых все прибывало, и, естественно, когда мы с Дерексом решили поехать отдохнуть, возникла проблема, на кого оставить всю эту кудахтающую и крякающую ораву. Мои родители, жившие неподалеку, любили садовничать, а папочка и вовсе был мастер на все руки, так что, навешая нас, они по мере сил помогали на ферме. Когда в 1980 году, решив устроить себе каникулы, мы с невинным видом попросили моих стариков приглядеть за фермой, они с готовностью согласились. Если бы они представляли, какую ношу на себя взваливают! Одних только птичников с разнообразными породами пернатых насчитывалось двадцать семь; все их полагалось закрывать на ночь. Но самое главное заключалось в том, что наши питомцы привыкли к определенному распорядку, и если он будет нарушен, то хлопот потом не оберешься — это, как говорят у нас в Англии, все равно что опрокинуть тележку с яблоками. Наши инструкции выглядели так: «Сначала прогоните гусей через сад и запирайте в гусятнике (№ 15) и только после этого загоняйте уток в утятник (№ 7), а то гуси будут гоняться за ними. Утки с хохолками помещаются в утятнике № 6; но придержите Сида (бурую утку со свисающими помпончиками), потому что, если впустить его первым, он просто не даст войти остальным». И так далее, четыре мелко исписанных листа стандартной бумаги да плюс цветные планы с указанием дислокации и нумерации домиков — «для облегчения выполнения задачи». Удивительно, как это моя мама умудрилась не поседеть ко времени нашего возвращения.

Перед самым отъездом обнаружилось, что две мускусные утки отложили яйца в домике, где мы готовили сидр. Первая устроилась позади большой тракторной шины (и, пожалуй, могла бы стать добычей лисицы), а вторая выбрала более безопасное место, обосновавшись на чердаке. У каждой из них было по восемнадцать яиц. Мы не могли сказать с уверенностью, когда они отложили яйца, но надеялись, что ко времени нашего возвращения они успеют высидеть утят. Показывая маме домик, где мы готовили сидр, я убедила ее не слишком волноваться за утку, обосновавшуюся на чердаке: она каждый день будет слетать вниз за кормом и водой.

И вот наконец машина, нагруженная всяческой поклажей, со скрипом выехала за ворота фермы. Детишки взволнованно замахали руками на прощание родителям, старавшимся изобразить бодрую мину на лице: я знала, что кто-то из них сейчас пойдет доить коров, а кто-то — заниматься другим делом, одним из тысячи.

Благополучно доехав до места и распаковав багаж, я дождалась вечера и позвонила родителям, чтобы удостовериться, все ли в порядке. К телефону подошла мама — я слышала, как ее голос дрожал от возбуждения. Все нормально, мол, все пернатые загнаны в домики и надежно заперты. Может быть, не все размещены точно по своим жилищам, но на улице не остался никто. Я мысленно представила себе, как мои старики, вооруженные огромными сачками для бабочек, носятся туда-сюда по саду, отлавливая всех, кто на двух ногах!.. Уже после нашего возвращения мама заверила меня, что проделывать это раз от разу становилось все легче — сперва кажется хлопотно, а потом привыкаешь. Но как выяснилось, главной причиной ее тревог стала мускусная утка, устроившая себе гнездышко за тракторной шиной: на четвертый день после нашего отъезда она вывела восемнадцать ярко-желтых утят, а мама не хотела сообщать мне об этом по телефону, чтобы я не волновалась. Когда на следующий вечер мама отправилась посмотреть на многочисленное семейство, ее ждал неприятный сюрприз: утят было всего пятнадцать. Их число уменьшалось с каждым вечером, так что ко времени нашего возвращения их осталось только девять. Мама корила себя — нужно было покрепче запирать дверь да получше приглядывать за птенцами! Мы как могли утешили ее, сказав, что все это пустяки, и пошли навестить утку, устроившуюся на чердаке. И что же? Вот те на! У той не восемнадцать птенцов, а двадцать семь! Оказывается, любвеобильная мамаша попросту таскала детей у своей товарки, жившей за тракторной шиной. Как она затаскивала их на чердак, для нас так и осталось загадкой.

Тем не менее наше огромное пернатое хозяйство большого дохода не давало, и прокормить семью становилось все труднее. Как раз в это время британское правительство вводило меры по поощрению фермеров, выращивающих молочный скот, в надежде, что Британия сможет полностью обеспечить себя молочными продуктами. Мелким фермерам предлагались гранты, стимулирующие увеличение поголовья молочного скота. Дерек обратился в местную Консультативную группу по сельскому хозяйству и после продолжительных расспросов решил взять в банке ссуду на четыре года (согласно предложенной правительством схеме) на ремонт наших фермерских построек и на приобретение двадцати пяти фризских коров в дополнение к двадцати пяти уже имевшимся. Конечно, хлопоты наши сильно увеличивались, но мы пошли на это — мы были преданны ферме и не мыслили свою жизнь без нее. Дерек,

конечно, нанял рабочих для починки хозяйственных построек, но большую часть строительных работ он выполнил сам.

Между тем снова надвинулась зима, а с нею и новые заботы: коровы, которые мирно пасутся в теплое время года, теперь стоят в стойлах — их нужно кормить, за ними нужно убирать. В это время года всегда все идет наперекосяк. Однажды в пятницу, ближе к вечеру, Дерек закончил дойку, и мы уже собирались уезжать, как вдруг заметили, что животные ведут себя беспокойно. Уж не к несчастью ли? — не на шутку встревожились мы, полагая, что такое поведение животных предвещает чью-то болезнь, а то и смерть. У нас была телка на сносях — ее решили не отделять от основного стада, пока не придет время телиться. Увидев, что ворота во двор открыты, она вышла наружу и поплелась к сенному сараю. Дерек помчался за мной, чтобы вместе загнать ее назад; когда мы вернулись, она шествовала по узкой тропке, отделявшей сарай от четырехфутовой кирпичной стены, а позади сарая была глубокая яма для цемента. Дерек вскочил на стену и принялся прыгать и кричать, рассчитывая повернуть ее обратно; но, к несчастью, она не обращала на него ни малейшего внимания и продолжала двигаться вперед, словно заводной бычок. Тут я с ужасом увидела, как телка кинулась на моего супруга и тот упал, исчезнув из вида; мне даже померещилось, что кирпичная стена колышется. На миг, показавшийся мне целой вечностью, воцарилась тишина. Когда я подбежала к Дереку, он уже поднялся на ноги, но было видно, что у него повреждено плечо. Пытаясь перевести дыхание, он ошалело взирал на то, как телка, дойдя до конца сарая, развернулась на сто восемьдесят градусов и так же невозмутимо двинулась назад, будто желала посмотреть, что же такое случилось с ее противником. Кое-как загнав ее во двор, я впихнула Дерек в машину и помчалась в больницу выяснить, сколь серьезные полученные им травмы.

В травмпункте, как и следовало ожидать, была большая очередь. Чтобы скоротать время, пока нас вызовут, мы решили выпить по чашечке кофе. Врач-травматолог оказался симпатичным восточным джентльменом, не понимавшим ни бе ни ме по-английски — нам стоило огромного труда растолковать ему, как именно произошел несчастный случай. Когда мы вернулись из рентгеновского кабинета, наше доверие к нему было поколеблено еще больше — мы увидели, что он с медсестрой сравнивают снимок с фотографией в учебнике анатомии. Впрочем, врач вселил в нас надежду, что с плечом ничего серьезного не случилось (дай-то Бог!), но он по-преж-

нему не был уверен, осталась ли целой ключица. Поэтому он посоветовал на всякий случай взять правую руку на перевязь и вернуться на дообследование в понедельник.

Когда правая рука остается не у дел, сразу понимаешь, каким ты становишься беспомощным. Еда, мытье, одевание и прочие рутинные вещи требуют теперь настоящего искусства. А мне-то какво? Возись с ним, как с малым ребенком: то нарежь ему мяса в тарелке, то лови за шиворот, удерживая от падения после неудачной попытки натянуть штаны... Все это было бы, может, и забавно, если не знать, что каждое движение причиняет ему боль. Даже пользование туалетной бумагой и то сделалось затруднительным.

В понедельник я снова отвезла Дерек в больницу, где его обследовал знакомый специалист. К моему изумлению, Дерек вышел из кабинета без перевязи и сообщил, что никаких переломов у него нет, а просто большой синяк.

— Так что же у тебя тогда болело всю субботу и воскресенье? А не надо было держать руку на перевязи! Была бы рука подвижной, синяк быстро прошел бы!

Только не думайте, что я это пишу из желания посмеяться над бедолагой Дерек, — ситуации, в которые попадала я, порой оказывались куда комичнее! Вы бы видели, как я еду задом наперед верхом на огромной неоседланной свинье с кислой миной на лице и со скоростью тридцать — сорок миль в час! А дело было так: мы с Дерек выгоняли хрюшку в поле, а та, вместо того чтобы обогнуть меня, возьми да и проскочи у меня между ног! Мне, естественно, ничего не оставалось, как схватиться покрепче за ее могучую спину... Каким образом Дерек умудрился сохранить невозмутимую мину, мне остается только гадать. Хорошо еще, рядом не оказалось ни одного человека с фотоаппаратом — ей-богу, этот кадр обошел бы весь мир!

Но есть одна персона, которая уж точно пожалела бы, что не оказалась в такой момент на нашей ферме с фотоаппаратом. Это моя закадычная подруга Шина. Мы познакомились много лет назад, когда вместе служили за столиком администратора в гостинице, а позже несколько лет подряд держали небольшой бар. Теперь, когда мы встречаемся, нам доставляет истинное наслаждение подтрунивать друг над другом, вспоминая, какими забавными глупостями мы занимались в прошлом. А впрочем, не так уж важно, сколько лет длится наша дружба, — важно, что с первой встречи мы нашли общий язык. (Я не буду сейчас забегать вперед и рассказывать о своем красном сеттере, которого назвала в ее честь, — как-нибудь потом!)

Шина по-прежнему служит в гостинице — она теперь координатор конференций; часто наезжает к нам на ферму и подолгу гостит у нас. К сожалению, в ней нет жилки сельской труженицы, но в критические моменты она не раз помогала нам, хотя не всегда охотно. Так, приехав однажды на ферму на уик-энд, она как раз попала на отел коровы и тянула конец веревки со всей нашей дружной компанией, правда крепко зажмурилась при этом глаза. А что тут удивительного? Она оказалась в такой близости к таинствам природы, как никогда прежде, и ей не хотелось подступаться к ним еще ближе.

Был и другой случай. Возвращаясь с прогулки, мы решили посмотреть, как там наше стадо коз, и обнаружили, что одна из них запуталась в кустах ежевики. Она принадлежала к той английской породе, с которыми легче возиться — из-за их рогов: если такую козу нужно куда-то направить, хватай смело за рога и тащи. Мы, конечно, вызволили пленницу из живой изгороди, но при этом несколько колючих веток все же запуталось в шерсти. «Подержи-ка ее за рога, — попросила я Шину, — я вытащу колючки». Когда привыкаешь работать с животными, кажется, что и другим с ними будет так же легко, как и тебе. Шина мертвой хваткой схватила козу за рога, а та, почувствовав, что за шкуру ее уже ничто не держит, решила освободиться и от последнего препятствия — рванула во всю свою козью силу и потащила Шину по густой траве, мокрой от холодной ноябрьской росы. Шина безуспешно пыталась нащупать точку опоры — ее ноги в высоких сапогах беспомощно волочились по земле. Я и рада была что-нибудь посоветовать, но сама чуть не свалилась в мокрую траву от смеха, глядя, как бедняжка пытается тормозить не только пятками, но и ягодицами... Полагаю, с рогатой бунтаркой удалось справиться в первую очередь потому, что она подустала, но Шина категорически требовала записать всю победу на свой счет. «Посмотри, на что ты похожа! У тебя такой вид, будто тебя саму только что вытащили из колючего кустарника», — только это я и смогла сказать, сияясь подавить безудержный смех.

Отцепить колючки конечно же не составило особого труда, но, увы, дело на этом не кончилось. Коза, у которой открылось второе дыхание, энергично мотнула головой и, словно желая показать, что силы в ней хоть отбавляй, рванулась и оставила в руке Шины рог, который та по-прежнему сжимала мертвой хваткой. Лицо Шины, красное после ужасной гонки, мигом сделалось бледным как полотно, а ноги подкосились точно ватные. Между тем коза, освободившись и от колючек, и от неизвестно зачем приставших к ней глупых женщин, преспо-

койно отправилась пастись, ничуть не сожалея о потерянном роге. Она с явным интересом наблюдала, как я веду едва переступающую ногами подругу назад к усадьбе, где нас ждут чашечка бодрящего кофе и глоток животворного бренди.

Когда Шина приезжала к нам на ферму погостить, ей доставляло особое удовольствие съездить с Дерекком в ближайшую деревню и пообщаться с местными жителями. Особенно любила она наведываться в те дни, когда мы варили сыр, потому что одновременно делалось большое количество сидра. Тогда Дерек поднанимал нескольких сельчан поработать пару-тройку часов, а расплачивался свежеприготовленной пьянящей натурой. Тех, кто приезжал на велосипедах и, следовательно, имел шанс добраться до дому, приглашали пропустить стаканчик-другой сидра. В тот раз, когда Шина впервые приехала к нам, сидра у нас пока еще не водилось, зато на ферме дядюшки Джо, старинного приятеля Дерекка, его было хоть залейся, и когда два закадычных дружка сходились поболтать да помянуть былые дни, сей лучезарный напиток лился не стаканами, а кувшинами. Дядюшка Джо был убежденный холостяк, и на его ферме ничего не менялось годами. Неподалеку от усадьбы дядюшки Джо Дерек выпасал небольшое стадо скота и, решив посмотреть, как оно там, а заодно проведать своего дружка, взял с собой Шину. Дядюшка Джо был занят починкой ограды, но, увидев Дерекка, да еще в компании с такой очаровательной особой, на радостях немедленно оставил все труды и накинулся на гостя с расспросами, как дела у его домочадцев и на ферме. Тут объявились еще два приятеля дядюшки Джо — за приглашением пропустить по стаканчику сидра дело не стало, и вся компания дружно зашагала к сараю, где он хранился. Между фермерами тут же завязался спор, чьи коровы больше, а сено лучше. Стаканы, из которых пили сидр, всегда стояли на одной полке в сарае, но никогда не мылись. «Пардон, с нами дама!» — заметил один из парней. Он вытащил из кармана давно не стиранный носовой платок, смачно поплевал на него и, протерев до блеска один из стаканов, галантно подал его Шине. «Ерунда! — не раз замечала она впоследствии. — Сидр у них до того крепок, что поубивает всех микробов на свете!»

Пропустив стаканчик, Шина два часа с наслаждением слушала байки и житейские истории, которые наперебой травили четверо мужчин. Больше всего запомнился ей случай, как они, возвращаясь за полночь с состязания по игре в кегли (где сильно нализались), зашли в гости к своему приятелю и устроили у него на кухне... петушиный бой! Кончилось тем, что

жена бедолаги вскочила с постели и вымела из кухни дерущихся петухов заодно со зрителями. Стоная от смеха, Дерек и Шина отправились посмотреть, как там стадо. Судя по всему, здешние нравы пришлись Шине по вкусу, раз она по-прежнему к нам приезжает.

К несчастью, на следующий год дядюшка Джо погиб из-за несчастного случая. Вообще-то он всегда был осторожен за рулем трактора, но на сей раз, желая выкорчевать могучий пень, слишком высоко привязал к трактору канат. Рывок — трактор перевернулся, и беднягу придавило. Сельчане, которые так любили его, мигом осознали, какая понесена потеря, — внезапно и навсегда оборвалась еще одна ниточка, тянувшаяся к давно минувшим дням. Впрочем, этот случай послужил нам хорошим уроком — с механизмами, как бы ты хорошо ни ладил с ними, фамильярничать нечего, тем более когда вокруг бегают дети!

Между тем британское правительство по-прежнему проводило в жизнь план поддержки фермеров, выращивающих молочный скот, так что мы сохраняли у себя всех телок, которых выпускали в стадо по достижении ими трех лет, когда они уже могли сами приносить потомство. Тем не менее цены на корма стояли высокие, так что затраты на увеличение поголовья съедали всю прибыль от надаиваемого молока. К тому же банки, у которых дела шли не очень-то успешно, бессовестно взвинтили проценты по ссудам. В общем, получалось, что чем тяжелее груз работы на наших плечах, тем меньше денег, а тут еще заболел отец Дерек и не мог больше помогать нам на ферме. Чтобы как-то выкручиваться, приходилось трудиться от зари до зари.

Что нас больше всего выручало в эти напряженные дни, так это чувство юмора и понимание друг друга с первого слова. У нас не было свободных денег, чтобы нанять еще кого-то, но, к счастью, в это время британское правительство развернуло программу трудоустройства молодежи, и мы смогли нанять молодого парня. Кивин — так его звали — пробыл с нами шесть месяцев, и работа горела в его руках. Потом мы поднаняли еще нескольких парней и одну девушку, что было благом для обеих сторон: они набирались опыта, а мы получили лишние рабочие руки на льготных условиях. Позже все они благополучно устроились на разные постоянные места, что и являлось конечной целью программы.

Больше всего Кивин любил копать землю. Только дай ему в руки лопату, покажи направление — и он, радуясь, словно ребенок, будет часа два трудиться не покладая рук! Правда,

именно благодаря его старательности мы остались в тот год без урожая картофеля и бобов. Он так глубоко закопал семена, что те, очевидно, решили: наши ростки все равно никогда не увидят света, зачем же тогда расти? Пришлось ждать долгие недели, если не месяцы, пока они пробьются.

Что бы там ни говорили, а все же тот период времени оставил немало приятных воспоминаний. Детишки подрастали и требовали все меньше забот. Нелегкий труд в саду принес зримые результаты, а в запущенном некогда жилище появился какой-никакой уют. Почти все комнаты были обжиты, и у каждого ребенка появилась своя.

В 1981 году мы с Дерекком поженились. Свадьбу решили устроить скромно, по-семейному, пригласили только родственников. Теперь мы всем сердцем верили, что наш союз всерьез, и дети очень радовались за нас. Особой возни мы, конечно, не затевали, но мама, как и полагается по такому случаю, купила очень милый свадебный торт и букет прекрасных цветов. Я всегда находила в родителях поддержку — у меня было счастливое детство, мы жили душа в душу. Эта теплота отношений сохранялась и потом, когда я улетела из родительского гнезда. Я очень надеялась, что и мою новую семью ждет такая же счастливая жизнь.

Дни школьных каникул летели словно мгновения: чертенята день-деньской беззаботно качались на качелях и плавали на лодке по пруду. Здесь, на ферме, было такое раздолье детишкам, что в гости к нашим частенько прибегали восемь — десять ребят из соседней деревни.

В свой черед пришла сенокосная пора; мы уходили на весь день в поле, взяв с собой обед, а возвратясь домой под вечер, всласть надышавшись ароматами трав и привезя накошенное за день сено, угощались холодными салатами.

Огромное удовольствие детям — даже Келли — доставляла рыбалка. Граница одного из наших полей проходила по реке Бру, и детишки часто целыми днями торчали на берегу. Однажды решили взять с собой Симона, которому тогда было всего семь лет. Вернувшись под вечер домой, Бэрри рассказал вот что: Симоша целый день учился забрасывать удочку и всякий раз запутывался в леске, а распутывать-то приходилось старшему. В конце концов Бэрри это надоело: «Больше не пойдешь с нами, пока не научишься терпению!» — крикнул он перед сном в дверь его спальни. На следующий день, неся корзину с бельем для стирки, я увидела такую картину: Симоша сидит неподвижно, точно гном, с удочкой у нашего

утиногу пруда, где не водилось не то что рыбы, но, по-моему, даже лягушек.

— Что ты здесь поймаешь? — спросила я.

— Да знаю, что ничего, — ответил он.

— Так чего ты здесь сидишь? — поинтересовалась я, подойдя поближе.

— Я учусь терпению, — серьезным тоном сказал он.

Между тем слава о нас как о хороших птицеводах стала распространяться по всей округе. К нам все чаще обращались за советами, у нас охотно покупали цыплят и яйца на развод. Был даже такой случай — некая сумасбродная леди позвонила мне в полдвенадцатого ночи и сказала: «У моей хохлатки вот-вот вылупятся цыплята, что в таких случаях полагается делать?» Из разговора я поняла, что счастливая хозяйка чуть не каждый час сгоняла наседку с яиц, чтобы поглядеть, как идет процесс, пока наконец в одном из яиц не появилась трещина. Я разъяснила ей как можно более вежливо: оставьте курицу в покое, ложитесь спокойно спать, а результаты увидите наутро. Все, что в таких случаях требуется клуше, дабы она честь по чести исполнила свое дело, — это покой и тишина.

Куры и утки обычно начинают откладывать яйца в возрасте шести месяцев, но, как и птицы вообще, они подчиняются законам природы и смене времен года. Цыпленку или утенку, вылупившемуся в апреле — мае, шесть месяцев исполнится соответственно в октябре — ноябре; а так как в это время дни становятся короче, то птица, возможно, подождет с началом кладки яиц до весны, когда день будет прибывать.

Как-то у нас купили шестерых утят породы «хаки-кэмпбелл». Мы сказали покупателю, что около шести месяцев от роду они должны начать нестись. К несчастью, это был тот самый случай, когда утки решили подождать до весны. После того как им исполнилось семь месяцев, к нам заявился разгневанный хозяин и устроил скандал: никудышные утки, ни черта не несутся! Мы объяснили, в чем дело, и он скрепя сердце согласился с этим. Но пока мы объяснялись, он рассмотрел нескольких курочек, которых хотел бы скрестить с имевшимися у него петухами редкой породы. Купив их у нас подешевке — как бы в компенсацию за задержку с получением утиных яиц, — он удалился с сияющей физиономией. Месяц спустя он вернулся еще более разъяренный, чем в прошлый раз: мало того, что только одна утка снесла яйца, так еще наши негодные курицы научили его петушков перелетать через ограду, и все дружной компанией хозяйничают у него в огороде! Ему даже пришлось надстроить ограду, чтобы спасти

свой огород от разорения. Ну хорошо, а нельзя ли купить у нас селезнь? Может быть, с родным кавалером дела уток пойдут лучше? К счастью, у нас имелось несколько штук, и мы опять сделали существенную скидку с обычной цены, как бы извиняясь за нехорошие манеры кур.

Неделю спустя он объявился вновь и со скорбным видом застыл в дверном проеме, держа под мышкой селезнь. Похоже, он болен, нельзя ли помочь? Поставив птицу на стол, чтобы осмотреть, я обнаружила, что пенис (которому полагается быть спрятанным внутри) раздулся и торчит подле анального отверстия. Он был явно поражен какой-то инфекцией.

— Вы можете сказать, что с птицей? — пробормотал он.

— Да, — ответила я. — Это самец, так ведь? Так вот, эта штука должна быть внутри. — Я объяснила, что из-за инфекции нельзя загнать пенис внутрь методом массажа и придется показать птицу ветеринару. Я порекомендовала нашего «домашнего айболита» (кстати, проходящегося нам дальним родственником), и клиент немедленно поехал к нему. Совершенно убитый горем, он рассказал, что ветеринар произвел дезинфекцию и вправил селезню пенис, как полагается, но предупредил, что, если селезень в течение двадцати четырех часов не начнет вести себя как положено кавалеру, пусть немедленно везет его назад. К несчастью, несостоявшийся донжуан отдал концы — «эх, я сам виноват, надо было вовремя отвезти его к доктору!». Я постаралась утешить клиента, сказав, что у нас есть еще несколько селезней — пусть придет и выберет. Он тут же явился, выбрал селезнь, который приходился братом покойному, — и, слава Богу, больше мы его не видели.

Через месяц мы вызвали к себе все того же ветеринара для помощи при трудном отеле. Когда корова благополучно разрешилась, мы, как всегда в таких случаях, пошли на кухню пить кофе. Я ставила чайник, Дерек доставал чашки, а доктор мыл руки.

— Да, кстати, — сказал он. — Помните, вы посылали ко мне человека с селезнем, у которого «всегда стоит»?

Мы с Дерекком улыбнулись: а то как же!

— Так вот, — сказал он, — неделю спустя он снова приехал ко мне с той же самой бедой!

Я улыбнулась и объяснила, что это был другой селезень, которого он сам выбрал и который приходился братом тому, преждему.

— Видимо, ошибка генетики, — сказал врач. — А знаете, когда он во второй раз пришел ко мне в хирургическое отде-

ление, он бегло оглянулся вокруг, не слышит ли кто, и спросил меня на ухо: «Скажите, а не может быть так, что я приобрел селезня-гомосексуалиста?!»

Зима восемьдесят первого и весна восемьдесят второго года, похоже, задалась целью подвергнуть нас всем возможным испытаниям. За исключительно промозглым ноябрем последовали декабрьские ветра и штормы, вызвавшие невиданно высокие приливы. Стена, защищавшая берег от напора волн, была размыта — в результате обширные территории оказались под четырьмя — шестью футами воды. Некоторые старые дома, построенные на глиняном, а не на каменном фундаменте, были столь серьезно повреждены, что не подлежали восстановлению. Слава Богу, до нашей усадьбы вода не дошла, но в какой-нибудь миле от нас к павильонам автобусных остановок швартовались лодки, чтобы развезти по домам людей. У нас три дня не было электричества, но при наличии печки «Рейберн» и газовых обогревателей можно было как-то существовать. (Я, правда, испугалась за тропических рыбок в аквариуме, но достаточно было накрыть их одеялом — и порядок!) А что? В этом есть своя прелесть — какое-то время пожить при свечах и проводить вечера за настольными играми — ввиду бездействия телевизора. Вскоре жизнь вошла в нормальное русло, но вода, отхлынув, оставила массу проблем, для решения которых требовалось немало времени. Многие семьи не смогли вернуться в свои дома вплоть до следующего года, а некоторые потеряли вообще все нажитое годами и вынуждены были встречать Рождество во временных жилищах. Кроме того, результатом наводнения явилось страшное засоление полей, сделавшее их на несколько лет непригодными для посева.

Большинство ферм в наших краях имеют молочное направление — почвы здесь слишком влажны, чтобы выращивать зерновые, а вот трава растет превосходно. На зиму — обычно в конце октября — молочные коровы загоняются в стойла, а по весне — как правило, в середине апреля — фермеры вновь выпускают их пастись. Вся жизнь подчинена ритмам, диктуемым природой. Летом запасаем сено и силос — зимой-то трава не растет, а высокие надои сохранять надо! К апрелю запасы зимнего корма истощаются — иногда за несколько недель до того, как коров можно снова выпускать на пастбища. Но весна восемьдесят второго показала свое коварство. Дожди, начавшиеся в марте, лили весь апрель и не прекращались

даже в мае. У фермеров кончились корма, а те, кто прошлым летом оказался запасливее других и имел излишки, вздули цены до невозможности. Трудность заключалась вот в чем: трава хоть и выросла, но дожди превратили почву в жидкую грязь, и те смельчаки, которые рискнули выгнать коров пастись, не смогли потом добраться до них даже на тракторах. Казалось, сама природа обернулась против фермеров. Не стало хороших кормов — упали надои, упали надои — уменьшилась выручка от молока, которое для многих являлось главным источником существования. Этот год явился черным годом для фермеров, но тогда никто и представить себе не мог масштабы катастрофы, обрушившейся на них два года спустя. Даже когда земля стала подсыхать, потребовалось еще время, чтобы трава покрыла ее густым, как в любой другой год, зеленым ковром. Из-за бескормицы многие фермеры вынуждены были продать часть скота. Мы выжили только благодаря тому, что дополнительно арендовали пастбища — покупка готовых кормов требовала колоссальных средств, которыми мы не располагали. У нас было довольно большое стадо, куда вот-вот должны были влиться несколько коров после отела — мы предвкушали немалый рост надоев, а следовательно, и выручки от продажи молока, и мы спали и видели, как погасим наконец всевозраставшее превышение кредита в банке.

Никто и помыслить не мог, каким переломом в жизни английского фермерства будет 1984 год. Желая потрафить европейским партнерам, у которых имелись излишки товарного молока, правительство Маргарет Тэтчер одним махом ввело квоты для отечественных производителей, вступившие в силу с момента подписания. Для всех это было как гром среди ясного неба — за три недели до злополучного события к нам на ферму приезжал советник из министерства, так даже он ничего не ведал о готовящихся шагах. Сказать, что событие посеяло панику в рядах фермеров (о которой почему-то весьма неохотно распространялась пресса), — значит ничего не сказать. Всем фермерам было предписано уменьшить производство молока на десять процентов по сравнению с периодом с марта 1982 по февраль 1983 года, то есть по сравнению с самым «черным годом», проклятым фермерами. Следовательно, по сравнению с благополучными годами производство снижалось на двадцать процентов. Исключений ни для кого сделано не было — даже для тех, кто когда-то откликнулся на призыв правительства увеличить надои молока и поверил, что встретит поддержку. «А нам какое дело? — говорили в правительстве. — У нас теперь новая политика, мы берем свои слова

назад». На каждый литр молока, надоенный и отправленный на переработку сверх положенной квоты, налагался штраф, превышавший его себестоимость. Проще было выливать молоко в канаву. Прежде корова на рынке стоила около шестисот фунтов, а теперь радуйся, если сумел продать и за четыреста: никто не хотел покупать молочных коров. За теленка, который раньше шел за сто — сто двадцать пять фунтов, теперь давали пятьдесят, а то и двадцать пять, да еще попробуй найди покупателя. Фактически стоимость нашего стада за одну ночь снизилась на двадцать тысяч фунтов. Журналы по сельскому хозяйству запестрели снимками стельных коров, которых ведут на бойню, — когда такое было видано?! А в национальных газетах обо всем этом — молчок. Множество фермеров разорились, иные даже свели счеты с жизнью, не в силах смириться с тем, что тот уклад, на котором из поколения в поколение держались их семейства, теперь оказался нежизнеспособным.

— А в чем дело? — сказал некто в правительственном кресле. — Они и так вкалывают по восемнадцать часов в сутки. Пусть немного передохнут и разнообразят свою жизнь!

Мы встали перед серьезной проблемой поиска другого источника заработка. Отчаявшись сохранить былую жизнь на ферме, мы перебрали множество вариантов. Я, конечно, могла поступить на службу, но четверо детей, требовавших столько времени, и многочисленные заботы по ферме делали этот вариант нереальным. А не превратить ли нам нашу ферму в «показательную»? К нам приходит столько людей, главным образом посмотреть кур и прочую домашнюю птицу, и все в один голос твердят, как им здесь понравилось. Давайте устроим небольшую гостиницу, будем водить экскурсии за плату — отличная идея! Дерек поначалу колебался, но тут из банка пришло письмо с категорическим требованием погасить задолженность — и решение было принято. Итак, мы вступаем на стезю туризма, а там видно будет.

Глава вторая

ВСЯКИЕ ТВАРИ ЯВЛЯЮТСЯ ПО ПАРЕ

Что и говорить, нашей ферме сам Бог велел стать туристической достопримечательностью. В усадьбе, построенной свыше трехсот лет назад и ныне внесенной в каталог охраняемых памятников, удивительно чувствуется дух истории. Здание было сооружено, по-видимому, каким-нибудь богатым йоменом¹; возможно, вот здесь был парадный вход, направо — кухня, налево — гостиная. На втором этаже, должно быть, помещались две спальни, а на третьем — две комнаты для прислуги. На последнем этаже до сих пор уцелела с той эпохи лестница с перилами. Точеные балясины ныне выкрашены блестящей белой краской (к величайшему ужасу инспектора по охране памятников, который приходил к нам определять возраст дома!). Если бы первоначальные балясины сохранились до наших дней и в нижних этажах, они были бы украшены резными плодами. Понемногу обживая дом, мы открыли комнаты, где в былое время жила прислуга, и нашли там маленькие медные колокольчики, у которых еще сохранились веревочки

¹ Йомены (англ. Yeomen) — крестьяне в Англии XIV — XVIII вв., ведшие, как правило, самостоятельное хозяйство.

(сколько же этими колокольцам, должно быть, довелось выслушать на своем веку чертыханий, которыми щедро награждали их слуги, когда хозяева будили их во внеурочное время!). Бревна, из которых была сложена эта часть дома, сработанные из прочного вяза, были покрыты густым слоем извести. Видимо, растущей семье скоро стало тесно в старых стенах, и у дома с каждой стороны были сделаны пристройки. В дальнем конце появился погреб для хранения засоленного мяса — холодильников-то в те времена и в помине не было! — и над ним соорудили еще две жилые комнаты. С другого конца пристроили сыроварню — и в полу до сих пор видны колеи, пробитые колесами тележек, подвозивших молоко к мешалкам. Этажом выше располагалось хранилище для свежесваренных сыров, которые подавались наверх через люк с помощью блока и затем размещались на полках, сохранившихся до наших дней. Сыры полагалось переворачивать раз в день, и, прежде чем поступить на рынок, они дозревали в течение шести месяцев. Судя по всему, здесь выделывались сорта чеддер и серфили.

К тому времени, когда на этой ферме обосновалось семейство Киднеров, с задней стороны главного дома сделали еще одну пристройку. О том, что эта пристройка — позднейшая, свидетельствовало то, что сложена она из просмоленной сосны, и потолки здесь гораздо ниже. Итак, теперь в доме были кухня, три гостиные, сыроварня и помещение для хранения сыров, погреб, баня и восемь жилых комнат. Имелась и еще одна лестница, сработанная из более дешевых пород дерева, — возможно, по ней поднимались слуги. Ступени посередине истерты — должно быть, хозяин гонял слуг туда-сюда, как собак.

Джек Киднер — отец Дерека — попал на эту ферму пятнадцатилетним подростком в 1930-х годах, когда во владение фермой вступил достопочтенный дедушка Киднер и перевез семью в Ист-Хантспилл. Отец Дерека ушел из жизни в 1991 году. А жаль! Сколько он мог бы поведать историй о давних годах, проведенных на ферме, — ну хотя бы о том, как они с дедушкой Киднером везли сыр на тележке на ярмарку в Хайбридж. В Хайбридже, который в то время был процветающим городом, где денно и ночью кипела жизнь в порту и на вокзале, была самая крупная в Европе ярмарка сыров. Кроме того, здесь находилась крупная беконная фабрика, потому что все фермеры, выделывавшие сыры, держали также свиней, которых откармливали отходами производства.

Да, золотое было времечко — никаких тебе важных контор, ведающих маркетингом молочных продуктов, а был просто человек, объезжавший округу на повозке, уставленной бидонами, и разливавший молоко по кувшинам, выставленным владельцами.

В задней части нашего дома сохранился водяной насос, к сожалению ныне бездействующий. Надо будет как-нибудь расчистить старый колодец да пустить насос в ход. Тут же сохранился большой медный чан, служивший ванной; под ним — небольшая печурка для подогрева воды. В другом конце комнаты — рада сообщить вам — стоит моя стиральная машина. Ничего себе контраст — старый медный чан для мытья и стирки с катком для белья — в одном углу и современный стиральный агрегат с сушилкой — в другом!

По периметру двора, в который выходит фасад главного дома, расположились постройки XIX века — очевидно, сюда на зиму загоняли скот. Столетие спустя «зимние квартиры» для коров были построены подалее — согласитесь, не очень-то приятно, когда выходишь из парадного подъезда, а коровы машут тебе хвостами прямо в лицо.

Чтобы сделать наш двор уютнее, я посадила посредине дерево, а вокруг поставила скамейки. Но беда мне с Дерекком: пока до него дойдет, что в привычном ему окружении что-то изменилось, проходит не менее двух лет. Сдавая машину задним ходом, он дважды врезался в скамейку, а на третий раз разнес ее в щепы, изрядно покалечив при этом и машину. От такого удара дерево слегка наклонилось влево (дернул же меня черт его здесь посадить!). А произошло все вот как: Дерек получил известие, что у нас убежал бык, и, презрев опасность, тут же пустился в погоню. Ключ зажигания — ногу на газ — полный назад — тр-рах! Объяснительная записка Дерекка в адрес страховой компании выглядела так: «Очень спешил, потому что у нас убежал бык, и въехал задом в скамейку, которая прежде тут не стояла».

По соседству с большим сараем, где мы готовим сидр, и поныне стоят конюшни из дикого камня, напоминая о той поре, когда тракторов не знали, а всю работу выполняли конитяжеловозы. У достопочтенного дедушки Киднера был конь по кличке Имбирь, который возил многопудовые поклажи, но иной раз ему, выражаясь фигурально, вожжа под хвост попадала. Однажды понадобилось отвести его к кузнецу. Туда шел — все нормально, но как только работа была окончена и хозяин уселся, чтобы ехать домой, он взял да и понес. «Побереги-ись, побереги-ись!» — орал бедняга, мертвой хваткой

вцепившись в вожжи и сжимая ноги. Понадобились усилия двоих, чтобы сдержать коня, — только после этого хозяин смог перевести дух и доехать до дому. Впрочем, остаток пути старина Имбирь прошел, щелкая копытами, как самая дисциплинированная лошадь для выездки. «Видать, добротню сработано, раз подковы не отвалились после такой скачки», — сказал дедушка. В общем, каждому из участников бешеной гонки понадобилось по меньшей мере три стакана сидра, чтобы прийти в чувство.

...В течение нескольких последующих лет мы обследовали сарай за сараем, натываясь на самые удивительные вещи, оставшиеся в наследство от прошлых поколений и пролежавшие в забвении многие десятки лет — иные, возможно, с той поры, когда дедушка Киднер еще пешком под стол ходил. Тут были и старинные механизмы, и ручные колеса, приводившие в движение прессы для изготовления сидра, и длинная кишка, подававшая воду из реки котлам некогда трудившихся на полях паровых машин. Мы даже нашли в буквальном смысле слова иголку в стоге сена — длинную двенадцатифутовую иглу с небольшим крючком на конце. С ее помощью определяли температуру в середине стога сена: ведь если недосмотришь, оно и вспыхнуть может! В общем, что ни находка, то экспонат для своеобразной выставки, с помощью которой можно будет объяснять посетителям тогдашние методы сельскохозяйственных работ и сравнивать их с теперешними.

Для начала мы решили сделать открытой для приезжих только часть фермы — двор с окружающими его постройками. Нашим очередным приобретением были свиньи. Часть конюшен мы переоборудовали в свинарники, а в помещении для опороса расширили окошко, чтобы посетители могли наблюдать, как появляются на свет Божий поросята. Дерек специально приобрел двух свиней, готовых опороситься в любую минуту. Прежде мне никогда не приходилось иметь дело с хрюшками, и я удивилась, до чего же они здоровенные — по меньшей мере пять футов в длину, а ростом мне по пояс. Рассказывая, до чего зловредными могут быть чушки, один из местных жителей сообщил по секрету, что его приятель по ошибке забрался в свинарник и... не вернулся оттуда! (Хотите верьте, хотите нет, но такие перлы будоражат воображение.)

Ну, а нам достались милые спокойные розовые свинки с черными ушами, забавно хлопавшими их по мордам. (Все не могу забыть один трогательный эпизод: как-то раз к нам на экскурсию пришла маленькая школьница с зажатой под мышкой дощечкой, к которой был прикреплен кнопками листок

бумаги. Оказывается, ей на уроке зоологии задали вопрос: на что похожи глаза у свиньи? И вот пытливая девочка является за ответом к нам! Присела перед хрюшкой на корточки, преспокойно подняла у нее ухо и тщательно срисовала хрюшкин глаз! А свинья как ни в чем не бывало терпеливо дожидалась, пока девочка закончит...)

Но вот настало время первой хрюшке опороситься. На свет появились восемнадцать кабанчиков да свинок без шляп и ботинок. Поначалу поросята сосали из какого соска придется, но через пару дней у каждого появился персональный источник молока. Только вот какая вышла штука: кто по сильнее да пошустрей, пристроились к передним соскам, и, следовательно, им доставалось больше всего питательной влаги, а самым слабым, оттиснутым к последним соскам, оставались крохи. Блажен муж, иже сидит к каше ближе! Я, конечно, обратила внимание на свинку, которой достался самый последний сосок, — выглядела она очень жалко. У меня бы сердце не выдержало, если бы она умерла от голода, так что я положила ее у печки и начала подкармливать из бутылочки. Сэди — так я ее назвала — была первой свинкой, которую я выкормила. Между прочим, свиньи могут стать совсем ручными и примерно так же преданными людям, как собаки. Сэди очень нравилось жить на кухне, и нам даже удалось приучить ее выходить на двор по своим делам. Когда же опоросилась вторая хрюшка, у Сэди появился товарищ — кабанчик, которого мы назвали Сплодж. Оба поросенка резвились в краткие промежутки времени, когда не спали, а потом внезапно заваливались на ковер и засыпали снова. Конечно, никого не удивляло, что их держат в доме (как и всякого другого обделенного судьбой зверька), пока они маленькие; но когда окрепнешь, будь добр — на улицу! Право же, кто не нашел бы забавными двух поросят, дрыхнувших прямо на ковре в кухне? Как только газеты разнюхали об этом, к нам выстроилась очередь фотокорреспондентов, жаждущих заснять это редкостное зрелище. Одна газета даже несколько переборщила, сообщив, что мы поставили для Сэди персональное кресло у камина и что она как полноправный член семьи смотрит с нами телевизор!

Вслед за фотокорреспондентами зачастили телевизионщики. Стыдно сказать, но однажды — чего только не сделаешь ради телевидения! — я предложила телегруппе заснять сюжет «посади свинью за стол, она и ноги на стол». Представляете, все семейство за столом лопает из мисок овсянку, включая Сплоджа, который тоже с нами за столом и тоже лопает из

миски! (К счастью, Дерёка в тот момент не было, а то, боюсь, он стал бы протестовать!) Впрочем, хорошо смеется тот, кто смеется последним, и эта роль досталась пороссятам: войдя во вкус и решив напроказить посмешнее, они запутались в проводе, тянувшемся к звукозаписывающей аппаратуре, и ринулись во двор поиграть, увлекая за собою телегруппу, безуспешно пытавшуюся уберечь оборудование от растаскивания по частям. Жаль, этому последнему сюжету не нашлось места в программе новостей...

Кроме того, мы решили обзавестись также стадом коз — пусть наши посетители увидят, какое существует разнообразие пород. Самые колоритные — это золотые гернсийские козы, у которых шкура отливает медом, и маленькие козы-пигмеи. Вскоре к ним присоединились сааненские, а затем ангорские. Кстати, коз и кроликов нам предлагали купить гораздо чаще, чем других животных. Забегая вперед, хочу предупредить: если вы решили завести козу в качестве газонокосилки, оставьте эту дурацкую затею. Она будет объедать цветы на клумбах, живые изгороди, даже колючую ежевику, пока наконец соизволит есть траву. К тому же коза — такое животное, которому не нравится находиться за оградой. Она готова пройти любые расстояния, чтобы отыскать шелку или калитку и выйти наружу — узнать, что творится по другую сторону ограды. Если там окажется неинтересно, она будет стоять на месте и блеять: «Хочу назад! Хочу назад!» По-видимому, она не в состоянии вспомнить, как оказалась снаружи. Но зато козы очень дружелюбны и неизменно становятся любимицами посетителей. Вот только одна к ним претензия: у них не хватает терпения дожидаться, пока я поднесу им положенную порцию корма. Проморгашь, так, чего доброго, стащат весь мешок!

У нас работал один парень, которого мы наняли по линии помощи в трудоустройстве молодежи. Его звали Тим. Он обожал хорьков и убеждал меня обзавестись этими зверьками — опять-таки в качестве живых экспонатов. Про этих животных я столько всякого наслышалась, что сначала колебалась, но в итоге Тим убедил меня. Дерек счел, что завести хорьков — хорошая мысль, но сразу предупредил, что не собирается с ними возиться. Тим высказал мнение, что самым правильным было бы разместить их в помещении, где прежде хранились сыры, — там стены обшиты железом, что помешает им удрать. Посыпали пол стружками, положили для забавы обрезки труб, будто это норы, и стали ждать новых жильцов.

Когда Тим принес хорьков, они всецело завладели моим вниманием. Хорьки — родня барсукам и из-за наличия особых

желез издают почти такой же, как барсуки, мускусный запах. У них крохотная мордочка, острый нос и махонькие ушки. Тела длинные, как у горностая, но значительно больше. Лапки короткие, с изящными коготками, благодаря которым они лазают с удивительной ловкостью. Сначала у нас появились белая самочка с детенышем того же цвета, а затем самочка темно-бурой расцветки. Когда берешь их, они обвиняются вокруг твоих рук, будто петли. Вообще они подвижны точно ртуть. Как только мы поместили их в новое жилище, они тут же принялись плясать от волнения, скакать, нырять головой в свеженасыпанную стружку, исследовать обрезки труб — сначала осторожно засовывали туда голову, потом со всего маху прыгали в трубу и вылетали оттуда пулей, после чего исчезали в следующей. За ними так весело наблюдать! Тим дал мне список их любимых кушаний и вкратце объяснил, как ухаживать за ними и как отцепить зверька, если он вздумает кусаться (этого еще не хватало!!!). Когда хорек решает укусить всерьез, он цепляется мертвой хваткой, и заставить его отцепиться можно, только как следует сжав ему челюсть. Изучив теорию, я приступила к практике.

За несколько дней я научилась обращаться с ними, хотя не могу сказать, что во всех тонкостях. К тому времени мы спустили вниз полки, на которых когда-то созревали сыры, и выставили их для обозрения наряду со всем прочим старинным сыродельным оборудованием. Итак, вверху, в бывшем помещении для сыров, разместились хорьки, а внизу, возле деревянной лестницы, стояли ящики для кур-наседок. Можно было не беспокоиться, что детишки их потревожат, — так клюнет, что не обрадуешься.

В один прекрасный день Дерек отправился на утреннюю дойку, а дети сидели за завтраком перед уходом в школу. Вдруг из старой сыроварни раздался ужасающий шум. Я влетела туда как на крыльях и прямо на пороге столкнулась с белой самкой, которая, неведомо каким образом спустившись по стене сырохранилища, бросилась на одну из наседок. Хотя курица почти вчетверо крупнее, зверек загрыз хохлатку насмерть, вцепившись ей прямо в горло. Всюду на полу валялись перья, а пять остальных наседок были до полусмерти перепуганы и настороженно выглядывали из своих ящиков. Я подхватила хищницу на руки, помешав ей удрать, но даже теперь она ни за что не хотела разжать челюсти, и огромная тушка курицы беспомощно свисала у нее из пасти. Сдавлив твари челюсть, как показывал мне Тим, я все-таки заставила ее выпустить курицу, хотя помочь бедняжке уже ничем было

нельзя. Я посадила паскудницу в старую птичью клетку, стоявшую в комнате наверху, благодаря Бога за то, что она не бросилась на меня, мстя за отнятую добычу. Затем перенесла клетку в комнату напротив кухни и заперла дверь.

Сначала нужно было проводить детей в школу, а потом уже решать, куда поместить хорьков, чтобы больше не ждать от них пакостей. Когда детишки укатили на велосипедах, вошел Дерек, требуя подать ему завтрак. Я кинулась объяснять, что произошло в его отсутствие, и тут же услышала, как кто-то царапается в дверь — ясное дело, зверьку удалось выбраться из клетки. Я осторожно открыла дверь и вошла в комнату, полагая, что Дерек войдет следом и поможет мне справиться с беглянкой. Но что я вижу? На спинке кресла на задних лапах стоит какое-то вдрызг перемазанное сажей существо — эта безобразница успела еще и слазить в камин!!! Увидев меня, она спрыгнула с кресла и всеми четырьмя лапами «приземлилась» мне на голову. Я тут же сняла ее и посадила на пол; в следующее мгновение она взобралась по моей штанине и повисла, вцепившись когтями в свитер. Если вы думаете, что мне это понравилось, то ошибаетесь. Я снова осадилась на пол, но фокус повторился вновь. Тут меня здорово выручил Дерек — сунув голову в приоткрытую дверь (не лезть же туда всем туловищем — охота была, чтобы по тебе карабкались, как по стволу дерева!), он дал мне ключ к разгадке:

— Она здорово перепугана, вот и ищет у тебя защиты.

— Весьма возможно,— ответила я.— Но мне-то от этого не легче.

Осадив зверька на пол, я дала Дереку тычка, чтобы он шел обратно в кухню, сама осторожно выскользнула из комнаты и тщательно закрыла дверь.

Впрочем, со временем мне удалось найти общий язык с хорьками, и теперь я с удовольствием беру их на выставки животных, где они вызывают повышенный интерес. Может быть, меня просто хранит судьба, но ни один из перебивавших у меня хорьков (а сейчас у меня их пятнадцать) ни разу не укусил меня. Мы не разводим и не покупаем их: мы подбираем зверьков, выброшенных прежними хозяевами или убежавших от них и попавших в поле зрения обществ покровительства животным; а иногда нам просто звонят и просят забрать зверьков, и мы приезжаем. Теперь у нас для хорьков есть обширный загон — тут и ветки, чтобы по ним лазить, и трубы, чтобы забираться в них, и даже большая лужайка.

Но вот что интересно — о хорьках слышаны все, но мало кто видел их в глаза. Однажды, когда у нас были посетители, я держала хорька на руках.

— Какая прелесть! — сказала одна дамочка и погладила зверька. — А как его зовут?

Хорька звали Бэзил.

— Так что это за зверь? — спросила наконец дамочка и пощекотала моего питомца за ушком.

— Это хорек, — простодушно ответила я.

Услышав это, дамочка испустила нечеловеческий вопль и бросилась наутек — только пятки засверкали. Больше она ко мне ни ногой.

Единственная проблема, с которой я столкнулась при показах зверьков на выставках, — это их мускусный запах. Вот почему, когда во время шоу мы шли пить кофе, садиться за стол я могла только в компании тех, кто знает в чем дело. (Думаете, приятно, когда на тебя косятся: мол, откуда у этой дамы такое амбре?! Могут не так понять!)

Уже более двух тысячелетий назад человек использовал хорьков при охоте на кроликов. Кое-где в этом качестве они служат и поныне. У выхода из норы расставляют сети, а затем в нору запускают хорьков, чтобы выгнать оттуда кроликов. Правда, наших хорьков мы так не используем — они живут у нас как мирные создания и выступают исключительно в качестве живых экспонатов.

Черный хорь — еще одна разновидность хорьков — когда-то был широко распространен на Британских островах, но из-за нещадного преследования — в основном лесниками, охраняющими дичь, — ныне почти исчез и остался лишь на небольшой территории в Уэльсе. За этими зверьками охотились и ради их меха — из него делали воротники для шуб. К счастью, теперь его численность, судя по всему, возрастает, и он начинает появляться и в других регионах Британии.

Дела с устройством «караван-сарая» шли своим чередом, но во дворе нашей усадьбы всегда стояло несколько передвижных фургончиков, в которых приезжали посетители. Тут же разбивались палатки — их ставили зарубежные туристы, путешествующие по стране. Так мы познакомились со многими интересными людьми. У нас несколько месяцев жила очень милая семья из Голландии — теперь они стали верными друзьями нашего семейства и наезжают к нам каждый год. Сперва, как полагается, представлю хозяйку: Мас — высокая впечатляющая блондинка с милой широкой улыбкой. Ее благоверный, Мариен, темноволос, но тоже высок и тоже с ши-

рокой улыбкой, смягчающей суровые черты лица. Когда он впервые предстал нашим глазам, то был одет в длинную куртку военного покроя — уж не русский ли шпион к нам пожаловал, подумали мы. Ну, а двое детей этой четы, Дагмар и Йорт, быстро сдружились с нашими мальчишками Дэниелом и Си-моном, несмотря на языковой барьер — можно со смеху лопнуть, глядя, как они пытаются объясняться языком жестов.

Мас и Мариен приехали в наш край с целью изучения методов развития умственно отсталых детей, практикуемых в находящемся неподалеку от нас институте. Когда они впервые попали к нам, как раз стояла сенокосная пора, и Мариен горел желанием помочь. Мы собирались ближе к вечеру перевезти сено в усадьбу, но Мариен сказал, что сперва хочет показать своему семейству Стоунхендж¹.

— Мы поедем туда в полдень, — сказал он. — Вернемся и поможем вам с сеном. Хорошо?

Дерек согласился, подумав про себя, что вернуться они успеют в лучшем случае к вечеру: два часа туда, два — обратно, а мы собирались выехать в поле около трех пополудни.

Помахав голландцам на прощание, мы занялись разными мелочами по хозяйству, а когда в половине четвертого Дерек привез с полей первую повозку с сеном, то был искренне удивлен, увидев, что наши гости уже прибыли!

— Ничего себе! Одна нога здесь, другая — там, — заметил Дерек, когда Мариен подошел к нему.

— Торопился, — ответил Мариен, пожав плечами, — вот и гнал машину во всю мочь. Ну, мы к вашим услугам!

— Так что же, вы вовсе не останавливались по пути? — удивленно спросил Дерек.

— Целых два раза, — сказал Мариен. — В первый раз, чтобы взглянуть на мертвого барсука, а во второй — когда Йорта укачало. Ну что, поехали?

Так торопились помочь, что даже не полюбовались как следует знаменитой достопримечательностью! Впоследствии они каждый год приезжали на короткий срок в одно и то же время, продолжая свои исследования в Институте умственно отсталых детей. Каждый их приезд доставлял нам огромную радость, мы с удовольствием обменивались семейными ново-

¹ Стоунхендж — кромлех (культовое сооружение) эпохи энеолита в Уилтшире, к северу от г. Солсбери. Вероятно, связан с культом солнца. Врытые в землю привозные тесаные камни (высотой 8,5 м) и лежащие на них каменные плиты (весом 6,75 т) образуют круг диаметром 30 м. Внутри — два круга из каменных столбов и десяти перекрытых попарно плитами камней, обрамляющие «алтарный камень». (Здесь и далее примеч. перев.)

стями. Нужно будет и нам съездить когда-нибудь к ним в гости в Голландию.

Гостя у нас, они каждый вечер выходили прогуляться в поля — недалеко от фермы в большой норе обитала барсучиха с выводком. Голландцы вообще равнодушны к этим животным, и нашим гостям доставляло массу удовольствия наблюдать за барсучьим семейством.

Как-то раз я участвовала в работе конференции по изучению барсуков. Выступали две молодые леди из Группы по защите барсуков — они обследовали территорию, по которой должна была пройти новая автомагистраль, чтобы выяснить, как это скажется на обитающих там животных. Работа потребовала много времени и сил, но девушки тщательно нанесли на карту все те места, где трасса пересечет барсучьи тропки. Значит, чтобы избежать гибели животных на дороге (а возможно, и автомобильных аварий), необходимо в этих местах специально для барсуков сделать подземные переходы, да еще огородить такие участки трассы, чтобы животные пользовались переходами, а не бегали на проезжую часть. Конечно, все это — дополнительные расходы, но благодаря самоотверженности и упорству девушек подземные переходы для барсуков и ограждения были сооружены, и барсуки быстро привыкли к тому, что у них под боком появилась скоростная магистраль. Я была восхищена тем, что удалось сделать Группе по защите барсуков, и поняла, как важно следить за ходом строительства дорог от начала до конца, чтобы подземные переходы, которые спасут немало барсучьих жизней, были сооружены по всем правилам и там, где нужно.

На следующий день выступал представитель голландской Группы по защите барсуков. Он рассказывал, как в Голландии выхаживают осиротевших барсучат и какие проводятся наблюдения при строительстве дорог. Нам показали слайды, запечатлевшие новопроложенную трассу — подземные переходы для барсуков и многометровые ограждения были сделаны на совесть.

— Позвольте узнать, а много ли барсуков в этом регионе?

— Да барсуков здесь пока что нет, — ответил голландец, — но если появятся, скажем: милости просим в наши подземные переходы! Будем приучать их соблюдать правила дорожного движения!

Не правда ли, заметная разница в отношении к братьям нашим меньшим?

В тот год у нас стояло до пяти фургончиков с приезжими. Однажды приехали молодые муж и жена из Новой Зеландии и спросили, можно ли разбить на ночь палатку. Я показала

им свободный участок, а сама отправилась кормить животных. Чуть позже я разговорилась с юношей-новозеландцем, он признался, что скорее согласился бы ночевать под открытым небом, чем в палатке. Все, что я могла ему в тот момент предложить, — диванчик в комнате для пинг-понга (даже это не забыли, заботясь об удобстве гостей!). Вечером, когда я ходила запира́ть кур в курятниках, я видела, как девушка-новозеландка ставила палатку только для себя, и поняла, почему ее спутник наотрез отказался разделить с ней ночлег: палатка имела форму гробика, брезентовая крыша была поднята всего на восемнадцать дюймов от земли, и поместиться там мог только один спальный мешок, да и то голова и плечи торчали при этом наружу!

Когда на следующее утро я проходила мимо гостевых палаток и фургончиков, то встрети́лась с юной новозеландкой, направлявшейся в туалет. Мы вежливо поздоровались, и девушка продолжила свой путь. Тут один из обитателей фургончика шепнул мне на ухо: «Вы видели палатку этой пары? Как только они там помещаются?» Я не стала разочаровывать своего собеседника и объяснять, что к чему...

С каждым сезоном гостей у нас на ферме становилось все больше. Ясное дело, чем больше посетителей, тем больше для них требуется помещений, удобств, а деньги, которые мы с них получали, не покрывали всех затрат. Мы снова оказались перед необходимостью принятия решений: банк не мог больше ждать. После здравых рассуждений мы пришли к выводу: выручка от продажи молока все равно не решит наших проблем, а вот вложение сил и средств в развитие туристического бизнеса сулило немалые перспективы. И мы — с болью в сердце — решили продать молочных коров.

...И вот настало печальное утро, когда мы с Дерекком вывели коров в последний раз. Торги были назначены здесь же, на ферме. С коровами, о которых мы так заботились, которых Дерек пестовал столько лет, теперь приходилось расстаться. Сначала мы оба молчали, а затем... Мы с Дерекком редко когда спорим, а тут взяли да заспорили ни о чем! Похоже, каждый испытывал неодолимую потребность уколоть другого — такую боль носил каждый из нас в душе! Тем, кто думает, будто корова для фермера — не более чем живая машина, производящая молоко и телят, никогда не понять, какое чувство привязанности возникает по отношению к животному за годы забот...

Но вот последнюю корову вывели во двор и заперли стойло. Поставили ограждения — и торги начались. Коровы ревели, чувствуя, что присходит что-то неладное. Дерек обхватил меня

руками и крепко прижал к себе. Слова были не нужны: мы знали, что в душах у нас происходит одно и то же. Повернувшись к торжищу спиной, дабы не видеть гнетущего зрелища, мы с Дерекком медленно зашагали к дому и стали дожидаться, пока все кончится. Это был день, который я рада была бы забыть.

...Денег, полученных за проданных коров, хватило на то, чтобы расплатиться с банком, и еще кое-что осталось на развитие фермы как туристической достопримечательности. Ну, во-первых, нам необходима была чайная комната для гостей. Как следует поразмыслив, мы решили: коль скоро двое старших детей упорхнули из гнезда, мы можем переехать в верхние этажи, а на первом сделать чайную. Мы, конечно, хотели, чтобы чайная как можно лучше передавала дух нашего дома, а потому большую часть старинной мебели перетащили туда. В одной из комнат на первом этаже находится камин — что красноречивее говорит о домашнем уюте?! Поздние полы были сняты — под ними открылся старинный пол из каменных плит. Кухню украсил изящный восьмифутовый посудный шкаф, — когда я впервые приехала к Дерекку, он стоял в одной из пристроек и использовался для хранения инструментов. Мы быстренько очистили аляповатую желтую и зеленую краску — и заиграла подлинная фактура сосны. Теперь шкаф занимает самое почетное место на кухне, а на его полках красуются старинные медные кастрюли и декоративные тарелки. Ну, теперь понятно, во что можно превратить некогда убогое помещение, где во время оно были всего лишь истрепанные занавески да лампочка без абажура! Следующим шагом была постройка дополнительных туалетов для гостей — не выстраиваться же им в очередь!

Когда к нам на ферму приезжали школьники, они часто интересовались, есть ли у нас лошади. И мы решили завести шетлендских пони. Первой у нас появилась Динки — коротконогая темно-бурая пони с белой звездочкой на носу; поскольку она прежде бегала в паре с жеребцом, мы надеялись, что у нее родится детеныш; впрочем, мы не стали бы слишком горевать, если бы этого не случилось.

Короче говоря, число наших питомцев увеличивалось, и мы все в большей степени нуждались в помощи. У нас появилась еще пара добрых друзей, которые приходили по первому зову и помогали. Энди и Лайза — так звали наших помощников — жили по соседству; мы познакомились с ними на почве интереса к птицеводству, хотя вообще-то они держат всяческую живность. Это они принесли нам бурундучков —

вон они возьтятся в старом загоне для птицы под окном кухни. Когда наш знакомый ветеринар Майк Хайс пришел делать прививки пороссятам, заботливая Лайза оказалась тут как тут. Майк — не только квалифицированный ветеринар, но и замечательный столяр и резчик по дереву (правда, не всегда умеет держать слово — мы уже сколько ждем, пока он соизволит вырезать обещанные ложки для меда!). Зато чувства юмора ему не занимать — с ним так весело работается и так приятно выпить вместе чашечку кофе после того, как он закончит!

Надо сказать, что свиньи — не самые простые в обращении животные. Хрюшки очень расстраиваются, если их разлучают с маленькими — даже ненадолго, чтобы сделать прививку. Когда поросят берешь на руки, они жутко визжат, а если мамаша рядом, она непременно набросится на тебя. Поэтому мы поступили так: выгнали обеих хрюшек наружу, а сами остались с пороссятами. Наша команда была в таком составе: Дерек, ваша покорная слуга, Лайза и Майк. Делая прививку очередному поросенку, мы метили его краской, чтобы не пропустить кого-нибудь или, не дай Бог, не привить дважды. Шум стоял невообразимый — пороссята визжали, будто их режут, а во дворе гневно протестовали мамыши.

Тем временем Майку понадобилось заменить иглу в шприце, но, как на грех, нужный инструмент остался у него в машине. Прекрасно понимая, что ему может сильно достаться от хрюшек, Майк решил сделать так: как только свиньи отвернутся, он тихонько перелезет через забор, в два-три прыжка пересечет двор, захлопнет за собой металлические ворота и спокойно пройдет к машине. В какой-то момент свиньи в самом деле повернулись спиной, но, к несчастью, не утратили бдительности. Узрев коричневую куртку и зеленые сапоги Майка, карабкающегося через забор, обе, словно по команде, бросились на несчастного, клацая зубами, будто хотели откусить ему ноги вместе с сапогами. Поняв, что ему нечего терять, Майк поскакал к воротам такими бешеными прыжками, что ему наверняка позавидовала бы любая восходящая звезда легкой атлетики. Вот только досадная неудача при приземлении смазала все впечатление — зацепившись за что-то носком сапога, Майк полетел вверх тормашками и шлепнулся точно в лужу перед воротами. Сила удара была такова, что фейерверк брызг взлетел на небывалую высоту — и тут же упал на распростертое в грязи тело Майка, секунду назад являвшего собой образец респектабельности.

К счастью, фонтан брызг испугал преследовательниц — они забились в угол загона, виляя хвостиками. (А может быть,

решили: раз парень с таким наслаждением плюхается в лужу — значит, свой брат свинтус, так зачем же его тогда трогать?!) Тем временем Майк, оправившись от шока и осознавая близость противника, быстро спрятался за железными воротами и дал волю чувствам. Грязь капала с его кудрей, но он, как истинный британец, засучил рукава, очистил насколько мог куртку и направился к машине за новой иглой. Из свинарника до него донесся гром аплодисментов, за которым последовал взрыв смеха, мало похожего на сочувственный. Работы осталось совсем немного. Тщательно вымыв руки под краном, он смело вошел в загон, а затем в свинарник; хрюшки, очевидно решившие, что с него достаточно, на сей раз проявили спокойствие. Когда дело было сделано, мы в один голос выразили свое восхищение атлетико-гимнастическими талантами Майка (хотя не могли не пройти по поводу запаха, исходящего его курткой: перед ним отступали естественные ароматы свинарника). Но вот свиньи возвратились к своим малышам, а наш дружный коллектив отправился в усадьбу пить кофе. Разговор перешел на пони — нам хотелось узнать, жеребая она или нет.

— Нет ничего проще, — ответил Майк. — Нужно сделать анализ мочи. Как только увидите, что она писает, подставьте банку, соберите немного и принесите мне для анализа.

— Легко сказать,— возразила я.— Динки у нас умная, никогда не писает в конюшне.

— Опять же нет ничего проще,— сказал Майк.— Поднимите ей хвост, почешите в попе — сразу описается.

Мы удивленно поглядели на Майка, пытаясь уловить на его лице хотя бы тень улыбки. Нет, он выглядел совершенно серьезным.

— Значит, так,— сказал он Лайзе.— Берешь банку и отправляешься выполнять задание.

Как только девушка упорхнула, он сразу перешел к рациону свиней.

— Послушай,— сказала я, не в состоянии отвлечься от прежней темы.— А что, пони и в самом деле описается, если почесать у нее в попе?

— Нет, конечно,— ответил Майк.— Просто мне хотелось проучить нахапку — она громче всех ржала, когда я шлепнулся в лужу. Теперь моя очередь — хорошо смеется тот, кто смеется последним.

...Наконец возвратилась Лайза — с пустой банкой и пунцовым лицом.

Динки так и не ожеребилась, но вскоре мы подыскали ей дружка — маленького шетлендского пони, которого назвали Том, а еще дали прозвище — Мальчик с большой пальчик. У него приятный золотистый окрас и очень длинная грива, но, к сожалению, он всегда нервничает. А еще нам привели старорого, заслуженного пони — ему двадцать пять лет (прекрасный возраст для человека, но не для лошади). Его зовут Темный — не удивляйтесь, у него всего несколько седых волос.

К сожалению, в том же году не стало такса по кличке Чатни, того самого, что облаял меня при первом посещении фермы: беднягу переехало колесом. Несколько месяцев спустя Лайза и Энди привели нам полугодовалого песика, которого забрали от жестоких хозяев. Он оказался таким милашкой! Барни (так мы его назвали) — должно быть, помесь бородатого колли с лабрадором, если судить по его густой шубе. Словом, он вырос в типичного фермерского пса, преданного дому и любимого всеми. Хотя Симоша считает его своим, Барни делит симпатии между двумя мужчинами: когда Симон дома, он играет с ним, а когда в школе — то с Дерекком.

Куда бы мы ни собрались, он всегда сопровождает нас, поспевая и за машиной, и за трактором. Он даже пытался помогать нам при стрижке овец — сгонял их в кружок, но овцы только разбежались в разные стороны от такого «помощника». В конце концов Дереку это надоело, и он запер пса в

машине, чтобы тот не путался под ногами. Пересев в водительское кресло, Барни громким лаем побуждал нас быстрее загонять овец во двор, но к началу стрижки он совершенно измотался и сидел тихо-мирно, тяжело дыша. Стрижку осуществлял наш кузен Клайв, а Симон помогал собирать шерсть в мешки. Потом оба проказника решили постричь еще и пса — под тем предлогом, что ему очень жарко. Они остригли ему туловище, полюбовались на творение своих рук и, покатываясь со смеху, отправились пить чай. Пес, естественно, последовал за ними. Представьте себе этого барбоса с шикарной гривой, как у льва, пушистым хвостом, лапами в штанишках и совершенно голым телом! Но, пожалуй, больше всех забавлялся сам Барни, радуясь своей новой прическе. Впрочем, на следующий день пса отвезли к мастеру, который остриг его по всем правилам; с тех пор мы регулярно подвергаем его этой операции — то он у нас в шикарной шубе, то совсем голый. Вдобавок он порядочно раздался вширь, и к тому же у него появился один порок: когда мы собираемся на пикник, он безошибочно находит корзинку с едой и надоедливо клянчит.

Между тем Совет графства Сомерсет и Комиссия по сельской местности стали принимать участие в деятельности нашей фермы и выделили средства на создание Гостевого центра в помещении, где прежде готовили сидр. На первом этаже развернули экспозицию, рассказывающую об истории нашей семьи и о типичных для данного региона методах ведения фермерского хозяйства. Мы старались не перегружать посетителей сухими сведениями. Для разъяснения тонкостей аграрного дела и назначения различных построек нашей усадьбы предпочтительнее всего оказался язык карикатур. Экспозиция верхнего этажа была посвящена поросшим вереском торфянистым землям Сомерсета. Мы даже поставили установку для демонстрации короткометражного фильма, рассказывающего о богатстве и разнообразии дикой природы края. Теперь вся ферма была открыта для публики, а вокруг усадьбы расположили загоны с разными породами домашней живности.

Однажды нам предложили белолобых овец, и, поскольку это весьма редкая порода, Дерек решил приобрести сразу четырех. Мы сели в наш издавший виды фургон и отправились в путь, рассчитывая обернуться до темноты — дело было зимой, и тьма подкрадывалась внезапно. Правда, мы сильно

задержались с выездом, но зато быстро нашли нужную ферму и без особой возни погрузили овец в фургон. Они стояли очень смиренно, как если бы были накрепко привязаны, и даже не пытались бегать по фургону. Был уже шестой час вечера, когда все возвращаются с работы; минуя Бриджуотер, Дерек решил ехать задворками, без заезда в центр, чтобы не застрять в дорожной пробке. Смирное поведение овец убаюкало его, и он совершенно забыл об их существовании. А напрасно! У овец, между прочим, есть рога; но, что ими можно пользоваться в качестве отмычки, мы узнали впервые. Одной из наших пассажирок удалось зацепить рогом веревку и вытянуть щеколду, на которую была закрыта задняя дверь. В кабину ворвался поток холодного воздуха, сзади раздались два глухих удара — это было неожиданностью для Дерека, и он не сразу сообразил, что задняя дверь открылась и две овцы выбрались на волю.

Дерек резко нажал на тормоза, моля Бога, чтобы сзади не оказалось ни одной идущей вплотную машины. Хорошо, что мы ехали по спокойной дороге без особого движения и даже без освещения. Правда, одна машина все же ехала за нами, но водитель, увидев, как на дорогу летят два странных предмета вроде тюков шерсти, успел затормозить и подбежал к нам узнать, не требуется ли помощь. Быстро захлопнув заднюю дверь, Дерек начал отлов. Конечно, спасибо ехавшему вслед водителю, что не остался равнодушным к нашей беде, но помочь он ничем не мог — его никто не учил гоняться за заблудившимися овцами. «Бедные вы, бедные», — только и повторял он. Между тем одна из овец забежала в чью-то живую изгородь — судя по всему, это были кусты ежевики. Дерек мигом подскочил и обеими руками вцепился ей в шерсть. Прекрасно! Одна есть. Он поволок упирающуюся овцу назад к фургону, но кошмар еще только начинался. Подтащив овцу к машине, Дерек протянул было руку, чтобы открыть дверь, но, к счастью, сообразил, что у него только две руки и их не хватит, поскольку нужно загнать овцу внутрь и удержать от побега двух других. Тогда он стал заталкивать овцу боком, чтобы заблокировать дверь. Тщательно заперев ее, он привалился к ней грудью, переводя дыхание и не спуская глаз со второй беглянки, которая не торопясь шествовала по разделительной полосе дороги. Дерек вскочил в фургон и нажал на газ, рассчитывая отрезать овце путь к бегству. Между тем по встречной полосе приближалась другая машина — у ее водителя, должно быть, глаза на лоб полезли от изумления, когда он увидел, как разгневанный фермер гоняется за сбе-

жавшей овцой. Он выскочил из автомобиля и принялся отчаянно размахивать руками, подавая знак машинам, которые могли появиться. Когда же Дерек поравнялся с овцой, она, заметив слева от себя сад с открытой калиткой, шмыгнула туда, чтобы избежать пленения.

Сообразив, где она скрылась, Дерек остановил машину и кинулся к калитке, столкнувшись нос к носу с водителем другой машины, который активно включился в игру. Перекинувшись парой слов, оба ворвались в сад. Терпение Дерекса было на пределе. Увидев своего преследователя, овца перестала щипать хозяйскую траву на лужайке, но Дерек был убежден, что его последнее усилие окажется не напрасным. Он бросился на беглянку таким наскоком, что у той подкосились ноги, и Дерек, сделав кульбит, шлепнулся на лужайку, а овца, сыгравшая роль гимнастического коня, рухнула прямо на него.

В этот кульминационный момент на доме, у стен которого разыгрался заключительный акт драмы, вспыхнул прожектор, и во двор выскочили трое встревоженных людей. Можете себе представить, что они почувствовали, увидев распластавшегося на лужайке мужчину, прижимающего к себе овцу. «Просто не верится... Я поймал ее!» — сказал он случайному напарнику. Тот, поняв, что дело сделано, с облегчением вздохнул, сел в свое авто и укатил прочь. Ну, а Дереку еще предстояло довольно далеко тащить овцу до фургона. Те, кто имел дело с этими животными, знают, сколь они бывают упрямы: упрется ногами в землю и делай что хочешь!

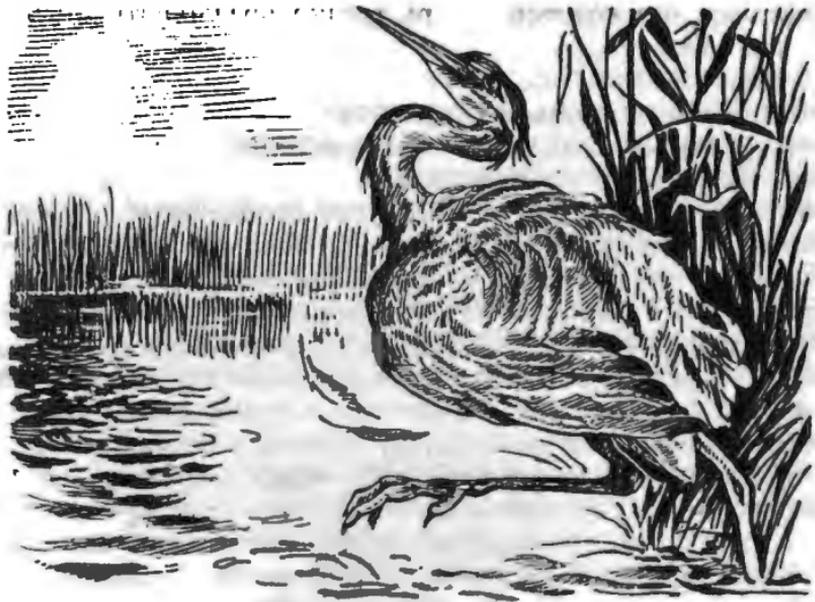
Доехав до дому, Дерек без чувств плюхнулся в кресло. По его красному потному лицу да колючкам ежевики, запутавшимся в волосах, домашние, не принимавшие участия в экспедиции за «золотым руном», могли догадаться, что поход прошел отнюдь не без приключений...

Ну, а что касается овец, то с ними больше всего любит возиться наша помощница Мэнди. Она пришла к нам прямо со школьной скамьи в 1986 году и за минувшее время набралась опыта и сделала карьеру — от помощника по уходу за животными до инспектора. Она, как и я, страстно интересуется жизнью дикой природы, и я часто водила ее на лекции и семинары по природоохранному делу. Правда, из всех диких животных я питаю особую страсть к барсукам, а она — к лисицам, но вообще-то ей свойственно сочувствие ко всем братьям нашим меньшим. На моих глазах она выросла из угловатого «готического» подростка в высокую привлекательную

женщину, без которой теперь трудно представить жизнь на нашей ферме.

Когда нам случается терять животных, которые были нашими верными друзьями, она горюет вместе со мной. К несчастью, с нами больше нет моего красного сеттера — Шина ушла из жизни в четырнадцать лет. Я помню ее еще резвящейся собачошкой, а под конец жизни она стала этакой почтенной леди, которая проводила большую часть времени в уютном кресле на кухне и удивлялась калейдоскопу животных, мелькавших у нее перед глазами. Нам потребовалось немало времени, чтобы привыкнуть к опустевшему креслу.

Глава третья

ПРО ПТИЦ И ЛЕТУЧИХ МЫШЕЙ, ИЛИ ПОПАЛСЯ, КОТОРЫЙ КЛЕВАЛСЯ

...А виноват во всем деревенский Совет!

В деревне Ист-Хантспилл местный Совет решил полностью заменить на своем здании черепичную крышу. Дело было в мае. Сняв старую черепицу, рабочие обнаружили под ней гнезда скворцов с птенцами. Еще спасибо, что сжалились и спустили вниз в картонных коробках. Ну а дальше как? Многие из них были до того крошечными, что выкормить их вряд ли удалось бы. Все же мы устроили нечто вроде инкубатора и сделали все возможное, чтобы помочь им выжить, полагаясь больше на энтузиазм, чем на опыт: тогда мы еще только-только начинали подбирать и выхаживать покалеченных и осиротевших зверюшек, и нам еще очень многому предстояло выучиться. Мы поместили каждое семейство в отдельную крышку от коробки из-под яиц, куда постелили ткань, и вскоре я набила руку в кормлении их алчущих ртов. Каждый сеанс кормления неизменно заканчивался тем, что птенчик поворачивался ко мне задом и оставлял мне... как бы это поделикатнее выразиться? Ну, в общем, маленький пакет, который

он оставляет птице-родительнице, чтобы та поскорее унесла его из гнезда, благодаря чему оно всегда остается чистым и уютным.

Конечно, у каждого вида птиц — свой рацион, но мне было, прямо скажем, не до того, чтобы баловать их разносолами. Я кормила их тем же, чем кормлю собак, — крошила хлеб, сваренные вкрутую яйца, все это хорошенько перемешивала — и представьте, старшенькие кушали с удовольствием. Боюсь, мне не хватило опыта выкормить самых крохотных, но думаю, все, что было в моих силах, я сделала. Чем старше становились птенцы, тем больше они, извиняюсь, пачкали, так что подстилку приходилось менять после каждого кормления. Но так ли, сяк ли, вот они — одиннадцать взлохмаченных птенцов, которые вот-вот научатся клевать пищу сами.

В это время помещение, где некогда созревали сыры, у нас пустовало, так что мы удалили коробки из главного дома (о, с каким облегчением я вздохнула), затащили птиц наверх и посадили в большую клетку. Там имелись жердочки, по которым очень хорошо прыгать, и кормушки (правда, птенцы любили бегать по кормушкам куда больше, чем по всей остальной площади клетки). Скворцы чрезвычайно жадны: со страшным галдежом дерутся они из-за пищи и хватают клювом столько, что не могут проглотить, а так как они при этом еще энергично трясут головой, то пища разлетается в разные стороны и пачкает все вокруг, не говоря уже об их собственном оперении; содержать их в чистоте — для этого нужно иметь особый дар. Но главное — они оказали мне особую честь, признав приемной матерью, так что, когда я чистила клетку, все одиннадцать с радостным криком рассаживались у меня на руках, на спине и даже на волосах. Сама удивляюсь, как я после этого не бросила все к черту! Но вот настал счастливый день, когда скворцам пришла пора улетать из гнезда (я говорю — «счастливый», хотя меня, конечно, охватывали смешанные чувства).

День выдался ясным и теплым. Отворив окно в комнате для сыров и дверцу клетки, я поставила ее на подоконник — интересно, решатся скворцы на свой первый в жизни полет или нет? Спустившись по деревянной лестнице, я закрыла дверь, чтобы туда не могли проникнуть кошки. К середине дня из клетки улетело пять скворцов, а к вечеру остался только один. После вечерней дойки нам с Дерекком нужно было отвезти соседу мешок корма; садясь в машину, мы радовались, что нашелся повод ненадолго покинуть ферму.

— Держу пари, ты счастлива, что скворцы улетели, — заявил Дерек.

— Пожалуй что так. Во всяком случае, я счастлива, что больше не придется убирать за ними. Надеюсь, с ними все будет в порядке, — сказала я.

Мы, к сожалению, не могли слишком долго задерживаться у соседа — нужно было запереть курятники на ночь, а перед этим хотелось еще выпить чашечку чаю. Въехали во двор — и увидели на пороге такое зрелище, что чуть не лопнули со смеху. На ступеньках сидели все одиннадцать скворцов, и, только я вышла из машины, они тут же бросились мне навстречу! Ну, совсем как в кинокартине «Птицы» Альфреда Хичкока. Поднявшись по деревянной лестнице, вся в переругивающихся между собой скворцах, я посадила их обратно в клетку. Несколько дней спустя они все же улетели насовсем; но теперь всякий раз, когда нам приносят маленьких скворцов, мы вздыхаем про себя: «О, только не это!»

Из всех птенцов, которых мне доводилось вскармливать, самыми милыми были, пожалуй, голубые синицы. Они похожи на миниатюрных пингвинчиков, потому что трутся клювом о надутую грудку. У них очень своеобразный голос, который я различаю издали, в каком бы конце фермы ни находилась, хотя должна признаться, что голоса других птиц я нередко путаю. У большинства птиц от момента вылупления до становления на крыло проходит всего около трех недель; но как же изматываются за это время бедные родители, таская такое количество пищи все подрастающей ораве!

Лазоревки необычны тем, что откладывают яйца лишь раз в сезон, тогда как многие другие пернатые — два, а то и три. Птенцы вылупляются точь-в-точь в те сроки, когда из коконов вылупляются гусеницы, в частности гусеницы зимнего мотылька. Самка этого мотылька лишена способности летать и откладывает яйца на голые ветки или почки деревьев, отдавая предпочтение груше, яблоне и дубу. Яйца так и зимуют на ветках, а по весне вылупляются гусеницы, которых переносит ветром с дерева на дерево. Возможно, потому, что зимний мотылек охотнее всего откладывает яйца на дубе, на этом же дереве охотнее всего гнездится голубая синица. Они обычно устраивают себе гнезда в дуплах, а то и занимают чужое гнездо, особенно если оно на дубе или возле него.

Нередко голубые синицы поселяются в жилищах сонь, но птенцы успевают улететь задолго до того, как у сонь начинается брачный период. В Мендипсе, где водятся косули, почти все

гнезда голубых синиц устланы характерной зигзагообразной шерстью этих животных.

В окрестностях нашей фермы водится великое множество самых разных птиц, и все они занимают свои особые территории. Близ сарая, где ныне разместился Гостевой центр, растут большой конский каштан и несколько деревьев ольхи; по их шишковатой коре снуют вверх-вниз в поисках добычи лазящие птицы.

Недалеко от фермы проходит автотрасса. С одной стороны, конечно, хорошо, потому что посетителям удобно добираться, с другой — постоянный шум мешает нашим питомцам. Автотрасса пролегла здесь задолго до того, как я пришла в усадьбу, но лучше бы она осталась, как в минувшие годы, тихой, прихотливо выющейся дорогой, бегущей от Ист-Хантспилл до Вест-Хантспилл. Вдоль нее и ныне растут ивы, но Дерек рассказывал, что некогда ее украшали могучие вязы, к несчастью погибшие от какой-то занесенной из Голландии болезни.

И вот мы отправляемся на прогулку по маршруту, который предлагаем и нашим посетителям. Наш путь лежит мимо ферм, причем многие из них и ныне принадлежат родовому гнезду Киднеров. Сначала ферма кузена Маркуса, прямо напротив нашей, а далее, у самой реки Бру — ферма дядушки Дена. На реке здесь и там стоят ворота шлюзов; если повезет, увидишь лебедей, а то и больших бакланов. С началом лета над рекою появляются ласточки — они проносятся, хватая насекомых, которых чем жарче, тем становится больше. Береговая грязь идет на постройку их гнезд, похожих на блюдца и расположенных, как правило, в человеческих жилищах, куда птицы залетают через открытую дверь или разбитое окно.

Несколько ласточкиных гнезд появилось и у нас на ферме. Только вот какая вышла оказия — однажды летом мухи особенно нещадно кусали коров за ноги, отчего они сделались очень нервными, а это затрудняло дойку. Дерек решил побрызгать коров специальным препаратом, дающим защиту от мух на целый месяц. Мы проводили эту операцию в течение трех месяцев, когда мухи особенно злые, и, представьте, помогло — коровы начали вести себя гораздо спокойнее. Но на следующий год ласточки не стали строить у нас гнезда. Мухи, которые так надоедали нашим коровам, служили им пищей; отпугнув их, мы, хотели того или нет, отпугнули и ласточек. Прошло еще целых шесть лет, прежде чем ласточки вернулись.

Отправляясь вечером вдоль реки приглядеть за пасущимся стадом, Дерек нередко наблюдает за летучими мышами, которые появляются над поверхностью воды, едва спустится

мгла. Наступает их время — они носятся над рекой, хватая насекомых, а то и мелких рыбешек.

Пересекаем поле — и сворачиваем на старый проселок, почему-то именуемый Вули-Беггар-лейн, то есть улица Попрошайки Вули. Время от времени встречаются семейки длиннохвостых синиц, перепархивающих с куста на куст — сядут на миг и снова взлетят. Огибая по периметру расстилающиеся поля, проселок вливается в большую дорогу, которая, в свою очередь, пересекает автомагистраль. Хотя шоссе № 5 весьма портит пейзаж, но с моста, который специально построили для этой трассы, открывается прекрасный вид на земли Сомерсета.

Многие путешественники считают здешнюю местность малоинтересной и проскакивают ее, не замедлив хода. Но сверни с магистрали — и окунешься в медленную, размеренную жизнь, не меняющуюся много десятилетий, особенно на торфянистых землях. Здесь фермеры нередко доят коров прямо в полях, потому что фермы расположены слишком далеко и гонять коров туда и обратно просто лишено смысла. На тракторе привозят портативный подоюник, бидоны для молока — и доят. В здешних торфяниках добывают торф, а земли, не используемые для хозяйственной деятельности, оставляют для диких зверей и птиц. Так, Природоохранный трест Сомерсета устроил заповедник Уэстхей — дикая фауна быстро обжила его и процветает. Там теперь встречаются даже выдры. Я уже упоминала об ивах — в здешних краях из них издавна плели корзины, это ремесло сохранилось и поныне.

Спускаемся с моста, ступаем на малохоженую дорогу — и потихоньку шагаем обратно к ферме. Застигнутые врасплох, ныряют под укрытие кустарников шотландские куропатки. По их могучим зеленым лапам можно судить, как прекрасно приспособлены эти птицы для плавания, бегания по болоту и даже лазания по деревьям. Если повезет, увидишь стоящую в реке цаплю — она превосходный рыболов и нередко хватается даже крупных угрей. Неподалеку от нас расположено гнездовье этих птиц. Многие не знают, что такая крупная птица живет в дикой природе, — были даже случаи, когда посетители, вернувшись с прогулки по предложенному нами маршруту, сообщали, что от нас улетела цапля и стоит, как часовой, в реке недалеко от дороги!

Многие приносили нам птиц, но однажды принесли яйца. После катастрофического наводнения 1981 года необходимо было возвести новую прибрежную стену для защиты от приливов. За дело взялся местный подрядчик Артур Дакетт, вла-

делец мощных американских грузовиков. Как-то в промозглый ветреный день он обнаружил, что в том месте, где он собирался продолжить работы, птица устрицеед отложила два яйца. Это очень обеспокоило Артура: он знал, что яйца этой птицы охраняются законом. Но не останавливать же из-за этого работу! Он тут же позвонил в Департамент по охране окружающей среды, получил разрешение на перемещение яиц с места кладки и привез их мне — может быть, удастся вывести птенцов? К счастью, мой домашний инкубатор был в рабочем состоянии; я запихала туда яйца и почти забыла о них.

Между тем в инкубаторе вылупились цыплята бентамки¹, и, к своему удивлению, я увидела среди них очень милого птенца с длинным клювом, одетого в коричневый и белый пух. Из второго яйца так никто и не вылупился. К счастью, птенцы устрицеда появляются на свет отнюдь не беспомощными — они сразу рождаются зрячими, могут бегать, быстро учатся добывать себе корм. Таковы птенцы болотных птиц и уток. И вот наш птенец сидел со счастливым видом среди попискивающих приятелей — хорошо, что они появились на свет одновременно, радовались мы, будет кому научить его клевать и находить пищу! Иногда можешь и сам научить птенца клевать — возьми пинцет и постучи им по блюдцу с пищей, подобно тому, как птицы-родители учат своих детей. Вскоре он вытянулся и стал по крайней мере на два дюйма выше дружков, но те словно не замечали этого — «гадкий утенок» оставался с ними как равный. Мы добавили в его рацион личинок, мяса, которым кормили собак, иногда давали рыбу — конечно, в дикой природе эта птица питается моллюсками, но не ловить же специально для него! «Гадкого утенка» прозвали Олли.

Наконец Олли и его приятели-бентамки выросли достаточно большими, чтобы их можно было выпускать из загона, который находился рядом с санным сараем. Мы надеялись, что вскоре он станет на крыло и полетит искать себе подобных, благо устье реки находилось в пределах радиуса полета устрицеда. Это произошло вечернею порою, когда я закрывала кур, — Олли помахал крыльями и взлетел. С каким наслаждением созерцала я его полет над нашей фермой, а затем над фермой нашего соседа Майкла в лучах заходящего солнца! Вернувшись в дом, я сообщила Дереку, что Олли наконец-то улетел.

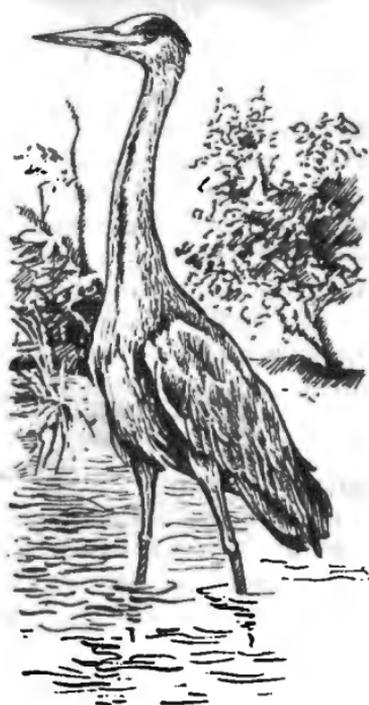
¹ Мелкая порода кур.

Однако на следующий день Олли вернулся. Майкл увидел, как он что-то клюет возле его сеного сарая, и притащил его нам. Пару недель спустя он улетел снова; потом его нашли разгуливающим по проезжей части Хай-стрит городка Бернгэм-он-Си и передали в Отдел дикой природы Общества покровительства животным. Нам позвонил сотрудник отдела Колин Сэддон и сообщил:

— Слушай, не вашего ли Олли мы тут подобрали? Помнится, вы давали ему собачьи консервы. Когда мои коллеги пришли его кормить, он сразу узнал банку!

Очевидно, ему еще нужно было привыкнуть к своим сородичам, поэтому его на время поместили в загон с другими устрицедами, а затем выпустили на острове Стиэрт-Айленд, где эти птицы водятся в немалом количестве.

Что ни говори, а все-таки удивительно — почему зверь или птица появляются на свет с какими-то врожденными задатками, а чему-то им приходится учиться? Мы обсуждали этот вопрос на лекции, которую нам читал в Бристоле мясник-пенсионер Даг Вудс — настоящий кладезь знаний о дикой природе. Он рассказал, что стрижи и цапли прекращают заботу о птенцах, как только те оказываются в состоянии сами позаботиться о себе. Первое, что требуется от юной цапли, — это вылететь из родительского гнезда и найти воду. Затем — научиться ловить рыбу. Ситуация со стрижами кажется еще более невероятной. С момента, когда молодой стриж покидает родное гнездо, он остается в полете в течение по крайней мере двух лет, за все это время ни разу не коснувшись земли. В воздухе он добывает себе корм, спит, чистит клювом перья. Подросший стриж должен сам найти путь в Африку; он возвращается на следующий год, но даже и к тому времени он остается слишком юным, чтобы производить потомство. Только на втором году жизни стрижи устраивают гнездо — и после столь продолжительного полета впервые садятся на землю.

Предполагается, что за свою жизнь — десять и более лет — стриж пролетает более миллиона миль. Ну, не чудны ли дела твои, Природа?

Многие газеты охотно публикуют материалы о жизни животных. Когда нам в очередной раз позвонили корреспонденты — узнать, что у нас новенького, мы рассказали о недавно появившихся на ферме летучей мыши пипистрели и птенцах малиновки. На следующий день передовая статья в местной газете была озаглавлена так: «На ферме Нью-Роуд летучим мышам не жизнь — малина!» Однако в действительности выхаживать летучих мышат очень трудно — все, что нам известно по этому поводу, мы узнали от Чери Винсента, который годами возился с различными видами летучих мышей. Нам приносили только пипистрелей, хотя графство Сомерсет может похвастаться пятнадцатью видами, прекрасно себя чувствующими в здешних лесах и пещерах. Крошка пипистрель весит не больше, чем три 20-пенсовые монеты¹; невероятно, но в этом крохотном организме заключается все — и летательный аппарат, и внутренние органы, и превосходная эхолокационная система.

Вообще-то по вечерам на ферму прилетают летучие мыши, но немного, и гнезда здесь не устраивают. Очевидно, территория фермы слишком мала, чтобы их прокормить. Детенышей летучих мышей мы выкармливаем козьим молоком, но все трудности начинаются тогда, когда им пора переходить на взрослый рацион. Летучая мышь съедает за одну ночь две-три тысячи насекомых. Мелких мошек и комаров она лопает прямо на лету, но если ей удастся схватить мотылька, она тащит его к себе в гнездо и там уписывает за обе щеки; при этом остатки трапезы скапливаются на полу. Поначалу было очень трудно подобрать им рацион, подходящее питание, но вскоре выяснилось, что летучие мыши охотно едят мучных червей. Но их надо еще приготовить! Отрезаешь голову и выдавливаешь содержимое, как из тюбика с зубной пастой. Впрочем, я сделала из этого небольшое «шоу» — показываю людям, как я кормлю летучих мышей. Пусть убедятся, что на самом деле эти существа отнюдь не страшны и пугаться их не надо.

Будучи столь маленькими, летучие мыши способны проникнуть почти в любую дыру в крыше — там, где отошел лист железа или черепица. Обычно воображение рисует колонию мышей где-нибудь на затянутом паутиной и открытом всем

¹ Грансная монета размером с наши 15 копеек, но чуть толще. В ходу с начала 1970-х годов, когда английский фунт стал делиться на 100 пенсов.

сквознякам чердаке заброшенного дома; в действительности же они предпочитают новые теплые дома. Многие и не знают, что у них под крышами обитают такие вот арендаторы-неплательщики. Поскольку летучие мыши пипистрели живут колониями до тысячи особей в одном гнезде, им очень важно чувствовать тепло другого тела. Я решила и эту задачу: беру водяную грелку, покрываю ее тканью — и они отлично повисают на ней; а иногда я просто балую их — ношу как украшения на своем джемпере. Был такой случай — я, как обычно,

выхожу к публике и начинаю кормежку висящих на джемпере летучих мышей. При этом объясняю, что даю им десять — двенадцать червей вместо двух-трех тысяч насекомых, которых они ловят на воле. Но, видимо, объяснение прозвучало недостаточно ясно. Когда посетители расходились, я слышала, как одна леди сказала своему другу: «И откуда у такой крошки берутся силы, чтобы выжать за одну ночь две-три тысячи червей?» Я мигом представила себе бедную летучую мышь с соковыжималкой, а перед ней — гору мучных червей, которых она выжимает одного за другим, приводя инструмент в действие своими крыльями... Разубеждать дамочку я не стала.

Летучие мыши находятся под охраной закона, и всякий, кто найдет их у себя на чердаке, должен знать, какую огромную пользу они приносят. Вас раздражают комары и мошки? Так подумайте, во сколько раз их было бы больше, если бы не летучие мыши. А ведь мы, люди, — порою невольно — отнимаем у них среду обитания, как, впрочем, и у других животных. Например, мы распыляем над лесами средства против червей-древоточцев, от которых летучие мыши гибнут и через десять лет после их применения. Нередко губят летучих мышей те, кто затевает перестройку в своем жилище. Будьте сознательны — если вы хотите перестраивать или ремонтировать дом и есть хоть малейшие подозрения, что там могут быть летучие мыши, позвоните в Общество охраны природы — там

вас внимательно выслушают и, возможно, пришлют представителя Группы по защите летучих мышей. Против червей созданы средства, не причиняющие вреда летучим мышам. Впрочем, я подозреваю, что больше всего летучих мышей гибнет... в когтях тех, кому сам Бог велел ловить мышей. Догадались? Я имею в виду нашу общую любимицу — домашнюю кошку.

Впрочем, те кошки, которые живут у нас на ферме, прекрасно знают: все живое, что мы приносим в дом или нам приносят,— отнюдь не для еды. На мой взгляд, они даже слишком дисциплинированы: на ферме житья не стало от крыс и мышей, так что пришлось вызвать сотрудников санэпидемстанции и обследовать одну за другой все старые постройки. Так мы познакомились с «флейтистом из Гаммельна» по имени Джим — одним из тех милейших созданий, которых всегда так приятно видеть. Правда, он стесняется своего ремесла и предусмотрительно ставит свой желтый фургончик подальше от глаз посетителей. Но вот однажды, направляясь к одному из дальних сарайчиков, он столкнулся в саду со вновь прибывшей группой детей. Спрятав за спиной ведерко с отравой (само собой разумеется, приманка используется такая, которая действует только на мышей и крыс,— не приведи Господь, чтобы на нее польстился кто-нибудь из наших питомцев!), он стал делать вид, будто ухаживает за садом. И в тот же миг услышал:

— Мое почтение, господин Крысодав!

Это крикнул ребенок, в семье которого Джим как-то побывал, выполняя профессиональные обязанности. Ребенок был явно горд тем, что узнал Крысодава, и 65 пар глаз тут же устремились на Джима. Вяло улыбаясь, он помахал детишкам ручкой и пошел прочь, раздосадованный тем, что его разоблачили...

В обязанности Джима входит также надзор за голубями — когда с ними нет сладу, их приходится отлавливать и истреблять. Такие меры у многих вызывают недоумение — нельзя ли просто отлавливать их и выпускать где-нибудь в другом месте?

Джим, которому осатанели подобные вопросы, поставил опыт: утром поймал нескольких голубей, пометил специальной краской и посадил в свой фургончик. «Я делал все, чтобы сбить их с толку,— рассказывал он потом.— Весь день кружил по самым извилистым дорогам — то в Вуки, то в Мендипс, удивляясь, как у них от этого не закружилась голова! Наконец я выпустил их в Бристол, дую домой — и, что бы вы думали,

голубчики встречают меня на том самом месте; откуда я их вывез!»

Крыть было нечем.

Большинство людей мало знают о птицах. Однажды нам позвонили люди, подобравшие у себя в саду птенца ястреба-тетеревятника, но не представлявшие, как за ним ухаживать. Может быть, мы заберем? В это время на ферме жили мой племянник Линкольн и его подружка Лиз. Они приехали из Кента в отпуск. Линкольн здорово помог нам с ремонтом построек, а Лиз славно потрудилась в саду. Оба не переставали удивляться разнообразию животных и птиц, появившихся у нашего порога, а когда я сказала, что нужно съездить за птенцом, попросили взять их с собой.

Линкольн, который едва разменял третий десяток, был весь в отца: стройный, рослый — по крайней мере 6 футов 7 дюймов, так что ему пришлось сложиться, как портновский метр, чтобы залезть в машину. Погода выдалась жаркая, и мы сходили с открытыми окнами. Ветер заодно трепал длинные волосы Линкольна, которым позавидовала бы любая девчонка. «Эй, осторожнее, испортишь прическу!» — поддразнивали мы его. Переводя разговор на другую тему, он объяснил, что всегда интересовался хищными птицами и горел желанием увидеть птенца какой-нибудь из них.

— Это может оказаться вовсе не ястреб-тетеревятник, — предупредила я. — Далеко не все умеют различать птиц. Но, по крайней мере, он у них в коробке, так что свою искать не надо.

Когда мы подкатили к дому, я велела Линкольну забрать птицу, а сама развернула машину. Мы с Лиз нетерпеливо ждали его возвращения. Но вот парадная дверь открылась, и оттуда вышли Линкольн и хозяйка дома, благодарившая его за то, что он забрал птенца, и наказывавшая беречь его как зеницу ока. Линкольн бережно прижимал к груди накрытую платком коробку из-под мороженого. Наконец он забрался в машину, и мы все с нетерпением уставились на коробку — что же в ней? Линкольн торжественно сдернул платок...

— Ну что, довольны? — улыбнулся он.

В коробке гордо восседал яркий, как картинка на белой скатерти, птенец — конечно же никакой не ястреб-тетеревятник, а... шегол!

К хищным птицам обычно относятся с почтением, но только не к сорокам. «Воровка» — это еще самое лестное, что про них говорят. Конечно, стрекотуны-белобоки в последнее

время расплодилось, но теперь доказано, что ущерб от них куда меньший, чем от пустельги или того же ястреба-тетеревятника, нещадно ворующих у других птиц и яйца (эти виды одно время находились под строгим контролем охотинспекторов). В то же время численность других видов сильно сократилась — среди них крапивник, малиновка, черный дрозд: предполагают, что причины тому — изменение климата в последние годы и интенсивные методы ведения сельского хозяй-

ства, начисто уничтожающие сорняки; а раз нет сорняков, нет ни семян, ни насекомых, которых сорные растения привлекают. Но есть надежда, что баланс будет восстановлен — слава Богу, мы все больше понимаем необходимость природоохранной деятельности. Так что давайте не будем сваливать все на бедную сороку.

Дереку приходится возиться с брошенными и обездоленными существами не меньше, чем мне, а поскольку мы живем недалеко от моря, нам часто приходилось подбирать чаек. Однажды кто-то позвонил и пригласил приехать в Уэстон-Сьюпер-Мэр за морской птицей. Когда Дерек уже собирался садиться в машину, его разговорил один из посетителей, задавший вопросы о животных; в итоге Дерек уехал, забыв взять с собой коробку, чтобы поместить в нее нашего нового питомца, и сетки, чтобы отловить его. Когда он приехал на место — это оказался вертолетный музей, — то обнаружил, что его ждет не чайка, как он думал, а морской орел — самая крупная и самая впечатляющая из морских птиц. Но при всем величии и красоте у этих птиц есть свои трудности — когда ветер сдувает их в сторону суши, садиться им нужно только туда, откуда можно взлететь без разбега — например, на утес. Наш красавец, хотя и имел семифутовый размах крыльев, был совершенно беспомощен и взлететь не мог. Если бы кто-нибудь пришел на помощь Дереку, с птицей быстро удалось бы справиться, но никто не решался — все знали, что у нее мощный клюв и она не преминет им воспользоваться при первой

же возможности. Но вот Дереку под аплодисменты толпы зевак удалось загнать птицу в угол — ему дали веревки и прочный картон, который он обернул вокруг тела птицы, а на голову ей надел мешок для денег из мягкой материи, чтобы заставить ее успокоиться. Птице было как минимум четыре года — только с этого возраста оперение у них становится необыкновенно красочным. У этих птиц отсутствуют ноздри на внешней стороне клюва, что позволяет им нырять головой вниз в море с высоты до ста футов — это значит, что при столкновении с водой скорость птицы достигает 60 миль в час. Дерек отвез птицу прямо в Отдел дикой природы, где имелись условия для содержания морских пернатых.

Хотя на выезды по вызовам уходит масса времени, нам всегда интересно посмотреть на самых разных птиц, которых — при нашем образе жизни — нам вряд ли удалось бы увидеть. Дереку приходилось ездить за самыми необычными пернатыми — тут были и гагары, и бекасы, и перевозчики, и даже глупыш.

Этого глупыша наша помощница Мэнди запомнит на всю жизнь, так как именно ей пришлось с ним возиться, прежде чем его отправили в Общество покровительства животным. Внешне он похож на чайку, но на загнутом крючком клюве отчетливо выделяются две ноздревые трубки — через них он выбрасывает темную, плохо пахнущую жидкость, от которой потом очень трудно отмыться, — такой у этих птиц способ защиты. Бедная Мэнди узнала о дурной привычке глупышей только тогда, когда наш питомец как следует «освежил» ее своим «одеколоном». Мэнди немедленно посадила птицу в клетку и кинулась к нам, чтобы выложить все, что думает о нас и о глупыше. Слава Богу, нам с Дерекком не занимать чувства юмора, и мы всласть поохотились над неудачницей, что вряд ли было воспринято ею как выражение сочувствия. Глупыши встречаются на большей части побережья, где имеются удобные скалы, с которых можно взлетать. Глупыши — птицы-долгожители: они могут жить до сорока лет. (Впрочем, наш питомец пожил с нами всего два дня, но нам и этого хватило с избытком!)

Когда имеешь дело с птицами, у которых большие клювы, соблюдай предельную осторожность, чтобы они тебя не покалечили. Обычно я надеваю им на клюв резинку — и порядок. Как-то раз мне позвонили и спросили, могу ли я забрать раненую цаплю.

- Какого характера ранение? — поинтересовалась я.
- Огнестрельное, — ответили мне.

— Кто же ее так? — удивилась я.

Стесняясь, собеседник признался, что цаплю подстрелил он сам. Дело в том, что эта птица с завидным постоянством таскала из бассейна у него под окнами золотых рыбок, являясь каждое утро прямо к завтраку. В один прекрасный день он решил, что с него достаточно — схватил ружье и выстрелил у нее над головой. Хотел только пугнуть с расчетом, что она больше не вернется. Но, к несчастью, в момент выстрела цапля вспорхнула, и заряд попал ей в шею.

— Привозите, посмотрим, — сказала я.

— Спасибо, я уже в пути, — с облегчением вздохнул мой собеседник и повесил трубку. (По понятным причинам я не буду называть его имени.)

Тут я вспомнила — надо же было предупредить, чтобы он остерегался клюва! Да нет, все обойдется, подумала я. Из разговора я поняла, что он умеет обращаться с животными, значит, спасение от их клювов и когтей — первое, чему он должен был научиться. Через несколько минут во двор въехала машина. (Забегая вперед, скажу, что цаплю вылечили, и она улетела на волю.) Когда хозяин вышел поприветствовать меня, я увидела, что на носу у него красуется здоровенная царापина, а одно из стекол очков разбито вдребезги — не будь он в очках, остался бы без глаза.

— Ну что, досталось вам от цапли? Теперь вы квиты, — сказала я. Тот нахмурился. Как и королева Виктория, он был не из тех, кто понимает шутки.

Глава четвертая

МОИ БАРСУКИ: ТРИ ПОЛОСАТЫЕ МОРДЫ И ОДИН ГЕРЦОГ

«Ну, что там на сей раз?» — подумала я, когда один из работников фермы принес мне картонную коробку. С того момента, как мы с Дерексом приняли историческое решение превратить нашу ферму в «показательную» и открытую для публики, прошло пять лет. За это время слава о нас как о верных друзьях животных распространилась повсюду, и к нашему порогу приносили множество разнообразных зверюшек. Из коробки доносился какой-то странный, неведомый мне шум — некая смесь гусиного гогота и собачьего лая. Я с любопытством заглянула в коробку — там сидели три серых существа, каждое не более восьми дюймов в длину. У них были бархатные шубки, а на каждой лапке красовались пять блестящих ровных коготков. Подняв мордочки в черную и белую полоску, они глядели на меня своими молочными глазками. С первого взгляда на трех крохотных барсучат я поняла, что они займут в моей жизни очень большое место — по крайней мере, на ближайшие несколько месяцев.

Я никогда прежде не видела новорожденных барсучат. Они появляются на свет обычно в январе — феврале и первые восемь — десять недель полностью зависят от мамы. Если барсучиха почему-либо умрет, детеныши останутся под землей и погибнут от голода. Такая судьба ожидала бы и этих троих, но спасение им принесла, как ни парадоксально, разрушительная деятельность человека. Прокладывая дренажные трубы, рабочие наткнулись на барсучью нору. Там нашли мертвую барсучиху и троих детенышей, которые по-прежнему сосали ее. Рабочие не знали, что и делать. Тут один из них вспомнил о нашем существовании и снарядил к нам гонца. Я поняла, что детеныши здоровы и им отнюдь не угрожает истощение. Они только похныкивали от холода. Я, конечно, отнесла их на кухню и поставила греться у печки «Рейберн», но сперва хорошенько побрызгала антиблошиным дустом, а то на их полосатых мордашках было — каждой блошке по дорожке! Вскоре тепло сделало свое дело, и барсучата уснули, а мы тем временем кинулись обзванивать друзей и изучать зачитанные до дыр справочники.

Судя по всему, малышам едва исполнилось пять недель. Глазки у них только-только прорезались, и правильной фокусировки в них не было. Когда голод наконец заставил их проснуться, я стала кормить их с помощью шприца. Однако сперва нужно было потереть у них между задними лапками тканью, смоченной теплой водой, — точно так же, как мама лижет их своим теплым язычком: это стимулирует опустошение мочевого пузыря и кишечника (о том, к каким последствиям это подчас приводило, я расскажу в свой черед). Вот теперь можно кормить. Беря на руки одного барсучонка за другим, я обнаружила, что это две девочки и один мальчик, и тут же дала им имена. Девочек назвала Блюбедл и Примроуз (что значит Колокольчик и Первоцвет), а мальчика — Уиллоу (Ива).

Процедура кормления барсучат занимала час, а повторять ее нужно было через каждые четыре часа. Теперь я весь день не знала покоя — первая процедура происходила в шесть утра, а последняя — в полночь. Коробку с детенышами я перенесла в гостиную, где имелся обогреватель; таким образом, они постоянно находились у нас на виду. Когда я по очереди кормила барсучат, они уютно устраивались у меня на коленях или сворачивались калачиком рядом со мной в кресле. Надо ли говорить, что они признали меня родной матерью. Не знаю, кто испытывал при этом большее наслаждение, они

или я; ведь это счастье, когда такие красивые зверюшки являются твоими преданными друзьями.

Правда, когда я впервые взяла их на руки, они приветствовали меня весьма своеобразно — специфическим мускусным запахом; то же самое они проделывали, когда были чем-то взволнованы и в ожидании еды. Это у них своего рода семейный опознавательный знак: у каждого барсука у основания хвоста имеется мускусная железа, и члены семьи постоянно метят друг друга. Таким образом, каждый барсук имеет возможность отличить своего, ну и, конечно, распознать пришельца. Поскольку обоняние у барсуков развито в пятьсот раз лучше, чем у нас, они по запаху легко отличают друга от врага.

Как-то поздним вечером, сидя у камина с тремя барсучатами, сладко заснувшими у меня на коленях, я подумала, как же трудно мне будет выпустить их на волю, даже если удастся их вырастить. Ведь у них — ни семьи, ни принадлежащей им территории. Однако, оставив эти раздумья до лучших времен, я сосредоточилась на настоящем — давайте решать проблемы по мере их возникновения. В конце концов, с чего я сейчас-то паникую? Сажу себе в уютном кресле, люблюсь горящими полешками, тогда как мой бедный Дерек на пронизывающем мартовском ветру осматривает овец, которые вот-вот начнут ягниться! Ну, ничего, сейчас придет, и мы отправимся спать. Я подошла к окну и оглядела двор: луна сияла так ярко, что не нужно было зажигать огонь. В лунном свете различались даже нити паутины, опутавшие изгородь. По всей стране, присосавшись к любящим мамашам, глубоко спят по своим норам много-много барсучат, не ведая о кознях и злобе мира сего, о холодном ветре, разгуливающем снаружи! Пройдет еще четыре-пять недель — и весна вступит в свои права. Вот тогда-то нужно будет в первый раз выйти на поверхность, познать новые картины и запахи, совсем не те, что под землей! Конечно, сначала — ни на шаг от мамочки: она покажет занятую семьей территорию, научит, где добывать пищу, по каким тропкам безопаснее бегать; и все это — в процессе веселой игры! Она также представит детенышей другим членам семьи и возьмет на себя их защиту. Господи, думала я, как мне справиться со всеми этими обязанностями самой?!

Не прошло и недели, как барсучата научились самостоятельно пить из бутылочки. Я попробовала посадить их на пол, и они тут же, хотя и не очень уверенно, принялись исследовать окружающее пространство. У них уже появилась нормальная

фокусировка глаз — там-то, под землей, они ведь ими не пользуются, полагаясь в основном на обоняние.

Как вы уже, наверное, догадались, барсучата вызвали огромный интерес у наших друзей — особенно Кена Чапмана, заядлого фотографа-любителя, который предложил снимать детенышей в течение всего времени, пока они будут подрастать. И вот как раз во время первого «сеанса» — через три недели после их появления у нас — я обратила внимание, что Уиллоу ведет себя слишком вяло и апатично. Впрочем, глаза у него блестели так же ярко, как у сестричек, и сосал он так же бойко, как и они; в общем, других признаков для беспокойства не было, и я не придавала этому значения. И напрасно! Это был предупреждающий сигнал. Проснувшись на следующее утро, я увидела моего малыша мертвым. Горечь утраты была велика, но у меня на руках оставались еще две девчонки — нужно было выяснить, не было ли моей вины в гибели барсучонка, и если была, то как не повторить ошибки? Тельце повезли ветеринару на вскрытие. Да, тут была и доля моей вины. Барсучонок умер от инфекции в легких. При кормлении детеныша из бутылки нельзя позволять ему сосать слишком быстро — молоко может попасть в легкие, а это вызовет легочную инфекцию, подавить которую в столь крохотном организме очень непросто, даже с помощью антибиотиков. Я получила урок на всю жизнь — если инфекция поражает диких животных, она долго не дает внешних проявлений, пока состояние животного не становится угрожающим.

Утрата обескуражила меня, и все же я продолжала воспитывать своих девчонок, хотя и с большей осторожностью, чем прежде. Моя привязанность к барсучатам была такой сильной, что я ни в коем случае не передоверила бы их никому другому, но боязнь сделать ошибку занозой засела в моем сознании. Я нуждалась в больших знаниях о барсуках, их образе жизни, социальном поведении и взаимоотношениях с окружающей средой, а почерпнуть столь необходимые сведения я могла только из книг. Впрочем, слух о том, что у меня появились барсучата, скоро разнесся по всей округе — к нам зачастили представители местной Группы по защите барсуков, так что было кого послушать и у кого набраться опыта.

Но как непредсказуема порой игра судьбы! В одно прекрасное утро, всего через шесть дней после смерти Уиллоу, к нам пожаловал один фермер. Неподалеку от его фермы на дороге нашли мертвую барсучиху, а позже, когда фермер приехал забрать мешки с силосом, он увидел в углу, позади мешков, крохотного барсучонка-мальчика, явно брошенного ма-

терью. Молодые самки часто уходят рожать подальше от основного жилища барсучьей семьи, поскольку там остается рожать главная хозяйка: существует риск, что она может погубить потомство другой самки. Фермер не мог знать, приходилась ли мертвая барсучиха матерью этому детенышу или нет, но на всякий случай оставил барсучонка на месте — в надежде, что если его мать жива, то вернется (хотя, по правде говоря, в это было трудно поверить: уж очень активно там хозяйничали люди!). К несчастью, барсучиха (если она была жива) так и не вернулась, и детенышу грозила смерть от голода и холода. Конечно же я взял барсучонка в дом, и Уиллоу II влился в общий кружок. Правда, моим девчонкам было приблизительно по два месяца, а он оказался недели на две моложе.

Несколько дней спустя меня посетила догадка, почему мамаша бросила его. Ни одно существо не было так трудно кормить, как это! Сначала вставишь ему в рот резиновую соску, затем принимаешься крутить бутылочку, нажимать на соску — мол, кушай, миленький, не стесняйся! А детеныш вцепится в соску зубами да так и будет держат минут десять, не проглотив ни капли; зато потом начнет сосать так, будто до этого голодал целый день. Такое нередко случается с барсучатами и в дикой природе, когда у матери недостаточно молока, он вцепится в нее, чтобы не допустить никого другого. Когда искусственно вскармливаешь детеныша, все, что в таком случае требуется, — это терпение. Жди, пока детеныш осознает, что конкуренции нет, отпустит соску и начнет кушать за милую душу. Но легко сказать — имей терпение! Если барсучата затевают драку из-за пищи, можешь оставить надежду, что свою семью накормишь обедом вовремя. Да и другие дела тоже придется отложить до лучших времен. Каких усилий стоит казаться невозмутимой и счастливой, когда сталкиваешься с глазу на глаз с этим упрямым, согнувшимся в дугу созданием! Правда, он перерос эту фазу уже через несколько дней, но упрямство — впрочем, не такая уж плохая черта для молодого человека! — в нем осталась. Впоследствии из-за этого не раз возникали конфликты.

Когда нам принесли барсучат, то предупредили, что из-за смены рациона у них через две недели начнет выпадать шерсть. В этом нет ничего страшного — она только обламывается у корня и вскоре отрастает вновь. С моими девчонками такого не произошло — может быть, потому, что они в столь раннем возрасте перешли на новую диету, их организм никак не отреагировал на это. Чего не скажешь о бедняге Уиллоу — в течение нескольких недель шерсть у него выпадала по волоску,

и в итоге он остался совершенно голым — почти как человеческий детеныш, если не считать сохранившихся полосок на спине и белой шерсти на морде. Правда, в остальном он был совершенно здоров и старался на равных играть с девчонками, которым было не занимать озорства. Только вот какая штука — когда барсуки играют, они хватают друг друга за складки шкуры и тянут, а так как кожа у нашего Уиллоу была ничем не защищена, то представляю, как ему подчас бывало больно.

Теперь сон не занимал в их жизни столько времени, сколько прежде, — им хотелось играть и исследовать окружающее пространство. А так как последнее пока ограничивалось домом, то беспорядок стал нашим постоянным спутником. Великолепно развитое обоняние позволило барсукам быстро разведать, что находится за дверцей холодильника, а также — за какой дверцей буфета стоит вазочка с печеньем. Когда барсук достигает подросткового возраста, у него на лапах вытягиваются когти, которыми он прекрасно роет землю; но в доме-то землю не пороешь, а лапы так и чешутся. Ну, скажем, стоит недостаточно плотно прикрыть дверцу буфета и оставить крохотную щелку, как в эту щелку тут же залезет когтистая лапа — и пожалуйста, дверца нараспашку! Впрочем, даже человеческим детенышам требуются годы, чтобы уразуметь: в холодильник или буфет нельзя лазить без спросу! Стоит ли тогда винить бедного барсучонка, что его потянуло заглянуть в щелку? Однажды я поставила в буфет пять пакетов кукурузных хлопьев в сахарной пудре и опять-таки недостаточно плотно закрыла дверцу... Если бы я не застигла барсучат на месте преступления, то, скорее всего, им не поздоровилось бы; но когда я увидела трех утомленных, свернувшихся калачиком воришек, с головы до хвоста вывалявшихся в сахарной пудре, то мне ничего не оставалось, как покатиться со смеху... Правда, к их чести я должна сказать, что они не больно шкодили в доме, поскольку я припасла для них огромное количество игрушек; но все же мы решили, что самым правильным будет держать их под постоянным надзором. Днем их помещали в гостиную, где за ними смотрела либо я, либо наша секретарь Джин. Большинство наших работников носят джинсы или тренировочные костюмы, и если у кого-то из них бахрома вокруг ступней оказывалась влажной и изжеванной, значит, он заходил в гостиную. Что поделаешь — в рацион барсуков уже в этом возрасте входят черви, вот мои голубчики и решили проверить, а вдруг бахрома на джинсах — это какие-то особенно вкусные черви!

В апреле я прекратила кормить моих девчонок из бутылочки — они успешно освоили рис со сливками, а затем стали есть буквально все. Но Уиллоу никак не хотел отвыкать от бутылочки, вообще, как это нередко случается с самым младшим в семье, стал очень избалованным. Стоило ему поскандальничать с девчонками, как он тут же бежал ко мне плакаться: бедный я, бедный! Трется о ноги и ждет, что я возьму его на ручки, а потом с торжествующим видом смотрит на сестренку: вот, мол, я какой!

Между тем держать девчонок в доме с каждым днем становилось все труднее — я боялась, как бы они вообще не разнесли его в щепы. И мы решили построить им временное жилье из соломы в старом коровьем стойле. Днем Уиллоу находился вместе с ними, а на ночь я его все же забирала в дом — во-первых, он по-прежнему ел из бутылочки, а во-вторых, у него еще не отросла шубка. Он поселился в теплом, уютном и проветриваемом буфете, выходя оттуда только поесть или поиграть с Барни. Надо сказать, у них с Барни сложились

очень теплые отношения, которые продолжались все то время, пока Уиллоу оставался с нами.

Хотя девочки жили теперь отдельно, я, по крайней мере, три раза в день на полчаса приходила играть с ними, а то еще обидятся, что я мало уделяю им внимания! Барсуки принадлежат к тому же семейству, что и хорьки, но гораздо крупнее. Челюсти у них столь мощны, а зубы столь острые, что они могут запросто откусить тебе пальцы; но даже когда они кусаются просто так, играючи, ей-богу, это очень больно! От таких игр мои бедные рученьки и ноженьки стали совершенно синими, а местами — почти черными. Но что поделаешь — взялась быть приемной матерью сироткам, так не ной! А они и рады — обращаются со мной как с игрушкой. Загон для девочек снабдили воротами из листового металла, а то как бы местные барсуки не поубивали моих, оказавшихся на чужой территории. У барсуков вообще очень развито чувство территории, они метят ее по всему периметру экскрементами, предупреждая: сюда нельзя! Когда в Отделе дикой природы Общества покровительства животным появляются покалеченные барсуки, то они изнутри метят заборы загонов, куда их помещают. В свою очередь, местные барсуки приходят и метят забор снаружи, предупреждая пришельцев, что их загон окружает чужая территория. Впрочем, у нас никогда не возникало территориальных споров, хотя всего через два поля имеется старая-престарая барсучья нора. Правда, барсучат нашли всего в двух милях от нее — не исключено, что они принадлежат к тому же семейству.

Как раз в это время пришло приглашение приехать с нашими барсучатами на сельскохозяйственную выставку в Лондон. Выставка проводилась в Гайд-парке в начале мая и была приурочена к 150-летию Королевского сельскохозяйственного общества и 100-летию министерства сельского хозяйства, рыболовства и продовольствия. Помимо других экспозиций, каждая региональная группа Национального союза фермеров демонстрировала, какие продукты фермерского труда (будь то продукты питания или продукция местных ремесел) составляют славу той или иной местности. До этого нам неоднократно приходилось участвовать в различных шоу, и мы знали, что повышенное внимание публики не травмирует животных. Ну, а за барсуков вообще можно было не беспокоиться — в этом возрасте, где бы они ни находились, они чувствуют себя уверенно, пока я с ними рядом. Мы договорились, что будем ночевать прямо в павильоне вместе с нашими питомцами, и я согласилась взять с собой и других животных, так что по-

лучится целая выставка — «Наша страна и дикая природа». Уиллоу по-прежнему кормили из бутылочки, а в условиях выставки это будет слишком сложно. Так что решили взять только сестричек. Джин, которая была без ума от Уиллоу, сказала, что заберет его к себе домой на три дня (если бы она только знала, на что себя обрекает!). Симон, который часто помогал мне с барсуками, ехал со мной. Мой кузен Клайв участвовал в показательной стрижке овец, причем все в том же павильоне, так что мы все втроем отправились в Лондон на его джипе, а следом шел трейлер с животными, провиантом и оборудованием. Время от времени мы останавливались, чтобы убедиться, все ли живы-здоровы и все ли в целости и сохранности.

Поскольку мои родители проживают в окрестностях столицы, мне часто приходилось бывать в Лондоне, а Симон просто обожал здешние развлечения, особенно подземку: купишь билет — и катайся сколько хочешь, хоть целый день не вылезай на поверхность! Зато Клайв редко бывал в Лондоне, а уж ездить по улицам столицы ему прежде не доводилось вовсе. Множество светофоров и дорожных знаков привели его к ошибочному мнению: следи за всеми сигналами, и все будет прекрасно. Все, что требовалось от Клайва, — держа курс на север, проехать в бесконечном потоке машин четыре переулка и свернуть на четырехполосную трассу, идущую на юг, а там в каких-нибудь пятидесяти ярдах был наш въезд на территорию Гайд-парка, но все же Клайв умудрился свернуть не туда. По своему горькому опыту я знаю — если уж ты пропустил нужный поворот, больше его не найдешь. Бедняга взглянул на меня и спросил:

— Ну, что теперь делать?!

— Включи сигнал правого поворота и смелей рули.

Клайв, чей железный характер был под стать его могучей фигуре и высокому росту, выполнил все в точности. Джип и трейлер вписались в нужный поворот, невзирая на протесты других водителей, жестами показывавших, что мы нарушаем.

Это было одно из самых крупных шоу, в которых мне когда-либо доводилось участвовать. Территорию обнесли высокой оградой, и охранники тщательно проверяли пропуска и ветсправки. Кроме того, нужно было сообщить о своем прибытии местным ветеринарам, чтобы они были в курсе, какие животные прибыли на выставку. Мы справились с планом, чтобы выяснить, где находится наш павильон, — найти его среди моря белых шатров, выставочных рингов, загонов и аттракционов было не так-то просто. Но вот наконец мы доехали, быстро распаковались и поместили наших питомцев

в специальные загоны. Мои опасения относительно барсучат мигом рассеялись, когда я увидела, как они резвятся, выплескивая наружу энергию, которая накопилась у них за время пути.

Слава Богу, животные устроены, теперь нужно устраиваться самим. Павильон был огромный, со множеством стендов; сыры, сидр, вина и плетеные корзины — лишь малая часть того, чем может похвастаться Сомерсет. Внизу была устроена сцена и поставлено с полтораста кресел для зрителей — здесь в течение трех дней будет проходить развлекательная программа. Посетителям предлагалось послушать концерты местной фольклорной группы «Йети», поучаствовать в различных конкурсах, понаблюдать, как прядут шерсть, ну и, конечно, как стригут овец. В чем, в чем, а уж в этом-то Клайв мог показать класс! В середине павильона между загонем с телятами и загонем с крупными черными свиньями поставили палатку для нас и наших питомцев. Всюду хлопоты, возня, суета — шли последние приготовления к первому и самому важному дню выставки: ожидался визит ее величества и герцога Эдинбургского. Ну а те, кто закончил свои дела, не спеша подходили посмотреть на барсучат и полюбоваться стендами.

Между тем, пока нас еще не устроили на ночлег, мы даже не могли найти подходящего места, чтобы отдохнуть. Расспросы других участников выставки результатов не дали — я поняла, что ночевать придется здесь же, в палатке. К нам подошел офицер полиции, отвечающий за безопасность павильона, и спросил, что это за бедные душеньки спят в палатке.

«Бедные душеньки», как нас назвал полицейский чин, — совершенно точное определение. Мы проснулись в полшестого утра, стуча зубами от холода. Будь ты хоть трижды фермер, привыкший ко всем тяготам фермерской жизни, — все равно тяжело! Я натянула на себя всю одежду, какую привезла с собой, и отправилась за чайником в бытовку, принадлежащую офицеру безопасности, — он любезно разрешил нам им пользоваться. Все наши питомцы дрыгли без задних ног — за исключением амбарной совы по кличке Сейдж, которая бодрствовала в эту пору, уставившись на блеск и многоцветье стендов. Я вышла из павильона взглянуть на Лондон — солнце всходило из-за деревьев, а мое дыхание застывало в холодном утреннем воздухе. Но и в эту пору машины переполняли улицы, а неоновые огни сияли, требуя вашего внимания. Лондон никогда не спит, в чем я еще раз убедилась в тот же день поздно вечером. Все казалось каким-то чужим; но вот я услышала гудение портативных доильных аппаратов — выставка

выставкой, а дважды в день доить коров нужно. Хор звуков просыпающейся выставки сплетался с шумом уличного движения; гудки машин перекликались с мычанием коров и блеянием овец. Два столь разных мира слились воедино — правда, только на три дня.

Вскоре вылезли и барсучата, ожидая завтрака; мы покормили их и, как полагается, поиграли с ними. Загон мы устроили так, чтобы уставшие от игр и всеобщего внимания животные могли спрятаться за тюки соломы, где их никто не потревожит, и уснуть. Но вот животные накормлены, вычищены, да еще и наигрались вдоволь, а у нас в животе бурчит от голода. Я послала Симона раздобыть чего-нибудь поесть, а сама, надеясь, что еще не бесповоротно пропахла свиньями, которые всю ночь были нашими ближайшими соседками, пошла переодеваться для участия в шоу. Все, что удалось раздобыть Симону, — хот-доги да пирожки с луком. Лучше бы сама сходилась, подумала я, но не сказала ни слова.

К счастью, погода оказалась на нашей стороне — туман рассеивался, и денек обещал быть хорошим. Наконец открылись ворота, на выставку вошли посетители, и воцарилась волнующая атмосфера. Мы с Симоном договорились: будем демонстрировать наших питомцев по очереди, а тот, кто будет свободен, сможет сам посмотреть выставку. Но ничего не получилось — животные вызвали такой интерес, посетители задавали столько вопросов, что временами нам самим хотелось спрятаться за тюки соломы! Многие дети, да и взрослые никогда прежде не видели барсучат — удивительно, но большинство думали, что это скунсы. Некий всеведущий джентльмен показал на них своей супруге:

— Пойдем взглянем на них, Дорис! — и, подведя ее к загону и кивнув мне в знак приветствия, сказал: — Представляете, моя жена никогда не видела выдр!

Улыбнувшись ему в ответ, я подумала: «Она их и на сей раз не увидела!»

Наблюдая за реакцией публики, я подумала: как же хорошо, что мы такие разные! Конечно, огорчительно было слушать школьников, которые, по их собственным признаниям, мало что знали о сельской местности (где мы почитали таким благом жить!), поскольку им редко удавалось там побывать. Потом нас с Симоном обругала одна разгневанная леди — дескать, какое мы имеем право держать этих животных, нужно немедленно выпустить их на волю! Я попыталась объяснить, что бедные сиротки погибнут, если сейчас окажутся на воле, но мы непременно выпустим их, когда они будут к этому

готовы. Похоже, наш ответ не удовлетворил ее. Но куда больше было таких, кто искренне радовался встрече с барсуками. Поговорить с такими людьми было необыкновенно приятно, и мы затевали горячие дебаты об охране дикой природы и угрожающих ей опасностях — прежде всего из-за вмешательства человека. Многие фермеры, приехавшие на выставку, заходили к нам поболтать. Некоторые говорили, что на их землях живут барсуки, но они об этом никому не рассказывают. Как я поняла, в целом фермеры на стороне барсуков. Зато к лисицам у них противоположное отношение — думаю, излишне объяснять почему.

Ближе к полудню посетителей попросили покинуть павильон, и в дело включились сотрудники службы безопасности: сам герцог Эдинбургский изволил совершать прогулку по выставке. Слава Богу, подумала я, хоть немного посидим в покое и тишине, покормим зверюшек да поедим сами! Воспользовавшись передышкой, я позвонила домой. К счастью, на ферме все было в порядке. Уиллоу отнюдь не страдал отсутствием аппетита и наслаждался жизнью в компании четырех колли.

— Ну, а как он там, не особенно кусается?

— О, здесь мы ему это не позволяем. Он у нас под контролем. К тому же ему так нравится лежать в собачьей корзине, а там он вполне безопасен.

Явившись в павильон, герцог старался поговорить с как можно большим числом людей. Он расспрашивал Симона про амбарную сову, а когда взглянул на барсучат, то тоже заинтересовался, будем ли мы выпускать их на волю. Как я рада была дать положительный ответ! Блюбелл в это время сидела у меня на коленях, положив передние лапы мне на плечи и тыкаясь в лицо носиком. «Ну что, Блюбелл,— сказала я, когда герцог ушел,— многие ли барсуки могут похвастаться тем, что побывали в Лондоне и встречались с самим герцогом Эдинбургским?» Через двадцать минут герцог со свитой покинул павильон, и он снова наполнился простыми смертными. Клайв несколько раз на дню демонстрировал свое искусство стрижки овец, а со сцены до нас долетали песни в исполнении группы «Йети» — похоже, они порядком перебрали сидра. Ближе к концу работы выставки Симон принес еще несколько хот-догов (ну говорила же я, что лучше самой ходить за едой! Уж я-то нашла бы что-нибудь посушестьней!). Но вот последние посетители устало заковыляли домой — теперь самое время выводить барсучат на прогулку.

Я вывела их в сад и обратила внимание, как они трусят за нами по пятам. Мы решили прогуляться по периметру

ограды, сооруженной в целях безопасности, — там была хорошая мягкая трава. Симон шагал впереди, я — следом, а барсучата наступали мне на пятки. Время от времени они оставались, чтобы обнюхать траву вокруг себя; дав нам уйти вперед на несколько шагов, они тут же рысью пускались нас догонять. Случалось, они вырывались вперед, и тогда уже мы оказывались в роли догоняющих. Так и в дикой природе — когда барсучиха выводит детенышей из норы на прогулку, те не отстают от нее ни на шаг. Но если семейство барсуков неожиданно встречает на своем пути людей, то мамаша бросается назад к норе, а барсучата в возникшей сумятице не понимают, за кем же следовать, и иногда вместо матери устремляются за непонятными двуногими существами. К счастью, в нашем случае такого быть не могло: весь поток людей шел по ту сторону ограды. Ну и забавное же было зрелище — мы с Симошей прогуливаем барсучат по одну сторону ограды, а по другую, стуча по тротуару свернутыми зонтиками, шагают домой со службы всякие важные джентльмены...

Изрядно утомившись за день, барсучихи вылизали свои миски и завалились спать. Они пока еще не перешли на ночной образ жизни, так что в этом отношении с ними было легко. Клайву, как и мне, хотелось откусать чего-нибудь существенного, и мне удалось так очаровать офицера безопасности, что он согласился приглядеть ночью за животными. А впрочем, любезность не изменяла ему никогда — похоже, он готов был услужить кому угодно в любое время дня и ночи. «Не беспокойтесь, мадам, — сказал он, — я здесь на посту до половины седьмого утра». — «Да что вы! — с невинным видом воскликнула я. — Мы надолго не задержимся!» — а сама подумала: «Только поем чего-нибудь попримечнее, и сразу в спальный мешок».

Быстренько переодевшись (я все еще боялась, что пропахла свиньями!), Клайв, Симон и я отправились исследовать Лондон. Станция метро отыскалась на удивление скоро, и, несмотря на обилие всяческих кафе и забегаловок возле самого Гайд-парка, мы предпочли нырнуть в подземный мир эскалаторов и продуваемых горячими ветрами туннелей. Проехав несколько станций, мы вынырнули на Трафальгарской площади, где пугающая статуя Нельсона взирает с высоты на бегающие по кругу фары и неоновые рекламы — чем больше сгущалась ночная тьма, тем ярче становился фейерверк огней. На карнизах уходящих ввысь зданий, устраиваясь на ночь, рядами рассаживались голуби — их воркование было по-прежнему различимо среди городского шума.

Теперь нужно найти место, где можно как следует поесть. «Нет, Симон, мне не нравится китайская кухня... Индийская мне тоже не по вкусу... А здесь все слишком дорого...» В общем, найти подходящее место оказалось не так просто, как думалось. Еще пятнадцать минут мы занимались поисками и все-таки не нашли ничего лучше Макдональдса. И вот мы сидим за столиком — Клайв перед огромным подносом с едой, Симон с блаженной улыбкой на лице, а я — с единственной думой: пора бы закругляться да убраться отсюда обратно на выставку. Пластмассовая чашка и чай в пакетике — довольно безрадостное зрелище; скорей бы вообще все кончилось и мы вернулись домой!

Тут Клайв вспомнил, что неподалеку живут друзья его семьи. Они познакомились с его родителями во время войны в эвакуации и с тех пор каждый год приезжают к нему на ферму в отпуск. «Что ж, — сказала я Симону, — если они дома, давай отпустим Клайва, а сами вернемся — и по родным спальным мешкам». Не прошло и получаса, как мы отыскивали друзей Клайва, которые оказались дома и, как и подобает истинным лондонцам, приняли нас со всей теплотой. Они с приятелями собирались идти в ночной клуб — что ж, мы охотно присоединимся! Еще двадцать минут — и мы лихо отплясываем, Симон в том числе. Между тем был уже час пополудни; несмотря на упоительный вечер, мои мысли все более склонялись к спальному мешку. Публика стала расходиться, а я заболталась с приятелем Клайва Дагом, который работал шофером такси. Он рассказывал мне о жизни в Лондоне, и я призналась — столько раз посещала столицу, а во многих уголках так и не довелось побывать! Намек милой леди был понят: «Как добрый хозяин, я вас приглашаю, садитесь, Лондон покажу!»

В четверть третьего мы зачихались на заднее сиденье и засыпали нашего доброго хозяина заданиями. Думаю, мало кто знает Лондон так, как он. Все было настолько интересно, что мысль о спальном мешке незаметно улетучилась. Вот дом, с которого начался великий лондонский пожар¹; вот улицы, чьи названия рассказывают о том, что продавалось здесь три столетия назад — Пудинговая улица, Рыбный Холм, Молочная улица... Мы прокатились по проспектам Ист-Энда, где орудовал легендарный Джек Потрошитель, а оттуда направились в еврейский квартал, где в годы Первой мировой войны селились евреи из России и Польши. Иммигранты привозили с собой секреты своих ремесел, поэтому неудивительно, что

¹ 1666 год.

вокруг столько ювелирных лавок; хотите верьте, хотите нет, но пекарни были открыты, и к ним тянулись очереди людей в ожидании свежеспеченного хлеба. Была уже половина четвертого утра; Даг припарковал машину около одной из пекарен, мы тоже встали в очередь и отведали горячего еврейского хлеба. Нас поразили витавшие в воздухе аромат закваски и разноязыкая речь. Витрины предлагали все, что душе угодно — то ли для позднего ужина, то ли для раннего завтрака. Словом, совсем иной мир, нежели тот, что я оставила дома, где кошки свернулись калачиком в креслах-качалках перед печкой «Рейберн», а петухи во дворе скоро начнут приветствовать зарю. Когда мы поели хлеба, нас окончательно сморила усталость, и до самой выставки никто не проронил ни слова. Поблагодарив Дага за замечательный вечер, мы помахали на прощание и поплелись к павильону. Все вокруг было объято сном, и я, предварительно осмотрев загоны со своими питомцами, наконец-то упаковалась в спальный мешок, о котором вспоминала столько раз за этот вечер. Я засыпала под мирное похрюкивание черных свиней, зная, что наутро проснусь, насквозь пропитанная их запахом.

Ну а Клайву не требовалось много времени для сна. На следующее (вернее, все в то же самое) утро ровно в полседьмого он как истинный джентльмен принес мне чашку кофе. Поскольку до открытия выставки нужно было переделать еще кучу дел, нельзя было терять ни минуты. «Ничего,— думала я.— Не думай о том, что ты устала, и не будешь чувствовать себя усталой!» День пролетел как одно мгновение, а вечером мы повторили нашу прогулку с барсуками. По пути к нам подходили поболтать многие участники выставки, отдохнувшие от трудов праведных; с некоторыми из них мы даже подружились. Оказалось, что на территории выставки специально для участников был открыт кафетерий с вполне приличной едой — значит, с ужином полный порядок. Потом Клайв поехал шататься по ночным клубам, а мы с Симоном отправились спать. «Как же все-таки хорошо, что завтра мы будем дома», — утешала я себя. Я не люблю надолго отлучаться из дому, да и Уиллоу надо воссоединить со своими приемными сестричками.

Хотя в последний день выставка закончила работу раньше, чем в предыдущие, предстояло еще собраться перед отъездом, а это, прямо скажем, нелегкая работа. Мы вывели барсучат на прогулку по Лондону — пусть как следует нагуляются да вымотаются, тогда всю дорогу будут дрыхнуть как убитые! Я не ошиблась в расчетах. Более того, когда, благополучно до-

ехав, мы посадили их в родной загон, они тут же спрятались за тюки соломы и уснули. Возможно, они не меньше меня радовались возвращению.

Пожелав барсукам спокойной ночи, я распаковала свои пожитки. И вот мы с Дерекем и Дэниелом сидим на кухне, пьем кофе. Мои мужчины рассказали, что у них уик-энд тоже не обошелся без приключений. Тут же, заняв лучшее место у камина, спал виновник событий — совершенно голый барсук, у которого только-только начали пробиваться волоски новой шубки. Ему было совершенно безразлично, что его костерят.

А события развивались так. Джин забрала его домой во вторник, когда мы отбыли в Лондон. Ну а поскольку Уиллоу и Джин испытывали друг к другу искреннюю привязанность, то он чувствовал себя у нее в гостях как дома. Два сына Джин, Симон и Джеймс, не могли наиграться с новым гостем; четыре большие колли также не могли нарадоваться на нового товарища. В общем, Уиллоу порядком наигрался за день и устал. Джин отвела ему свободную комнату напротив своей супружеской спальни, постелила одеяла, приготовила постель — он же принялся топтать ее, пока не превратил в малосимпатичную грудку, после чего свернулся калачиком и заснул без задних ног, так что до самого утра из спальни не было слышно ни звука. Утром он проснулся свеж и бодр, а высосав бутылочку, решил показать псякам, кто здесь теперь хозяин, и влез в собачью корзинку. Все попытки четырех колли вытурить его оттуда закончились позорным провалом — он кусался так, как может кусаться только барсук. Собаки решили, что с таким противником лучше не связываться, и капитулировали, признав за ним победу. Даже если он вылезал из корзинки, то все равно не спускал с нее глаз, а если видел, что кто-то собирается войти в комнату, проявлял такую агрессивность, какую трудно ожидать от столь маленького существа. Кончилось тем, что он триумфально уселся на корточках посреди корзинки, давая понять, что делить ее абсолютно ни с кем не намерен.

Взяв ситуацию в доме под контроль, он решил, что пора обследовать буфеты, стоящие в кухне. Нетрудно догадаться, что, благодаря своему истинно барсучьему нюху, он быстренько сообразил, какие дверцы следует открыть. Бесчисленные «Нельзя!», «Не лезь», «Не смей!», которыми осыпала его бедняжка Джин, не оказывали никакого воздействия на маленького упряма. Джин начала сознавать, какую ошибку она совершила. К тому времени, когда с работы вернулся ее муж Кейт, и Уиллоу и Джин страшно устали. Сидя за чашкой чая,

Кейт с улыбкой глянул на Уиллоу, который безмятежно спал, скрестив ножки.

— Ой, какая лапочка,— сказал он.

— Повозись-ка с ним целый день — будет тебе лапочка! — ответила Джин.

Ближе к ночи Уиллоу выкатился из корзины и решил, что Кейт вполне созрел для того, чтобы поиграть с ним; тут же к ним присоединилась и Джин, простив барсучонку все проказы.

Настало время ложиться спать. Уиллоу улегся на свою неопрятную кучу и вскоре спал без задних ног. Но несколько часов спустя барсучонок проснулся. Если бы он умел узнавать время по часам, он бы увидел, что всего полчетвертого утра; но для него это было не так уж важно. Он вовсе не устал за день. Принюхавшись, он понял, что Кейт и Джин спят где-то неподалеку. А вдруг они тоже не слишком утомлены и поиграют с ним? Он тихо затопал, куда вел его нос, и вскоре очутился возле супружеской постели — увы, слишком высокой, чтобы на нее залезть. Джин слышала, что кто-то топает внизу, но продолжала лежать не шелохнувшись, надеясь, что барсучонок уйдет. Но Уиллоу II не собирался так просто сдаваться. А что, если потянуть за постельное белье? Может быть, так он добьется ответа? Скорее всего, все и обошлось бы, но тут Джин совершила непростительную ошибку: подумав, что барсучонку холодно, она положила его к себе в постель, полагая, что он свернется калачиком и уснет. Какое там! Холодный носик тут же принялся исследовать тех, кто лежит рядом с ним. Сперва он наткнулся на пальцы чьей-то руки. А, так они шевелятся! Верный признак того, что их владелец хочет поиграть. Продвигаясь дальше, он обнаружил пальцы чьей-то ноги, а потом сделал потрясающее открытие: если укусить за какую-нибудь часть тела, хозяин немедленно отдернет ее — вот и игра! Теперь уже не только у барсучонка, но и у добродетельной супружеской четы сна не осталось ни в одном глазу. Ну, раз так, черт с ним — пусть наиграется до упаду! И в самом деле, около пяти утра Уиллоу начало снова клонить ко сну, а Кейту ничего не оставалось, как выпить чашку чаю и мчаться на работу, которая начиналась в полшестого утра. «А все Джин! — ругался он про себя.— Принесла домой этого проклятого барсучонка, а я страдаю!» Желая спасти свой брак, Джин вернула Уиллоу в субботу на ферму. Как я поняла, он скучал без меня и приемных сестричек и весь последний день перед нашим приездом искал нас по всей ферме. Дерек, не любивший кормить барсучонка из бутылки, понял, что Уиллоу выведет из терпения любого святого.

Дерек потрепал меня по волосам:

— Ну как, рада, что вернулась?

— А как же,— ответила я, обхватив руками чашку с кофе.

— Если ты не хочешь, чтобы я провонял свиньями...— лукаво начал он.

— Мне надо принять душ и вымыть волосы,— договорила я.

Жизнь входила в привычную колею, и передо мной встала очередная задача — отучить Уиллоу от бутылочки. Не знаю, кто из нас намаялся больше — он или я. От бутылочки он отрекся решительно — это верно, но научиться есть по-человечески никак не мог — ему нужно было обязательно потопать по миске с едой, опрокинуть ее, а то и усестся посредине. В это время у него уже отрастала новая шубка, и первые пару дней он был не только колючим, но и липким. Меня осенило на третий день, когда я ставила чай,— я бросила ему сосиску, каковую он тут же затащил в угол и, сперва поиграв, потом пожевав, мало-помалу слопал. Окрыленная успехом, я целую неделю кормила его сосисками, пока они ему не надоели: может, он был уже готов к тому, чтобы перейти на другую пищу. На завтрак мои пятимесячные барсуки ели овсянку, на обед — мясо с овощами, а на ужин я баловала их разносолами — фруктами, орехами, сыром, крутыми яйцами и семенами подсолнуха. Любимым лакомством Уиллоу были бананы, хотя где он мог их найти в дикой природе, остается только гадать. Обычный рацион барсука на 60 процентов состоит из червей, далее идут жуки, крольчата, падаль, мыши, разные побеги, корни и фрукты — эти звери воистину всеядны. В сентябре они несколько раз уходили от меня — просто скрывались за живой изгородью. Первый раз я очень беспокоилась — куда они могли запропасться? Но вот мои любимцы возвратились, и оказалось, что их полосатые морды все перепачканы соком ежевики. Так вот за чем они уходят, подумала я и больше не волновалась, а только выходила на дорогу, надеясь их встретить. Конечно, в то лето моим барсукам жилось куда легче, чем их сородичам в дикой природе,— лето выдалось очень жарким, и рыть землю, чтобы добывать из нее червей, было практически невозможно.

В это время года поступает больше всего жалоб от садоводов, что барсуки наносят ущерб их садам. Когда мне звонят и жалуются, что в сад забрались барсуки, я спешу парировать: «Ну и как, вы этим довольны?» Сильнее всего страдают от барсуков как раз те, кто особенно лелеет свои сады-огороды — регулярно поливает, полет, рыхлит землю. А почему? Потому

что во взрыхленной и влажной земле жуки и червяки живут у самой поверхности. Стало быть, куда потянет за добычей барсука, если безжалостное солнце иссушило землю? Сюда, в самый ухоженный сад. Ну, еще на площадку для гольфа, которая после нашествия барсуков будет выглядеть так, будто по ней прошлись культиватором. Понятно, что владельцы садов и площадок для гольфа не жалуют этих животных. Проблема обычно снимается сама собой, когда засуха сменяется дождями, а сад, между прочим, можно уберечь, если просто класть еду для барсуков. Но то-то и оно-то, что трудно убедить жалобщика оставлять еду для «этих милашек» после того, как они нашкодили.

Теперь я ежедневно выводила барсуков на прогулку, и всегда по одному и тому же маршруту. Сначала вокруг дома, потом по старому саду, яблоки из которого шли на приготовление сидра, и обратно мимо овечьего загона. Я приучала их ходить по постоянным тропинкам, закрепляя за собой право на территорию. И в самом деле, не было случая, чтобы сюда приходили чужие барсуки и оставляли здесь свои метки. А может быть, они сочли, что малыши не представляют собой угрозы, и потому не являлись. К августу мои барсуки перешли на ночной образ жизни, и я больше не могла выводить их на прогулку днем — только в сумерках или глубокой ночью. Я брала с собой фонарь, чтобы видеть, все ли они идут за мной, а в лунные ночи достаточно было лунного света, чтобы различать их полосатые морды.

...Дождей не было уже много, много недель. Как-то ночью мы возвращались с прогулки мимо овечьего загона. Два барсучонка шли за мной по пятам, третий бежал в десяти ярдах впереди, и вдруг я увидела в каких-нибудь пятнадцати ярдах слева еще одну полосатую морду. Я зажгла фонарь — так и есть, к нам присоединился еще один барсук, возможно, из соседней семьи. Стараясь не выказывать волнения, я продолжала шагать, и вскоре чужак отстал от нас и скрылся в кустах. По-видимому, в условиях бескормицы барсукам приходится расширять свои территории — в этот засушливый период чужие барсуки прибывали к нам еще дважды. Они не только не выказывали враждебности по отношению к моим барсучатам, но, очевидно, чувствовали, что я не представляю для них опасности.

Каждую ночь, прежде чем вывести своих питомцев на прогулку, я клала им еду подле овечьего загона. Заслышав мои шаги, они выскакивали из своего временного жилища, приветствовали милым мурлыканьем: «Ув-вув-вув-вув-вув», —

и тут же принимались обнюхивать мне ступни. Чем старше они становились, тем больше оказывали мне доверия; они отбегали от меня, исследовали и обнюхивали все вокруг, а затем возвращались. При этом Блюбелл, с которой у меня были особо теплые отношения, большую часть времени проводила рядом со мной. С возрастом все ярче обнаруживались склонности каждого, хотя больше всего хлопот доставлял мне Уиллоу. Если кто-то из них удирал, то это был непременно Уиллоу, который, надо полагать, прекрасно проводил время, гуляя сам по себе. Последствия такой вольницы обнаруживались на следующий же день — то неуклюжая нора, вырытая под воротами, то перевернутые небольшие ведра, а главное, методически

опустошаемый холодильник, стоящий в кладовке,— он обнаружил, что дверь там очень легко отворяется. Подхожу к ящику с молочными бутылками, вижу — пробки из бутылок вынуты, и из каждой отпито на полтора дюйма. Их светлость постарались, кто же еще! А уж о хаосе, который он устроил в прихожей, и говорить нечего — башмаки у нас всегда аккуратно стояли парами вдоль стенки, а теперь поди собери! Корзина с бельем, которую я имела неосторожность оставить на полу возле стиральной машины, сама приглашала Уиллоу повеселиться — белье было раскидано далеко от центра событий. Панталоны нашлись только на следующий день — слава Богу, что в это время ферма была закрыта для посетителей.

В дальнейшем, если он удирал, я поступала так: отводила домой девчонок, затем примерно на час уходила в дом, а после этого направлялась к коровьему стойлу и прохаживалась там, дожидаясь привычного тычка сзади в щиколотки — таким путем Уиллоу давал мне знак, что вернулся. Тогда я запирала его в загоне и кормила всех троих. Представляю, как честят его девчонки, лежа на боку: «Боже, как мы устали от него! Столько ждать, пока он соизволит вернуться,— одних-то нас не покормят!» Нельзя сказать, чтобы его похождения доставляли мне удовольствие, но поскольку я сознавала, что когда-нибудь он может и не вернуться, то всегда радовалась при его появлении, сколько бы времени он ни отсутствовал.

Наконец пошли обильные дожди, а в первую ночь прямо-таки разверзлись хляби небесные. Я с детских лет обожала дождь, и, хотя, дойдя до загона, успела вымокнуть с головы до пят, это не охладило моего желания отправиться на прогулку с барсучатами. Оказалось, они любят дождь не меньше меня — отчего не порезвиться в потоках воды, струящихся через весь двор! А Примроуз к тому же нашла водосточную трубу, по которой вода с крыши коровника каскадом падала на каменные плиты; барсучиха стала на задние лапы, сунула в трубу нос — струи так и зашумели по ее густой шубке. Разделяя восторг барсучат, я стала гоняться за ними по всему двору; выгибая спины и встряхивая головами, они подпрыгивали так, что все четыре лапы оказывались в воздухе. Иногда они ошестинивались, отчего становились похожими на большие пушистые мячи; вероятно, так же они поступают, когда чего-то пугаются,— хотят казаться больше, чем есть на самом деле. В общем, мы добрых полчаса гонялись друг за другом по двору под струями ливня, прежде чем вышли наконец на прогулку. «Хорошо, что это случилось в полдвенадцатого ночи,— не раздумала я впоследствии.— Если бы кто-нибудь увидел, как я

под проливным дождем гоняюсь за барсуками, он бы решил, что я сошла с ума».

Впрочем, я всегда старалась выводить барсуков на прогулку ближе к полуночи,— если кто-нибудь из них убежит, то, по крайней мере, меньше шансов, что он угодит под машину; движение в это время на трассе не слишком интенсивное.

От случая к случаю в наших прогулках принимал участие Дерек (скорее из чувства долга, нежели ради удовольствия). Его не слишком-то большое рвение объясняется не тем, что он был настроен против барсуков, как таковых, а тем, что они кусаются. Когда мы выходили на прогулку с барсуками, мы, естественно, участвовали в их играх — особенно в старом яблоневом саду, где трава самая высокая. Они шутя насквали на тебя, а цапали очень даже всерьез, и уворачиваться от их укусов нужно было уметь. К сожалению, Дереку так и не удалось овладеть этим мастерством, требующим особой прыти. Счастье еще, что ночью нас никто не слышал — вокальные «упражнения» Дерек, в очередной раз ставшего жертвой барсуков, были подчас столь же колоритны, как и синяки.

Благодаря ночным прогулкам я получала возможность размышлять и часто думала: как же мне повезло, что Дерек уделяет столько времени и сил моей работе с дикими питомцами! Если бы не он, нам бы не удалось так легко превратить обыкновенную молочную ферму в туристическую достопримечательность, и, хотя ему как фермеру сам Бог велел заботиться о животных, у него могло не хватить терпения выхаживать осиротевших и покалеченных малышей. Но он взял на себя такую ношу — и ездить по вызовам за новыми питомцами, и играть со зверюшками в период между кормлениями, и даже терпеть, когда лисята жуют у него на ногах туфли, пока он пытается читать газету! Не буду кривить душой и утверждать, что все это делается вообще без жалоб, но должна признать, что он меня понимает с полуслова, и я с полным правом могу назвать его своим лучшим другом.

Когда регулярно выходишь на ночные прогулки, имеешь счастье поближе познакомиться с существами, которые вместе с тобой наслаждаются ночью. Я много раз наблюдала, как в полном безмолвии скользит над кустарниками амбарная сова. А то вдруг среди ночи, гуляя в полях, услышим крик маленькой совы, перемещающейся с дерева на дерево. А теперь мы приближаемся к реке... Шлеп! Это нырнула водяная полевка. Завернули в старый яблоневый сад — и встречаем старого знакомого, ястреба-тетеревятника, ночующего всегда на одной и той же ветке одного и того же дерева. Вот до нашего уха

доносится привычный шорох — это вышла на охоту лисица. Не то чтобы она особенно пугалась нас, но тем не менее меняет курс, предпочитая держаться подальше. Но все-таки главная цель прогулки — изучать поведение барсуков, наблюдая за тем, как они играют и кормятся. Интересно, умеют ли дикие барсуки дразниться, как наши? Спросите, кого они дразнят? Да хирфордского быка, который в это время уже ложится и согревает своим телом небольшой участок травы, на котором собирается уснуть. Они подойдут, обнюхают его, затем отбегут назад, потом пробегут вперед, заставляя его вертеть могучей головой и гадать, что же они собираются предпринять. Когда же бык решит, что лучше встать да разобраться, в чем дело, барсучата мгновенно теряют интерес к игре и убегают: очевидно, все, что они хотели, — это заставить быка встать. «Прекрасно, что бы нам еще такое придумать?» Их скорость порой поражала меня — однажды Уиллоу шмыгнул под рваный пластик, которым укрывают силос, и выныр-

нул оттуда с триумфом, держа в зубах вопящего крота, который через мгновение испустил дух от шока.

Одна мысль не покидала меня — как мы будем выпускать барсуков в дикую природу? Когда Симон Кинг приезжал к нам снимать барсучат на киноплёнку, я будто невзначай поведала ему о своих тревогах. Затем к разговору подключилась Евника Оверэнд, которая любезно сообщила мне массу полезных советов, и вскоре у нас троих родилась идея нового жилья для барсуков, пригодного для ведения наблюдений. Я сладким голосом уговорила Дерека уступить мне четыре секции силосной ямы, которая все равно давно не используется, — на ее основе можно построить 40-футовый загон с бетонным основанием. Большой туннель, проложенный по бывшей кормушке, соединил бы загон со старым коровником, где можно соорудить отдельные комнатки. Теперь следовало решить финансовые проблемы. Местная пресса не раз публиковала фотографии, как я гуляю с барсуками, так что мои питомцы вызвали большой интерес у общественности — к ней и надо обратиться с призывом: «Построим для барсуков дом!» Автобусная компания «Бэдджерлайн»¹, по понятным для всех соображениям, предложила свою помощь и спонсировала как постройку жилища, так и изготовление буклетов, рассказывающих посетителям о барсуках вообще. Свои вклады внесли многие люди, но без участия «Бэдджерлайн» сооружение жилья для барсуков оказалось бы невозможным. Здорово выручил нас наш большой друг Роджер Галлайдж, по профессии строитель, который в свободное время бесплатно возводил барсучье жилище. Местные фирмы снабжали нас строительными материалами бесплатно или по себестоимости; цементная фирма Эй-эр-си даже выделила уже готовый к употреблению бетон на сооружение в загоне обширного пруда — пусть плавают! Вид Блюбелл, с ног до головы облепленной ряской, свидетельствует о том, что она постоянно им пользуется.

Между комнатками и проходами, а также на выходе из загона были сделаны так называемые «барсучьи ворота», представлявшие собой тяжелую деревянную дверь. Такие ворота иногда сооружают лесные компании, чтобы защитить молодые посадки от оленей и кроликов. Они знают: барсуки — их добрые друзья, поскольку уничтожают кроликов и мышей. Если просто оградить территорию, на которой барсуки добывают себе корм, то они проруют ход под забором; через этот ход сможет пролезть и кролик. А тяжелую дверь в состоянии

¹ Badger (англ.) — барсук.

открыть только такой сильный зверь, как барсук,— кролику это будет не под силу. Таким образом, у барсуков остается доступ к местам, где они кормятся, а незваных пришельцев киборг задерживает.

Но вот началось строительство, комнатки и туннели стали постепенно превращаться в реальность, и во время ночных прогулок Уиллоу, Примроуз и Блюбелл познакомились со своим будущим домом. Барсучата лазили туда-сюда по туннелям, смешно пофыркивая, если неожиданно сталкивались друг с другом.

И все-таки оставалась еще одна мысль, которая не давала мне покоя,— мысль о безопасности барсуков. Теперь я стала членом сомерсетской Группы по защите барсуков и, естественно, узнавала о них все больше и больше; но я узнала также, что, по оценкам, около десяти тысяч барсуков ежегодно становятся жертвами своеобразного «спорта» — охоты с собаками. Сперва в дело пускают терьеров, которые хватают барсука в норе, а люди затем выкапывают животное; его или сразу убивают, или, что еще ужаснее, стравляют здесь же, на месте, с крупной собакой. А иногда отвозят к тайным «рингам», где уже дожидаются зрители, охочие до кровавого зрелища, и делаются ставки. Такой бой может длиться иногда до трех часов; нередко барсук наносит собаке чудовищные раны, но и сам гибнет, получая тяжелые увечья.

Теперь меня больше, чем когда-либо, охватил страх за своих питомцев, потому что в результате рекламы, организованной в прессе, местонахождение их жилища стало известно каждому. Много ночей подряд я просыпалась и лежала без сна, вздрагивая от каждого необычного звука. К счастью, местная фирма «Гест секьюрити» из Йовила бесплатно провела в жилище барсуков сигнализацию. Похоже, мои питомцы стали близки сердцам многих людей.

В ноябре настал великий день: жилище для барсуков было готово, пришло время новоселья! Одно только слегка беспокоило нас — хоть и мягкое, но искусственное освещение в комнатках. Когда мы пустили туда барсуков, то зажгли огни на полную мощь, чтобы они могли как следует осмотреться; увидев, что они освоились, мы погасили свет. Дерек пошел с нами на вечернюю прогулку; когда мы вернулись, я положила барсукам еду и заперла дверцу. Понаблюдав еще некоторое время за ними, мы отправились домой пить кофе. Полчаса спустя мы на цыпочках вернулись назад посмотреть, все ли в порядке, и увидели, что трое наших малюток, свернувшись

калачиком в одной из комнаток, спят как убитые — они явно были довольны и чувствовали себя как дома.

Я продолжала прогулки с ними вплоть до января 1990 года. Выходили все вместе, затем каждый топал по своей тропинке, а в конце, как водится, гонки — бежишь, столкнешься с барсучком, скажешь ему «здравствуй» и продолжаешь бег. Светя фонарем, я наблюдала, как они кормятся в полях, а когда возвращалась обратно, видела, как они бредут садами или мимо пристроек.

С этого времени я решила держать «барсучьи ворота» постоянно открытыми — пусть приходят и уходят когда их душе угодно. А вдруг они когда-нибудь вернуться — и родят здесь собственных малышей! А почему бы нет? Это были их собственная территория, собственный дом, который они признали своим сразу и навсегда — точно так же, как я, придя в 1977 году на ферму Дерека, признала ее родным домом.

Глава пятая

КОЕ-ЧТО О СОВАХ: НАШ СЕЙДЖ ДЕРЖИТ МАРКУ!

Был милый солнечный летний вечер. Мы шагали в местную школу послушать лекцию о совах, которую читал мистер Дэвид Чаффе. Наши младшие сыновья, которым было тогда соответственно 9 и 10 лет, рвались послушать, да и Дерек всегда интересовался птицами (особенно теми, у кого шикарное оперение).

Хорошо, что поблизости есть превосходные школы — в течение года в них устраивается масса самых разнообразных мероприятий, неизменно привлекающих местных сельчан. Ведь, кроме всего прочего, это отличный повод встретиться, поговорить, посплетничать, в конце концов. Школа в селе Вест-Хантспилл, куда мы держали путь, имеет большую площадку для игр и прекрасные зеленые лужайки. Вот мы входим в дверь — здесь и поныне висит старинный школьный звонок — и движемся по коридору, стены которого увешаны красочными детскими рисунками. В классах аккуратно расставлены маленькие парты и стулья — утром придут дежурные и хорошенько все протрут. Актный зал, где должна состояться

лекция, был набит детишками и их родителями; в нем стоял обычный гомон, как всегда перед началом лекции или концерта. Сам директор представил нам Дэвида Чаффе — и вот уже вся аудитория слушает захватывающее повествование о пернатых наших лесов и полей. Попросив присутствующих о полной тишине (все и так сидели затаив дыхание), лектор стал демонстрировать птиц.

Сперва Дэвид показал нам пустельгу. Эта птица, высматривая добычу, парит в воздухе, раскрыв хвост, будто веер. Но вот цель замечена — и хищница камнем падает на землю. Нередко видишь, как эти птицы парят вдоль скоростных автодорог: они охотятся за мышами-полевками, которые шныряют в густой траве, покрывающей полосы «ничьей земли» по обе стороны трассы. Хотя раскраска пустельги и ястреба-тетеревятника сходны, их не следует путать. У тетеревятника совсем иная манера охотиться: проносясь над кустарниками, он хватает маленьких пташек, заставляя их врасплох.

Всех очаровала маленькая изящная сова. Она сидела, кивая головой, — видно, мы вызвали у нее не меньший интерес, чем она у нас. У нее оранжевые глаза, отчего создается впечатление, будто птица рассержена, — не спасают даже тонкие брови. Сова гордо стояла на своих желтых ножках, выпятив колесом коричневую в белых крапинках грудку, — мол, не смотрите, что не вышла ростом, зато характером дам сто очков вперед каждому.

За ней последовала желто-бурая сова — в три раза крупнее первой. Лучи заката, струившиеся сквозь окна, оттеняли красоту ее каштанового пятнистого одеяния. Поочередно мигая то одним, то другим глазом, она медленно вертела головой, пытаясь освоиться с незнакомой обстановкой. Поистине царственный вид у этой великолепной птицы, чье мягкое гуканье слышат не только леса и села, но и города.

Нередко думают, что полюбоваться роскошными птицами можно только в дальних краях. Но когда Дэвид принес амбарную сову, иначе сипуху, всем стало ясно, что и в наших местах водятся птицы, чьим оперением любуйся — не налюбуешься. Порою считают, будто сипухи совершенно белые — такие, какими их обычно видят в полете. Брюшко у них действительно белое, поэтому если ничего не подозревающая полевка задерет голову, то примет сову за летящее облако, пока мощные когти не вонзятся в нее с такой силой, что погубят на месте. Наверное, больше всего в этих ночных хищницах людей привлекают огромные глаза. Тело сипухи окрашено в различные оттенки медового цвета и покрыто

серыми пятнами, что создает превосходный камуфляж — когда совы, устроившись на насесте среди сена или соломы, накрываются крыльями и закрывают глаза, они делаются совершенно незаметными. Оборки из белых перьев окаймляют морду, имеющую форму сердца; но это не простое украшение, а охотничье снаряжение совы: сердцевидное очертание образует две воронки, помогающие уху улавливать звуки. Воронки располо-

жены на разных уровнях, что позволяет точно засекаать, с какой стороны доносится звук. Сипухи единственные из сов способны охотиться благодаря одному лишь блестящему слуху.

Дэвид рассказал, что после Второй мировой войны число амбарных сов драматически сократилось — в основном из-за применения пестицидов. Сейчас разрабатываются программы выпуска этих сов на волю с целью увеличения их численности. И тут меня осенило: а не завести ли и нам пару сипух на развод? Наша ферма уже год как открыта для публики, достаточно мест, пригодных для устройства авиариев. Когда мы возвращались домой, я видела, что этот вопрос взволновал и Дерек: он уже много лет не видел на ферме ни одной сипухи. Что ж, попробуем! Тем более что равнины Сомерсета — вполне подходящая для них среда.

Не прошло и нескольких месяцев, как авиарий был готов. Мы устроили его в одном из укромных уголков сада, скрытом за хвойными деревьями, — ведь эти птицы предпочитают уединенный образ жизни. А вскоре Дерек принес и самих сипух: выросшую в неволе самку и самца с подбитым крылом, который не мог жить на воле. Птицы быстро свыклись друг с другом; мы почти не беспокоили их, только приносили поесть. В феврале следующего года самка отложила первое яйцо, а потом еще четыре — по одному с интервалом в два дня. Потому и совята появились на свет не одновременно, а последовательно — пять неуклюжих, разной величины птенцов, скорее похожих на крохотных грифов. На определенном этапе жизни соенок съедает вдвое больше, чем взрослая сова, так что в дикой природе во время бескормицы крупные совята часто

поедают меньших. Ну а здесь можно было не беспокоиться — корм-то всегда под рукой, вернее, под клювом.

Текли неделя за неделей, и вот совытам исполнилось два месяца. Из «гадких грифят» они превратились в пять пушистых шариков разной величины, на которых уже стали четко вырисовываться рожицы в форме сердечка. Правда, встать на ножки они еще не могли, но уже сидели «на корточках» и демонстрировали свое умение крутить головкой.

В три месяца у них было уже вполне взрослое оперение, и их стало все труднее отличать от родителей. Птенцов переселили в новый «совешник», в котором имелся «запасной выход». Два месяца спустя, когда они вполне освоились с новым жильем, дверка была отперта, и совыта обрели свободу. Все же мы продолжали класть им еду, пока не убедились, что они могут добывать себе пищу самостоятельно. А узнали мы об этом вот как: обычно мы оставляем им выбракованных мертвых цыплят, и вот однажды мы увидели, что совыта отъели у них только головки (которые они, несомненно, почитали деликатесом). Какой отсюда следует вывод? Раз побрезговали тушкой цыпленка — значит, охотятся успешно.

Возле «совешника» у нас был сарай, предназначенный специально для насекомых. Сарай был надежно защищен от лисиц, но мне и в голову не приходило, что нужно заделать дырки в крыше. Во время одного из ночных обходов я, к своей большой радости, увидела, что одна из кур высидела пять павлинчиков — такие милые, бархатные цыплятки и так тоненько пищат. Я предвкушала, как на следующее утро наседка выведет их на прогулку, но, думаю, читатель уже догадался, что произошло. Все, что осталось к утру, — пять обезглавленных тушек, разбросанных возле ящиков с наседками. Может быть, они имели неосторожность отбежать далеко от приемной матери, но только их жалобный писк привлек внимание совят, которые по-прежнему возвращались к нам за едой и, должно быть, удивились, что на сей раз мы решили побаловать их теплым и совсем свежим обедом. Как видите, природа не всегда отвечает благодарностью за ваши заботы.

На следующий год мы выпустили на волю еще троих, а еще год спустя нам сообщили, что к югу от нашей фермы образовалась пара, а другая поселилась возле реки. Еще через год эту пару заметили с выводком из пяти птенцов. С того времени всякий раз, когда нам в руки попадали выращенные в неволе совыта, мы передавали их в Отдел дикой природы Общества покровительства животным, чтобы их выпустили в районе Таунтона, так как мы чувствовали, что вокруг нашей

фермы совы размножаются самостоятельно и не нуждаются в посторонней помощи. С тех пор как наши первые «гадкие грифята» стали взрослыми вольными совами, прошли годы, а над усадьбой и сейчас нередко пролетают сипухи. Хочется верить, что это потомки тех, которым мы когда-то даровали свободу...

Птицы, поступающие в Общество покровительства животным, выпускаются на волю людьми, имеющими на это специальные лицензии. Эти же люди ведут наблюдение за своими бывшими питомцами и могут сказать, успешно ли они размножаются на воле. Иногда подбирают в одну группу птенцов, еще не научившихся летать. Их помещают в специальном ящике для сов, кормят, чтобы они, прежде чем впервые отправиться в полет, привыкли к окружению. Так оно обычно и происходит. Ну а если речь идет о взрослых совах, то из них составляют пары (при условии, что они — не родственники) и помещают их в сарай, а на волю выпускают только тогда, когда у них появляется потомство, которое надо кормить. Вполне естественно, родители возвращаются под ту же крышу, пока не выкормят птенцов.

При выпуске каждая сова окольцовывается, что помогает следить за успехом программы. Кто найдет мертвую или покалеченную окольцованную птицу, должен сообщить в Департамент по охране окружающей среды и назвать номер, по которому можно установить владельца и проследить судьбу птицы. Иногда с этой же целью «метят» и барсуков — только не кольцами, конечно, а татуировками. Мне рассказывали трогательную историю об одном полицейском, страстном любителе барсуков. Пострадав в дорожно-транспортном происшествии, он вынужден был уйти в отставку и перейти в автоинспекцию. Зная, что полицейские нередко встречают барсуков на обочинах, он попросил коллег сообщать ему о каждом таком случае, а если увидят мертвого барсука, то пусть посмотрят, есть ли на нем татуировка. Все это он заносил в особую тетрадь — стремился выявить места, где барсуки выходят на дорогу. Вы, конечно, понимаете, что коллеги снисходительно относились к его страсти, но бывало и по-другому...

Как-то раз глубокой ночью ему передали сообщение: полицейский заметил на дороге мертвого барсука и возвращается, чтобы рассмотреть его.

— Автоинспектор, автоинспектор! Подтверждаю наличие мертвого барсука на левой стороне шоссе А-429 примерно в

100 ярдах от кафе «Летящая утка». Как слышите? Прием,— сказал патрульный.

— 431-й, 431-й! Слышу вас хорошо. Видели ли вы татуировку на барсуке? — запрашивал «барсукоман».

Чувствуя, что разговор зашел слишком далеко, патрульный офицер ответил:

— Автоинспектор, автоинспектор! Ей-богу, старина, мне и в голову не пришло искать ее.

Настырный «фанатик барсуков» продолжал:

— 431-й, 431-й! Не будете ли вы так любезны посмотреть?

Последовал глубокий вздох, и связь прервалась. «Барсукоман» решил, что патрульный офицер отправился выполнять его просьбу. Несколько минут спустя связь возобновилась.

— Автоинспектор, автоинспектор! Я осмотрел животное,— сказал патрульный.

— 431-й, 431-й! Большое спасибо! Так была ли на нем татуировка?

— Автоинспектор, автоинспектор! Да, была.

— Боже мой! 431-й, 431-й, что это была за татуировка и на какую часть тела животного она нанесена?

— Автоинспектор, автоинспектор! Татуировка нанесена на левую заднюю ногу.

— Так какая же она?

— Автоинспектор, автоинспектор! Сердце, пронзенное стрелой, и надпись: «Люблю до гроба, Люси!» Как поняли? Прием!

Если после такой шуточки беднягу не хватил удар, так это чудо.

Ну а самца сипухи по кличке Сейдж нам принес посетитель — молодой парень по имени Питер. Содержавшаяся в неволе самка отказалась насиживать яйцо, и Питер положил его в инкубатор, где из него благополучно вылупился соенок. К сожалению, Сейдж абсолютно не приспособлен к жизни в дикой природе: он ведь жил не просто в неволе, а в городской квартире, видел только своего хозяина и, возможно, думал, что сам он такой же человек. Естественно, он не смог бы ни найти общий язык с себе подобными, ни научиться добывать себе корм на воле. Питер очень хорошо относился к нему, иногда сажал в машину и отвозил за город — пусть полетает, не век же торчать в квартире! Сейдж был до того ручной, что сидел на заднем сиденье как миленький. Куда бы его ни привезли, он чувствовал себя как дома и не боялся ни людей, ни движения.

Тем не менее Питер почувствовал, что из-за работы не сможет больше уделять своему питомцу столько внимания, сколько прежде. Однажды у нас в гостях побывал отец Питера, увидел, как живут наши питомцы, и предложил сыну привезти Сейджа. Вскоре Питер появился на ферме, и после долгих дискуссий Сейдж остался с нами. Питер и сейчас навещает его от случая к случаю — прошло семь лет, а Сейдж по-прежнему узнает его свисток. Я уверена, что мы сильно недооцениваем память, которой обладают братья наши меньшие. Хотя у Сейджа есть собственный «совешник», ему в нем не сидится — его цыплятами не корми, а дай пообщаться с людьми! На всяких выставках и лекциях он просто незаменим. Было немало случаев, когда люди, следовавшие за нами на машине, думали, что на заднем сиденье мы везем чучело; каково же бывало их удивление, когда выяснялось, что это живая сова, которой очень нравится кататься! Только вот беда: Сейдж превосходит в общении с людьми, но стоит к нему приблизиться другому зверю или птице — непременно нападает. Он охотно демонстрирует свою преданность, садясь вам на плечо; но если после этого вы услышите «у вас вся спина белая», не следует принимать это за неудачный розыгрыш. Теперь нам пришлось уплотнить его «совешник»: мы подселили туда целое стадо черепах. За рептилий можно не беспокоиться: у них такие панцири, что когтями их не проткнешь. Впрочем, обитатели «совешника» (а теперь уже и «черепашника») живут в нем посменно: днем Сейдж, который улетает на ночь, а ночью — черепахи, которых мы днем выпускаем в загон на прогулку.

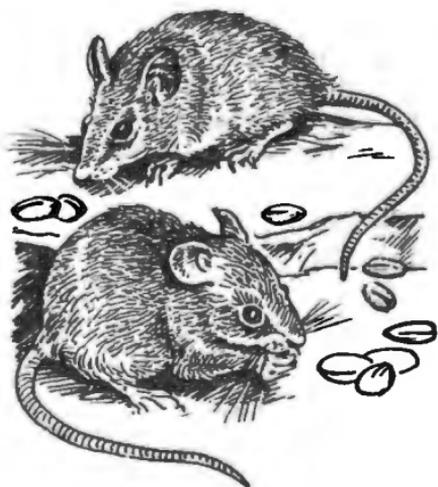
Когда мы брали его на сельскохозяйственную выставку 1989 года в Гайд-парке, он жил в фургоне для перевозки лошадей, а для верности мы привязывали его провололочкой. Но на второй день случилась неприятная вещь — кто-то без нашего ведома отогнал фургон в сторону, чтобы пропустить другую машину. Естественно, это потревожило птицу: провололочка во время движения соскочила, а уж удрать в окошко ему ничего не стоило. Наутро я аккуратненько открываю заднюю дверь фургона, чтобы вынуть оттуда Сейджа, а его и нет! В первое мгновение меня это не встревожило — он ведь мог забиться куда-нибудь в угол, но как только я увидела пустую провололочку, я поняла, что случилось самое страшное. Мне сделалось дурно. Я подошла к ограде — нет и там, только слышала все нарастающий гул движения — проносились автобусы, машины, кому какое до меня дело?! Господи, да где же он?! Он же не сможет добывать себе пищу на воле! А вдруг

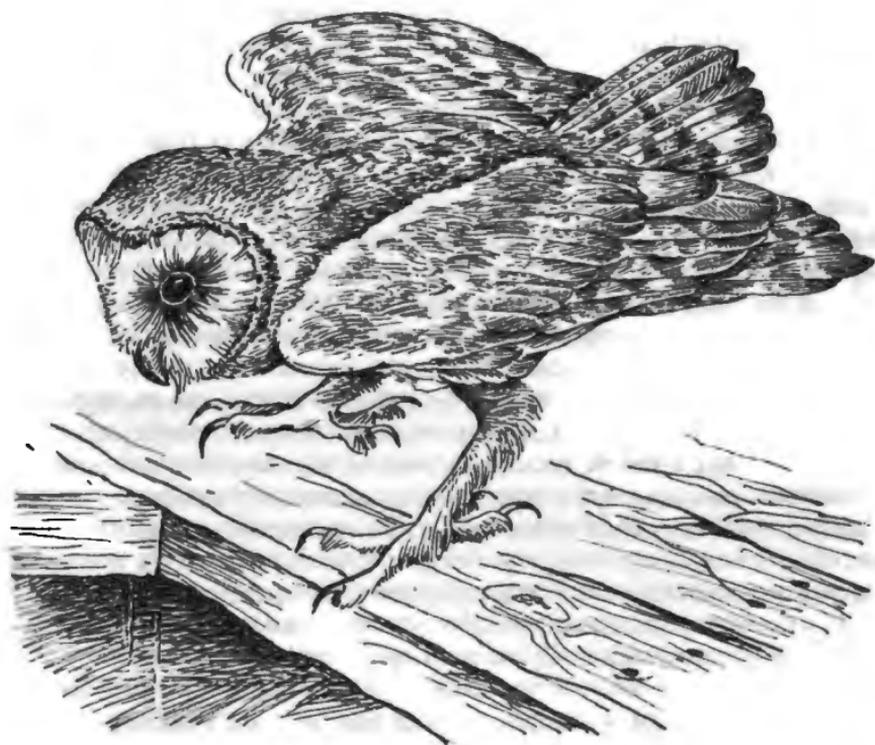
его подберет кто-нибудь, кто представления не имеет, как за ним ухаживать? Меня охватило чувство вины. Как же я не проверила надежность проволоки! Знала бы — ни за что не привезла бы его сюда. Слезы застилали мне глаза. Рыдая, я сообщила о случившемся Клайву и Симону; те информировали службу безопасности, и вскоре слух о происшедшем разнесся по всей выставке. Мы продолжали поиски, но на выставке не так много мест, куда он мог бы залететь (если он вообще не улетел прочь). Ох, ни за что не согласилась бы я снова пережить эти два часа! Правда, забрезжила надежда, когда офицер безопасности сообщил, что видел крупную птицу на вершине одного из шатров в половине третьего ночи, но когда он сказал, что птица полетела к реке Серпентайн, я решила, что все пропало. Я как могла пыталась продолжать шоу, но была не в состоянии сосредоточиться на том, что делаю.

И вот ровно через два часа двадцать минут после того, как он пропал, мне его вернули. А случилось вот что. Удрав из фургона, Сейдж полетел к реке и уютно устроился на одном из больших деревьев, примыкавших к ограждению. А на этом дереве уже обитали совы — им не понравилось, что чужак устроился с таким комфортом, и они начала громко ухать. В это время мимо ограждения проходили два патрульных полицейских; услышав сов, они шутки ради решили поухать им в ответ. Сейдж решил, что это его кличут, и сел на плечо констеблю, к величайшему изумлению последнего. Воображаю, какое выражение лица было у начальника службы, когда он услышал по радио, что на плечо его подчиненному села милая ручная сова, и к каким словам

пришлось прибегнуть констеблю, чтобы втолковать, как все произошло. Сейджа сперва доставили в камеру предварительного заключения, оттуда передали на ринг охотничьих птиц Центра ястребиной охоты, а потом вернули нам.

Возможно, для Сейджа встреча с герцогом Эдинбургским и ночной побег были необычайным приключением, но мне второй раз пережить такое — нет, Боже упаси!

При показе нашего питомца на выставках мы проявляли большую осторожность и разъясняли людям, что сипух не следует заводить в качестве домашних любимцев. Да, это красивые птицы, но требуют привычной для них среды обитания. Куда правильней приспособлять окружающую местность для жизни сов. Фермерские поля разделяются межами, как правило порастающими высокой травой, где шныряют мыши, — а что еще нужно совам? Хрис Сперринг, занимавшийся какое-то время изучением образа жизни сипух, убеждал фермеров Эйвона не скашивать высокую траву межей; этот фактор повлиял на увеличение численности здешних сипух. По оценкам, к настоящему времени в дикой природе сохранилось не более девяти тысяч сипух, а в неволе содержится от двадцати до тридцати тысяч. Ну а программы выпуска сов в дикую природу дают результат только тогда, когда проводятся по всем правилам. Тысячи пар птиц выпускаются на волю без принятия в расчет условий среды обитания — вот и получается, что они нередко обрекаются на смерть. Теперь вводятся новые лицензии для контроля за численностью сипух в неволе и за разведением их с целью выпуска на волю. Мало того,

что территория должна быть подходящей для сов, нужно еще, чтобы она не была занята местной парой. В общем, прежде чем выпускать птиц, необходимо провести массу исследований и расчетов — это тебе не просто открыть окошко, и до свидания. Проблема еще вот в чем: сейчас многие старые амбары (где эти совы так любят селиться) приспособливаются под добротное жилье. Но дело не столько в сокращении удобных для сов жилищ, сколько в потере корма. Методы ведения сельского хозяйства меняются — раньше на зиму заготавливали в основном сено, которое хранили в амбарах. С высохших стеблей осыпаются семена, которые привлекают крыс и мышей — вот и еда для совы. Если зима особенно лютой, совы забираются в амбары с сеном — там для них пусть и скудная, но гарантированная еда, можно перебиться до лучших времен. Теперь же мы заготавливаем на зиму главным образом силос, — естественно, для скота это гораздо лучше, чем сено, но его заворачивают в полиэтилен для ферментации во время хранения. Процесс происходит без доступа воздуха, и уж конечно наименее желанными гостями являются крысы и мыши. Поэтому в местах складирования силоса оставляют отравленную приманку, что никак не на пользу совам.

Сейдж очень часто, особенно зимой, залетал в дом. Когда мы жили на первом этаже, он больше всего любил садиться на книжный шкаф. Однажды к нам приехал управляющий из банка (мы приглашаем его каждый год в надежде выцарапать чуть больше кредита — надо же как-то перезимовать!), и я совершенно забыла, что Сейдж еще находится в комнате. Мистер Кертис вошел, и я сразу же пригласила его в гостиную и предложила чашку чаю. Тут над головой раздался шорох крыльев — это Сейдж, вспорхнув с книжного шкафа, принялся описывать под потолком круг за кругом. «Ничего страшного, — смеясь, сказал чиновник, — пусть остается в комнате!» Повесив куртку на спинку кресла, мистер Кертис уютно устроился перед камином и стал выслушивать наши объяснения, почему у нас не так много денег в банке, как должно было бы быть. Сейдж сделал еще пару кругов, а потом вел себя совершенно спокойно и ничуть не препятствовал переговорам. Когда все вопросы были рассмотрены и мы пришли к какому-то соглашению, мистер Кертис стал одеваться и, нахваливая, что за прелесть этот Сейдж, крепко пожал нам руки. Я сердечно отблагодарила его за понимание и проводила к выходу. Когда он переступал порог, я, к своему ужасу, заметила у него на спине тонкую белую полосу, протянувшуюся от воротника до пояса (тут объяснения не нужны). Мистер Кертис поблагода-

рил меня за интересный вечер и разулыбался на прощание. «До свидания», — только и смогла сказать я и тихо закрыла за гостем дверь. Да, теперь уж он точно не позволит нам превысить кредит в банке!

Впрочем, мистеру Кертису, весьма популярному в округе человеку, не откажешь в чувстве юмора. На следующий день мы получили письмо, в котором он подтверждал все, чего мы достигли путем переговоров, а в конце было приписано: «Свидетелем тому являлась сова по кличке Сейдж, каковая свою печать приложила. Жду вас обоих в скором времени в банке. С наилучшими пожеланиями — Тони Кертис».

К нам не раз поступали осиротевшие совы, но еще чаще — пострадавшие в дорожных происшествиях. Хищные птицы нередко охотятся вдоль автомагистралей, по сторонам которых растет густая трава. Так как сова, по сути дела, комочек пуха, то ее нередко затягивает струей воздуха, поднимаемой проносящимися машинами, что приводит к плачевным последствиям. Птенцов хищных пернатых часто находят при рубке деревьев, или же они сами выпадают из гнезд. С птенцами хищных птиц легче иметь дело, чем с птенцами более мелких, — они легче переносят травму от всего случившегося, в частности от того, что попадают в руки к человеку и выкармливаются им. Тем не менее при обращении даже с юными совятами следует проявлять осторожность — они могут пускать в ход мощные когти и не даваться в руки. На поле сова поедает добычу целиком — со шкуркой, с костями и перьями, которые потом отрыгивает в виде шарика, а все остальное переваривается обычным путем. Поэтому важно, чтобы и в неволе совы получали пищу в том виде, в каком они привыкли ее получать. Мы, например, покупаем на корм нашим совам выбракованных забитых цыплят и храним их в замороженном виде. Молодых петушков убивают в возрасте одного дня, когда становится ясно, что они не смогут разжиреть до нужной кондиции и откармливать их бессмысленно. Покупателями этих цыплят являются также зоопарки и те, кто держит рептилий. Впрочем, мне понадобилось определенное время, чтобы научиться скормливать петушков моим совам. Со взрослыми проблем нет — они съедают их целиком, но для молодых сов и птенцов их нужно резать. Что поделаешь, приходилось баловать моих пернатых, хотя в дикой природе у них нет ни ножей, ни вилок!

Удивительно — как только из яиц вылупляются юные сипухи, они сразу же требуют мяса, даже если крошить его приходится на кусочки со спичечную головку. А не восполь-

зоваться ли мясорубкой? Да вот беда — лапки-то не крошатся! Хочешь не хочешь, а приходится орудовать ножом.

Я люблю выхаживать сов, хотя у них такой суровый на первый взгляд характер. В укромном уголке мы устроили специальную «больничную палату», превратив несколько платяных шкафов в клетки для сов. Поставили дополнительные полки, чтобы разместить больше клеток, повесили инфракрасные лампы для тепла, а в специальных шкафах хранились медикаменты, оборудование и чистые одеяла, чтобы накрывать ими клетки. Когда эта маленькая сова к нам поступила, она сильно недотягивала до нужного веса, но быстро пришла в норму и вскоре была готова к выпуску на волю. Однажды я открыла клетку и продезинфицировала пол. Сова вела себя, как обычно птица перед вылетом: села на полку и принялась крутить головой, выражая тем самым недовольство моим вторжением. Я на секунду отвернулась, чтобы взять чистое полотенце, глядь — а совы и след простыл, хотя я даже не слышала шороха крыльев. Значит, просто спряталась куда-то! Прежде всего я отодвинула все клетки и заглянула за них. Потом на пол полетели ученые книги и справочники. Нет и на книжных полках. Я чувствую, что потихоньку схожу с ума. В комнате не так много мест, где она могла бы спрятаться. Ну не могла же она пролезть под дверью, будь она хоть гуттаперчевая! Оставалась еще одна надежда. Я заглянула в выдвижной ящик, откуда доставала полотенце, — так и есть: из угла на меня кротко смотрит бурая мордашка с тонкими бровями! Когда же она успела туда залезть? Я ведь всего на секунду выдвинула ящик, достала полотенце и задвинула вновь! Короче, за три четверти часа, что я убила на поиски совы, я основательно поразмышляла о двух заповедях для всякого, кто хочет иметь дело с дикими животными. Запасись, во-первых, терпением, а во-вторых, чувством юмора!

Возможно, темно-желтые совы — самые симпатичные из всех. Их нередко находят, когда они выпадают из гнезда. Не надо их трогать, они сами прекрасно залезут обратно. Но многие из тех, кто находит птиц, этого не знают и подбирают, не имея представления, что с ними делать. Самое правильное в таких случаях — отнести их в Общество покровительства животным. Не так давно у нас жил совенка, у которого был очень твердый характер и который большую часть времени сидел на окне комнаты, где у нас живут осиротевшие совы, и смотрел вниз на посетителей. Но пришла пора отвезти его в Отдел дикой природы Общества покровительства животным, где есть крупные авиарии, достаточно просторные, чтобы в

них можно было научиться летать перед выпуском на волю. К сожалению, у нас на ферме все авиарии рассчитаны на показ публике, а важно понаблюдать за птицей без участия посторонних глаз: в таких случаях она может дать понять, что у нее еще что-то не зажило. Авиарии Общества покровительства животным как раз и сооружены так, чтобы специалист мог спокойно понаблюдать за тем, как птица учится летать, и на основании этого сделать вывод о готовности ее к выпуску на волю. Если выпустишь слишком рано, то перечеркнешь все усилия, затраченные на ее выхаживание.

Теперь я расскажу об очаровательной темно-желтой сове по кличке Джоу — ее нам принесла наша добрая знакомая Чери Винсент. У нее были две темно-желтые совы, которые жили в отдельных «совешниках», вторую сову, слепую на один глаз, звали Хут. Хут каждый год несла яйца и упорно пыталась их высидеть, но, поскольку рядом не было самца, чтобы их оплодотворить, труд оказывался напрасен. Чери было ее конечно же очень жалко. Однажды ей принесли совсем крохотного совенка, как раз тогда, когда Хут сидела на яйцах, и Чери с замиранием сердца решила попробовать посадить его к Хут — вдруг примет как родного? И точно: Хут приняла совенка, кормила и оберегала его, так что Чери даже опасалась входить в совешник — а вдруг Хут не так ее поймет? Но вот малютка подросла, и ее можно было выпускать. Но как быть? Приемную мать ведь не выпустишь! И тогда Чери придумала так: передать Джоу нам, а крошку пересадить в освободившийся «совешник»: пусть Хут привыкнет, что падчерица улетела из гнезда, а там можно будет выпустить ее окончательно. Чери надеялась, что привязанность к приемной матери будет время от времени приводить ее обратно, а заодно ее можно будет и подкармливать. Так оно потом и случилось.

Когда Джоу оказалась у нас, мы поселили ее в один «совешник» с сипухами. К нам на ферму редко залетают темно-желтые совы, хотя неподалеку возле дороги живет одна семья. Ночью, когда я выходила кормить барсуков, я любила слушать, как Джоу кичет; но вот на третью ночь я неожиданно услышала голоса двух сов. Я встала посреди двора и прислушалась — на телефонном столбе восседала еще одна темно-желтая сова и что-то кричала Джоу, а та гукала ей в ответ. Я рассказала обо всем Дереку, и мы задумались: то ли это кавалер, который добивается внимания нашей Джоу, то ли это сова, считающая себя хозяйкой здешней территории и негодующая по поводу появления чужой птицы. Так или иначе, но целую зиму без выходных каждую ночь прилетала сова, садилась на телефон-

ный столб и перекликалась с Джоу. Создалась одна из тех ситуаций, когда трудно принять решение. Если это кавалер, то негуманно держать Джоу взаперти и не давать им встретиться. Ну а если отпустить, сможет ли она прокормиться на воле? Правда, найти еду вокруг нашей фермы не так уж и трудно. Джоу шесть месяцев прожила в «совешнике» и наверняка будет возвращаться сюда за едой. К тому же мы разбрасываем еду для барсуков, ничего страшного, если и сова покормится. Мы выпустили Джоу — и с тех пор о ней ни слуху ни духу. Должно быть, кавалер увел ее в свои владения, и они там построили гнездо. А все же жаль, что мы теперь лишены возможности слушать, как они перекликаются.

А еще был случай из разряда «не было бы счастья, да несчастье помогло». Моя подруга Кейт, проводя научно-исследовательские работы на Скомер-Айленд, подобрала птенца короткоухой совы, которого здорово исклевали чайки. Судя по всему, совенек оказал им достойное сопротивление. Кейт спросила, может ли она привезти его к нам для ветеринарного обследования. Как ни удивительно, он выдержал путешествие до Сомерсета, и Кейт продержала его ночь у себя. Когда наутро она привезла его ко мне, он немного поел — что во всех случаях является добрым знаком, — и мы оставили его в покое: пусть придет в себя. Ветеринар нашел, что у совенка сломана нога и слегка повреждено крыло. Бэрри собирался оперировать его на следующий день, но, обнаружив, что у врача в холодильнике нет суточных цыплят ему на корм, я решила на ночь забрать его домой. Увы, ночью бедняжки не стало: по-видимому, поимка человеком и бесчисленные перевозки вызвали стресс, который добил и без того покалеченного птенца. Впрочем, если бы его оставили на скалистом берегу острова, он все равно бы умер. Каждый такой случай опустошает душу: сознаешь, что сделала все возможное — но на большее сил не хватило.

Несколько дней спустя прихворнула одна из наших водяных черепах. Я позвонила все тому же Бэрри, и он ответил, что готов ее осмотреть. Я была сильно занята бумажной работой, поэтому черепаху к врачу пришлось везти Дереку. Кладя ее в ящик, я объяснила, что следует сказать о симптомах, и тут вспомнила, что у Бэрри кончился запас суточных цыплят для прокорма пациентов. Я попросила Дереку отвезти ему несколько штук — на всякий случай. Вернувшись, Дерек объявил, что черепахе требуется курс инъекций, и Бэрри оставил ее у себя для наблюдений. Четыре дня спустя нам позвонили, что черепаха чувствует себя лучше и мы можем ее забрать.

Прибыв на место, я обнаружила, что все врачи куда-то вышли, но медсестра Бекки, вынеся нам черепаху, объявила, что она больше не нуждается в лечении и хорошо питается. Как доказательство в коробке с черепахой лежала недоеденная тушка цыпленка — пусть доест по дороге домой! Я чуть не надорвала себе живот от хохота: оказывается, врач чего-то недопонял и принял мороженых цыплят за корм для черепахи. Выяснилось, что она отнюдь не равнодушна к этому лакомству, а ведь мы никогда прежде не давали ей мороженых цыплят. Вот так — бывает, что в результате ошибок узнаешь интересные вещи.

Глава шестая

ПРИЯТЕЛИ ДЕРЕКА: ЛИСЫ В ШКАФУ ДЛЯ ИГРУШЕК

Знаю по своему опыту, что мало кто из фермеров не поморщится при упоминании о лисах. Тем не менее лисы, как и любые другие животные, имеют право на существование в гуще наших лесов и на просторах наших полей. Хищные животные, в том числе и лисицы, способны контролировать свою численность. Когда пищи вокруг больше обычного (и когда лисиц преследуют больше обычного), лисята появляются на свет в больших количествах. Если предоставить все естественному ходу вещей, то факторами регулирования численности лисиц останутся территория и доступность пищи. Многие фермеры ругают лис за воровство, но виноваты в этом, как правило, они сами. Нужно поплотнее закрывать дверцы курятников и крольчатников. В конце концов, лисица рождается охотником, и с этим приходится считаться.

Лисица все больше становится городским жителем — ведь в мусорных контейнерах и на свалках полно пищевых отходов. Значит, она все меньше боится людей и все чаще устраивает себе жилище и материнское гнездышко вблизи челове-

ческого жилища. Детенышей рождается обычно четыре-пять, а поскольку они появляются на свет на голой земле, то темный шоколадный окрас служит им камуфляжем. На третьей-четвертой неделе лисята обычно покидают жилище, чтобы поиграть, хотя особенно не удаляются от матери. Тогда их нередко подбирают люди, принимая за брошенных щенят.

Порой ошибки совершают даже профессионалы. Как-то мальчишки нашли на пустыре в городе Уэстон-Сьюпер-Мэр двух детенышей и отнесли их местному ветеринару. Тот принял их за щенков собаки и предложил своему знакомому, у которого была собака породы лабрадор. К несчастью, все ее щенята погибли — может быть, она выкормит этих? Он позвонил владельцу собаки и услышал, что тот готов принять найденных с распростертыми объятиями. Собака вылизывала и ласкала их, как родных. Поначалу не было никаких сложностей — щенята росли день ото дня, но вот в одно прекрасное утро хозяин собаки понял, что это за детеныши: у них стала рыжеть шкурка, а ушки и носики становились все острее. Одновременно у них начали развиваться железы, выделяющие пахучую жидкость, так что в комнатах стало нечем дышать. Самая большая трудность заключалась в том, что детеныши, выросшие в домашнем окружении, привязались и к людям и к собакам, и выпустить их на волю не представлялось возможным.

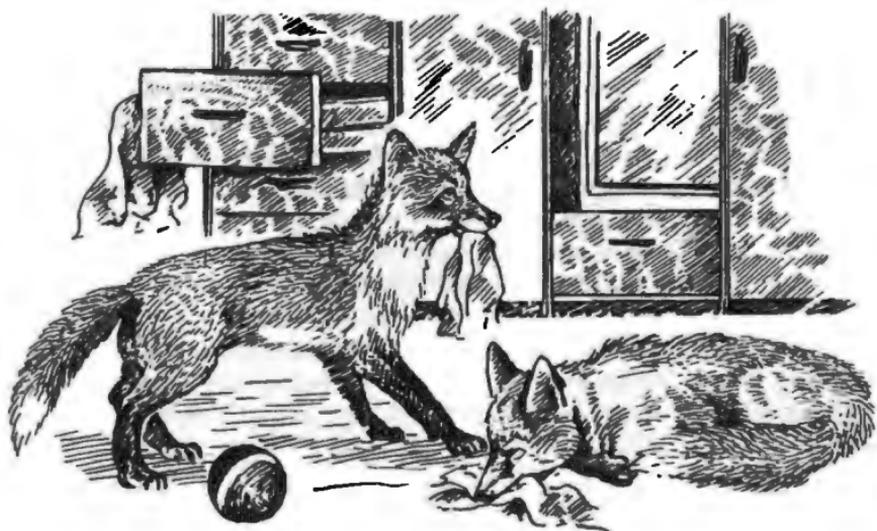
Зная о нашем существовании, хозяин лисят связался с нами и спросил, готовы ли мы их взять. Мы согласились, тем более что лисицы на ферме уже были. Когда они у нас появились, барсучонок Уиллоу по-прежнему жил в доме, в большом буфете; к нему временно и подселили лисят. Мы брали их с собой на выставку в Лондон — городской шум и внимание публики им оказались нипочем! Вид играющих в пятнашки, а порою ссорящихся лисят приводил посетителей в восторг — они ведь так прелестны в столь юном возрасте! Вернувшись из Лондона, мы поселили их в одном загоне со взрослыми лисами, поскольку две недели спустя собирались передать их Обществу покровительства животным — там лисята живут в больших загонах, и их не кормят из рук, а только бросают пищу, чтобы у них восстановились дикие инстинкты. Лисицы дерутся и скандалят из-за еды, но постепенно складывается субординация — примерно так же, как это должно быть в дикой природе. Приходит время, и лисиц — здоровых и привитых — выпускают в специальные места, где на них не охотятся и где нет интенсивного сельского хозяйства, а значит, нет и фермеров, для которых они — словно кость в горле.

Примерно в возрасте шести месяцев лисята в любом случае отобьются от группы.

Однажды нам позвонила одна леди и сообщила, что обнаружила у себя в саду трех лисят. Ей хотелось узнать, что делать. Мы расспросили ее и пришли к выводу, что в одном из сараев при усадьбе, где жила эта дама, лисица устроила себе гнездо, а детеныши выходят в сад для прогулки. Не нужно их трогать — они никогда в жизни не ведали стресса, и не стоит их травмировать. Они в любом случае вернутся в гнездышко к мамочке, а когда подрастут, вероятнее всего, разбегутся, и дама никогда их не увидит. Такой ответ вполне удовлетворил мою собеседницу; она позвонила три месяца спустя и рассказала, какую радость ей и ее семье доставляет наблюдение за лисятами. Но, судя по всему, они уже покинули усадьбу, так как их довольно давно не видно.

Если вы встретите лисят, пожалуйста, не подбирайте их. Стойте и наблюдайте на расстоянии — как правило, мамаша где-то рядом, и лисята прекрасно найдут дорогу домой. Подбирайте их только в том случае, если с ними стряслась беда и им нужна помощь. В 1992 году Отделу дикой природы при Обществе покровительства животным пришлось выхаживать более девяноста лисят — представляете, сколько пришлось подбирать подходящих мест для выпуска! А главное, при всей заботливости человека никто не научит лисят выживать в дикой природе лучше, чем мать.

В первый раз нам с Дерекком пришлось иметь дело с лисицами, когда одна супружеская пара из Чертси, что близ Лондона, предложила нам двух подросших лисят — Гордона и Беннета: супруга нашла их, когда гуляла с собакой. Лисятам было уже по шесть месяцев; мало того, что они были совершенно ручными — они еще привыкли к тому, что им сервируют еду по два раза в день! Как таких выпустишь в дикую природу? Соорудив специально для них новый загон, я съездила в Чертси и забрала их. Для меня это была первая в жизни возможность близко изучать лисиц. Братья оказались совершенно разные — у Беннета ноги и шерсть на холке были черные, так что в целом он выглядел много темнее, чем Гордон, окрашенный в приятный медовый цвет. У обоих были серые с белым манишки и белые кончики хвостов — или, лучше сказать, белые кисточки? Глаза у них были ярко-оранжевые, по строению похожи на кошачьи, — очевидно, такой глаз легче приспособливается к ночному видению. Лисицы все-таки ночные животные, хотя иногда их можно видеть и днем.

Первую ночь они провели, съжившись от страха, в конуре, которую я специально для них построила в загоне; но на следующий день рыжая парочка куда отважнее обследовала загон и выказала куда большее дружелюбие. В довершение всего они принялись кататься на спинке, чтобы я пощекотала им брюшко; лаская своих питомцев, я чувствовала густую мягкую шкурку, похожую на кроличью.

В дикой природе лисы не очень много времени проводят в норах; обычно они залегают под кустами, а то и забираются в дупла больших упавших деревьев. Густая теплая шуба не дает им замерзнуть. Я удивляюсь, с какой ловкостью они скачут по бревнам, из которых сложена ограда загона, — всего-то четыре дюйма в ширину, — и при этом умудряются не наткнуться на проволоку. Их повадки очень схожи с кошачьими — поскольку питаются они в основном мышами, то, вполне естественно, от них требуется кошачья ловкость. Я наблюдала, как они охотятся. У лисицы необыкновенно острый слух, и сперва она, насторожившись, прислушивается, где шуршит грызун, которого она наметила себе в жертву. Затем прыгает, руля в полете хвостом, и хватает добычу передними лапами — теперь ей ни за что не вырваться.

Гордон был несколько дружелюбнее, чем Беннет, и мы иногда выводили его гулять на поводке. Но это было нелегким делом: лисица — не собака, она любит гулять вдоль кустов, а еще больше — продирается сквозь них; во всяком случае, ее не заставишь шагать по прямой. Вот что я еще заметила,

наблюдая за моими рыжими питомцами: бегая по загону, они издалека чуяли присутствие барсуков и держались поближе к ограде — очевидно, лисицы уважают силу этих животных. В дикой природе барсуки и лисицы иногда живут по соседству, но лисицы не столь аккуратны, как барсуки. Разбросанные вокруг норы перья и объедки неизменно свидетельствуют о том, что хозяйка дома. Раньше считалось, что лисицу можно скрестить с собакой, но лисицы и собаки относятся к разным родам, у них различное количество хромосом, так что скрестить их в принципе невозможно. К сожалению, с нами уже нет Беннета, но Гордон с нами и по сей день. Сейчас, когда я пишу эти строки, ему исполнилось восемь лет. Если среди наших питомцев снова появляются лисята, он у них — за старшего брата. Бывают случаи, когда детеныши путают его с мамашей и пытаются найти соски — ну, тогда он сразу дает понять что к чему!

Дерек, у которого в крови фермерские инстинкты, никогда не питал особой страсти к лисицам. Расскажу об одной рыжей, которую мы оба невзлюбили. Шел второй год, как наша ферма открылась для публики, и по саду бегали до сотни кур. В течение целой недели каждый день изумленные посетители бывали свидетелями такой сцены: между полуднем и двумя часами дня в сад наведывалась лисица, преспокойно хватала цыпленка и тащила к себе в нору. Раздавались охи и ахи, щелкали фотоаппараты — ведь зверек подходил близко, никого не боясь. По-видимому, это была кормящая самка, нуждавшаяся в усиленном питании; отчего не воспользоваться, коли доступная добыча рядом? Получилось раз, получилось два — вошло в привычку. Все же по истечении недели мы решили: хватит! Сказать по совести, больно было смотреть, как число цыплят день ото дня уменьшается. Наверное, они уже стали тянуть жребий, кому следующему идти на корм лисице! Одолжив у своего кузена ружье, Дерек взял обед сухим пайком и засел в цыплятнике, наблюдая через окошко. Был ясный солнечный день, и он издалека увидел, как лисица крадется вдоль живой изгороди. Он взял ружье на изготовку, стараясь не спугнуть зверя. Вот прелестная рыжая шкурка двинулась привычным маршрутом в направлении сада; вдруг лиса замерла на месте, подняв переднюю лапу, и понюхала — сперва воздух, затем почву: она явно почуяла, что здесь что-то не так. Задумавшись, она скользнула еще на несколько ярдов вперед, но, словно поняв, что все кончится худо, яркой вспышкой метнулась назад и скрылась в живой изгороди, вдоль которой кралась. Не могла же она видеть ружье — значит,

поняла по запаху, что угрожает опасность. Дерек с облегчением вынул патрон. Больше рыжая плутовка не приходила средь бела дня за легкой добычей.

Прошла еще пара лет. Стояла суровая зима, и мы держали цыплят в большом сарае, двор перед которым был устлан соломой. Но вот солнце повернуло на весну, и мы вновь стали выпускать цыплят гулять по саду. Как-то вечером я шла к цыплятнику, чтобы закрыть его на ночь, и встретила Дерек, идущим через сад к овчарне — овцы вот-вот должны были начать ягниться. Мы пошли вместе, обсуждая происшедшие за день события, и вдруг увидели отделившуюся от стада овцу — это значит, что она или только что объягнись, или вот-вот объягнется. Мы подошли поближе — двойняшки, первые в нашем овечьем стаде в этом году. Взяв по ягненку в каждую руку — а брать их нужно за передние ноги, чтобы тельце свисало, — я отнесла их во двор. Спросите, почему такой странный способ переноски? Потому что если я прижму новорожденного ягненка к себе, то передам ему свой запах, и овца может отвергнуть его. Ягнята время от времени блеяли, побуждая овцу следовать за нами. Дерек шел позади, чтобы загнать ее в сарай — там для нее готовы подстилка из соломы, свежее сено и вода. В первую ночь после окота Дерек всегда загоняет овец внутрь, чтобы защитить детенышей от лисиц. Через сутки ягнята становятся достаточно сильными и могут следовать за мамашей; гибнут очень немногие.

Уютно устроившись в теплом сарае, овца по-матерински ворчала на своих детенышей, которые отыскивали соски на ее теплом животе. Потом они завили хвостиками и довольно зачмокали — стало быть, молока вволю. Утолив голод, ягнята, даже не облизав губы, попрыгали по соломе и снова устроились подле мамочки, которая неторопливо жевала жвачку. Мы наблюдали за всем происходящим сквозь полуоткрытую дверь и думали: бывают же такие минуты, когда всем существом чувствуешь, какая это прекрасная штука — сельская жизнь и как она примиряет тебя с окружающим миром. Было уже темно; погасив в сарае свет, мы направились в дом. В этот вечер мы несколько раз проходили мимо цыплятника, и ни один из нас не вспомнил, что нужно закрыть его на ночь.

Забрезжил рассвет, и последствия подобной забывчивости предстали во всей красе. Зеленая трава была усыпана толстым слоем перьев, будто над садом разыгралась снежная буря. Всюду валялись цыплята — иные были только чуть придушены и теперь умирали мучительной смертью, у других были откусаны головы. Те же, кто уцелел, забились по углам цыплят-

ника — они были в глубоком шоке. Многие погибли просто от удушья, — когда началась паника, цыплята кинулись в безопасные места, наседавая друг на друга. Мы не могли без гнева взирать на то, что натворили лисицы, — мы думали не столько о понесенном ущербе, сколько о том, какие предсмертные муки выпали на долю крошек. Но тяжелее всего было чувство вины: это ведь такая элементарная вещь — закрыть цыплят на ночь... Более полусотни растерзанных цыплячьих тушек — таков «урожай» того горестного утра, и словно черная тень упала на землю. «Если бы мы только знали...» — эта мысль долго не давала покоя ни мне, ни Дереку. Слава Богу, в тот день никто не задал нам вопроса, какого мы мнения о лисицах. Ну, уташит лиса нескольких цыплят, если не закроешь дверцу на ночь, но чтобы вот так, в пух и прах...

На другой день я уехала в Лондон повидаться с матерью, и мы вместе сходили на выставку «Идеальный дом». Перед возвращением я, как всегда в таких случаях, позвонила Дереку — узнать, все ли в порядке на ферме, — и поняла, как бесконечно он мне предан и как безмерно любит меня! Еще не улеглись страсти после трагедии в цыплятнике, а Дерек уже съездил по вызову и привез — кого бы вы думали? — лисенка, которому всего-то три дня от роду. Теперь аккуратно кормит его из бутылочки каждые четыре часа. Слава Богу, на следующий день я вернулась на ферму и, едва переступив порог, попросила показать мне нового питомца. Дерек справился блестяще, но я не могла не чувствовать, что у него гора с плеч свалилась, когда он сдал мне с рук на руки этот крохотный шоколадный комочек. Он и так терпеть не мог все эти бутылочки, а тут возись, корми, и кого же — лисицу, да еще после того, что натворили ее сородичи! Мы назвали лисичку Хейди — так сокращенно называли выставку «Идеальный дом» ее устроители. (В тот момент никто из нас и представить не мог, как подойдет ей это имя — Хейди идеально вписалась в жизнь нашего дома!) Ее спас фермер, который отстрелял на своей земле нескольких лисиц, покушавшихся на его ягнят. Осмотрев последнюю, он увидел, что в зубах у самки — еще живой детеныш. Что до взрослых лисиц, то они получили по заслугам — нечего воровать ягнят, но детеныш-то чем виноват? Подобрав его, фермер тут же позвонил Дереку, и тот забрал лисенка. Крошка была удивительно красива; вся она помещалась на моей ладони, и глазки у нее еще не открылись. Я сомневалась, выживет ли она, но тогда я и представления не имела, сколь живучи лисята. Я завернула ее в согретое полотенце, а она что-то прочирикала в ответ — мол, кормить

меня пора! В столь нежном возрасте шерстка не может быть очень длинной, но на хвосте — обернутом вокруг тела, чтобы удерживать тепло, — уже обозначился характерный белый кончик. Через нашу ферму, наши руки прошло немало животных, но Хейди — это было что-то особенное.

Скорость, с которой росла эта крошка, оказалась феноменальной. К концу недели у нее открылись глаза — пара милых глубоких голубых глаз, с такой любовью смотрящих на нас! Прошла еще неделя — и она стала пушистым комочком. Едва выучившись вилять хвостом, она поняла, что с помощью этого легко добиться людского внимания: виляет хвостом и тоненько-тоненько верещит, пока мы наконец не соизволим к ней подойти. Впрочем, она уже научилась и кое-каким дурным манерам, например плевать. Уже в младенческом возрасте ее реакция на внезапный шум или чье-то движение была молниеносной. Но когда она стала бегать по комнате, от наших глаз не ускользнуло, что она волочит заднюю ногу. Осмотрев ее, мы поняли, что у Хейди повреждено бедро. Наш старый друг Бэрри осмотрел лисичку и сказал, что бедро может встать на место, но, если этого не произойдет, нужно будет ее оперировать. В этом случае зверюшку на несколько недель придется изолировать и повременить с выпуском.

Если сравнивать с барсучатами, у которых глаза открываются лишь через пять недель после рождения и которые выходят из норы в возрасте восьми недель, то у лисиц зрелость наступает гораздо быстрее — так диктует природа, иначе они не выживут. Хотя Дерек ухаживал за крошкой всего два первых дня, она успела привязаться к нему и всегда с энтузиазмом его приветствовала, прижав ушки и выгибаясь всем тельцем. Однако эта преданность не вызывала взаимности — Дерек показывал всем существом, что игнорирует плутовку. В трехнедельном возрасте, несмотря на поврежденную заднюю ногу, она демонстрировала чудеса ловкости. Например, захотелось Дереку сесть в кресло почитать газету, так Хейди при помощи острых коготков без труда взобралась по спинке. Сознание близости к человеку, чьего расположения она безуспешно пыталась добиться, привело ее в такое волнение, что она взяла да и выпустила ему на лоб все содержимое мочевого пузыря. Дерек вскочил будто ужаленный, а крошка одним прыжком катапультировалась в противоположный угол комнаты. Я и мальчишки устали в пол, стараясь сохранять спокойствие, но удержаться от смеха стоило нам колоссального труда. Дерек бросился вон из комнаты, чтобы переодеть свитер, и со всей силы захлопнул за собой дверь, лишь по счастливой случай-

ности не прищевив нос лисичке, которая, увидев, как он расстроен, собралась за ним бежать. Впоследствии мы делали все возможное, чтобы удерживать ее подальше от Дерека, но это мало помогало: все принадлежащее Дереку, что попадало ей в когти, оказывалось немедленно утешенным за кресло и там благополучно изжеванным. Симон и Дэниел обожали Хейди, и она проводила немало времени в спальнях мальчишек; ну а буфет, в котором хранились игрушки и который располагался в коридоре между их комнатами, стал ее законным местом для сна. Между тем ей исполнилось уже два месяца, а бедро так и не встало на место; дело дошло до операции, после которой мы вынуждены были на несколько недель ограничить свободу передвижений лисички кухней.

Теперь в нижнем этаже мы сделали чайную для посетителей, а сами перебрались на второй и третий, куда ведет отдельная лестница; когда Хейди поправилась после операции, мы, выходя из жилых комнат, закрывали дверь на замок, зато по всему остальному пространству дома лисица могла свободно бегать. Она много играла с псом Барри, а спала еще больше. Иногда мы, придя посмотреть, как ей живется, звали ее по имени. Думаете, она сразу отзывалась? Ничуть не бывало! Если она сыта и уютно свернулась где-нибудь клубочком, ни за что не явится. Тогда в голову приходила жуткая мысль: а вдруг мы неплотно закрыли дверь и она убежала туда, куда не следует? Все дружно принимались за поиски, но это все равно что искать иголку в стоге сена. Лисица блестяще владеет своим телом, подвижным будто ртуть, и просто диву даешься, в какие узенькие щели она способна проникать. Лисы нередко приспосабливают себе под жильем кроличьи норы. Порой Хейди находили в ящиках, выдвинутых на несколько дюймов, порой — за холодильниками, шкафами и прочими предметами мебели. В конце концов, нам это надоело. **Черт с ней! Проголодается** — начнет верещать и выдаст свое местонахождение, а там, глядишь, и сама бросится к нам как миленькая.

Дерек всегда питал страсть к крикету. Он, несомненно, сделал бы спортивную карьеру, если бы играл хоть мало-мальски прилично. Деревенский крикет он тоже как следует освоил, потому что играют в него по преимуществу летом, а в это время года куда важнее дойка и сенокос. Только ближе к четвертому десятку он смог организовать свое время так, чтобы оставалось еще и на игру. Немалую роль сыграло то, что вместо сена мы стали заготавливать силос. С этой работой мы справлялись за несколько дней, тогда как заготовка сена

требовала многих недель. Теперь Дерек каждое лето самозабвенно играет в крикет. Он питает к этой игре ту же любовь, что я — к диким зверушкам. Поскольку я особенно не утруждаю его заботами о моих питомцах, а он не заставляет меня ходить на матчи, то это устраивает нас обоих. Каждую субботу с мая по сентябрь он берет свои принадлежности и отправляется играть, позволяя себе на короткое время забыть о ферме. Кстати, игроки команды Ист-Хантспилла живут душа в душу, и поскольку чувства юмора им не занимать, то, прежде чем выйти на поле, они соревнуются, кто кого острее подденет. Стоит, к примеру, Дереку опоздать на пару минут, как его уже встречают словами:

— Что, дружище, опять гулял с барсуками? Запряг бы их лучше в повозку и приехал, хоть какая польза!

А другой встрянет:

— Да нет, не с барсуками. Небось чайкам крылья перевывал. Хоть бы одна тебе в благодарность рыбки наловила, что ли!

Ничего не поделаешь — приходится терпеть.

Мешок со спортивными принадлежностями Дерек хранил под кроватью. Настал-таки день, когда он случайно забыл закрыть дверь.

Когда пришла суббота, Дерек надел белый костюм — цвет команды Ист-Хантспилла, — взял мешок с принадлежностями и отправился играть. Солнце светило вовсю, и те игроки, до которых еще не дошла очередь, валялись на травке, комментируя ход игры. Время от времени поляну оглашал оглушительный крик «Вот это да!!!» или «Вот те на!!!» — в зависимости от того, куда запузырил мяч тот или иной игрок. Но вот настал черед Дерека. Развязав мешок, он достал оттуда пару шикарных ненадеванных кожаных перчаток, стал натягивать и... о ужас! Сквозь изжеванную белую кожу вылез розовый большой палец, а вся команда вокруг лежит, заливаясь хохотом. Представляю, что он почувствовал, когда догадался, как все произошло... «Тебе что, крыса прогрызла?» — спросил кто-то из дружков. «Нет, лисица», — только и смог ответить Дерек. Продолжать игру было бессмысленно, смех не смолкал до самого вечера. Но, как видно, урок не пошел впрок — через несколько недель вся команда ржала снова, на этот раз по поводу красного сердечка у Дерека на спине (он натянул белый свитер на красную рубашу, а дыра, прогрызенная в свитере, имела точно вид сердца — вот и стал он червонным тузом!).

Между тем у Хейди стала все больше пробиваться рыжая шерстка, глаза обрели ярко-оранжевый цвет, а ушки наострились еще больше, это значило, что она превращается в настоящую лисицу. К концу первого месяца жизни Хейди окончательно отказалась от бутылочки; теперь стоило бросить ей кусок мяса — попробуй отними! В ней мгновенно пробуждался врожденный инстинкт — охранять свою добычу! Ведь в дикой природе детенышам ее возраста самка впервые начинает приносить пищу, и, кто ухватит самый большой кусок, тот и победитель.

У нас был заключен договор с фирмой мойщиков окон, которая каждый месяц присылала к нам бригаду. Возглавлял ее высокий блондин по имени Адриан, который был настолько хорош собой, что едва ли ему нужно было следить за своей внешностью. Когда он влез на стремянку, чтобы помыть окна изнутри, мы предупредили, что по дому бродит страшная лисица по кличке Хейди. Но он уже вымыл половину окон, а плутовка все не показывалась на глаза. Между тем она никуда не делась. Замша, которой протирают стекла, очень похожа на звериную шкуру, вот она во все глаза и следила за Адрианом — дождалась своего часа, чтобы не упустить добычу. Протерев очередное окно, Адриан отложил замшу и взял в руки сухую тряпку. Тут из-за стула метнулась рыжая молния, схватила замшу, скользнула по подоконнику и, тормозя, вцепилась когтями в ногу Адриану. Тот завопил не своим голосом, а лисица, усмотрев в этом признак опасности, бросилась прочь, фыркая и ворча, — Адриан только и успел заметить, как она исчезает в глубине гостиной, таща за собой ветхий трофей чуть ли не вдвое больше ее самой. Потрясенный Адриан спустился со стремянки и вежливо спросил, как бы ему заполучить замшу обратно. Что-то, а отдать добычу без боя Хейди не могла! Счастье еще, что я отделалась укушенным пальцем — бросив лисице свежемороженого цыпленка, все-таки отбила у нее замшу. Адриан снова влез на стремянку, чтобы закончить работу, но не прошло и десяти минут, как замша исчезла снова. На сей раз я бросила плутовке полотенце и заперла ее в кухне, пока Адриан не кончит. Завершать работу Адриану пришлось под жалобный вой — голос одинокой тоскующей души.

Адриан и его компания всегда проявляли живой интерес к тому, чем мы занимаемся. То, что в любой из наших комнат можно ожидать сюрприза, было для них в порядке вещей. Как-то раз они и сами попытались порадовать нас новым питомцем. Моют окна в одной усадьбе в Хайбридже, видят —

по дороге ползет крыса, вроде больная, но еще живая. Они испугались — было время детишкам возвращаться из школы, вдруг кто-нибудь увидит и поймает? «Позвоним Паулине!» — решили Адриан и его друзья. Мы с Мэнди немедленно приехали — на руках перчатки, под мышкой коробка. К тому времени, как мы добрались, трое отважных ловцов уже успели поймать животное, опрокинув на него мусорное ведро да еще придавив сверху тремя кирпичами. Мы с Мэнди решили так: одна будет медленно поднимать ведро, а другая попытается схватить. Конечно же крыса выскользнула из наших рук и спряталась под машиной. Трое храбрых мужчин мигом растворились, или, во всяком случае, отошли на безопасное расстояние. Крыса, вероятно отведавшая отравленной приманки, двигалась не слишком быстро, так что мы, ползая на брюхе вдоль обеих сторон машины, умудрились ее сцапать и запихать в коробку. Окончив операцию, мы встали, и лица наши светились триумфом. «Вот это да! — сказал один из членов бригады мойщиков. — Да вы как пара опытных так!» Хорош комплимент, нечего сказать!

К счастью, крыса отдала концы, прежде чем мы успели доехать до дома. Так мы избавились от этической дилеммы — спасать ее, как мы спасаем всех наших питомцев, или нет. Заслуживает ли она этого, коли она — вредный грызун? Но ведь лисицы тоже порой вредят, однако же мы спасаем их!

Хейди по-прежнему жила в доме, но пахучие железы все больше давали о себе знать. Я со страхом ждала, что Дерек поставит вопрос ребром. Хуже всего то, что лисиц очень трудно заставить соблюдать в доме чистоту. Выходя из своих комнат, мы всякий раз с превеликой осторожностью открывали дверь на лестничную площадку — вдруг она опять навалила там кучу? Если, ко всему прочему, рассказать, как лисы любят лазить в камин и взбираться по трубе, а также носиться по книжным полкам, демонстрируя свою ловкость, то станет ясно, почему их не очень-то охотно заводят в качестве домашних любимцев. Я вижу, читатель уже готов наградить Дерек за долготерпение сияющим нимбом. Мы тоже старались скрасить ему жизнь: стоило лисичке напроказить в очередной раз, как мы из кожи вон лезли, чтобы скрыть последствия, пока о случившемся не проведал Дерек. Но даже он был сильно расстроен, когда кто-то забыл закрыть дверь и лисица ускользнула на улицу. Мы все обыскали — как в воду канула! Утешением служило то, что она знала местность, поскольку мы часто водили ее на прогулки; но как далеко ее занесет? А главное, почти у всех наших соседей есть ружья, что тоже внушало тревогу. Пришло время ложиться спать, а о лисице — ни слуху ни духу. Мы ходили туда, сюда, искали, звали, надеясь услышать в ответ тоненькое верещание, — ничего! Решили так: пойдем спать и оставим двери открытыми — вдруг вернется!

Я лежала в постели, напрягая слух. Минуты тянулись мучительно долго, словно часы. Наконец сон сморил меня, но в пять утра я проснулась снова. Дело было летом, так что уже совсем рассвело; тихонько, чтобы не разбудить Дерек, я выползла из постели и отправилась к мальчишкам. И что бы вы думали? В шкафу для игрушек на своем привычном месте возлежала Хейди, блаженно растянувшись на спинке. По-видимому, она так набегалась за ночь, что могла пошевелить только кончиком хвоста. Растроганная до слез, я нежно погладила ее по головке — мол, здравствуй, милая, как долго мы тебя искали! — хорошенько закрыла все двери и нырнула в постель: хоть пару часов посплю по-человечески! Нужно ли говорить, что последние часы сна были куда слаще, чем предыдущие...

Лиха беда начало — ночная прогулка прилась Хейди по вкусу. Теперь она все чаще норовила улизнуть из дома, но, вернувшись, каждый раз устраивалась спать в шкафу для игрушек. Видя, что в доме ей не сидится, мы решили познакомить ее с Гордоном и Беннетом. (Зная, что нам не удастся

выпустить их на волю, мы решили их кастрировать, так что с этой точки зрения проблем не было.) Те сразу приняли Хейди как сестренку. Поначалу она проводила с ними по несколько часов в день, а затем и целые дни, забегая в дом от случая к случаю (обычно мы брали ее поиграть по вечерам, когда Дерек уходил на вечернюю дойку, после чего тщательно проветривали дом, чтобы он не узнал о визите не очень-то желанной гостьи). Конечно же мы все чаще брали ее на прогулку, да и Мэнди, гуляя со своими собаками у реки, нередко брала ее.

К тому времени, когда Хейди исполнился год, от травмы бедра не осталось и следа. У нас уже не было Беннета, его сменила другая лисица. Это была молоденькая самка, попавшая в капкан. Ветеринар ампутировал ей заднюю ногу, но началась инфекция, и врачу пришлось сделать немало инъекций и переливаний крови, чтобы спасти своей пациентке жизнь. Потом он передал лисицу нам, боясь, что в дикой природе она все равно не выживет. Ну а назовем-то как? Конечно, Трипод, то есть Трехножка! Рожденная в дикой природе, она так до конца и не стала ручной, но, являясь за едой, подходила к человеку совсем близко, если видела, что он не собирает ее трогать.

Наступила зима, и все три лисицы оделись в густые зимние шубы. В то утро, когда мороз покрыл все вокруг искрящейся корочкой, первое, что я сделала,— пошла их поведать. На белом фоне их шикарные шубы смотрелись особенно эффектно, и им было совершенно наплевать на холод. Я всегда подмечала, как мороз оттеняет красоту природы, выявляя самые тонкие детали. У нас на ферме живут павлины, которые на ночь забираются на могучий конский каштан. Когда их трехфутовые хвосты, ниспадающие с ветки, сияют в морозную ночь в лучах луны, зрелище просто захватывающее.

В эту зиму Дерек подарил мне на Рождество пару белых павлинов, о которых я всегда мечтала. Решили — пусть пока поживут в птичнике, поглядят, как бродят по двору и где устраиваются на ночлег их сородичи, а месяца через два выпустим их к другим павлинам. (Птичник, в котором их поселили, находился как раз напротив лисьего загона...)

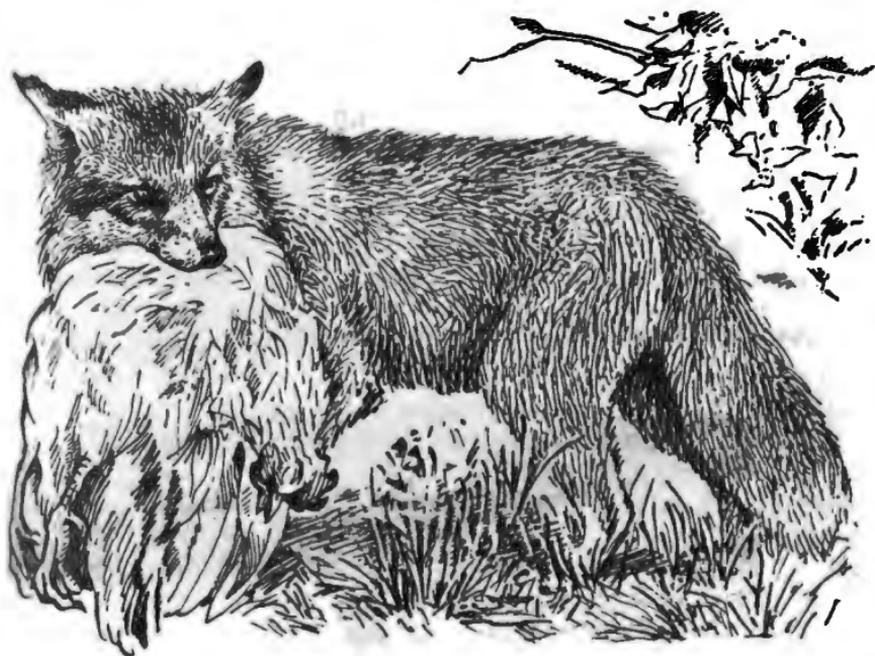
К тому времени Хейли вот-вот должно было исполниться два года. В этом возрасте лисицу обыкновенно тянет искать себе пару, а эта немаловажная деталь как-то не пришла мне в голову. Загон, в котором жили лисицы, был обнесен двойной проволокой, и вот в одно злосчастное утро я обнаружила, что проволока перекушена. Судя по всему, одну перекусил некий

лис-пришелец, а другую — Хейди. Исчезли и Хейди и Трипод. Ну а Гордон, по-видимому, решил, что слишком стар для вольной жизни. К тому же здесь «сервируют стол» дважды в день — чего еще?

Больше мы так и не увидели Хейди. Боюсь, с ней приключилась беда — она была такой ручной! Спросите — а может, она просто нашла себе пару? Думаю, она все равно показалась бы на глаза, пусть даже издали. Мэнди и вовсе была убита горем: ведь она уделяла ей столько времени и забот! Мы искали Хейди, оставляли для нее еду, просили всех: если встретите ручную лисицу, сообщите! Нет, все напрасно!

...Неделю спустя кто-то из тех, кто наловчился перегрызать проволоку, вернулся и задушил моих белых павлинов.

Ну, а Трипод появлялась еще не раз. Ее-то уже не спутаешь ни с какой другой лисицей. С того печального утра, когда она убежала вместе с Хейди, прошло два месяца. Я закрывала курятник, чувствую, кто-то хлестнул меня хвостом. Оборачиваюсь и вижу крупную лисицу с огромным петухом в зубах. Я кинулась на нее, заорав не своим голосом; бросив добычу, лисица пустилась наутек со всех... трех ног. Добежав до ворот, она остановилась, оглянулась и унеслась прочь. Шея у петуха оказалась одним сплошным синяком, и все-таки он протянул до утра. Аналогичный случай произошел с цесаркой в июне. У нас в усадьбе работал некий Питер — таких золотых рук, как у него, днем с огнем не сыскать, все что хочешь починит! Бог не наградил его ростом, и потому ему приходилось постоянно сносить насмешки от посетителей, вроде: «Виноваты, мы не заметили вас из-за метлы», — но он к этому относился спокойно. К неудовольствию своей жены, он был истинным трудоголиком и нередко задерживался на работе до полдвенадцатого ночи — мы даже думали, не купить ли ему горняцкую лампу, чтобы лучше работалось ночью! Так вот, в одно прекрасное утро Питер, делавший уборку в Гостевом центре, услышал на дворе странный шум и выбежал поглядеть в чем дело. Трехногая лисица с пучком перьев в зубах гоняла по двору трех цесарок. Бедная Трипод, удача ей опять не улыбнулась. Увидев Питера, она сочла за лучшее прекратить охоту и задать стрелкача. Именно это и называется — пригреть змею на груди! Постоянное уменьшение числа утят, птенцов павлинов и цесарок служило косвенным доказательством тому, что Трипод вертелась где-то рядом. Но стоит ли списывать все на нее? Есть же в округе, в конце концов, и другие лисицы! По крайней мере, она доказала, что и трехногие лисы могут выживать в дикой природе.

Теперь одиночество Гордону скрашивает лисица по кличке 'Эмбер. Она поступила к нам из Общества покровительства животным в шестимесячном возрасте. Сколько ни пытались отучить ее от людей, она так и осталась ручной. Ну что с такой делать? Нужно искать ей новый дом! Зная, что у нас на правах домашнего любимца живет Гордон, ее предложили нам.

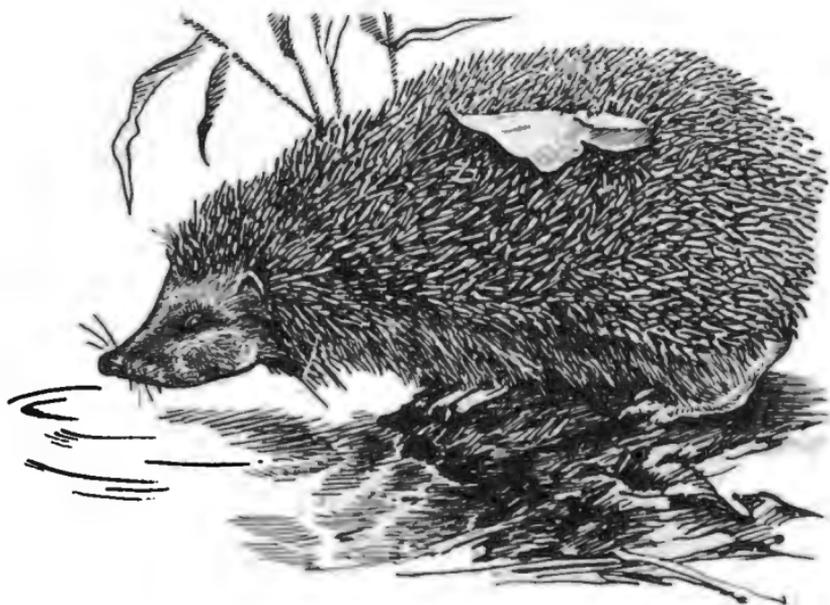
К сожалению, не все истории больных и покалеченных шершук имеют счастливый конец. Как-то нам позвонили из школы Святого Иоанна в Хайбридже — игравшие во время перемены детишки нашли под живой изгородью чрезвычайно истощенную лисицу и поняли, что она нуждается в помощи. Собрав все необходимое, мы с Мэнди немедленно выехали туда. Поймать лисицу оказалось не так-то просто — даже будучи сильно больной, она пыталась избежать нас. Тело ее уже было покрыто яйцами падальных мух, что само по себе служило признаком неминуемого скорого конца. Мы немедленно отвезли ее к ветеринару. Он оказался на месте. Накрыв ей голову, чтобы она меньше чувствовала страх, врач пытался успокоить ее ласковыми словами. Тщательно обследовав ее, он обнаружил огромную раковую опухоль в последней стадии.

Ничем помочь было нельзя. Доза лекарства — и ее исстрадавшееся тело наконец обрело покой.

— Горестный конец, — сказал врач. — Зато прожила долго, минимум десять лет. Взгляните-ка на ее зубы.

Из-за высокой смертности среди молодняка средняя продолжительность жизни лисицы составляет около двух лет. Но уж если преодолен трехлетний рубеж, то, может быть, проживет долго. Хочется верить, что жизнь, прожитая почтенной леди, была счастливой. Доктор облегчил ее конец — и на том спасибо.

Глава седьмая

КОЛЮЧИЕ ПРОБЛЕМЫ, ИЛИ КАК ЕЖИ ПРЕПОДНЕСЛИ МНЕ СЮРПРИЗ

Люди и ежи живут бок о бок уже многие тысячи лет, но за это время ежей так и не удалось приручить. Да и нужно ли? Как сказал один лектор, от добра добра не ищут. Случалось, люди преследовали ежей, а в старину даже ели, и все-таки этих созданий по-прежнему немало в лесах и полях. Если вам посчастливится встретить ежа, сразу поймете, сколь привлекателен этот зверь.

Дело было зимой, в первый год моей жизни на ферме. Я возилась на кухне, и вдруг до моих ушей донесся душераздирающий вопль, как мне показалось. Он был настолько сильный, что проигнорировать его было невозможно, и я ринулась выяснять, что происходит. Солнце давно зашло, и единственным источником освещения был свет из окон. Тут ко мне подскочила Шина — должно быть, ей тоже не терпелось узнать, из-за чего вся эта кутерьма. Я стояла не шелохнувшись, ожидая, повторится ли звук. Шина смиренно сидела рядом со мной и тоже прислушивалась, но потом, видно удивляясь, отчего я стою так долго, забежала в одну из пристроек. То ли

она продрогла на холодном ветру, то ли нашла что-то более для себя интересное. Впрочем, и я поняла, что следовало бы накинуть куртку, прежде чем выбегать из теплого помещения. «Ну ничего,— думала я, трясаясь от холода,— еще пару минут постою и тоже пойду греться». Пары минут не потребовалось — менее чем через минуту вопль повторился с новой силой. Откуда? Да из пристройки! Неужели что-то стряслось с Шинной?

Я кинулась к двери, клича ее по имени. Она выскочила из старой сыроварни, и мы столкнулись нос к носу. На сей раз уши у нее были опущены, словно она в чем-то провинилась, а между ноздрями торчало несколько колючек. Так вот что произошло! Оказывается, она решила понюхать ежа! В доме я быстро вытащила колючки и сказала: «Если требуется еще какая-то помощь, подождешь!» Схватив фонарь (в сыроварне нет электричества), я отправилась посмотреть, что стряслось с ее противником. Это оказалось не так-то просто: за долгие годы бывшая сыроварня превратилась в захламленный чулан. Хотя согласно контракту, заключенному мною с Дерекком, сыроварня входила в сферу моих обязанностей, заняться ею все руки не доходили. С тех пор как здесь в последний раз варили сыр, прошло много лет, и сыроваренное оборудование, а также формы, в которых отливали сырные головы, лежали заброшенные. На верхний ярус, где некогда созревали сыры перед отправкой на продажу, вела разошедшаяся деревянная лестница, а под нею сваливались сапоги — и те, из которых дети давно выросли, и те, что еще носились, просто чтобы не путались под ногами. Последние, хотя и не чистились после дневной работы, выглядели парадными по сравнению со старыми, покрытыми паутиной и пылью. В самой комнате валялись инструменты, забытые игрушки и рыболовные снасти и еще столько всякого барахла, что обнаружить во всем этом ежа не представлялось возможным. Я боялась делать резкие движения — а вдруг зацеплю что-нибудь, вся эта канитель рухнет и покалечит животное! Стой! А кто у нас лучший охотник за ежами? Сейчас ее и позовем, пусть отыщет виновника событий!

Шина не замедлила откликнуться — она явно радовалась возможности продемонстрировать свои инстинкты охотничьей собаки, которых, как мы давно убедились, у нее никогда не было. Мы не раз давали ей задание — отыскать и принести какую-нибудь вещь. И она действительно отыскивала, довольная тем, как мы внимательно наблюдаем за нею; но, подхватив вещь, она от волнения бросала ее на полпути и сконфуженно

возвращалась к нам ни с чем: мол, не смогла я, не смогла! Вот теперь настал ее звездный час. Вид ежихи, безнадежно интуитившейся в рыболовных снастях, навел на мысль о том, как легко дикому живому существу запутаться в тенетах человеческого существования. Присмотревшись поближе, я обнаружила, что ее задняя нога уже порядком запуталась в леске, вьвшейся в кожу до самых мышц, — еще немного, и ей бы вообще оттяпало ногу. Я почувствовала себя виноватой — проследи я, чтобы снасти были сложены как следует, не стражлось бы беды.

Животное выдохлось и теперь лежало, свернувшись клубком. Работая ножницами и пинцетом, я срезала леску и аккуратно высвободила ногу. Затем побрызгала ежиху средством от блох и положила в коробку, которую отнесла к печке в надежде, что тепло поможет ей оправиться от шока. Поставив ей еду и питье, я отошла на почтительное расстояние и с волнением стала наблюдать за своей новой подопечной. Похоже, она провела в западне не день и не два, но понадобился случай, чтобы пришло спасение. Увидев мою собаченцию, пленница испустила такой пронзительный вопль, на какой голько способны ее сородичи; никто в жизни не поверил бы, что подобное существо может так кричать. К счастью, тепло прибавило ей бодрости, и она даже высунула мордочку из коробки. Заперев от греха подальше всех собак и кошей, я смотрела, как она с любопытством оглядывает незнакомую обстановку своими блестящими глазками и потягивает острым носиком воздух... Так и есть, она почуяла еду на блюде, стоящем неподалеку. Ее крохотные ушки подрагивали среди шерстки, обрамлявшей мордочку; в кухне было так тихо, что уютное посвистывание чайника было, верно, единственным звуком, долетавшим до них. Непривычное место конечно же настораживало ее, но запах еды так соблазнял, что она решилась и двинулась в направлении блюда. Волоча поврежденную ногу, она дотасила-таки свое истощенное тело до цели и, насытившись, вернулась в коробку спать. Это было все, чем я могла помочь ей в тот вечер, а на завтра нужно было везти ее к ветеринару.

В настоящее время на Британских островах обитают всего три семейства животных, впадающих в зимнюю спячку. Кроме ежей, это летучие мыши и сони. За месяцы, предшествующие зиме, они запасают в своих телах жир; когда же наступают холода и с пищей становится туго, они устраивают себе теплое гнездышко и ставят будильник на весну. Зимняя спячка — физиологический процесс, направленный на сбережение ор-

ганизмом энергии: температура тела падает, сравниваясь с температурой окружающей среды, резко уменьшается частота сокращений сердца и дыхания. Все это время организм живет за счет запасенного жира. Случается, животные просыпаются и зимой — если их что-то потревожит или начнется резкое потепление. А накануне как раз было такое потепление — полагаю, в результате гнездышко этой ежихи оказалось затоплено, вот она и пришла к нам, ища, где посуше. А вышло вон как — чуть не погибла. Спасибо собаке, что нашла! А сколько птиц и зверей погибает — не по злему умыслу человека, а просто по небрежности! Каждый из нас в тот или иной момент жизни бывает виноват в этом.

На следующее утро мы с радостью увидели, что ежиха (которую мы окрестили Лулу — это звукосочетание похоже на шум воды в унитазе, а она — на щетку, которой чистят сей предмет!) благополучно перенесла ночь. Мы тут же связались с ветеринаром, чья помощь теперь требовалась не только ежихе, но и псине, у которой на носу высыпала зловещая красная сыпь — во вчерашней суматохе мы так и позабыли оказать ей первую помощь! Ну, с собачьей проблемой доктор справился быстро, хотя в его практике нечасто встречались собаки, получившие инфекцию оттого, что решили покатать носом ежа. С ежихой дело оказалось посложнее. Поврежденную ногу вылечить было невозможно, и ее пришлось ампутировать. Правда, леска настолько глубоко врезалась в нее, что врачу делать было особенно нечего. Промыв рану, он сказал, что самое трудное позади и что даже с культей ежиха в состоянии жить нормальной жизнью. Нужно только поддерживать ее еще немножко в доме — пусть окрепнет и наберется сил, а потом можно выпустить на волю. Он обратил внимание, что ежиха шмыгает носом, и, снабдив меня антибиотиками, попросил показать пациентку через неделю.

Когда мы приехали домой, Лулу обрадовалась, что вернулась в знакомую коробку. Мальчишки очень привязались к ней и подолгу играли. Когда ее брали на руки, чтобы вычистить коробку, она уже не сворачивалась клубком и не щетинила колючки. За неделю она стала еще бодрее и здорово прибавила в весе, но вот беда — она по-прежнему шмыгала носом. Ветеринар, довольный тем, что в целом она в хорошей форме, предположил, что ее организм просто не реагировал на данный вид антибиотиков, и дал мне другой. «Если поможет, можете больше не привозить ее ко мне», — заявил он. (Кстати, нос Шины излечился совершенно, не осталось ни царапины!)

Несколько дней спустя мы заехали в Отдел дикой природы при Обществе покровительства животным повидаться с нашим другом Колином Сэддоном и спросить у него кое-что насчет ежики. Друзья из Общества вообще немало помогали нам, и во многих случаях их советы были бесценны. «Подите-ка посмотрите на моих ежиков-рыжиков!» — сказал он и повел нас к загону. Там в углу возлежала мама-ежиха, а около нее копошились четверо-пятеро крохотных ежат необычного имбирного цвета. «Ну что, — спросил он, — часто ли доводится видеть ежей такой окраски?» Я обратила внимание, что эти ежи тоже шмыгают носом. «А вы что, не знали? — удивился Колин. — Они всегда так». — «Вот это да! — рассмеялась я. — А наш-то ежулап две недели пичкал бедняжку антибиотиками. Хорош специалист, нечего сказать!»

Мы высказали нашему айболиту все, что думаем по этому вопросу. Больше он ежей от «насморка» не лечил. Есть такие виды диких животных, с которыми ветеринарам редко приходится иметь дело, могут чего-то и не знать об их поведении. Ну а если судьба послала вам врача, который настойчиво и целенаправленно изучает тайны дикой природы (а сейчас наших питомцев пользуют только такие энтузиасты), считайте, что вам крупно повезло, такие на вес золота! Ветеринары, работающие с нашими питомцами, делают все возможное, чтобы проникнуться их жизнью и чтобы после выздоровления они смогли вернуться обратно в дикую природу.

Лулу пробыла у нас всю весну. Мы каждый вечер выпускали ее побегать по кухне, и представьте, она ступала культей как здоровой ногой, — если не знать, что ступню ей отняли, со стороны и не заметишь. Нам нередко приходилось слышать от друзей забавные истории о том, в каких необычных местах они находили ежей. Присмотритесь хотя бы к нашей Лулу, какая она мастерица лазить, и поймете, что это правда. Но вот беда: немало ежей гибнет в водоемах с бетонированными стенками в специально оборудованных водопоях. Плавают-то ежи хорошо, но, выбираясь на землю, они должны опереться и задними лапками обо что-то твердое. Стоит поместить в водоем доску — одним концом на дно, другим на берег, и сколько ежей останется жить! С этой же целью сооружать искусственные водоемы нужно не с отвесными стенками, а с наклонными.

...Когда наступила весна, мы пересадили Лулу в клетку с открытой дверцей и поставили ее у живой изгороди. Думали, проживет недели две, обвыкнется, присмотрится к окружающей обстановке и убежит. В действительности же она смылась

через неделю, хотя мы продолжали класть для нее пищу в одно и то же место: очевидно, нашла себе более привлекательное жилище... Однажды в конце лета возвращаемся с ночной прогулки на машине, въезжаем в ворота — и видим: через двор трусит ежиха, а за нею семят пять крохотных подушечек с иголками... Была ли то Лулу? Хотелось бы верить.

Как я уже говорила, ежи нередко суют свой нос куда не следует, а это порой приводит к грустному финалу. В частности, мы несколько раз извлекали перепачканных

маслом ежей из ям для ремонта машин, а однажды вытащили здорового ежину из бочки с тракторным маслом — это было самое липкое на свете создание, с которым мне когда-либо приходилось иметь дело. Дальнейшее его самочувствие зависело от того, сколько он проглотил масла: если не слишком много, то выручит хорошая порция коагулянта; ну а если он вообразил себя трактором и принял соответствующую дозу — тогда каюк. Хуже всего то, что заставить его выпить спасительную жидкость оказалось не так-то просто — в жизни не видела более упрямого зверя! (Зато не составило труда подобрать ему имя — конечно же Эссо, в честь фирмы — производителя горючего и масел!) Для того чтобы приступить к ликвидации последствий купания в масле, необходимо было сначала развернуть его, но похоже, он собирался побить ежачий рекорд по пребыванию свернутым в клубок. Сперва мы легонько покачали его, как младенца, — от этого ежи обычно разворачиваются. Нет, ни в какую! Тогда решили устроить ему теплую ванну. Взяли корыто, положили туда ежа, и я полила его теплой мыльной водой. Из липкой массы на секунду выглянул кончик носа, но решив, что я ему неинтересна, еж свернулся снова. Я подлила еще воды, теперь он уже высунул голову — очевидно, понял, что лучше развернуться, чем утонуть. Воспользовавшись моментом, Мэнди взяла шприц и мгновенно впрыснула ему в рот нужную дозу коагулянта. Но

го было только полпобеды. Очистить колючки кисточкой тоже потребовало немало времени. За две недели мы пять раз устраивали ему баню, чередуя мыло с жидкостью для мытья посуды. Пускалась в ход даже наждачная бумага. Как он ненавидел мыться, если бы вы знали! Только начнешь поливать его водой, как он тут же развернется, да так и норовит улизнуть. По-видимому, теперь он не сунется в воду до конца своих дней. Пребывая у нас, он жрал как волк и совершенно разорил наше семейство, зато когда настало время возвращать

его владельцу злополучной бочки (на чьих землях он обитал), у него была шикарная чистая шубка и такая холеная морда, которой позавидовал бы любой хозяйский пес. Нужно ли говорить, что отныне этот фермер держал все бочки с маслами и горючим надежно закрытыми, но все равно мы взяли с него слово быть поаккуратнее.

Через наши руки проходили ежи всех возрастов, начиная с самых крохотных, которым было всего несколько дней от роду. Только что родившиеся ежата — розового цвета, слепые, а колючки у них спрятаны под кожей (иначе ежихе просто не выносить их и не родить на свет!). Колючки пробиваются очень быстро, но поначалу они еще мягкие и белые. Впрочем, детеныши пока не нуждаются в них: они ведь обычно рождаются в надежно спрятанном гнезде. Поначалу колючки очень редки, сквозь них даже видна кожа; вскоре отрастают настоящие серые колючки, у взрослого ежа их около пяти тысяч (интересно, у кого хватило терпения их сосчитать?!).

Колючки у ежа постоянно выпадают и отрастают, как волосы на голове, так что лысеющего ежа днем с огнем не сыщешь. На третьей неделе жизни у ежат открываются глаза, а к исходу четвертой они перестают питаться материнским молоком и учатся искать себе пищу под строгим присмотром мамы. Когда ежам исполняется шесть-семь недель, семья

распадается, и ежи начинают вести характерный для них (исключая, конечно, брачный период) одинокий образ жизни.

Как правило, ежата появляются на свет в конце мая, и, естественно, в эту пору нам приносят осиротевших по разным причинам детенышей. То строители наткнулись на гнездо, когда копали траншею, то убрали мусорную кучу, а под ней оказалась ежиная семья... Но гораздо больше ежат-сирот появляется осенью, и человек тут ни при чем. Когда у ежихи поздно рождается потомство, она уходит из гнезда, понимая, что ежата все равно не успеют набрать к зиме достаточный вес. Изголодавшиеся ежата разбредаются в поисках пищи, и их жалобные крики вскоре привлекают внимание. Иногда и зимой видишь молодых ежей, отыскивающих пищу,— это те, кто не накопил достаточно жира для зимней спячки, и если им не помочь, они обречены. Чтобы пережить зиму, ежу нужно достичь не менее одного фунта веса.

В августе, когда на ферме особенно много посетителей, у нас появились три новорожденных, с еще закрытыми глазами, ежонка. Одна дама, выгребая в саду мусор, заметила, что насыпанная на тачку куча зашевелилась. Дама онемела от ужаса: неужели гадюка! Но вот покатались камушки и веточки, и показались три колючих комочка. «Хорошо хоть не змея»,— подумала дама, достала старую коробку из-под ботинок, постелила чистое полотенце и положила туда ежат. А что с ними дальше делать? Ответ известен: есть такая ферма Нью-Роуд. Звонок — и мы уже в пути. Вообще-то иногда бывает так: если найденных ежат вместе с гнездом положить неподалеку от того места, где их обнаружили, то мамаша вернется и уведет потомство в безопасное место, но в этом случае они слишком долго пробыли в руках человека, и к тому же привычный для ежихи уголок оказался разрушенным. Но даже если бы ежиха и захотела вернуться, детенышам было бы трудно сохранить достаточно высокую температуру тела в ожидании ее.

И снова для меня начались привычные заботы: выкармливание и выхаживание. Это волынка — на три месяца, и ускорить процесс никак нельзя. А главное, таким крохам перед каждым кормлением нужно поглаживать животики, чтобы освободить их кишечники и мочевые пузыри. Кроме того, я обычно присыпаю кожу детской присыпкой, чтобы она не трескалась. Один посетитель, наблюдавший меня за этим занятием, даже пошутил: в дикой-то природе некому гладить им животики, а детской присыпки там не сыщешь тем более! «Все так,— ответила я,— но в дикой природе детенышей вы-

лизывает мамаша. Прошу прощения, я так далеко пойти не готова!»

Не успела я приглядеться к трем найденышам, как в десять вечера нам позвонили и сообщили, что осиротел выводок ежей. Семья — ежиха с пятью ежатами — жила в гараже, владелец которого постоянно наблюдал за детенышами. Каждую ночь ежиха-мать выходила на поиски пищи, а наутро неизменно возвращалась к своим крошкам. Но нынче утром этого не случилось. Хозяин гаража приходил несколько раз в течение дня, но ежихи все не было. Не исключено, что она попала под машину. Теперь детеныши вопят от голода, можем ли мы их забрать? Так у нас появилось еще пять ежачьих душ, и, когда вечернее кормление было закончено, рядом с первой коробкой встала еще одна. Восемь ежат уютно свернулись под одеялами, согреваемые лучами инфракрасной лампы. Чтобы им не заболеть, требуется температура минимум 25°C. За следующие полсутки ежата успели привыкнуть к моему запаху, и едва я начинала кормить первого, как из обеих коробок раздавался хор в семь нетерпеливых голосов — детеныши не могли понять, почему я не могу накормить всех сразу, как это делала ежиха, и каждый должен дожидаться своей очереди. Боюсь, ребята, по-другому не выйдет, так что наберитесь терпения!

Детеныши только-только начинали приобретать серую окраску и новый колючий убор; при этом мордочки у них оставались сильно сморщенными, так что своим видом они напоминали миниатюрных столетних старцев, которые зачехотились для тусовки панк-рокеров. Я клала каждого по очереди на ладошку и поворачивала пузом вверх, поместив свой большой палец между передних лапок; тогда они принимались сучить ножками — как делают, когда сосут мать, чтобы у той прибывало молока. Иногда, если положишь ежонка на что-нибудь пахнущее не тем, к чему он привык, он откидывает головку назад и выплевывает себе на спину своеобразную пенистую слюну. Это — одна из привычек ежа, и никто еще не предложил разумного объяснения, зачем он это делает. Конечно, у того, кто увидит, как еж изгибает тело, чтобы оплевать себе спину, глаза на лоб полезут от удивления.

Понятное дело, здорово вымотаешься, пока накормишь восемь таких малюток, поэтому у меня гора с плеч свалилась, когда на следующее утро мне позвонили и сообщили, что ежиха вернулась. Я попросила привезти ее к нам, а мы постараемся свести ее с малышами. Итак, нам предстояло решить две проблемы. Во-первых, существовала опасность отторже-

ния — то ли мать отвергнет детенышей, которые успели пропахнуть мною, то ли детеныши отвергнут мать: они ведь успели привыкнуть, что я их кормлю. Во-вторых, проблема питания. Они ведь после материнского молока перешли на суррогатное питание, смогут ли они вернуться к материнскому? Вот наконец привезли мамашу... Кто бы мог подумать, что ежи бывают такими сердитыми! Она шипела и фыркала, недвусмысленно давая понять, что протестует против всего, что с ней сделали. Впрочем, ее можно было понять: полтора дня ее где-то черти носили (а может, попала в какую-нибудь ловушку и долго не могла выбраться), возвращается в родимое гнездо и видит, что детенышей нет, а там ее схватили, впихнули в тесную коробку, погрузили в одно из тех железных чудовищ, которые уносят жизни стольких ее сородичей,— еще бы не возмущаться!

Мы положили ее в ящик со свежим сеном и обрывками газет, а затем, видя, что она успокоилась, решили подсадить к ней детенышей. И что же? Исполненная презрения, мамаша тут же стала выдергивать из-под своих детенышей сено, навалила его на блюдце с едой (а как иначе) и в конце концов сделала новое гнездо только для себя, оставив ежат копошиться на обрывках газет. Памятуя о том, что если обстоятельства и вынуждают вмешиваться в дела природы, то ни в коем случае нельзя действовать впопыхах, я решила не уносить детенышей от отвергавшей их мамы, а отойти в сторону и понаблюдать, что будет дальше. Каждый ежонок по очереди преодолел — о, какой, должно быть, безмерно долгий! — путь к куче сена, чтобы вернуть благосклонность мамы, которую все они, очевидно, узнали. Когда я следила за всем происходящим, у меня руки чесались помочь — но нет, нельзя! Падая и спотыкаясь, все они в конце концов доползли до ежихи и сунули носы под ее колючую шубу. В ответ — никаких восторгов, распростертых объятий, лишь едва заметное движение тела, позволяющее каждому детенышу занять свое место. Я отошла в сторону — пусть все идет своим чередом. Когда я взглянула на них по прошествии какого-то времени, то увидела фыркающую от удовольствия счастливую семью. По наблюдениям за физиологическими отправлениями в течение нескольких дней я поняла, что с ежами все нормально, можно переводить их в открытый загон. Там они прожили два месяца, после чего мы отвезли их на исконно принадлежавшую семейству территорию.

Когда моя ежиная семья снова уменьшилась до трех персон, мне стало куда легче. Пока они подрастали, мы подыс-

кивали место, где их выпустить. От наших глаз не ускользнуло, что два работавших с нами паренька, Клайнтон и Ли, старались по возможности избегать кормлений ежей и чистки их загона. То ли они на дух не переносили ежиного запаха (ведь ежи — не самые чистоплотные животные, в этом неизменно убеждался каждый, кто держал ежа), то ли их тошнило, когда приходилось крошить дохлых цыплят, которых мы иногда прибавляли к ежиному рациону. Удивленная поведением мальчиков, я не удержалась от вопроса:

— Ребята, милые, что вам, в конце концов, не по душе?

— Ну как что? — ответили brave парни. — Они плюются, фыркают... Мы их боимся.

Ничего себе! Вот так храбрые портняжки! Какого же зла можно, с их точки зрения, ожидать от матерого хищника, который едва достигает тебе щиколотки, я выяснять не стала. Над парнишками смеялась вся ферма, и когда колючие тройняшки были наконец отпущены на волю, «храбрецы» вздохнули с облегчением: исчез повод для насмешек.

У себя на ферме мы не выпускаем ежей — из-за соседства с барсуками. К нам нередко обращаются люди, желающие приютить колючего друга. Прежде чем вручить им питомца,

мы обязательно проверяли, сможет ли еж найти себе достаточно пищи у них в саду. Питаются ежи в основном жуками, гусеницами и земляными червями, едят также улиток, слизняков и всяких насекомых, так что еж — воистину друг садовода. При наличии колючего сторожа, возможно, вовсе не понадобятся химикаты — в отличие от последних, он уж точно не причинит вреда млекопитающим и птицам, посещающим этот сад. Все, что требуется ежу, — достаточно места, где он может устроить гнездо, и чтобы его оставили в покое. Тем не менее у ежа всегда должна оставаться возможность убежать из сада, хотя всегда есть надежда, что он вернется или по крайней мере будет его навещать. Хозяину сада, где обосновался еж, не следует усердствовать в работе метлой и граблями, ведь мертвые листья — отличный материал для гнезда. Желая поселить у себя в саду ежа, огородите подходящей участок и поставьте туда коробку, где он живет. Пусть недели две присматривается да осваивается. Потом уберите загородку и дайте ежу полную свободу, но по-прежнему кладите ему еду на привычное место, пока не убедитесь, что он способен прокормиться сам. Остается надеяться, что он проживет у вас в саду всю оставшуюся жизнь. Правда, ежачий-то век недолог, в среднем всего два года, но многие ежи живут и четыре, и пять лет; известны случаи, когда доживали и до десяти.

Способ самозащиты — сворачивание в клубок, — по-видимому, срабатывает во многих случаях. Казалось бы, какая польза, если свернешься в клубок на автотрассе перед несущейся машиной? Оказывается, так больше шансов не попасть под колесо. Хищников этот прием тоже редко отпугивает, и даже громада человек, который так и норовит взять в руки попавшуюся ему на пути зверюшку, и тот не решится дотронуться до колючего клубка. Рассказывают, что лисы мочатся на ежей, чтобы заставить их развернуться, — сама не видела, за что купила, за то и продаю. А вот барсуку не нужно прибегать к столь специфическому приему — у него столь мощные и длинные когти, что он развернет любого ежа и скушает за милую душу, оставив неповрежденной колючую шкурку; эти инкриминирующие «вещественные доказательства» иногда можно встретить на лесных дорожках. Не один любитель барсуков изменил свое отношение к этим животным, увидев, что от некогда поселившегося в его саду колючего приятеля осталась только шкурка. Кого винить, как не забредшего в сад барсука! Спешу добавить, что ежи не входят в основной рацион барсуков, становясь их добычей главным образом по воле случая.

Люди, к которым в сад приходят ежи, часто спрашивают, не вредно ли оставлять для них молоко и хлеб. Конечно, если их рацион будет состоять только из этих продуктов, то почти наверняка им не поздоровится: представляю, сколько холестерина накопится у них в организме. Но в конце концов, в дикой природе столько всякой вкуснятины, что кусок хлеба и блюдце молока им не повредят. Впрочем, мы выпаивали наших питомцев не коровьим молоком, а козьим: состав жиров, содержащихся в коровьем молоке, мог вызвать у них расстройство желудка.

Когда показываешь людям тех или иных животных, обычно следует вопрос: «Они кусаются?» Про ежей я всегда говорила, что нет. Но вот как-то к нам пришла группа очень пытливых школьников; я давала урок в Гостевом центре, демонстрируя различных животных, обитающих у нас на ферме. В тот момент у нас гостил только один молодой еж — я тоже решила показать его детям, потому что очень немногие из них видели живого ежа. Я пронесла коробку со зверьком между рядами стульев, чтобы каждый мог рассмотреть его поближе; тут одна девочка решила подразнить его своим тоненьким розовым пальчиком... и раздался дикий крик: очевидно, ежик решил, что этот пальчик — какой-нибудь вкусный червяк, который вот-вот улизнет, если его сейчас же не схватить. Сконфуженно извиняясь, я повела девочку в контору, где у нас стояла аптечка; хотя ежик только чуть-чуть цапнул, кровь струилась сильно. Перевязав девочке палец, я сказала:

— Можешь гордиться, что тебя укусил еж! Я никого больше не знаю, когò бы он кусал.

Не было похоже, чтобы это произвело на девочку впечатление.

Я всегда ломала голову, как сказать: еж бывает колючим только от жизни... ежучей? Что-то нескладно... Зато теперь на вопрос, кусается ли еж, отвечаю смело: еж бывает кусачим только от жизни... ежачей!

Глава восьмая

«МАМА, НА КОГО ТЫ МЕНЯ ПОКИНУЛА?» (СИРОТСКИЕ ИСТОРИИ)

Как-то раз, когда я только собиралась мыть посуду после чая, кто-то постучал в заднюю дверь. Удивляясь, кто бы это мог быть, я оставила посуду на скатерти и побежала открывать. Прикрикнув на собак, поднявших лай, я захлопнула за собой дверь, чтобы они не выскочили. На пороге стояли мальчик и девочка, оба — лет семи-восьми; в руках у детей была картонная коробка. За порогом валялись их велосипеды, у которых еще крутились колеса после бешеной гонки. Дрожащим голосом девочка рассказала, что ее любимая кошечка поймала мышку, и хотя им удалось ее отнять, было ясно, что зверек покалечен. «Можете ли вы чем-нибудь помочь?» — сквозь слезы спрашивала девочка. Усадив детей на скамейку в саду, я взяла у них коробку: там лежало завернутое в клочок ваты крохотное тельце мышки. Я могла бы ей помочь, если бы умела воскрешать из мертвых, но, увы, таким даром Бог меня не наградил. Вынув мышку из коробки, я объяснила: даже если бы ее не покалечили кошачьи когти и зубы, она все равно не вынесла бы шока. Незачем винить кошку: она ведет

себя так, как ей предписано законами природы. Я спросила гостей, откуда они, — ведь мы живем не менее чем в миле от ближайшей деревни. Оказалось, они из Ист-Хантспилла и слышали о том, что мы спасаем зверюшек. Тут я вспомнила — я же видела этих детей, когда мы ездили в Ист-Хантспилл! Теперь контакты с сельскими жителями у нас очень редки: мои-то дети уже почти выросли, начальная школа давно отошла в прошлое! Увидев, что лица у моих юных гостей немного посветлели, я похвалила их за отзывчивое сердце — побеспокоились ведь о несчастном существе, покатали ко мне в такую даль на велосипедах! На прощание мне хотелось сделать детям что-нибудь приятное, но так как наша лавка еще была закрыта, я просто достала из буфета два шоколадных батончика и торжественно вручила своим новым знакомым. Пообещав похоронить мышку со всеми почестями, я помахала детям рукой, и они укатили, по-видимому смирившись с горечью утраты. С полотенцем в руке (я его так и не выпускала из рук с того момента, как бросилась открывать дверь) я упокоила мышку в саду и отправилась мыть посуду.

На следующий день, чуть ли не в ту же минуту, что и вчера, я снова услышала стук в заднюю дверь. Передо мной стояли все те же двое детишек и снова с коробкой в руках. «Опять кошка набедокурила», — сказали они. На сей раз в коробке был свежезадушенный воробушек. «Бедные дети, прямо не везет им», — подумала я, однако в душу стали закрадываться сомнения... Утешив их, я вручила им еще по шоколадке, и они тут же укатили прочь, помахав на прощание. Воробушек был погребен рядом с мышкой.

Назавтра я уже ждала знакомого стука в дверь. И точно: все те же два ангелочка протягивают мне коробку, а в ней — очередную дохлую мышь. Вот это бизнес! Умно придумано — не успели осушить слезы после первой трагедии, а уже сообразили, что можно тянуть конфетки с сердобольной тетки! Только подбирай возле школы дохлых воробьев и мышей и привози сюда! Последний экземпляр протянул лапки явно не сегодня — очевидно, возле школы ничего посвежее не нашлось. Я растолковала им, что они переоценивают мои возможности — я ничего не могу сделать, если мышь уже давно... тью-тью! Ангелочки сели на велосипеды и упорхнули — на этот раз ни с чем. Только я их и видела. С тех пор они больше не появлялись — то ли поняли, что их раскусили, то ли больше не находилось дохлых животных.

Как-то летом мне принесли банку из-под маринованных огурчиков, полную... живых мышей. Оказывается, их гнездо

обнаружили при уборке сарая. Мыши принадлежали, судя по всему, к разным семьям, потому что детеныши различались от полупрозрачных розовых и совсем слепых до более старших, у которых уже начала пробиваться серая шубка. Всего их насчиталось двадцать семь! Как же накормить таких крошек?! Выяснилось, что ничего лучше, чем кисти для живописи номер ноль, не придумаешь. Обмакиваешь в козье молоко и даешь. Последнее кормление я закончила в полночь. Следующее — не ранее семи утра. И все-таки они до утра дотянули. Понятно еще, с лисятами и ежатами, скажете вы, но с мышатами-то зачем возиться? Ну, а кто скажет, чья жизнь важнее для Матери Природы? Хотя мыши — низшее звено в цепи питания, у них у всех своя роль. Самое прелестное в этих крохотных созданиях то, что через две недели они вырастают, и руки у тебя развязываются.

Поскольку мне приходилось иметь дело со все более разнообразными животными, я решила углубить свои познания о дикой природе вообще. Вступив в сомерсетскую Группу по защите барсуков, я познакомилась с бывшим мясником, а ныне страстным энтузиастом дикой природы Дагом Вудсом и его супругой Олив. Даг проявлял интерес к диким животным, в частности к млекопитающим, еще с мальчишеских лет, и теперь он — живой кладезь знаний в этой области. Впрочем, и Олив может с ним поспорить — ей нравится подсказывать мужу, когда во время лекции он запомнит какое-либо название или статистические данные. Любовь к родным полям и лесам перешла к их сыну Майклу, ставшему первоклассным специалистом по дикой природе и хорошим писателем. Отправиться с Дагом на утреннюю прогулку или составить ему компанию при наблюдении за барсуками — в этом было нечто захватывающее.

На первую такую прогулку я взяла Симона и Мэнди. Договорившись о встрече с Дагом в пять утра, я поставила будильник на четверть пятого. Дерек решил, что мы окончательно сошли с ума, — и представьте, когда в положенное время заверещал будильник, я сама готова была в это поверить. Хотя на календаре июнь месяц, на дворе еще совсем темно. Выскользнув из постели, я тихо, чтобы не потревожить Дерека, позвала остальных — и вот мы катим по пустынной дороге в направлении Мендип-Хиллз. Достигнув кромки леса, я припарковала машину и выключила фары. На горизонте занимался алый свет зари, но кроме нас, на месте никого пока не было. Я уже начала волноваться, не перепутала ли я день или час встречи, но тут подкатила машина Дага. Мы вышли;

в столь ранний час еще веяло прохладой, и я была рада, что взяла теплую куртку. Горизонт постепенно светлел, и едва мы выступили в поход, как словно по заказу над нами пронесся крупный самец темно-желтой совы. Он сел на раскидистое дерево возле коттеджа, стоявшего у кромки леса, и принялся кликать свою подругу, которая, как мы ясно видели, восседала на дереве напротив. Никакого движения по трассе не было слышно — только мягкое совиное гуканье, эхом отзывавшееся в кустах, покрытых свежей утренней росой. Мы вошли в калитку, и тут же до нас донесся острый запах дикого чеснока. Удивленные нашим визитом совы — сначала первая, затем вторая — снялись и улетели, возможно туда, где они обычно днюют, переваривая ночную добычу и наблюдая за такими же, как мы, зеваками, которые днем посещают их лес. Солнце взошло из-за горизонта, и зазвучал утренний хор. Даг безошибочно узнавал птиц по голосам и показывал нам, где какая поет. Мы заслушались их пением, которым они, славя утреннюю зарю, в то же время напоминают, кто хозяин на данной территории.

Ведя нас далее по тропинке, Даг показал тянущийся по ней след из сухих листьев и травы — верный признак того, что здесь славно потрудились барсук. Собирая кучу сухих листьев и травы, барсук тащит ее к себе в нору — будет ему отличная постель. Он повторяет этот процесс вновь и вновь, особенно если вокруг полно всяческого материала, пригодного для сооружения постели, и естественно, после каждой носки на дорожке остаются листья и трава. Идя по следу, мы вскоре вышли к барсучьей норе с типичным входом в виде латинской буквы «D»; снаружи высилась громадная куча вырытой при строительстве земли. Утренние лучи понемногу согревали воздух, но подойди к барсучьей норе зимой — и увидишь в холодном воздухе облачко от его дыхания, а если прислушаешься, может быть, услышишь и храп. В наши планы не входило тревожить барсука, и мы продолжили путь.

Громкие крики грачей, круживших над нашими головами, почти заглушили стук дятла, поглощенного работой. Тут мы увидели в расходящихся ветвях странную кучу листьев — отсюда вылезла серая белка и что-то крикнула на своем беличьем языке. Должно быть, решила сделать нам выговор за вторжение. Ее гнездо, расположенное высоко на дереве, снизу выглядит как куча сухих листьев, однако на самом деле оно требует настоящего искусства плетения: гнездо строится, пока листья еще зеленые, а ветки гибкие. Даг снова сделал знак остановиться. Тут нам в нос ударил резкий запах, свидетель-

ствующий о том, что здесь только что прошла лисица; тянувшиеся вдоль грязной лужи следы подтвердили нашу догадку. Теперь солнечные лучи уже потоком лились сквозь гущу листвы, и куртку можно было снять. Хотя час был ранний, день обещал быть чудесным; отдаленное гудение доильных аппаратов говорило о том, что не мы одни встали в это утро спозаранку. Выйдя на лужайку, мы увидели характерные катышки помета и следы на земле — это были кролики. А вот и сами зверьки — раздосадованные, что мы потревожили их за завтраком, они целыми стаями ныряли в подлесок, виляя своим сородичам белыми хвостиками в знак предупреждения.

Даг подвел нас к кустам и показал объединенные ветки, словно кто-то неровно оттяпал у куста край. Это следы трапезы оленей. У этих животных нет верхних зубов — они просто хватают ветку ртом и обрывают ее конец. Приглядишься к кустам и увидишь характерную «прическу» — олени «подстригают» нижние побеги, словно садовники. Вот и получается эффект фигурной стрижки.

Дорожка, по которой повел нас Даг, шла кругом, так что скоро мы вновь оказались у того места, где припарковали свои машины. Пожалуй, даже слишком скоро. Когда мы пересекали последний участок поля, Даг взволнованно показал нам птицу, пролетающую над холмами. По ее порхающему полету мы определили, что это кукушка. Кукушки прилетают к нам в апреле, а куковать начинают только летом. В июне они подбирают подходящие гнезда, чтобы отложить туда яйца, а в июле улетают обратно в Африку. Молодые кукушата, вскормленные приемными родителями, отправляются в Африку вслед за родителями кровными. Но это произойдет позже. А пока юной кукушке нужно как следует откормиться — она поедает в огромном количестве мохнатых гусениц. Все другие птицы брезгуют ими — волосы раздражающе действуют на пищеварительную систему, — а кукушки клюют. Они просто отрывают волосы в виде шариков, как совы отрывают шкурки и кости съеденных ими существ. Будучи готовыми к дальнему перелету, молодые кукушки устремляются в путь самостоятельно, без взрослых вожаков, повинувшись одному лишь инстинкту. Что интересно: кукушки откладывают яйца в гнезда той птицы, которая их вскормила, и так же будут поступать ее потомки. Так, кукушка, выпестованная черным дроздом, отложит свое голубое яйцо только в гнездо черного дрозда, которое еще надо отыскать, а кукушка — падчерица малиновки — в гнездо малиновки, и так без конца.

Поблагодарив Дага, мы откланялись и покатили домой. А поскольку у нас с четырех утра маковой росинки во рту не было, то мы с одинаковым наслаждением уписывали аппетитный завтрак и обсуждали впечатления сегодняшнего утра.

Знаю, Даг не меньше подвержен очарованию таких прогулок. Еще бы, ведь из этого рождается его искусство завораживать людей на лекциях. Слушать его никогда не устаешь. Иной раз даже заливаешься краской от стыда: столько замечательного проходит мимо тебя, а ты даже не подозреваешь, что это существует! Да, к сожалению, обыденность ослепляет.

Мы с Дагом много раз ходили вместе наблюдать за барсуками. Нужно надеть темную одежду, которая к тому же не шумит, прийти к месту наблюдения примерно за полчаса до того, как из норы должны показаться барсуки, и затаиться в укрытии в ожидании их появления. У Дага есть на примете несколько барсучьих жилищ, где удобнее всего наблюдать за их обитателями. Прежде чем засесть в укрытии, он кладет у выхода из нор еду, чтобы побудить барсуков показаться на глаза. Когда они выйдут, сиди на месте как вкопанный, пока они не отправятся кормиться дальше, в поля. Когда я в первый раз отправилась с Дагом, то увидела целых одиннадцать барсуков. Картина была магической — глядя, как они играют и прихорашиваются, я будто сама принимала участие в их игре! Во втором часу наших наблюдений мимо прошествовала косуля — зрелище, которое стоит того, чтобы ради него немного потерпеть.

В конце концов, Дерек тоже заинтриговали наши походы к барсучьим норам. Казалось бы, у меня их живет целых три, смотри сколько хочешь. Но если меня так тянет наблюдать за ними в привычной среде, значит, это действительно нечто из ряда вон выходящее! Однажды вечером он решил сходить с нами. Он договорился еще с шестью желающими о встрече, но двое из них, как на грех, запаздывали. Это осложняло дело: надо же быть на месте до того, как барсуки вылезут из норы. В конце концов, семеро одного (и даже двоих) не ждут, и Даг решил двинуться в путь: до барсучьей норы было топать и топать. Я предложила: мы с Дерекком подождем еще несколько минут — вдруг опоздавшие явятся, а потом догоним. Как оказалось, я переоценила энтузиазм Дерекка относительно наблюдения за барсуками, и, пока мы ждали, мне пришлось пустить в ход все свои женские уловки, даже предложить после похода к барсучьей норе съездить в какой-нибудь рес-

торанчик поужинать. «Хорошая мысль», — сказал Дерек. К счастью, опоздавшие вскоре появились. Это была молодая пара, причем леди — очень даже привлекательная. Ноги в руки — и пошли догонять.

Сперва шли по тропинке, затем перелезли ограду из колючей проволоки и, взобравшись на заросшую лесом скалу (это и в сухое время непросто, а уж после дождя и подавно — того и гляди соскользнешь, тем более когда спешишь!), оказались почти у цели. Приблизившись к месту дислокации, мы увидели, что Даг и четверо других уже заняли позиции. Даг подал мне сигнал, что некоторые барсуки уже вышли, о чем я известила своих спутников. Парочка решила взобраться на одно из ближайших деревьев, за ними последовал и Дерек (не потому ли, что решил быть поближе к привлекательной леди?). Я же присоединилась к другой группе. К сожалению, не обошлось без шума, так что барсуки, которые уже вылезли, предпочли снова скрыться в норе. Все смолкли. Наконец через двадцать минут показалась одна полосатая морда, за ней вторая, а потом и третья. Все замерли, потрясенные; но Дерек, который просидел на дереве уже добрых полчаса, наверняка подумывал: долго все это будет продолжаться? Барсуки с фырканием носились по лужайке, подбирая разбросанные для них земляные орешки и кусочки бекона; радуясь тому, что выбрались на свет Божий, они гонялись друг за другом, а наигравшись всласть, стали прихорашиваться, пользуясь длинными когтями вместо гребней, а зубами — вместо ножниц. Наконец совсем стемнело, и барсуков уже не было видно, но я слышала (или это мне только казалось?), как с дерева доносится голос самого близкого мне человека: «Хватит с меня... хватит с меня!» Даг, решив, что барсуки ушли, дал нам знак покинуть свои позиции. Послышались три глухих удара о землю — это прыгнули те, кто был на дереве. Теперь нужно было без шума добраться до машин. Фонарей ни у кого не было: кто же думал, что досидим до темноты?! К тому же в составе группы были люди далеко не юного возраста и не атлетического сложения, и Даг предложил взяться за руки и двинуться цепочкой. Шествие замкнули Дерек, Даг и ваша покорная слуга.

Тут я съязвила — Даг все это нарочно подстроил, чтобы в темноте касаться моей руки. В ответ Даг скромно заметил: просто он доверяет мне больше других. В таких потемках трудно найти путь вниз по крутой скале, может быть, я лучше запомнила дорогу? Короче, нам пришлось порядком поблуждать впотьмах. Наконец показались огни местной каменолом-

ни, по которым мы благополучно нашли дорогу к машинам. Нужно ли говорить, что Дерек теперь калачом не заманишь на подобную вылазку. Вдобавок все окрестные ресторанчики оказались уже закрыты, и запланированного роскошного ужина не получилось. Хорошо, что Бог послал мне такого понимающего супруга.

...Лет двенадцать назад Даг сообразил, что ему ни разу в жизни не посчастливилось увидеть... обыкновенную соню. Зная, что им для жизни требуются ежевика, орешник и жимолость, а близ Мендип-Хиллз, где он жил, все это есть, он решил самостоятельно провести исследовательскую работу. Сначала он засел за изучение таблиц питания сонь и стал разыскивать характерный помет, но это ничего не дало. Тогда он разместил в окрестных лесах полтораста коробок, в которых соню могли устроить себе гнезда. И представьте, в самом скором времени гнездо соню появилось в каждой четвертой! В течение целого ряда лет Даг вел наблюдения и записи. Как-то в наш край приехал доктор Пэт Моррис, именно с

лекциями о сонях, и они с Дагом вместе работали. Впрочем, Пэт Моррис более известен как автор книг о ежах — он длительное время ведет наблюдения за ежами, выпущенными Обществом покровительства животным, с целью выяснения, как они привыкают к жизни в дикой природе после неволи, и выработки более совершенной методики.

Вполне естественно, Даг предложил показать гостю наши края. Пэт Моррис горел желанием увидеть сооруженные Дагом гнезда для сонь, а также ознакомиться с его записями. Удивившись, какую большую и успешную работу проделал Даг, доктор Моррис кинулся выбивать ему грант, чтобы можно было расширить ее масштабы. Тут же к делу был подключен выпускник зоологического факультета Пол Брайт — ему было поручено ассистировать при наблюдении и ведении записей, которые становились тем ценнее, чем больше удавалось выведать об образе жизни этих крохотных животных. Теперь Пол получил уже степень доктора зоологии и продолжает исследования, в том числе и образа жизни сонь, в Бристольском университете.

У сонь — приятная золотистая шкурка, длинный пушистый хвост, а по размеру и внешнему виду она удивительно сходна с хомяком. Между прочим, много лет назад, задолго до того, как в Англию были завезены хомяки, мальчишки нередко держали сонь дома — носили в карманах, а порой и таскали в школу!

Когда погода делается холоднее и становится туго с едой, сонь впадают в оцепенение — примерно так же, как летучие мыши. К тому времени, как зима вступит в свои права, соня почти вдвое увеличит свой вес за счет запасенного на зиму жира; у нее на это уходит всего три-четыре недели. Затем у сонь падает температура тела, сравниваясь с температурой окружающей среды, и зверьки впадают в зимнюю спячку, а просыпаются весной, когда становится доступной пища — пыльца. Подсчитано, что они спят девять месяцев из двенадцати — помните Соню из «Алисы в Стране чудес»?

Раньше предполагалось, что сонь зимуют под ветвями кустарников, но недавно с помощью прикрепления к ним миниатюрных передатчиков удалось выяснить, как именно они проводят зиму: делают шар из мха и забираются в какую-нибудь пустоту или расщелину. Утрата обширных некогда лесов привела к тому, что их численность катастрофически уменьшилась. Майкл Вудс разместил в лесу, позади дома, пятьдесят ящиков, в которых устроили себе гнезда сонь, и ведет за ними наблюдение. В один прекрасный день любимица семьи, до-

машняя кошка, проявила интерес — что там такое скрывается под ветвями? Сын Майкла Джонатон, проходя мимо, заметил какое-то подозрительное копошение и подошел взглянуть, в чем дело. Оказывается, кошка схватила одного из детенышей сони, но Джонатон успел-таки вырвать добычу у нее из зубов. А что с остальными обитателями гнезда? Джонатон заглянул в ящик и увидел еще пятерых скучившихся вместе детенышей, а рядом самку, погибшую не час и не два назад. Крошки сильно изголодались, один из них выбрался из ящика на поиски пищи — тут-то его и сцапала хитрая кошка. Джонатон взял детенышей и отнес в дом.

Хорошо, а дальше-то что с ними делать? Даг позвонил мне и спросил, не возьмусь ли я их выводить. Формально я не имела права держать этих зверьков без лицензии, каковую имел Даг; что ж, ради благотворительной цели иногда приходится пренебрегать и более серьезными условностями. Я взглянула в коробку — каждый детеныш свободно помещался у меня на кончике пальца! Я попыталась пересадить их в другой ящик, но это оказалось не так-то просто: у каждого на лапке изящные, но очень цепкие коготки — они так цеп-

ляются за руку, что отцепить их довольно затруднительно. К счастью, у меня в это время пустовал стеклянный ящик, а в нем было несколько веток. Когда детеныши забирались на них, можно было разглядеть, что у них на лапках имеются особые суставы, позволяющие обхватывать маленькие ветки, на которых они обычно живут. Прежде чем поселить их на новой квартире, мы их взвесили — самый большой тянул на четыре с половиной грамма, а самый маленький — на три с половиной.

Я мало что знала о рационе сонь, и разгадывать эту загадку мне пришлось самой. Общество покровительства животным выкормило пару сонь года два назад, но девушка, которая этим занималась, там больше не работает, а в справочниках нужных сведений не нашлось. Я решила попробовать давать им козье молоко, которым выпоила уже столько детенышей различных млекопитающих. Инструментом для кормления мне служил маленький шприц. Крошечные питомцы принимали пищу хорошо; я постелила им в ящик чистую холстину, которую меняла после каждого кормления. К несчастью, детеныш, побывавший в зубах у кошки, отмаялся в ту же ночь; вообще, кто попался кошке в зубы, у того шансов на спасение почти никаких: острые, словно иглы, зубки глубоко вонзаются в тело жертвы, и даже если последнюю удастся отбить, ее все равно доконает занесенная в рану инфекция. Обычно мы вводим кошачьим жертвам антибиотики, но такую крошку укол сразит, как яд змеи, так что мы решили не вмешиваться — вдруг организмишко справится и так.

На второй-третий день я стала замечать у малышей расстройство — может быть, козье молоко оказалось слишком жирным для них. Очевидно, любое молоко будет отличаться от того, к которому они привыкли, и перемена рациона неизбежно вызовет осложнения, а расстройство повлечет за собой обезвоживание организма. Я попробовала перевести их на молочную смесь, так двум сонятам стало совсем скверно. Я тут же связалась с нашим ветеринаром Бэрри, который пожелал немедленно осмотреть их. Проявляя свойственное ему бесконечное терпение, он обследовал всех крошек и решил ввести двоим самым слабым спасительную жидкость. Инъекции были с превеликой осторожностью сделаны в загривок — единственное место, где можно было оттянуть кожу и взяться за нее. Без сомнения, он действовал от чистого сердца, и, главное, полагаясь только на свой инстинкт, поскольку справочников по соням нет. Я за то ценю его, что он готов помогать даже таким крохам, как эти, — другие врачи могли попросту

проигнорировать их. Когда я вернулась домой со своими питомцами, на душе у меня стало немного светлее.

Когда мне удалось усовершенствовать их рацион, они стали чувствовать себя лучше, но вот беда, страдая расстройством, они выделяли столь концентрированную мочу, что она сожгла пух у них на хвостах, а между ног образовались язвы. Мне было больно смотреть, как они ходят, широко раздвинув ноги, и я поделилась своим огорчением с Мэнди. «Как им не стыдно, надо же так описаться! — ответила она. — А впрочем, что с них возьмешь, они ведь еще младенцы».

Точно! Как я сама не догадалась! К следующему кормлению я подошла во всеоружии: взяла тряпки, детскую присыпку и мазь с цинком и касторкой. Каждую крохотную попку я насухо вытерла, присыпала и смазала. Вскоре язвочки исчезли, а еще через неделю на ногах и хвостах выросла новая шерстка. Победа! А главное, они становились очень ловкими и подвижными, и мне пришлось научиться молниеносной уборке их ящика. Труднее оказалось перевести их на взрослую диету. В дикой природе их рацион зависит от времени года; известно, что они едят пыльцу, цветы, фрукты, насекомых и орехи, причем очень любят фундук и съедают его прямо зеленым на ветках. Приступают к ореху с одной стороны и прогрызают круг, чтобы добраться до ядрышка. Валяющиеся на земле скорлупки — верный признак того, что здесь славно пообедали сони: это одно из самых точных указаний, что в данном регионе эти животные есть.

Со временем пять малышей благополучно перешли на взрослую диету. К ним прибавили еще несколько взятых из дикой природы сонь (они были слишком малы, чтобы пережить зиму) — образовалась группа животных, предназначенных для разведения в неволе. Это стало частью Национальной программы по разведению в неволе обыкновенной сони с целью выпуска в те регионы, где она исчезла. Специально для этой программы были спроектированы домики, в которых стоят клетки, где живут пары или тройки сонь из разных гнезд. Рада сообщить, что одна из выпестованных мною крошек на следующий год принесла троих детенышей.

В надзоре за участками, предназначенными для выпуска сонь, участвуют немало добровольцев, так что наши знания о животных, с которыми мы живем по соседству, постоянно обогащаются. Что же касается Дага и Майкла Вудса, то в награду за их огромный труд и преданность делу Общество покровительства животным наградило их в 1993 году медалями.

Ну, а теперь поговорим о серых белках. Спросите любого лесничего, что он о них думает. «Похлестче любых крыс, вся разнища, что лазают по деревьям», — пробурчит он в ответ. Может быть, так оно и есть, если их чересчур много расплодится, а по мне, так они — настоящие лапочки. У нас в саду растет несколько больших ореховых деревьев, а под ними лежит куча дров; я часто вижу, как белки скачут по этой куче, а с нее забираются на стволы в поисках любимого лакомства.

Само собой, в числе моих питомцев появился и бельчонок, которого я назвала Сайрил. Его нашла одна дама из Сомерсет-Левелс во время прогулки. Он лежал на земле, дрожа от холода, и дама привезла его нам. Ему было недели три от роду; должна признаться, он и в самом деле походил на крысу: хвост еще не распушился, а головка казалась непропорционально большой. Ступни у бельчонка тоже были большими. Когда я положила его в ящик и поставила греться у печки, он накрыл мордочку передними лапами, а пальцы растопырил так, чтобы можно было наблюдать за происходящим. Затем он свернулся клубочком и обернул свое тело хвостом, а кончик аккуратно положил между ушей. Я тихонько достала шприц, из которого выпаиваю найденнышей, и намешала немного молока, после чего отправилась к печке посмотреть, как там новенький. Под действием тепла ему стало хорошо, он даже высунул передние лапки и мордочку над краем коробки, подергивая ушками и с большим интересом следя за тем, что я делаю. Мне не пришлось вынимать его — почуяв запах молока, он сам взобрался по моему рукаву, щебеча что-то на своем беличьем языке; но и без перевода было понятно, что он очень голоден. Когда я протянула ему шприц, заряженный молоком, он сел на корточки и, сложив передние лапки чашечкой, принялся жадно пить. Если бы всех было так легко выпаивать, как этого! Ну и что, что шкурка на тебе не серая, ну и что, что ты такая бодьшая, ты мне все равно будешь родной мамой — так он, должно быть, подумал. Насытившись, он взобрался по свитеру мне на плечо и что-то прошептал довольным голосом на ухо; к тому же его явно заинтриговали мои волосы. Я мгновенно вспомнила, что эти животные здорово кусаются: но, отыскав край моего свитера, зверек просто забрался между ним и рубашкой, свернулся клубочком и тут же заснул.

Одиночество — не самое лучшее для животного состояние, и я старалась уделять ему как можно больше внимания. К счастью, следующими питомцами, которых мне принесли через неделю, оказались еще три бельчонка, найденных в

Уэстон-Сьюпер-Мэр. В то утро маму-белку обнаружили мертвой невдалеке от гнезда, а во второй половине дня отыскивали и детенышей, которые вылезли из жилища и звали маму, пропавшую невесть куда. Детеныши были примерно того же возраста, что и Сайрил, и мы были рады, что у него появилась компания. «Новая гвардия» тянула молоко столь же охотно, как и Сайрил; покормив каждого по очереди, я подсаживала их к нему в коробку, а они пофыркивали друг на друга в знак приветствия. Наконец все улеглись спать, образовав клубок из голов и хвостов. Коробка была единодушно признана удобным гнездом, и они не предпринимали попыток ее покинуть, пока я не являлась к ним с молоком. Мало того — они стали узнавать по звуку, что я готовлю еду, и стоило мне погремать ложкой, как четыре мордочки и столько же пар передних лапок высовывались через край коробки в ожидании, когда будет сервирован обед. У бельчат такие же изящные коготочки, как у сонь, и, когда они лазят по моему свитеру, их очень трудно отцепить. Они знали, до каких пределов можно долезть и я их не трону, а также то, что, пока я кормлю одного из них, остальные могут на мне спокойно повисеть. Вполне естественно, чем больше они вырастали, тем дальше отваживались совать свой нос, и в конце концов мы переселили их в авиарий. Формально мы не имели права отпускать их на волю, поскольку в Англии они классифицируются как вредоносные грызуны. Они просидели в авиарии всю зиму, а по весне перегрызли проволоку и улизнули на свободу.

Теперь у нас живет белка по кличке Сэлли. Ее принес один из посетителей — он подобрал ее, гуляя в парке. По-видимому, она потеряла мамочку и до того изголодалась, что подбегала к людям и пыталась сосать им туфли. Как это ни удивительно, она сумела прогрызть дырку в клетке и теперь пользуется всеми благами вновь обретенной свободы. Она разведала, что в комнате для приема посетителей стоит ваза с орехами, и, если гости в этот день отчего-то скупчились на угощение, она принималась стучать в окошко: мол, не жадничайте, дайте орешка! При всей моей симпатии к белкам я не берусь оспаривать официальное мнение о них и утверждать, что они вовсе не безвредны. Как-то раз, потрудившись в саду, я решила ненадолго отлучиться и выпить чашечку кофе, так за это время они успели изгрызть ручку у граблей! Но при всем том они — такая прелесть!

Норка — не исконное для Британских островов животное. Она была завезена сюда из-за границы для меховой промышленности. На шубу идет сто пятьдесят шкурков, и отрадн

слышать, что в наши дни их не очень-то много разводят ради меха. Зато они широко расселились на воле, а распространённое мнение о них как о вредных хищниках сложилось, вероятно, тогда, когда «борцы за свободу животных» выпускали их на волю по две, по три сотни в одно место. Естественно, при такой перенаселенности каждой особи очень трудно прокормиться, вот они и истребили в этих местах почти всех животных, на которых охотятся. Теперь ситуация более-менее стабилизировалась. Пора бы признать за норкой законное место в популяции млекопитающих Британии — право, вреда от нее не больше, чем от любого хищника, охотящегося на своей территории.

Обычно норки — шоколадно-коричневого цвета, и мы изумились, обнаружив на каком-то пустыре норчонка с удивительной серебристо-серой шкуркой и белой манишкой. Это происходит в результате мутации. Подобных зверьков специально разводят на зверофермах, но иногда такое случается и в дикой природе. Зверьку, которому мы дали имя Мерфи, было около трех недель, и особо возиться с ним не приходилось. Он был такой же игрун, как молодой хорек, к тому же оказался очень любознательным и обожал все новое. Однажды нас пригласили — естественно, с нашими питомцами — участвовать в школьном летнем празднике. Я решила, помимо прочих, взять с собой и Мерфи — я нисколько не сомневалась, что он понравится детишкам. Дерек скептически отнесся к этой идее: он косо смотрел на хорьков, а ведь норки — родня им. «Что ж, бери, если хочешь, — сказал он, — только имей в виду: возиться с ним будешь сама». Детишки не обошли вниманием ни одного из моих любимцев — ни сипуху Сейджа, ни черепахат, но Мерфи имел наибольший успех. Накормив его бобами, я пустила зверька к себе под свитер — там он копошился, извивался, взбирался по рукавам, выглядывая то из горла, то из манжетов, то из-под нижнего края. Чем больше хохотали дети, тем забавнее он себя вел. Эх, не надо было мне слишком увлекаться! Оказалось, что последней, над кем смеялись, стала я.

Неожиданно я почувствовала нечто теплое и мокрое. Вдоволь наигравшись, зверек свернулся калачиком у меня под свитером и устроился спать, но съеденные бобы возымели свое действие. Я сунула его обратно в коробку, а сама, как могла, обтерлась двумя полотенцами (переодеться было не во что). Всякий, кто подошел бы ко мне близко, решил, что у меня несколько извращенный вкус относительно парфюмерии. Остаток времени я простояла, сконфуженная, подальше

от веселящейся толпы, чтобы не дать повода расхохотаться еще больше — ведь надеяться на то, что у всех присутствующих внезапно заложило носы, не приходилось. Я старалась не смотреть на Дерека, лицо которого то и дело расплывалось в самодовольной улыбке.

Мерфи был одним из тех наших питомцев, кому не могла быть дарована свобода — он был слишком уж ручным. Мы соорудили для него персональный загон с плавательным бассейном, а Даг не раз одалживал его для демонстраций на лекциях. Но какое-то время его долго никуда не брали, а потом мы заметили, что он теперь не очень охотно дается в руки, хотя остался по-прежнему дружелюбным. Даг спросил, может ли он в очередной раз взять его для лекции в школе. «Конечно,— сказала я,— но не ручаюсь, что с ним будет легко». — «Да что вы, он будет, как всегда, лапочкой,— сказал Даг.— Я заеду за ним по дороге на лекцию».

По не вполне зависевшим от Дага обстоятельствам лекция приобрела узкоспециализированный характер: ребята получили представление не столько о норке в целом, сколько о ее искусстве кусачести. Из школы Даг возвратился весь облепленный пластырем. На этом ученая карьера Мерфи закончилась, но и впоследствии он подбегал к стеклу своей клетки, когда посетители подзывали его. Было особенно забавно смотреть, как он катается клубком и ныряет в воду. В один печальный день 1992 года он заснул и не проснулся, и мы горько сожалели о нем.

Когда ферма бывает открыта для посетителей, к нам часто заглядывает моя подруга Шина. И всякий раз случается что-нибудь такое, что ломает наши планы. Однажды она собралась к нам с подругой, с которой вместе работала в гостинице. Мы намеревались пообедать вместе и блаженно провести денек без забот, без хлопот. Гости ехали из Оксфорда и обещались быть к одиннадцати утра. «Вот и прекрасно,— думала я,— как раз успею все убраться». Но только включила пылесос — звонок: некая престарелая леди нашла у себя в саду увечного ежа, могу ли я его забрать? Взглянув на часы, я ответила: конечно, и сделала мгновенный подсчет в уме. Полчаса туда, полчаса назад, успею прибраться до приезда гостей.

Хватаю ключи от машины, коробку для перевозки ежа, перчатки и сталкиваюсь во дворе с Дерекком, который только что закончил убирать свинарник.

— Ты куда? — спросил он.

— Дела.

— А как же гости? Надо же все прибрать,— сказал он. Я ответила, что все успею, и выбежала вон.

Почтенная леди доходчиво объяснила мне, как проехать, так что я без труда нашла ее чистенький, миленький домик. «Заберу животное — и тут же назад», — думала я, но все вышло по-иному. Я имела неосторожность похвалить ее ухоженный садик, и в ответ она разразилась пространной речью, как лелеял этот садик и гордился им ее недавно скончавшийся супруг. Теперь к ней редко кто заходит, а так приятно поговорить с человеком, понимающим толк в садоводстве! Взяв меня за руку, она повела меня по всем дорожкам, останавливаясь у каждого куста и делясь воспоминаниями, с ним связанными, — с каким, мол, усердием отыскивался редкий черенок, а теперь вырос шикарный цветущий куст! Что и говорить, садик был раем для бабочек, насекомых и птиц, и я мимоходом подумала, не завести ли и мне такой же; но, глянув на часы, поняла, сколько времени упущено, и деликатно перевела разговор на ежа.

— Так пойдёмте взглянем на него. Вы посадили его в коробку?

— Нет,— ответила леди.— Боюсь уколоться, да к тому же от него так пахнет! Сейчас найдем, он позади домика у ограды.

Стоило ли удивляться, что в означенном месте ежа не оказалось, а между тем чем больше пожилая леди рассказывала мне о его состоянии, тем больше я сознавала, что он нуждается в экстренной помощи. Шина переживет, если я немного опоздаю, подумала я, ползя вдоль живой изгороди в поисках исчезнувшего пациента. Наконец тяжелый запах навел меня на след, а копошащиеся личинки точно указали место, где залегло бедное животное. Быстренько подхватив его и впихнув в коробку, я извинилась перед хозяйкой за то, что дольше не могу задерживаться, и поспешила отъехать, пообещав миссис Хайден позвонить и сообщить, как пойдут дела у ежа.

Когда я вкатила во двор, как раз било одиннадцать, и, к своему облегчению, я узнала, что Шина еще не приехала. Я позвала Мэнди, а сама поднялась наверх, чтобы заняться ежом. Споткнувшись о пылесос (который так и простоял на месте все то время, пока я была в отъезде), я все-таки вытерла стол в кухне; тут же подскочила Мэнди, вооруженная пинцетом, порошком от мух и прочими причиндалами. Я аккуратно положила ежиху на старое полотенце; она была в таком тяжелом состоянии, что не могла свернуться в клубок. Мухи засидели ей глаза и уши, а в ране возле задних ног копошились личинки.

И надо же было случиться, что в эту минуту вошли Шина с подругой (вполне естественно, стукнувшись о пылесос). Представьте, что они подумали, увидев такую картину: мы в четыре руки вынимаем у ежихи личинки и складываем их на блюде, и по полотенцу, на котором мы разложили нашу пациентку, прыгают блохи! Не говоря уже об удушливом запахе... Я, разумеется, рассыпалась в извинениях и предложила: может, пока выпьете чашечку кофе внизу, а я, как только освобожусь, сейчас же спущусь. К счастью, у Шины неплохое чувство юмора (но отнюдь не луженый желудок), так что она, сказав только «нет проблем», поспешила убраться.

Пока мы вычистили ежихе рану, посыпали лекарством и поместили в теплое местечко, прошло немало времени. Шина и Сью допили кофе и отправились бродить по ферме и смотреть зверей. Спустившись к ним, я рассказала, что стряслось с ежихой, и мы обсудили планы насчет обеда. Я предложила съездить в какой-нибудь ресторанчик — просто чтобы ненадолго вырваться с фермы. Сейчас схожу переоденусь, и поедем. Но не успела я дойти до дома, как кто-то пересек мне путь — естественно, с картонной коробкой в руках. Это оказалось гнездо со скворцами. Кровельщики (которые прежде уже приносили нам птенцов), меняя черепицу, наткнулись на гнездо. Мамаша теперь не вернется — привычное пространство нарушено, — и они принесли птенцов нам. Краешком глаза я видела, что Шина и Сью вернулись во двор и ждали, когда я наконец повезу их в ресторанчик.

«Ничего страшного», — снова сказала я себе и отнесла птенцов в сыроварню, где потеплей.

— Я ненадолго задержусь, — сообщила Шине, — только приготавливаю им поесть.

Я еще раз посмотрела ежиху, которая теперь выглядела чуть лучше, — она даже выпила немного молочной смеси. Наскоро приняв душ, я кинулась в спальню (по дороге опять споткнувшись о злосчастный пылесос, убрать который с дороги было некому) переодеться. Часы показывали уже четверть второго — еще немного, и мы нигде ничего не сможем заказать. И тут снова телефонный звонок. «Ничего, — решила я, — кто-нибудь другой пусть подходит». Но только я успела сунуть ногу в штанину, как телефон зазвонил снова. На сей раз был внутренний звонок, и я поняла, что это меня. «Черт побери!» — подумала я и кинулась в кухню, на ходу натягивая брюки.

— Алло, — весело сказала я (и как это мне порой удается кизаться такой жизнерадостной?!).

С другого конца провода ответил Дерек. Ему только что звонил ветеринар из Уорле, которому принесли косуленка. Вопрос традиционный: мы можем забрать его? Дерек дал положительный ответ, но буду ли я дома к тому времени, когда он вернется? Надо же осмотреть детеныша! Это ломало мои планы относительно обеда в ресторанчике, но что поделаешь! Я стала собирать оборудование, необходимое Дереку для поездки. Положив в чемоданчик грелку и теплое одеяло, я спустилась в контору. Шина и Сью между тем терпеливо дожидались меня во дворе. Дерек сказал им «до свиданья», а меня оставил объяснять, что обед будет на ферме — должна же я осмотреть косуленка, когда его привезут. Сью и Шина возгорелись таким желанием посмотреть косуленка, что нисколько не жалели о сорвавшей поездке в ресторанчик, и мы ничуть не хуже отобедали в нашей чайной.

Дерек вернулся неожиданно скоро — мы как раз заканчивали обедать. Среди моих питомцев никогда прежде не было косулят, и новенький вызывал у меня не меньшее любопытство, чем у моих гостей. Крошке было едва ли пять дней от роду. Мать-косуля часто оставляет детенышей заснувшими где-нибудь в укромном месте и несколько раз в день приходит их кормить; но находящие их люди этого не знают и думают, что он осиротел, хотя мать точно знает, где оставила детеныша.

Этого косуленка нашли запутавшимся в кустах ежевики. Он в отчаянии звал на помощь маму, но та все не приходила. Помогли люди — выпутали его и отвезли к местному ветеринару. Мы нарекли его Брамбл, что значит Ежевика. Много прошло через мои руки милых и прелестных созданий, но такое изящное и прекрасное во всех отношениях существо я видела впервые. Он весь был — пятнадцать дюймов от кончиков ушей до копыт. Уши были чуть великоваты по сравнению с головкой и тонкой скуластой мордочкой. Спинку его покрывали белые круглые пятнышки, а длинные ножки казались слишком тонкими, чтобы выдержать вес даже такого крохотного тельца. Олени вообще чрезвычайно нервны, и если вы вскармливаете детеныша, поначалу держите его с собой в доме, чтобы он привык к вам, вашему запаху и производимым вами шумам. Если поместить его в отдельный сарай и подходить раз от разу, чтобы покормить, то он от страха откажется принимать пищу. Дайте ему возможность привыкнуть к вам — и ситуация улучшится, хотя детенышей оленей, по сравнению с другими, значительно трудней кормить из бутылочки или с

рук. Брамбл вон как изголодался, но тем не менее потребовалось время, чтобы я методом проб и ошибок подобрала соску, которую он захотел взять. Взглянув на моего нового питомца, Шина и Сью оставили меня наедине с ним, чтобы больше не пугать его. Покормив косуленка, я посадила его в ящик и поставила в кухне, где поспокойней. Ну а гостям ничего не оставалось, как отправиться восвояси,— кто ж виноват, что и нынешний день у Паулины оказался занят и мы всего полчаса побыли вместе. Ничего, Шина, будут у меня когда-нибудь деньки посвободнее!

Как-то раз мы на весь день закрыли ферму для посетителей. Я поднялась наверх приготовить чай. Покормив косуленка, я посадила его назад в ящик. Домочадцы попили чаю и уселись смотреть телевизор, стараясь не обращать на детеныша особого внимания. Час спустя он изящно высунул через край ящика головку. Это не ускользнуло от внимания нашего пса Барни, но малыш, будто не замечая столь грозного хозяина, решил вовсе выбраться из ящика. Подрагивая тельцем, он принялся обнюхивать пол, а затем спокойно обследовал комнату и кончил тем, что обнюхал нам ноги. Потом, увидев собачью миску с водой, он пофыркал ноздрями на ее содержимое и, подняв голову, брезгливо подергал губами. После того как вечером я снова покормила его, он не вернулся в ящик, а залег позади кресла подальше от всех — это и стало его законным местом. Возможно, это было для него все равно что спрятаться в траву подальше от посторонних глаз, ибо там он чувствовал себя, как нигде, уютно. Прошел еще день, и он так ко мне привязался, что при моем появлении на пороге комнаты приветствовал меня радостным писком. Он быстро преодолел свой «комплекс», если можно так выразиться, и день ото дня становился все смелее и отходил все дальше от своего спального места — теперь он уже бегал вокруг дома. Говорят, прототипом для лиснеевского Бемби был как раз косуленок, и когда Брамбл убежал в гостиную, а затем тормозил, то ножки разъезжались точно так же, как у героя знаменитого мультфильма.

Я всегда испытывала страсть к барсукам, но был один, который целиком завладел мною. По вечерам, когда уходил последний посетитель, мы отправлялись гулять в сад. Он резвился, играл, скакал туда-сюда наперегонки с собаками. Когда он стал постарше, я повесила для него в кухне ветки шиповника и ежевики — пусть щиплет в свое удовольствие, а еще поставила ему поднос с землей. Барсуки очень рано начинают есть землю — им необходимы содержащиеся в ней минералы.

Когда он у меня появился, я поставила в известность Общество покровительства животным. Колин сказал, чтобы я подержала его у себя, пока ему не исполнится пять недель — к этому сроку его можно будет отучить от бутылочки, — а затем передала в Отдел дикой природы, где его поместят в загон с другими осиротевшими животными. Там его будут постепенно готовить к выпуску в дикую природу. Но с каждым днем я все больше чувствовала, что мне будет очень трудно с ним расстаться. О, как мне хотелось построить для него загон и держать на ферме, подальше от опасностей, которые подстерегают его в большом открытом мире! Я ведь хорошо знаю, что две трети всех существ, рожденных в дикой природе, не доживают до года...

Когда мы гуляли по саду, он преданно шагал со мною рядом, и я решила попробовать взять его на прогулку вокруг усадьбы. Но стоило нам выйти за живую изгородь, как он, почуяв открытое пространство, вдруг чесанул вперед, прижав уши, — он явно наслаждался тем, как ветер бьет ему в полосатую морду! Я наблюдала эту картину с замирающим сердцем — нет, не может быть, чтобы не вернулся! Пробежав двадцать — тридцать ярдов, он, очевидно, счел, что для первого раза достаточно, остановился, повернулся и тем же аллюром поскакал ко мне. Я-то привыкла к тому, что барсуки семянят за мною по пятам, так что подобное поведение этого представителя барсучьего рода мне было в новинку; но потом я стала получать наслаждение от зрелища, как он пронесится сквозь траву, а затем возвращается и трется об ноги. Я видела, что и он радуется возможности свободно бегать — это в какой-то мере примиряло меня с мыслью, что мне придется расстаться с ним навсегда. Эти прогулки запечатлелись в моей памяти, точно сокровища, — как сейчас, вижу его носящимся по полю, усыпанному золотыми от солнечных лучей лютиками, или семенящим за мной по тихому вечернему саду.

Как только я отучила его от бутылки, я сразу же сдала его в Отдел дикой природы. Не помню, чтобы сердце когда-нибудь так же обливалось кровью, как в этот день. Несколько недель спустя Колин сообщил, что мой питомец сделался почти таким же диким, как и остальные барсуки, но когда сотрудники отдела входят к ним в загон, он дольше других сородичей защищает свой участок и не торопится убежать.

Ну а что касается косуленка, которого я тоже отдала в Отдел дикой природы, могу сказать следующее: в той округе косули водятся повсюду, и когда приходит срок, сотрудники

отдела просто открывают двери загона, и их питомцы просто убегают к своим диким сородичам. Иногда представляю себе такую картину — мой крошка вырос в гордого лесного красавца, окруженного гаремом самок.

Но вот что я зарубила себе на носу: **ВСЕХ ЖИВОТНЫХ, КОТОРЫЕ ПОПАДАЮТ КО МНЕ В РУКИ, ПРИРОДА ВВЕЛЯЕТ МНЕ ЛИШЬ НА ВРЕМЯ. ЕСЛИ ЛЮБИШЬ ЖИВОТНОЕ, ВЕРНИ ЕГО ПРИРОДЕ. ЕСЛИ ОНО БУДЕТ ВОЗВРАЩАТЬСЯ, СЧИТАЙ ЕГО СВОИМ, ЕСЛИ НЕТ — ОНО НИКОГДА ТВОИМ НЕ БЫЛО.**

Глава девятая
**ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО
БАРСУЧЬИХ ИСТОРИЙ**

Кто скажет, что я не баловень судьбы! Другим натуралистам — обожателям барсуков — приходится кутаться потеплее да часами неподвижно сидеть в укрытии в надежде, что с наступлением темноты из норы высунется полосатая морда, а в моем распоряжении таковых было целых три, да еще построенное всем миром искусственное гнездо, отлично приспособленное для наблюдения. А то можно просто запустить барсуков в комнату, задернуть шторы — и любуйся сколько хочешь. Уиллоу, Примроуз и Блюбелл отлично обжились в новом доме; случалось, они изменяли ночному образу жизни и посвящали меня в секреты барсучьей жизни, обыкновенно скрытые от посторонних глаз в потаенных глубинах нор. Мне доставляло особое удовольствие наблюдать, как они прихорашиваются — пощипывают зубами шкурку, выдергивая лохмы, когтями обеих лап расчесывают бедра, стараясь дотянуться как можно дальше. Затем садятся на задние лапы (отчего делаются похожими на маленьких жирных медведей) и почесывают себе когтями грудь и брюшко. Спать они всегда ложатся сбившись в клубок, так что трудно разобрать, где

кончается один барсук и начинается другой. Я и теперь иногда ходила с ними на прогулку, но, как правило, они гуляли сами по себе.

Каждое утро, перед тем как приступить к повседневным делам, я отправлялась в загон к барсукам удостовериться, все ли в порядке. Но вот однажды в конце января я увидела, что спящий клубок состоит только из двух барсуков: Примроуз и Блюбелл... Господи, куда же подевался их приемный братишка?! Я отперла дверь, ведущую в жилые комнаты, и стала кликать барсука, — если Уиллоу спрятался в каком-нибудь закутке, он непременно услышит и отзовется. Первой проснулась Примроуз — сунув голову в дверь, она лениво вытянула передние ноги и, запрокинув голову, сладко зевнула. За нею вошла Блюбелл — видно, ее разобрало любопытство, почему и до сих пор дома. Обе сестренки приблизились ко мне, приветствуя знакомым мягким «ув-вув-вув-вув». Блюбелл забралась ко мне на колени, а Примроуз понюхала мои туфли и уселась рядом, словно тоже ожидая появления Уиллоу. Но нет, ни звука! Я снова позвала — ответа нет. «Девчонки, может, вы знаете, где ваш братец?» — спросила я, сердцем чувствуя, что никогда не увижу его больше. Сперва Примроуз, затем Блюбелл вернулись к себе в загон, зарылись в солому и снова устроились спать, но прежде заглянули в нору, ведущую вглубь, будто ожидая, не покажется ли оттуда Уиллоу. Я вышла из дома и потихоньку побрела прочь, время от времени поглядывая на дорогу через живую изгородь — не повстречаю ли случайно? Когда я сообщила новость Дереку и Мэнди, они посоветовали подождать до ночи — вдруг явится. Весь остаток дня мы провели в напряженном ожидании, но его нигде не было видно.

На следующее утро я снова пришла проведать барсуков — спящий клубок по-прежнему состоял только из двух девчонок. Больше мы никогда ничего не слышали про Уиллоу. Право, неудачно он выбрал время, чтобы откочевать. То ли он забрел слишком далеко и затерялся среди лесов и полей, то ли встретил свой конец. Этого нам никогда не узнать. Услышав о нашей беде, местные жители сообщали нам обо всех найденных мертвых барсуках, а то и просто приносили нам. (Бедный Дерек! Как ему опротивела роль могильщика!) Но все покойники оказывались либо с другими, чем у Уиллоу, особыми приметам, либо вообще были особями противоположного пола. Остается надеяться только на характер Уиллоу! Еще крохотным детенышем он уже был неисправимым упрямым, и когда он вырос в красивого, цветущего парня, то порою

доводил до ручки всех нас, включая пса Барни. Ей-богу, я верю, что он выжил и основал свое княжество.

Еще две недели мои девчонки укладывались спать, обратив мордочки к норам, — видимо, верили, что братец вернется. Но потом они сдались и перестали его искать.

Однажды вечером в начале марта я услышала настойчивое царапанье в парадную дверь. Я открыла, и в дом влетела Блюбелл. Она впервые попросилась в дом с тех пор, как выросла. Забравшись по лестнице, она оставила свою метку на ковре, пробежалась по кухне, а затем кинулась в комнаты и залезла в кресло. Я не стала запира́ть дверь, чтобы она могла выйти когда угодно, и Блюбелл, закончив свой тур, спустилась по лестнице назад в сад. На следующий день она снова стала царапаться в дверь. «Тут что-то не так», — заметил Дерек и залез в кресло с ногами, чтобы барсучиха не обнюхивала их. Я сама не могла взять в толк, с чего бы это, по прошествии стольких месяцев, ее опять тянет в дом.

Когда она пришла в третий раз, мы решили осмотреть ее. Так вот в чем дело — у нее на спине была рана от жестокого укуса. Очевидно, к ним в гнездо наведалься чужой барсук, а силенок для отпора явно недостаточно, вот она и просит у нас защиты! Чувство территории у барсуков обостряется с января по май: в этот период они активно метят свои владения пометом, чтобы отвадить чужаков. Видимо, пришелец вторгся на территорию Блюбелл и Примроуз, дошло до драки. Я решила закрыть внешние «барсучьи ворота» — пусть отсидаются в гнезде. Благодаря этой мере они вполне успокоились и вернулись к своим забавным привычкам гоняться друг за другом и играть. Даже в возрасте четырех лет Блюбелл играла как котенок, но взрослая барсучиха — вовсе не котенок, и хорошо, что я обыкновенно хожу в прочной куртке: она то цапнет тебя за рукав, то вообще вцепится в руку всеми четырьмя лапами и схватит кисть пастью (хорошо хоть не до крови, а то, знаете, барсук шутя цапнет — и без руки останешься!).

В мае я снова отперла «барсучьи ворота», и проблем с пришельцами больше не возникало. С наступлением лета ферма опять открылась для посетителей, причем Симон Кинг устроил торжественное официальное открытие. Конечно же посетители обрадовались возможности познакомиться с барсуками — многие из них ни разу в жизни не видели их живьем.

Летний день все прибывал, и вот как-то я увидела на возвратившейся с полевой охоты Примроуз следы, говорившие

о том, что она встречалась со своими дикими сородичами и, очевидно, нашла себе кавалера. Мы даже догадывались, с кем она ходила встречаться, — через несколько полей от фермы находилось огромное барсучье гнездо, которому было уже более ста лет, но семейство, проживающее в нем в настоящее время, было малочисленным. Однажды мы ходили туда и обнаружили барсучий череп, выброшенный обитателями гнезда вместе с землей при раскопке старого туннеля. Бытует мнение, что барсуки погребают своих умерших сородичей в особых нишах. Через несколько поколений молодые барсуки раскапывают старые ходы, чтобы расширить жизненное пространство, а кости покойных выкидывают наружу вместе с землей. Не знаю, насколько это соответствует действительности, но тот факт, что в нарытой барсуками земле иногда попадаются барсучьи кости, косвенно подтверждает эту мысль.

Когда по вечерам мы выходили работать за пределы фермы, то частенько видели Блюбелл, но у Примроуз, как видно, появились дела поинтересней. Прошло еще несколько недель, и эта красавица тоже исчезла. Я была абсолютно убеждена, что она влилась в соседнюю барсучью семью, и беспокоилась за ее судьбу куда меньше, чем за судьбу Уиллоу.

Несколько недель спустя мои предположения получили подтверждение — жительница деревни Вест-Ханстпилл сообщила, что видела барсучиху, которая охотилась в полях вместе с другим барсуком, не обращая внимания на людей. Когда люди пришли посмотреть на них, убежал только партнер, а она еще какое-то время побыла в поле и лишь потом побежала его догонять. Происходило все это возле дороги, сообщаемой с нашей. Как рассказывала эта женщина, выглядела барсучиха очень хорошо. А что мне еще нужно? Наша ферма предназначена для временного приюта зверям, которые потом убегают на волю. Это — их выбор, не нужно о них беспокоиться! Если моя Примроуз нашла себе кавалера — так это прекрасно!

Но вот какая сложность возникла при этом. Блюбелл осталась в одиночестве, а это состояние не по душе ни одному барсуку. Больно было видеть, как она устраивалась спать одна. Видимо, она так привязалась ко мне, что не спешила поменять мое общество на компанию себе подобных. Я видела это по тому, как радостно она приветствовала меня мягким мурлыканьем и бросалась обнюхивать мои

ноги. Блюбелл жила главным образом во дворе и в дом больше не просилась.

«Потянет ли ее когда-нибудь искать компанию сородичей?» — думала я. И вот месяц спустя, зайдя к ней в рукотворное гнездо, я обнаружила, что оно пусто. Свершилось! Может быть, нужно было держать ее взаперти, чтобы помешать ей удрать? Но ведь я так мечтала подарить ей свободу! Услышав новость, Дерек тоже впал в уныние: ведь теперь у нас совсем не осталось барсуков. Подошла Мэнди, мы отправились в сыроварню готовить корм для животных; там, облокотившись о буфет, я все ей поведала. Но только мы начали обсуждать, с чего бы это Блюбелл решила удрать, как мой взгляд упал на полосатую морду, выглядывавшую с верхней площадки лестницы, ведущей в бывшее помещение для сыров. Ну и ну! Вот куда заводит любопытство! Мадам, очевидно, не терпелось узнать, что там наверху. Ну и залезла, а глянула вниз — страшно! Делать нечего, пришлось остаться на ночь. Услышав мой голос, она поняла, что помощь близка. Поругав барсучиху за дурость, я поднялась по лестнице и спустила пленницу на землю. Бросившись со всех ног из сыроварни, она кинулась к своему гнезду — ее явно раздражал яркий солнечный свет. Пока я дошла до гнезда, она успела успокоиться и устроилась спать. Наша радость была такой, что мы решили купить к кофе шикарный торт со взбитыми сливками.

Ну а Блюбелл принялась за постройку нового гнезда, поближе к дому, и начала работу не где-нибудь, а возле лисьего загона, вырывая на поверхность огромное количество земли и кирпичей. Известно, что барсуки могут переворачивать камни весом до пятидесяти фунтов. Ставился такой опыт: на орешки клали тяжелые камни — и ничего, барсуки сворачивали их и добирались до лакомства. Когда земляные работы были закончены, нужно было натаскать в гнездо сена, и от сарая до гнезда протянулась усыпанная сеном дорожка длиной в сотню метров. После каждой трудовой ночи барсучиха методично возвращалась в построенное нами гнездо, да так никуда из него и не переселилась. Неужели строила себе запасное? Интересно зачем?

В сентябре 1991 года, когда заканчивался очередной сезон работы нашей фермы как туристической достопримечательности, мне позвонил ветеринар из Гластонбери. У него на руках оказался родившийся в этом году барсучонок с ранами от укусов, нанесенных сородичами. Но и это не все — его сбила машина, в результате у него была сломана нога. Теперь

барсук выздоравливает, но врач не знает, что с ним делать дальше, — ведь выпускать его еще рано, да к тому же нужно подобрать ему территорию. Я решила забрать барсука и попробовать познакомить с Блюбелл.

Отыскать ветеринара не составило труда, равно как и пересадить барсучонка из прежней клетки в мою. Сев в машину, я почувствовала себя наверху блаженства — дружка везу для моей барсучихи! Ветеринарная медсестра на прощание помахала мне рукой — по лицу ее было видно, как она довольна, что избавилась от такого дурно пахнущего, не всегда податливого пациента. Зубной аппарат у барсуков развит не хуже, чем у любых других плотоядных, так что при той массе и силе, которыми обладает их тело, они запросто могут отхватить пальцы. Не то чтобы они свирепы и злы по натуре — просто всякое животное, оказываясь в неясной для него ситуации, начинает защищаться чем только может. Поэтому, если хочешь иметь дело с барсуками, либо научись должным образом обращаться с ними, либо останешься без пальцев.

Если вы держите в неволе барсука, вам нужно поставить об этом в известность Общество охраны природы — барсуки относятся к охраняемым видам животных, и содержать их без лицензии можно исключительно в благотворительных целях. Время от времени мы извещаем соответствующие организации, сколько у нас барсуков, и первое, что нужно было сделать, — это сообщить о новом жильце. Затем следовало выработать план, как и когда познакомить его с Блюбелл.

Искусственное гнездо для барсуков было спроектировано таким образом, что его можно было разделить на две секции; при этом животные, помещенные в разные половины, могли принимать друг к другу через проволочную дверь. Я закрыла на запор «барсучьи ворота», так что в распоряжении барсуков оставались только гнездо и загон. Новичка назвали Маффин — это имя дала ему дама, которая нашла его на дороге и отвезла ветеринару.

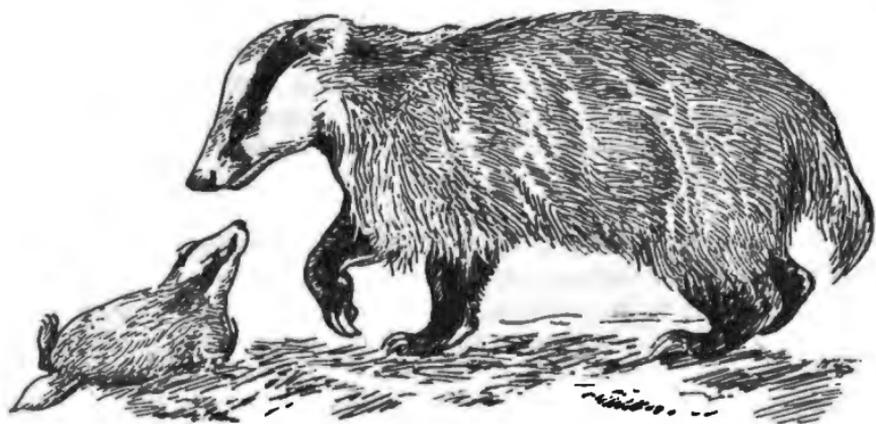
Я решила отнести Маффина в его новую квартиру рано поутру, когда барсуки сонны и апатичны; я понимала, что потребуется время, пока каждый из обитателей гнезда свыкнется с присутствием другого. Когда я внесла ящик с барсучонком в загон, тут же вылезла Блюбелл — поглядеть, с чем и пожаловала. Обнюхав ящик со всех сторон, она сердито замахала хвостом и зашипела, давая новенькому понять, что его появление нежелательно. Бедняжка забился в дальний угол

ящика, стараясь казаться совсем крохотным. Я открыла стеклянную дверцу той половины, которая предназначалась для новичка, впихнула туда барсучонка и захлопнула дверцу прежде, чем туда успела ворваться разгневанная Блюбелл. В подобных ситуациях часто возникает мысль: а то ли ты делаешь, что нужно? Выказывая полное презрение, Блюбелл отвергла все мои попытки утешить ее и ходила по своей половине, сердито фыркая и крутя хвостом. В другой же половине сидел дрожащий маленький барсучонок, которому было так тоскливо в этом чуждом мире. Через несколько часов Маффин — то ли в результате нервного напряжения, то ли просто от усталости — свернулся калачиком и заснул. Блюбелл прекратила ворчать и фыркать, но не спала, всматриваясь в глубину норы, — она все хотела убедиться, что чужак не посягает на ее жилище.

Прошло еще два дня, и барсуки постепенно свыклись с присутствием друг друга. Маффин уже не пугался, когда Блюбелл расхаживала по своей половине. Проходя мимо дверки, сообщающейся с его территорией, она по-прежнему ворчала и фырчала, но уже перестала сердито бить хвостом. Забрехала надежда, что ситуация улучшится.

Но увы, все было далеко не так гладко, как хотелось бы. Уборщик клеток Лей, по счастливой случайности оказавшийся в роковой момент возле барсучьего гнезда, увидел там леденящую душу картину: моя милая Блюбелл лупит Маффина, а тот душераздирающе вопит. Лей во всю прыть бросился к дому; я тут же понеслась к месту трагедии. Лихорадочно отперев половину моей любимицы и рявкнув на нее, я накрыла барсучонка одеялом и извлекла его наружу. Я чувствовала, как у того колотится сердце, но под одеялом он все же успокоился, и я отнесла его в дом, чтобы посмотреть, велики ли увечья. Моя разлюбезная Блюбелл так здорово тяпнула Маффина за шею, что на рану требовалось наложить швы, и я немедленно отвезла его к нашему ветеринару Бэрри. Но как же все-таки он проник в жилище столь грозной барсучихи, если все ходы и проволочные двери были закрыты? Это еще предстояло выяснить.

Вернувшись от врача, я положила Маффина в кухне отходить после наркоза, а сама отправилась выяснять, как же все произошло. Виновница событий выглядела кроткой как овечка; зайдя на территорию Маффина, она обнюхивала ее: куда же он запропастился? Э, да вот и разгадка: на стенках канала, по которому идет осветительный провод, обнаружались волосинки бедного Маффина. Он прополз по этому ка-

налу и, судя по всему, высадился прямо на спину спящей Блюбелл. Как вы думаете, могла она не дать отпор при столь дерзком вторжении? Заблокировав световодный канал, я вернула Маффина на прежнее место, и далее все пошло по принципу «худой мир лучше доброй ссоры».

Две недели спустя я с замиранием сердца убрала проволочные дверцы и отошла в сторонку посмотреть, что будет. И — ничего. Они не хотят иметь друг с другом дела. Моя прелестная Блюбелл спит себе на своей половине, а маленький скромный Маффин настилает постель из соломы на своей. Смущенный барсучонок чувствовал, что его отвергли начисто.

Прошло еще пять удручающих недель, и вот в одно воскресное утро мое сердце запрыгало от радости. Блюбелл и Маффин впервые лежали вместе, свернувшись в один клубочек. Они наконец-то признали друг друга. Маффин возлежал на спинке, скрестив передние лапки, а Блюбелл обвилась вокруг него, положив ему головку на брюшко. Все мои тревоги и волнения были вознаграждены с лихвой.

В то же время я не оставляла своей деятельности и в Группе по защите барсуков. У ее членов забот полон рот: кто занимается взаимоотношениями барсуков с садоводами и фермерами, кто наблюдает их в дикой природе, кто собирает средства; я же взялась спасать барсуков, пострадавших на автодорогах или получивших увечья иным образом. Не желая соседства других барсуков с нашим гнездом, мы построили для их содержания специальный загон, оснащенный инфракрасной лампой для тепла. Барсук может выжить и после крайне тяжелых травм, полученных, например, во время тер-

риториальных споров, доходящих до драк, и далее воспринять их как одну из граней жизненного опыта; но занесенная в рану инфекция становится причиной серьезного заболевания. А если в ране еще заведутся личинки мух, животное умрет медленной смертью, если ему случайно не встретился сердобольный человек, который не поленится что-то предпринять.

Уму непостижимо, сколько кругом равнодушных! Одну барсучиху привезла мне моя подруга Кейт. Некий посетитель паба, где у нее было назначено свидание, мимоходом обронил, что вот уже много дней подряд, прогуливая пса, он видит на одном и том же месте барсука, который — вот удивительно — не убегает и не дохнет. Раскланявшись, Кейт с извинениями прервала свидание, села за руль и привезла животное, намотав туда и обратно пятьдесят миль. Барсучиха была в столь тяжелом состоянии, что ее пришлось усыпить. Но все же лучше подарить ей безболезненную смерть, чем оставить страдать. Это была очень крепкая особь, так что дожидаться естественной смерти от голода и жажды ей пришлось бы много недель. А ведь все, что требуется от человека, — поднять трубку и позвонить в Группу по защите барсуков или в Общество покровительства животным.

Немало хлопот и с барсуками, пострадавшими от автомобилей. По подсчетам, ежегодно под колесами гибнут свыше сорока пяти тысяч барсуков, а всех барсучьих семейств в стране, по оценкам, около пятидесяти четырех тысяч; следовательно, каждый год гибнет по одному барсуку практически из каждого барсучьего семейства. Бывает, нам сообщают о погибших барсуках, которые на самом деле оказываются живыми. Даже наш ветеринар — к своему стыду — проехал мимо барсука, посчитав его мертвым, а час спустя ему позвонили и сообщили, что он живой. Вообще же Бэрри приходится часто возиться с барсуками, попавшими в переделки на автодорогах, причем процент благоприятных исходов весьма велик. В качестве общей процедуры он делает пациентам внутривенное вливание соляного раствора глюкозы.

Как-то раз нам с Дерекком позвонили поздно ночью: некий джентльмен и его супруга, возвращаясь на машине из гостей, нашли на обочине сбитого автомобилем барсука. Мы попросили звонившего накрыть животное одеялом, а он обещал подождать, пока мы приедем. Барсучиха едва дышала, мышечные спазмы были верным признаком надвигающейся смерти. Быстренько сунув ее в клетку, мы взяли у нашедшего

ее джентльмена номер телефона и пообещали завтра сообщить о результатах. Доехав до дому, я позвонила Бэрри, извиняясь, что беспокою его в столь поздний час. Мы договорились встретиться через четверть часа в операционной, но я боялась — не поздно ли? Когда я приехала в операционную, Бэрри был уже там и зажигал свет. Он осторожно положил барсучиху на стол и тщательно обследовал; поворачивая пациентку так и сяк, он непрерывно утешал ее ласковыми словами. Подготовив все необходимое, он поставил капельницу. Наконец Бэрри сообщил мне, что я могу спокойно возвращаться домой и пить кофе, а он понаблюдает за ее состоянием еще по крайней мере с час. Да, именно такая преданность делу требуется от всех, кто хочет себя этому посвятить!

Я забрала пострадавшую на следующий день и поместила в загон для выздоравливающих барсуков. Она страдала от последствий серьезной контузии, и все, что я поначалу могла делать, — это вливать ей в рот жидкость с помощью шприца с регулярными интервалами. Барсучиха постепенно пришла в сознание, но не делала ни малейших попыток пошевелиться. Тогда я решила попробовать покормить ее твердой пищей: взяла немного на ладонь и протянула. Чувствуя, что я не желаю ей зла, она мягко брала у меня из руки по кусочку, тщательно пережевывая их, будто давала понять, что отнюдь не собирается цапнуть меня за руку.

Чета, которая нашла барсучиху на дороге, навестила ее в выходные дни. И муж и жена были потрясены тем, что она выжила, хотя я осторожно намекала им, что не исключены осложнения. Оба никогда прежде не видели живого барсука и очень интересовались тем, как будет проходить процесс реабилитации.

Неделю спустя барсучиха была уже в хорошей форме, можно было оформлять выписку. Аппетит у нее был отменный, она быстро прибавляла в весе, сделалась живой и подвижной, благо других болячек у нее не было. Мы всегда выпускаем барсуков на волю ночью — когда их племени предписано гулять по полям и лесам, а главное, в эту пору меньше опасности попасть под колеса. Я договорилась о встрече с нашедшими барсучиху супругами на том самом месте, где они ее отыскали, — пусть посмотрят, как она выйдет на свободу! Надо сказать, выздоровевшего барсука запихнуть в ящик для перевозки куда сложнее, чем больного... Но все же нам кое-как удалось это сделать, так что к месту встречи мы прибыли вовремя.

Зоолог Джордж Пирс, который много работает с барсуками и не раз помогал мне ценными советами, заметил, что, когда отпускаешь барсука на волю, он всегда оглянется в знак благодарности, прежде чем убежать. В нашем случае точно так и было. Поставив ящик на землю, мы открыли переднюю стенку — пусть барсучиха сама сообразит что к чему. Луна светила ярко, так что наблюдать за захватывающей сценой можно было без фонаря. Барсучиха вылезла из ящика и втянула ноздрями воздух, после чего тут же повернула налево и пустилась в путь знакомой тропкой. Вдруг она обернулась, подняла лапу, словно помахав на прощание, посмотрела на нас, снова втянула ноздрями воздух и была такова. Нужна ли еще какая-то награда?!

Впрочем, когда выезжаешь по вызову, на месте не всегда находишь то, что ожидаешь. Пользуясь случаем, позволю себе еще раз воздать должное ангельскому терпению моего супруга!

Не надо объяснять, что в разгар туристического сезона я — как выжатый лимон и просто не в состоянии каждый вечер кормить семью добротным ужином, но по воскресеньям все же собираюсь с силами и готовлю жаркое. Дерек сгорает от нетерпения, дожидаясь этого знаменательного дня. В то злополучное воскресенье в печке ласково потрескивал огонь, на котором жарилась баранья ножка, а я готовила овощи для гарнира. Еще час — и мы усядемся за стол и полакомимся.

В половине седьмого мы с Дерекком раскланялись с последними посетителями и уже повесили замок на Гостевой центр, как вдруг зазвонил телефон. Я находилась наверху, и трубку взял Дерек. Затем он позвонил мне наверх по внутреннему и сказал:

— Это тебя. Я сейчас кончу и тоже поднимусь.

На другом конце провода был Даг. Оказывается, отдел Общества покровительства животным в Эксетере получил сообщение о найденной мертвой барсучихе и известил об этом Дага как председателя сомерсетской Группы по защите барсуков.

— Прости, что беспокою тебя в воскресенье, но я получил известие, что на обочине дороги видели мертвую барсучиху, вокруг которой бегают двое детенышей. У меня дел выше головы, не могла бы ты слетать?

Я кинула взгляд на кипящие кастрюли. Ничего, подумала я, вернусь, Дерек скажет: «Пальчики оближешь» — и все простит. Барсук находился в лучшем случае езды, но найти его было

трудно — звонивший сказал, что, если я за ним заеду, он приведет меня на место.

Я положила трубку, потушила огонь в печке, написала мальчишкам записку, что ужин задерживается, и отправилась с новостью к Дереку. Десять минут на сборы — и вот мы уже летим в Бишопс-Лайдард. На заднем сиденье ящик, сетка для ловли животных, корм для барсуков и карта местности. За рулем, сжав губы, сидит Дерек; я же пытаюсь отвлечься, любуясь цветами, осыпавшими придорожные кустарники, как и положено в начале лета. Был очень милый вечер, но в машину врывалась холодная струя встречного ветра. К тому времени, когда мы доехали до деревни, Дерек смягчился и даже сказал, что это очень приятная поездка, хотя у него и бурчит в брюхе. Следуя указаниям, мы подъехали к новой усадьбе и, въехав в ворота, остановились возле дома. Молодой джентльмен, который уже поджидал нас, подошел к машине.

— Поезжайте за мною следом, — сказал он. — Я остановлюсь у самой цели, дальше дорога пойдет очень узкая, — сказал он.

— Прекрасно, — с улыбкой ответила я.

— Одна нога здесь, другая там, — сказал джентльмен. — У моей жены вот-вот будет готов обед, — добавил он и направился к своей машине.

— Счастливчик, — пробормотал Дерек, завел мотор, и мы еще пару миль проплутали по извилистым тропкам. Наконец мужчина затормозил на перекрестке двух дорог. Да, вот она, мертвая барсучиха, у самой дороги. Когда мы подошли к ней, из травы на обочине выскочили три кролика и скрылись в кустах.

— Вот те на, — сказал джентльмен. — Не исключено, что это были как раз кролики, а не барсучата. Мы не останавливали машину, я просто взглянул на них на ходу.

Я не осмелилась взглянуть на Дерек.

— Ничего страшного, — ответила я. — По крайней мере, посмотрим, была она кормящей самкой или нет.

Сами понимаете, способ определения пола: «если побежал, значит, барсук, а если побежала, значит, барсучиха» — в данном случае никак не подходит. Взглянув на брюхо животного и не обнаружив там набухших сосков, я сказала джентльмену:

— Не стоит волноваться. Она не была кормящей. Даже если те, кто попался вам на дороге, действительно были барсучата, будем надеяться, что их мамаша жива.

Дерек вышел на обочину, чтобы отбросить труп подальше: пусть природа доделает свое дело. Взглянув на дохлого барсука, он расхохотался:

— Да какая же это самка? Это старый кабан, откуда у него молоко?

Короче, семейство село за ужин в половине одиннадцатого. Ну ничего, зато Дерек так проголодался, что моя стряпня показалась ему, как никогда, вкусной!

Теперь Блюбелл и Маффин проводили немало времени вместе, и я открыла «барсучьи ворота» — пусть бегут куда хотят. Маффин вырос в очаровательного красавца с широкой мордой и плотно сбитым мускулистым телом — кто бы узнал в нем забитого, жалкого заморыша, которым он к нам попал?! Блюбелл по-прежнему, едва заметив нас, подходила вальяжной походкой поприветствовать гостей, но если наше появление оказывалось неожиданностью для Маффина, он забирался глубоко в нору. В январе я решила снова закрыть «барсучьи ворота», дабы опять не нагрянули чужаки, и как раз в этот период мне привезли барсучиху, которой я дала имя Венди. Она к нам поступила из Йовила, где потеряла свои владения, и я попробовала подружить ее с Блюбелл и Маффином. Я снова столкнулась с тем, что оба «старожила» выказали безразличие по отношению к новенькой, но откровенной враждебности не было. Прошло три месяца, и они более-менее свыклись друг с другом, но я чувствовала, что все-таки с Венди что-то не в порядке. Она бегала по всем помещениям гнезда, трескала, как поросенок, но жила независимой от двух других барсуков жизнью.

Наступил месяц май, и пришла пора отворить «барсучьи ворота». За то время, что Венди пробыла в нашем гнезде, она стала относиться к нему как к родному дому, но по-прежнему не общалась со «старожилами». На третий день после того, как открылись «барсучьи ворота», Венди убежала. Она не вернулась и на следующий день, но на третий день утром нам позвонила жительница деревни, расположенной в трех милях от фермы. Оказывается, Венди забралась к ней в сад, свернулась там калачиком и не думает прятаться.

Мы забрали ее домой, и я тут же позвонила Колину из Общества покровительства животным — я была уверена, что у барсучихи что-то не в порядке с мозговой деятельностью, и поэтому ее не удастся выпустить. Держать ее у себя мне было незачем — как я могла держать ее взаперти, готовя других

к выпуску на волю? Колин согласился взять ее, и мы перевезли ее в Отдел дикой природы.

То ли по причине пребывания в нашем гнезде чужачки, то ли просто потому, что он достиг зрелости и его тянуло странствовать, но две недели спустя Маффин тоже удрал. Блюбелл снова осталась одна, хотя теперь она, похоже, не сильно беспокоилась из-за этого.

Между тем на нашу ферму нагрянула новая беда. Хотя в 1987 году мы продали большую часть молочного скота, нескольких коров разных пород Дерек все же оставил — каждый день он демонстрирует посетителям, как доить коров, объясняя разницу между породами и между ручным и машинным доением. Кроме фризских, джерсийских, гернсийских и декстерских у нас были две великолепные хайлендские коровы, с очень красивой шкурой и могучими рогами. Время от времени скот у каждого фермера подвергается тестированию на туберкулез. Обычно приходит наш «домашний» ветеринар, впрыскивает в шею каждому животному небольшую дозу вакцины, а через три дня смотрит, какова реакция. Хотя туберкулез и не до конца побежден, но встречается весьма редко, и к таким тестированиям хозяева относятся спокойно. И что же? Неожиданно для всех реакция у одной из наших гернсийских коров оказалась положительной, а при повторном тестировании положительная реакция обнаружилась и у обеих хайлендских коров. Мы были в отчаянии: все три коровы подлежали немедленному забою.

Когда эти величественные животные безропотно шагали в кузов грузовика-скотовоза, у нас сердце обливалось кровью. Мы приучились воспринимать как должное, что время от времени тех или иных животных приходится отправлять для продажи на рынок, а то и на бойню, если неизлечимо заболел. Но чтобы коров, выглядящих совершенно здоровыми... Нет, это не укладывалось в голове, но у нас не было выбора. А самое прискорбное то, что, когда туши забитых животных были подвергнуты лабораторному анализу и культуры подросли, никакого туберкулеза там не обнаружили. Значит, зря загубили коров. Все же мы считаем, что такое тестирование необходимо,— еще в 1940-е годы в некоторых стадах число больных животных достигало сорока процентов, теперь же оно сократилось до четырех на тысячу.

Но увы, неприятности на этом не кончились. Дело в том, что министерство сельского хозяйства проводит такую политику: при обнаружении туберкулеза на какой-либо из ферм с разрешения хозяина уничтожаются и все живущие на терри-

тории барсуки. Раньше их истребляли газом, теперь отлавливают и стреляют. Тестировать на туберкулез живых барсуков невозможно, значит, нужно сперва отстрелять, а уж потом подвергнуть анализу. Нечего и говорить, что гибнет множество здоровых барсуков. Кроме того, бывает, что один барсук попадет в капкан, а остальные разбегутся на соседние территории. Начнутся драки с местными барсуками, и через ссадины разнесется зараза. Еще один вариант — по ошибке уничтожат здоровую семью барсуков, а на ее месте поселится больная. У многих членов Групп по защите барсуков такие меры вызывают ужас; не говоря уже о колоссальном моральном ущербе, отстрел каждого барсука в пораженных туберкулезом регионах обходится ни много ни мало в три тысячи фунтов стерлингов (выражаясь языком канцеляристов, сюда входит оплата человеко-часов и амортизация оборудования), не считая компенсаций, выплачиваемых фермеру за забитый скот.

Олени и другие дикие животные также могут быть переносчиками этой страшной болезни, но данная проблема пока недостаточно исследована. В итоге козлами отпущения оказались барсуки, хотя нет доказательств, что их уничтожение снижает численность заболеваний туберкулезом: корова может заразиться от барсука или от другой коровы, а также от человека, и наоборот. Ну, а тестирование крови, вопрос о котором решается в правительстве, не выявляет «спящую» до поры до времени бактерию, а следовательно, и бациллоносителей. Министерство сельского хозяйства Ирландии проводило в течение двух-трех лет эксперимент, пытаясь скармливать барсукам вакцину: ее приготавливали в виде капсул, глазировали шоколадом, смешивали с земляными орешками и давали животным. Есть надежда, что таким путем удастся предотвратить распространение туберкулеза среди барсуков. К сожалению, официальные результаты эксперимента до сих пор не обнародованы, а дело ведь многообещающее!

Конечно, вопрос это очень трудный. Но одно ясно: деньги, которые идут сейчас на умерщвление животных, нужно тратить на научно-исследовательские работы или, по крайней мере, на повышение качества диагностики, чтобы не давать напрасно гибнуть незараженным барсукам и коровам.

В это лето через наши руки прошло немало барсуков, в том числе молодой красавец, которому я дала имя Тизел¹.

¹ Teasel (англ.) — растение ворсянка.

Этот барсук, как и многие другие, пострадал под колесами автомобиля; потом его подобрали отдыхающие, возвращавшиеся домой с прогулки. Найдя в округе ветеринара, они оставили у него животное для оказания срочной помощи, а сами отправились восвояси. Никто не догадался ни спросить их имена, ни разузнать, в каком месте они нашли барсука,— так что получается, этот малый, как и Венди, потерял свою территорию. Я попыталась подружить его с Блюбелл точно так же, как прежде Маффина, и после традиционного выяснения отношений языком фырканья и шипения они приняли друг друга. Ему едва исполнился год, но он был очень застенчив и болезненно реагировал на необычные звуки. На этот раз Блюбелл спокойно отнеслась к новичку, и вскоре они уже ложились спать вместе, свернувшись калачиком. Похоже, им было очень хорошо, и хотя я старалась не контактировать с Тизелом (чтобы не очень его к себе привязывать), он привык к тому, что я время от времени отворяю дверь в барсучье жилище. Блюбелл оставляла его и бежала ко мне, а затем, наигравшись со мною всласть, возвращалась к своему сородичу (а он все это время даже не давал себе труда поднять голову).

Мы нередко задумывались над тем, будут ли у Блюбелл дети; особенно актуальным этот вопрос стал теперь — ведь мало того, что она бродила где вздумается, так ей еще и кавалеров на дом доставляли! Ответ на этот вопрос мы получили не скоро...

Я где-то читала, что в зимнюю пору барсуков лучше не тревожить, так что и в ту памятную зиму 1991 года я редко заходила к ним в гости. Как-то в начале января к нам приехали друзья — Боб и Дженни с детьми, мечтавшими посмотреть на зверей.

— А барсуков увидеть можно? — с надеждой спросила Дженни. Они запомнились ей, когда были еще крошками.

— Можно, если будете вести себя тихо,— ответила я. На радостях Дженни наказала детям вести себя тише мыши! И еще тише!

Я открыла дверцу, ведущую к гнезду, и мы все выстроились вдоль стекла, отделявшего нас от барсуков. Блюбелл дрыхла без задних ног на своей половине, а Тизел — на своей. Он спал, вытянувшись на спине, но, как тихо мы себя ни вели, все-таки проснулся и, испугавшись нашего неожиданного вторжения, юркнул в нору. Я отомкнула дверцу и позвала Блюбелл — пусть подойдет поприветствовать нас, но, к моему удивлению, она даже не пошевелилась. Это насторожило

меня — может, я что-то проморгала? Я вошла и погладила ее — рука почувствовала холод, даже соломенная подстилка показалась мне теплее. Неужели умерла?! С другой стороны стекла за мной напряженно следили глаза гостей, и я сказала им, что она утомилась и лучше прийти как-нибудь в другой раз — авось тогда она встретит нас приветливее. Заперев дверцу, я повела гостей в дом пить чай, стараясь не выдать тревоги, охватившей мою душу.

К счастью, семейство, пробывшее с нами целый день, вскоре отбыло восвояси. Проводив их, мы с Дерекком тут же бросились к барсучьему гнезду. Тизел по-прежнему скрывался где-то в норах; я же кинулась к своей Блюбелл и взяла ее на руки... Нет, жива: выгнула спину, подняла голову, взглянула на меня, но, похоже, не узнала. Я плавно опустила ее на пол и накрыла соломой.

Вернувшись в дом, я позвонила Дагу — спросить в чем дело. Он объяснил, что, хотя барсуки и не впадают в спячку, они в это время года спят особенно глубоким сном и иногда по нескольку дней, а то и недель не высовывают носу из норы. Так-то так, но вопрос, просто ли Блюбелл впала в глубокий сон или серьезно заболела, остался открытым. С одной стороны, не хотелось беспокоить ее, с другой — вдруг она нуждается в медицинской помощи?! Коль скоро она не теряла в весе и аппетит у нее был по-прежнему отменный, я решила оставить ее в покое — пусть все идет своим чередом, как предписано природой. Назавтра она снова проспала весь день, но, когда я пришла к ней на третий день вечером, она бодрствовала да еще до отвала наелась бобов.

Для барсуков характерна так называемая «отложенная имплантация» — это значит, что эмбрион может оставаться в теле самки, не развиваясь до поры до времени. Предполагается, что это происходит, когда в теле барсука запасено недостаточно гормонов. Ну а в период подготовки к зиме, когда барсук стремительно набирает вес, гормоны запасаются в жировом слое. В зимнюю пору тело барсучихи питается за счет накопленных запасов жира, при расходовании которого значительная часть гормонов высвобождается и циркулирует по организму. Это приводит к имплантации и началу роста зародышей, так что, вне зависимости от того, когда произошло зачатие, барсучата появляются на свет по большей части в январе — феврале.

Однажды вечером в конце февраля я вывела Блюбелл на прогулку — мне и в голову не приходило, что она на сносях: брюшко у нее было хоть и жирненькое, но плоское. На сле-

дующий день нас ожидал сюрприз: Дерек, первым вошедший в барсучье гнездо, увидел, как Блюбелл причесывает языком двух малышей. Он тут же кинулся ко мне, а я в это время разговаривала в конторе с нашими работницами Джин и Эдной. Мы все вместе бросились смотреть на прибавление барсучьего семейства. К тому моменту Блюбелл уже причесала своих крошек и устраивала себе круглую постель из соломы. Улегшись полумесяцем и уткнув голову в передние лапы, она была похожа на тихую бухту, защищавшую детенышей. Мы долго не могли налюбоваться на эти покой и умиротворение, на сбывшуюся наконец мечту. При мягком свете лампочек, освещавших гнездо, мы наблюдали, как копошатся барсучата, отыскивая соски, — а ну, кто быстрее! Но вот они благополучно присосались, энергично заработали крохотными розовыми язычками и при этом плавно поглаживали мамино брюшко лапками, подгоняя молоко. Детеныши, едва ли четырех дюймов в длину каждый, были совершенно розовыми, без всяких иных отметин. Мы были потрясены.

Я тут же позвонила Дагу и поделилась с ним новостью. С того времени, как мы обнаружили Блюбелл в заторможенном состоянии, прошло семь недель и два дня. Джин поутру ушла решать кое-какие вопросы с банковскими счетами, а возвратилась с бутылкой вина и открыткой, поздравляющей тех, у кого родились близнецы, каковую мы и прикрепили на стекло, отделяющее нас от жилища Блюбелл.

Людам редко удается увидеть барсучат, потому что рождаются они глубоко под землей (тут едва ли скажешь «появляются на свет!»). Разве что кто-то наткнется на них случайно. А мы имеем счастье наблюдать, как они подрастают, и при этом не тревожить мамашу! Я долго не мыла стекла, через которые мы смотрим на барсуков, так они успели зарости грязью; но я решила подождать еще пару дней. Вопрос в том, как на мое вторжение отреагирует Блюбелл. И вот, вооружившись тряпками и чистящими средствами, я вошла к ней в жилище... Блюбелл немедленно выскочила мне навстречу, стряхнув присосавшихся к ней детенышей; они протестующе заверещали. Бросившись мне под ноги, она обнюхала мои туфли — и, слава Богу, этим и ограничилось. Я не пыталась приближаться к детенышам — едва домыв стекло, я выскочила вон. Барсучиха как бы намекнула мне: делай что хочешь, но детей моих не трогай. Такое вот мы с ней заключили джентльменское (точнее, дамское) соглашение. Вернувшись к себе в «палату», Блюбелл как следует перетряхнула соломенную постель, привела ее в порядок и, улегшись, подтащила

детенышей своими могучими когтями (которые, оказывается, могут быть такими ласковыми!). У детенышей, которым уже исполнилось три дня, на голове хоть и слабо, но начала обозначаться полоса, а на тельце — чуть-чуть пробиваться шерсть. Как только они оказались в тихой гавани материнского тела, верещание стихло. Детеныши были еще совершенно слепыми и глухими, и их защита полностью зависела от матери. В иных книгах можно прочитать, что барсучиха спит не вместе с детенышами, а отдельно от них, но Блюбелл спала только с ними, и, даже когда им стукнуло восемь месяцев, они по-прежнему спали в одном помещении, сбившись в клубок.

С каждым днем барсучата все крепили, но только в четырехнедельном возрасте они научились реагировать на звуки и лишь на шестой неделе стали видеть и походить на настоящих барсуков, хотя и миниатюрных. На наших глазах детеныши сделали свои первые шаги, начали играть, катаясь кувырком, точно щенята, и натываясь на специально положенные корни деревьев, а потом мамаша с волнением уносила их прочь. Порою они бывали особенно шаловливы днем; бедная Блюбелл хотела спать, да разве уснешь, когда тебя теребят зубками за уши и щекочат коготками брюхо: мол, проснись, поиграй с нами! Но если уж Блюбелл заснула, можете о ней позабыть. Дело обычно кончалось тем, что барсучата капитулировали и заваливались спать прямо поперек ее тела, а ей хоть бы хны. Только раз был случай, когда Блюбелл отправилась меня встречать, а один из детенышей последовал за нею. Взволнованный тем, что попал на новую территорию, он носился вокруг мамаша, точно шмель, верещал от радости и даже прыгал через мои туфли, совершенно не желая принимать в расчет мое присутствие. Я и не пыталась до него дотронуться (воображаю, какая бы в этом случае последовала реакция со стороны Блюбелл!), но все же мамаша поспешила увести его назад. Больше у меня контактов с ними не было — я, конечно, входила в гнездо, мыла стекла, не говоря уже о том, что ежедневно оставляла им пищу, но не общалась с ними, чтобы они остались дикими. Так будет лучше, если я хочу, чтобы они выжили в дикой природе. Я знала, что один из детенышей — самец, но поскольку они при мне ни разу не ложились пузом кверху, я не была точно уверена, у кого какой пол. Поэтому мы нарекли их нейтральными именами — Бракен и Ферн.

К тому времени я за свои прегрешения получила пост секретаря сомерсетской Группы по защите барсуков. Заседание комитета решили провести прямо на ферме. Прибыл Даг и сообщил, что один из членов комитета, Пат Тернер, задерживается: на дороге автомобилем сшибло барсучиху, и три дня спустя выяснилось, что у нее остались двое детенышей, вопящих от голода. Он и его помощники надеялись отловить детенышей, если те вылезут на поверхность, но те день ото дня становились все слабее.

Наше заседание началось.

Тут во двор фермы влетела машина — это приехал Пат. Он привез с собой еще одну нашу коллегу, Кэти, прижимавшую к себе (невзирая на блох) истощенного и жалобно кричавшего барсучонка — увы, только одного! Жильцы дома, возле которого произошла трагедия, обещали поискать другого, но так и не нашли — по-видимому, он так и остался навеки под землей. Я ввела детенышу под кожу целительную жидкость, завернула его в чистое одеяло, положила водяную грелку и позвонила в ветеринарную клинику. На дежурстве в тот момент был Колин, и, как всегда в таких случаях, мы договорились встретиться в клинике. О заседании все позабыли начисто: я велела продолжать без меня, а сама покатила к врачу. Всю дорогу барсучонок (это был мальчик) жалобно кричал. Осмотрев его, Колин решил поставить капельницу, и я вверила барсучонка его попечению.

Когда на следующий день я приехала его забрать, он выглядел уже гораздо лучше, живее, а еще вчера тусклые глаза ярко заблестели. Шерстка у него пробивалась, точно колючки, и за это он получил имя Тистл — Чертополох. Он был на пару недель старше детенышей Блюбелл, но и этой разницы оказалось достаточно, чтобы он не смог привязаться ко мне так же, как они и другие барсуки. Поэтому я никогда не выходила с ним гулять. И все-таки он был очень забавным барсучонком, хотя пугался неожиданных шумов или движений — что ж, так и нужно, чувство страха свойственно всем рожденным в дикой природе! Полный жизни, Тистл был готов на любые проделки, доказательством чему служит дырка в коврике, который когда-то лежал у нас на кухне. Однажды ночью он прокопал ход в кухню, нашел там щель между досок в полу, а поскольку она была закрыта ковриком, ему ничего не оставалось, как прогрызть в нем дыру. Слава Богу, поутру, готовя завтрак, я обнаружила эту дырку и в продолжение всей утренней трапезы не вылезала из-за стола, зажимая дырку ногой, чтобы Дерек

ничего не заметил. А потом съездила в лавку и купила новый коврик.

Между тем барсучонок хорошел на глазах — кто бы узнал в этом карапузе прежнего заморыша? Вот только шерстка у него по-прежнему торчала, так что, как выяснилось, имя мы ему дали подходящее. Настало время переводить Тистла в загон, но я боялась, что он пропадет там в одиночестве. Как всегда, помог случай. Мне позвонила Сью Бойс Коуркис из уилтширской Группы по защите барсуков. Они подобрали крохотную барсучиху, попавшую под машину, и хотя ее удалось выводить, у нее обнаружили странности в поведении: она не играла, не прихорашивалась и даже не верещала на своем барсучьем языке. Мы подумали: а не поместить ли их в один загон с Тистлом? Может, он пробудит ее к нормальной жизни? Сью и ее супруг Майк привезли нам детеныша на следующий день. Тистл, к большой радости Дерека, был наконец удален из дома и помещен в загон; туда же поселили и Милли. Она была чуть моложе Тистла, у нее была более стройная фигурка и изящная, чуть скуластая мордочка, как и положено барсучихе. Тистл и Милли сразу понравились друг другу и на глазах обрадованной Сью свернулись в один клубочек. Я подумывала о том, чтобы со временем поместить их в одно гнездо с Блюбелл, но как это сделать, я еще не сообразила: ведь мне меньше всего на свете хотелось беспокоить Блюбелл и ее детенышей.

В течение нескольких вечеров я наблюдала сквозь решетку, как развивались отношения у Милли и Тистла. Бывает и так, что барсуки, которые дерутся друг с другом, все же спят в одном помещении, и потому важно наблюдать за ними, когда они бодрствуют. Поначалу Милли не обращала ни малейшего внимания на попытки Тистла заигрывать с нею. Ложась на бок, он слегка рыл землю передними лапами и мордой и перебрасывал комья через подругу; она же, уткнувши мордочку в передние лапы, только постанывала: ой, как он мне надоел! Но в чем Тистлу нельзя было отказать, так это в настойчивости, и вот уже несколько вечеров спустя я имела удовольствие наблюдать, как они сперва причесывали друг друга, а затем бегали, точно щенята, играя в барсучью чехарду. Право, барсуку противопоказано одиночество, ему нужна компания! Поэтому, когда я снова ездила к Колину показать ему сипух, я охотно взяла у него барсучонка-мальчика, чтобы поселить в одном загоне с Тистлом и Милли. Отдел дикой природы Общества покровительства животным, помимо всего прочего, занимается тем, что подбирает группы барсуков, потерявших

свои земельные владения, и выпускает их на территории, которые держит под наблюдением. Они только что подыскивали участок для последней остававшейся у них барсучьей семьи, а после к ним поступил этот барсучонок, и они не знали, что с ним делать. Уильям был всего на две-три недели моложе Милли и Тистла и потому чуть меньше ростом, зато ничуть не уступал им в смелости — он плевался и фырчал не хуже взрослого барсука. Мы поместили его в загон к Тистлу и Милли, и вскоре они свернулись в один клубок, а вечером он быстро подключился к их играм.

Все это время Блюбелл не подпускала Тизела к детенышам, и ему приходилось спать в другом помещении. В дикой природе барсук-самец не допускается в нору, когда у самки детеныши, и самцы в это время обычно скитаются по полям и лесам — только часть из них выживает, вот почему по весне находят немало мертвых барсуков. Как-то вечером я пошла проведать моих питомцев, и вдруг из загона до меня донесся страшный шум. Я со всех ног бросилась туда и при тусклом свете лампочек разглядела, как Тизел таскает за шиворот одного из детенышей Блюбелл. Детеныши, которым стукнуло уже десять недель, свободно бегали по всему гнезду и загону. Так и в дикой природе барсучата примерно с восьминедельного возраста начинают вылезать из норы и исследовать окрестности, но не иначе как под присмотром мамы-защитницы. Однако Блюбелл почему-то не замечала творившегося безобразия. Я прикрикнула на Тизела, чтобы тот оставил детеныша в покое, и только тут она очухалась; поняв, что я рядом, она кинулась ко мне узнать, не принесла ли я поесть. Специалисты, ведущие наблюдения за барсучьими семьями, отмечали случаи, когда детеныши исчезали из гнезд; по-видимому, иногда в этом повинны самцы.

Я разговаривала со многими людьми на эту тему и услышала несколько гипотез о причинах разногласий между самцом и детенышами. Похоже, через десять недель после родов у Блюбелл началась течка и детеныши стали помехой самцу, желавшему вступить в брачные игры. Второе предположение — у Тизела, который был еще юн, не доставало терпения, как у более зрелого самца, и он во что бы то ни стало стремился доказать свое превосходство. Ну а может быть, такая уж у него скверная натура, и он в любом случае напал бы на детенышей. Ясно было одно: если Тизела оставить в одном гнезде с Блюбелл, он погубит детенышей.

Ситуация дошла до критической точки в субботу вечером, когда я, устав за день от наплыва посетителей и с трудом дождавшись конца работы, пошла запирать барсучатник. И что я вижу? Шея у одного из детенышей так жестоко покусана, что требуется наложить швы. Произошло это буквально секунду назад: кровь так и струилась на солому. Предстояло каким-то образом вытащить из гнезда барсучонка, с которым я прежде не контактировала, и сделать это так, чтобы Блюбелл не смогла этому помешать. Естественно, я прежде всего позвонила в ветеринарную клинику узнать, есть ли там врач, способный зашить рану. Трубку взяла находившаяся на дежурстве доктор Никки; она любезно согласилась подождать, пока я привезу крохотного пациента, и я попросила Симона помочь мне его поймать. Почему Симона, а не Дерек? Напоминаю, день был субботний. А где проводит каждую субботу Дерек? Правильно, на поляне для крикета!

План у меня был такой: сначала ввести снотворное Блюбелл. А как это сделать? Я столько раз играла с нею, но ни разу не пыталась ограничить ее движений. Значит, сделать это нужно с первой попытки: если мне это не удастся и она убежит, я окажусь в еще более сложном положении. Симон ждал меня за стеклом со шприцем наготове, пока я поймала барсучиху и вытащила. Он подержал ее за загривок, а я меж тем ввела снотворное; через пять минут она была уже достаточно вялой, чтобы мы могли войти и отловить барсучонка — естественно, не забыв предварительно надеть прочные перчатки. Я представляла, в какое негодование придет моя разлюбленная Блюбелл, если очнется раньше, чем мы вернемся от врача. Запихав детеныша в ящик, мы заперли барсучатник, храня надежду, что Блюбелл не хватится детеныша раньше, чем мы приведем его. Мы сами взвесили барсучонка и ввели ему снотворное, чтобы Никки могла безотлагательно приступить к делу. Пока лекарство не возымело действия, барсучонок отчаянно вопил, протестуя против столь непочтительного обращения, а может — от страха. Но когда он внезапно затих, у меня мороз пробежал по коже: вдруг переборщила с дозой снотворного! Весь остаток пути молила Бога: только бы остался жив!

Никки тут же села за работу, не забыв при этом прокомментировать: «Ты когда-нибудь видела столько блох?»

Работа горела у нее в руках, и вскоре я уже летела к дому, по-прежнему не зная, что делать дальше. Поместив барсучонка в отдаленный уголок, я отправилась в барсучатник посмотреть, как там Блюбелл. В гнезде ее не было, она куда-то убежала.

У меня душа в пятки ушла, когда я увидела, что и второй детеныш тоже покусан и теперь забился в угол и дрожит от страха. Пока Блюбелл не вернулась, я вытащила барсучонка вместе с одеялом, на котором он лежал. Все решали мгновения. Отнеся барсучонка в комнату для больных животных, я обнаружила, что ссадины не такие уж серьезные, но лучше все-таки ввести антибиотик. К тому времени Симон тоже ушел, так что дома никого не было; я решила изолировать «владение» Тизела от остальной части гнезда (а где я раньше-то была?), вымыть барсучонка и ограничить свободу передвижения Блюбелл и ее детенышей ее собственными «палатами», а завтра решим, что делать с Тизелом.

Пока я возилась в барсучатнике, солнце клонилось к закату, так что было самое время идти закрывать кур. Все бентамки находились в полной безопасности, и я отправилась в сад, чтобы запереть гусятник и большой курятник. Тут я застигла на месте преступления Трипод (помните такую лисицу — она у меня удрала весной того же года). Она волокла за шею петуха-брама. Увидев меня, она сообразила, что лучше унести ноги, чем добычу, — бросив беднягу на траву, она задала стрекача, только пятки сверкали. Подобрал еще живого петуха, я заперла гусятник и курятник и отнесла птицу все в ту же «больничную палату», где поместила в загон с обогревом. Большого я для него сделать не могла — у него были повреждены мышцы шеи. И все-таки петух очухался и дожил до почтенных лет.

Теперь настала очередь заниматься барсучонком. Я завернула его как следует в одеяло, оставив незакрытым только раненое место, и обработала рану. Теперь я знала, что оба барсучонка — мальчики. Положив детеныша обратно в гнездо, я решила подождать до утра.

Как вы поняли, суббота — святой для Дерекса день, и все заботы по дому — мытье полов, запираание курятников и прочее — сваливаются на меня. Зато уж воскресенье — святой день для меня. В эту разнесчастную субботу, со всеми ее тревожностями, мытье полов затянулось — в полдвенадцатого ночи вваливается Дерекс, а я все мою пол. Очевидно, игра продолжается и после того, как стемнело, а потом ведь нужно детально обсудить партию в целом и каждый удар в частности. Обычно это происходит в ближайшем кафе. «Сейчас я приготовлю тебе чашечку кофе», — сказал он, как бы извиняясь за то, что шатался чуть ли не до полуночи, а я до сих пор в делах.

Когда я поднялась наверх, мой кофе уже давно остыл, а разбросанная повсюду одежда говорила о том, что Дерек завалился спать. Я снова сварила кофе, подогрела еду и только собралась было расслабиться и отдохнуть, как вдруг мелькнула мысль: все ли я курятники закрыла?! А то ведь знаете, рыжие плутовки не дремлют. Я накинула куртку и побежала во двор. Ночь была светлая, луна освещала мне путь через яблоневый сад. Слава Богу, курятники оказались в порядке. Вернувшись домой, я заперла двери и только уселась за еду, как до меня донеслось жалобное блеяние.

Я насторожилась и прислушалась. Звуки раздавались не в саду, где находились овцы, а где-то около дома. Оказывается, ягненок соскользнул в канаву и хоть и выбрался оттуда, но с другой стороны, а потому не мог найти дорогу к своим. Я попыталась вывести его через ворота, но голос матери звал его в противоположном направлении (где пройти никак было нельзя), и он всякий раз убегал назад, вдоль живой изгороди. Я представила себе, как Дерек, блаженно свернувшись калачиком в постели, досматривает уже, верно, десятый сон. Ну, еще одна попытка, решила я, если не удастся, я разбужу его и позову на помощь. Слава Богу, мне удалось вытолкать ягненок за ворота, а навстречу уже бежала счастливая мамаша. Не распалась семья! — вздохнула я с облегчением, вернулась домой и в который уже раз села за ужин. Было около часа пополудни. На сей раз ничто не помешало мне закончить еду и нырнуть в постель.

— Что-то ты сегодня припозднилась, — пробурчал потревоженный Дерек, повернулся на другой бок и захрапел — со вкусом, но что-то слишком громко. Э, так, думаю, не уснешь! Какая сила удержала меня от того, чтобы закрыть ему лицо подушкой, одному Богу известно.

Следующий день прошел под знаком перемен. Тизел был выселен из гнезда, а после небольшой перепланировки в комнатах разместили Тистла, Милли и Уильяма. Тизела поместили в штрафной изолятор, то бишь в загон, где мы обычно держим выздоравливающих животных и где прежде находились трое вышеназванных барсучонка. Блюбелл проявила к соседям большой интерес, ни в чем не выказав раздражения. Тизелу предстояло пробыть в загоне пятнадцать суток, а после этого мы открыли дверцу — пусть возвращается к коллективу, если захочет. В первый день он действительно вернулся, а затем удрал насовсем. Куда — неизвестно. У него оставалась возможность «перенюхиваться» с Блюбелл через проволоку, он мог занять сооруженное ею «на всякий случай» гнездо —

но предпочел уйти. В конце концов, он знает, как найти ферму, захочет — вернется, не захочет — его дело. Мы каждый вечер оставляли для него еду возле загона, и каждый раз ее кто-то съедал, но кто — так и осталось тайной.

Прошла еще неделя, и я решила заменить проволочную дверцу, отделявшую Блюбелл с детенышами от трех других барсучат, на деревянную с круглым шестидюймовым лазом: если барсучата захотят, они могут пойти в гости к Блюбелл, а если та почему-либо их не примет, — беспрепятственно вернуться к себе: Блюбелл не сможет их преследовать, поскольку через такой маленький лаз ей не проскочить. Первым в «палату», где спали Блюбелл и детеныши, вошел Тистл и, шмыгая носом, собрался устроиться спать вместе с ними. Я не верила своим глазам: неужели все так просто?! Как бы не так! Блюбелл мигом почувствовала вторжение чужака, и вся идиллия мигом нарушилась. Тистл шмыгнул через лаз на свою половину, где оказался в полной безопасности и в компании друзей. Потом я весь день не спускала глаз с барсучатника, но никаких событий там больше не происходило.

Впрочем, нет. Проходя мимо с ведром воды, я заметила какую-то возню. Оказывается, Блюбелл пролезла-таки через отверстие в «палату» к троим барсучатам! Со страху бедняжки спрятались в одну из нор и сидели там, точно ряд сосисок в упаковке. Каким образом Блюбелл удалось проникнуть туда, для меня остается загадкой, но, хотя и с превеликим трудом, она в этом преуспела. Теперь же, разгоряченная, она тяжело дышала. Я вытурила ее вон; она же, споткнувшись о ведро с водой и опрокинув его, забавно распласталась на спине, точно панда; отчего бы не прохладиться в луже? Вскипели, а теперь остыньте, разлюбезная Блюбелл!

И она действительно остыла! Поняв это, я убрала все двери, и теперь Блюбелл, поначалу вылизав своих детенышей, отправлялась в соседнюю «палату» и вылизывала трех других. Любо-дорого было посмотреть, как все пятеро барсучат играли и прихорашивались, и думаю, далеко не все посетители осознавали, какая им выпала удача.

Однако в августе несколько недель подряд стояла очень жаркая погода, и барсуки забились в подземные ходы — возможно, чтобы быть ближе к отверстиям, куда проникал свежий ветер. Таким образом, при наличии целых шести барсуков мы не могли показать ни одного. Интересно, а как они в такую погоду ведут себя в дикой природе? Тоже выбирают поближе к поверхности?

Расскажу еще о нескольких барсуках, которые особенно запали в душу. К их числу принадлежала барсучиха по кличке Сноудроп — Подснежник. Ее сшибла машина, и она долго пролежала без сознания на обочине; за это время птицы успели выклевать ей один глаз. Поначалу мы предположили, что это детеныш, так она была мала; ее организм был столь сильно обезвожен, что я прямиком повезла ее к Бэрри. Осмотр показал, что она — кормящая самка, но ее слабосильный организм в любом случае не мог бы выкормить детенышей, и их, вероятнее всего, уже не было в живых. Ветеринар поместил ее под капельницу, а по прошествии трех дней, когда ее состояние улучшилось, вернул мне.

Приехав домой, я положила ее на свежую соломенную подстилку в загоне для выздоравливающих. Она тут же свернулась в тугой шарик и уткнулась носом в брюхо, словно демонстрируя свое нежелание жить. Она была до того тощей, что кости проглядывали сквозь свисавшую кожу. Даже окраска ее шкуры была скучной и безжизненной. Она отказывалась от пищи и воды, и, чтобы хоть как-то поддерживать в ней жизнь, я вводила ей под кожу питательные растворы. Я, как могла, пыталась успокаивать ее, говоря ласковые слова, но она по-прежнему выглядела несчастной, и я почти не сомневалась, что она не выживет. Тут оказался кстати ценный совет Сандры из Отдела дикой природы: намешай фирменный продукт «Комплан» с медом и взбитым яйцом и впрыскивай с помощью шприца ей в рот. И представьте, помогло: почувствовала, что вкусно, и сглотнула. Эту операцию я проделывала шесть раз в день; на третий день она уже стала поднимать головку, когда я входила в загон. С каждым разом все ниже держа шприц со вкусятинной, я в конце концов приучила ее есть с тарелки и начала замечать, что ей становится все лучше. Она постепенно прибавляла в весе, но редко бегала по загону, а хуже всего было то, что ее никак не удавалось приучить есть твердую пищу. Однажды Бэрри пришел ее проведать; я боялась, как бы он не поставил ей диагноз — повреждение мозговой деятельности, но он сказал только: понаблюдайте за ней еще немного, а там видно будет. Шкурка у нее уже лоснилась, и она даже стала интересоваться тем, что я делаю, хотя была по-прежнему малоподвижна. После двух месяцев кормления упоминавшимся выше деликатесом я попробовала было поморить ее голодом, чтобы приохотить к твердой пище, — ни в какую!

...Пришел сентябрь с нежными утренними туманами и осенними оттенками. Настало время открывать «барсучьи во-

рота» — пусть детеныши выглянут в широкий мир. В первую «ночь свободы» Блюбелл пришла к нам в дом, а барсучата откочевали куда-то далеко. К утру все вернулись, облепленные с ног до головы грязью, — да, видно, славно попутствовали! Явившись, они устроили кучу малу, причем те, кто оказался внизу, во что бы то ни стало порывались выбраться наверх, так что схватка оказалась нешуточной. Вскоре по саду пролегли их привычные тропки, и моя мама, которая так лелеяла свой уютный садик, пришла в негодование, когда увидела, что многие растения вывернуты с корнем. А что делать, если там, под корнями, такие вкусные жучки и червячки! Эти ценные находки еще больше вдохновляли барсучат. На лужайке появились отверстия для дыхания, а кучи земли, нарытые позади сенного сарая, свидетельствовали об активизации работ по постройке нового гнезда. Тем не менее барсуки до конца ноября продолжали возвращаться в свое прежнее жилище.

Сноудроп, разжиревшая, как горшок масла, по-прежнему находилась на жидкой диете, когда мне привезли еще одну барсучиху, которая, правда, побыла у меня совсем недолго. Джоуджоу, как и многие другие мои подопечные, была сбита машиной близ Каннингтона, у нее оказалась сломана передняя нога и вывихнуто бедро. Но станет ли эта крупная барсучиха подругой Сноудроп? Ведь, как эта последняя ни разжирела на хозяйском меду и патентованных харчах, сама природа предназначила ей быть subtilной, так что она по-прежнему была вдвое меньше. Поначалу они, как и ожидалось, спали друг к другу спиной, отгородившись стеной из соломы, но прошло всего несколько дней, и они признали друг друга, а стена исчезла. Но и это не все — то ли Сноудроп сочла Джоуджоу конкуренткой в еде, то ли просто перестала капризничать, но от твердой пищи больше не отказывалась. Прошло еще два месяца, и Джоуджоу была совсем здорова, так что можно было выпускать ее на родную территорию. После этого Сноудроп недолго оставалась в одиночестве: ко мне, опять-таки через Общество покровительства животным, поступил барсук, которого я назвала Уит — Пшеница.

Прежде чем выпускать Джоуджоу, я специально съездила гуда, где ее нашли, чтобы отыскать ближайшее к тому месту барсучье гнездо. Когда же торжественному моменту настало время свершиться, с нами поехала ветеринарная сестра из клиники Колена Читэма по имени Бекки — она подобрала в свое время эту барсучиху и, естественно, заслужила право увидеть, как та обретет свободу, не говоря уже о том, что она

одна точно знала место. Бекки — миниатюрная длинноволосая женщина, одержимая страстью к животным. У нее восемь собак, множество крыс и мышей и все понимающая мама. Мы не могли не обратить внимания, что Джоуджоу вела себя смиренно, пока ехала в ящике на заднем сиденье, но только мы прибыли на место и поставили ящик на траву, как она пришла в экстаз. Она почувствовала, что она дома! Когда мы открыли переднюю стенку ящика, она вышла, задержалась на секунду и глянула на нас, а затем шмыгнула сквозь кустарник и скрылась в норе, которую долго искать не пришлось.

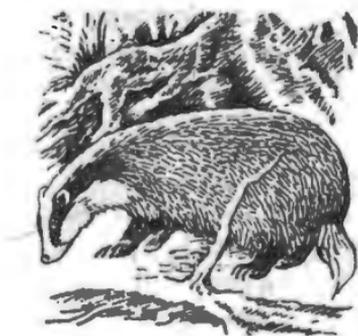
По дороге домой мы с Бекки горячо обсуждали, какая это прелесть — возиться с братьями нашими меньшими. В это время предметом особой заботы Бекки была собачонка, которую она взяла из Дома собаки и кошки при Обществе покровительства животным. Бекки объяснила, что ее подобрали в заброшенном кемпинге, и с тех пор у нее появилось четверо щенят. Какой она породы — трудно сказать: мама у нее — помесь пуделя с йоркширским терьером, а папа — такс; все щенки получились разные, и ей пока не удалось ни одного пристроить. Надо ли говорить, что я клюнула на приманку, заглотнув ее вместе с крючком, леской, поплавком и удилищем, и вернулась домой с лохматой шавкой, которую мы назвали Поллианна (в честь теледиктора Ланн Полли, которую так любит передразнивать Дерек, а потом вдруг возьмет да выключит телевизор: мол, Ланн Полли появляется и исчезает по моему желанию!). Она и теперь моя любимица — такая милашка! Уже выросла, а все играет, как щенок!

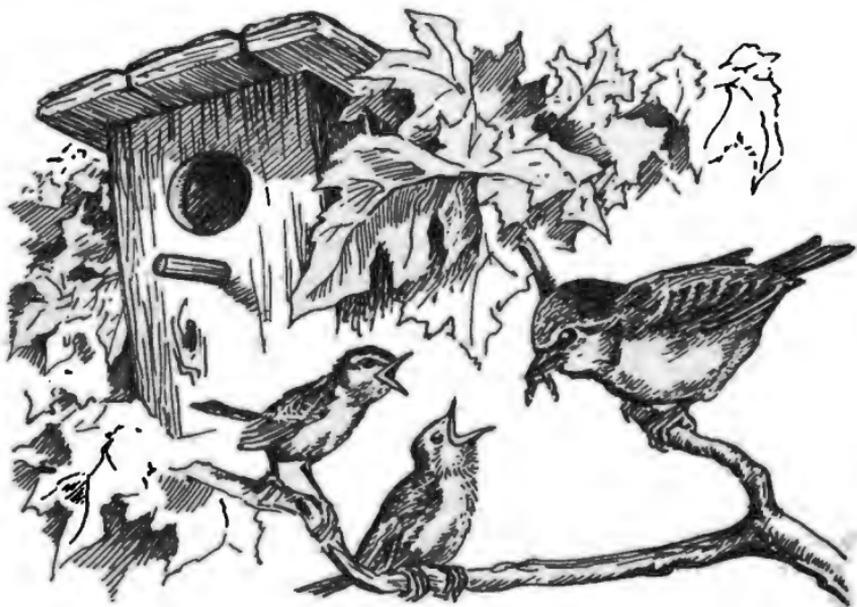
Итак, начиная с ноября количество барсуков в нашем искусственном гнезде варьировалось — отчасти потому, что барсуки начали разбегаться и устраивать себе жилища вокруг фермы. Время от времени они по-прежнему забредают к нам во двор, но они стали по-настоящему дикими, и ни один не выказывает такой преданности, как Блюбелл.

По весне у меня возник план поселить Уита и Сноудроу вместе с Блюбелл, так как у последней не народилось новых барсучат. Каждое утро я осматривала сперва Блюбелл, а уж затем остальных барсуков. Но по мере приближения марта месяца я стала сознать, что в 1993 году у Блюбелл потомства не будет. А если уж честно, откуда ему было взяться? Она месяцами жила одна в своей «палате», никаких самцов со стороны.

Ну, а Уит и Сноудроп жили у меня в загоне для выздоравливающих. И вот в один прекрасный день я обнаружила, что они спят не вместе, свернувшись, как обычно, калачиком, и по разным углам загона, и тут я увидела на полу кровь. «Неужели подрались?!» — мелькнула мысль. Присмотрелась — и вижу: два крохотных барсучонка копошатся между передними лапами Сноудроп. Вот уж никогда бы не подумала, что у Сноудроп могут быть дети — она поступила ко мне такой больной! Новоявленная мамаша подняла голову и взглянула на меня, и хотя один глаз у нее был закрыт, она все равно казалась красавицей — в первую очередь от гордости за свое потомство.

Я наблюдала за тем, как детеныши подрастали, как не могла нарадоваться на них родительница. Малышам (а это были мальчик и девочка) я дала имена Даск и Доун (Сумрак и Заря). Когда я смогу даровать им свободу, это будет началом другой истории — истории успеха моего дела! А пока что все силы нужно сосредоточить на том, чтобы Сноудроп оставалась такой же здоровой и счастливой, как сейчас.

Глава десятая
ВЫ ЭТО ТОЖЕ МОЖЕТЕ!

Мои родители встретились в годы войны — тогда оба служили в полиции в Грейвсэнде. Поженились в 1941-м, после чего война разлучила их на три года: папа добровольцем вступил в Королевские военно-воздушные силы, прошел курс обучения в Южной Африке, служил штурманом на бомбардировщике и участвовал в секретных воздушных операциях в Северной Африке, на Сицилии и в Италии. Только треть личного состава его эскадрильи дождалась победы. Когда война закончилась, папа вернулся в полицию. В 1946 году родилась моя старшая сестра Джуна, а в 1950-м — я (а то многие уже начинают гадать, сколько мне лет).

Отца не раз переводили по службе из пункта в пункт, так что мы исколесили почти все графство Кент, легко научившись приспосабливаться к новому окружению и заводить новых друзей. У нас с сестрой было замечательное детство, и неотъемлемой частью его всегда были животные. У нас обязательно жили собаки, а кроме них — кролики, морские свинки, канарейки, хомяки и прочая мелочь, не говоря уже о пресловутых золотых рыбках. Как сейчас помню: в обязанности отца входило вести собак на прогулку рано поутру, а мы с сестрой

должны были вытирать им лапы, если шел дождь. Нас с малолетства приучали уважительно относиться к животным, равно как и к людям: все имеют право на место под солнцем, и не стоит ждать, что они всегда будут поступать так, как угодно тебе.

Кому я обязана терпением, так это нашей дорогой мамочке. В семье редко кто заболел, но если уж такое случалось, ее заботливые руки были тут как тут. Ну, а привычка подтрунивать досталась мне от отца — этим он даже прославился среди сослуживцев. Мне запомнился один рассказанный им случай. Будучи еще молодым констеблем, он патрулировал грейвсэндские доки. Однажды холодным ноябрьским утром он шагал дозором по направлению к причалу. Вот-вот должен был слынуть прилив; сквозь тихий плеск воды слышался не умолкавший ни днем, ни ночью гул портовых механизмов. Вдруг до его ушей со стороны сумеречного берега реки донесся крик человека, и вскоре он увидел, что некий мужчина средних лет бежит к нему во весь опор. Отец остановился, оценивая ситуацию. Тут бежавший подскочил к нему — пот градом катился с его бледного как полотно лица.

— Чем могу помочь, сэр? — спокойно спросил отец.

Мужчина, совершенно обессиленный, прислонился к фонарному столбу и наклонился, пытаясь перевести дыхание.

— Я нашел труп, — сказал он, прерывисто дыша. — Я нашел труп!

— Скажите, сэр, где точно вы нашли тело, — спросил отец.

— Вон там, — простонал бедняга, — на берегу реки.

— Ничего страшного, сэр. Сейчас мы отвезем его в участок, оформим в Бюро находок, и если в течение трех недель за ним никто не явится, забирайте его, оно ваше! — сказал отец, чтобы разрядить ситуацию.

Иногда мы обитали в городах, но чаще нам выпадало счастье жить в сельской местности. Но куда бы нас ни заносило, первое, что нам приходилось искать, — где лучше выгуливать собак. Поэтому с раннего детства мы поняли, какое это наслаждение — гулять по полям и лесам, будь то с семьей, с друзьями или с собаками. Но уж так получилось, что я до поры до времени ничего не знала о диких животных — разве что мимо промелькнет лисица или кролик.

Моя мама — уроженка Кингстона-на-Темзе, отец — коренной лондонец. Поэтому, хотя они и любили сельскую жизнь, они поначалу ничего не понимали ни в дикой природе, ни в фермерском хозяйстве. (Отец шутил, что единственные фермы, с которыми ему приходилось иметь дело, — это фермы

мостов, куда его самолет обрушивал свой смертоносный груз.) То-то было удивление, когда мы с Джуной бросили школу и решили стать доярками! Мой отец, дослужившись до инспектора полиции, вышел в отставку в 1965 году и переехал в Сомерсет, где занял пост управляющего, а потом мирового судьи в Бристоле. Джуна тогда работала на ферме в Смардене, в Кенте; она там живет и по сей день — у нее четыре собаки, три лошади, два осла и один муж.

Свой трудовой путь я начала дояркой на ферме Пенниуэлл в Глостершире. Там было стадо гернсийских и джерсийских коров и, кроме того, большое птицеводческое хозяйство. Коров заводили в специальный сарай и на шею им надевали цепи; в мои обязанности входило мыть им вымя, после чего фермер подсоединял к нему доильный аппарат. Через месяц после начала моей карьеры ко мне в гости приехали родители; я в это время как раз вела коров на дойку. Войдя в ворота, я позвала их, и коровы двинулись нам навстречу. Родители стали интересоваться, как зовут ту или другую корову — и надо же, какой конфуз! Я не смогла вспомнить ни одной клички! Но когда они прошли, я назвали всех поименно. А в чем причина? В том, что мне, как правило, приходилось смотреть на коров сзади, и я узнавала их по хвостам (ну и, естественно — как бы это сказать поделикатнее? — по тому, к чему эти хвосты прикрепляются). Прошло еще несколько месяцев, прежде чем я научилась различать их и по мордам.

С тех пор я перепробовала многое: то фермерство, то работа в гостинице, то в ресторане, пока я окончательно не поселилась в Сомерсете. Я немало трудилась на благо дикой природы и чем дальше, тем больше понимала важность знаний о животном в целом, о среде его обитания и территории, на которой оно живет. Стоит ли тратить часы, дни, а то и месяцы на выхаживание животного, которое ты собираешься выпустить в родную стихию, если не будешь думать о том, выживет ли оно на воле? Например, твой подопечный, которому полагалось бы вести ночной образ жизни, весело играет и резвится на солнышке — для тебя это должно стать предупреждающим сигналом.

Но даже если ты не хочешь возиться с животными, будь хотя бы внимателен к ним, и ты уже им поможешь. Это не потребует у тебя ни времени, ни сил. Знаешь, почему гибнет столько молодняка? Смертельными ловушками для него становятся пустые бутылки и банки. Любопытный детеныш влезет в лежащую под углом жестянку, а вылезти обратно не может: скользко! По оценкам, по этой причине погибает до

пятнадцати миллионов детенышей ежегодно. Пленниками пустых банок становятся ежи, залезая туда головой, лисицы, барсуки и олени, попадая в них ногами. Пластиковая упаковка тоже может таить смерть: еж или чайка залезут туда целиком, а выбраться не смогут.

Может быть, лично у тебя нет привычки бросать в лесу мусор; но кто бы его ни бросил, он все равно опасен для диких животных. Если бы у каждого вошло в привычку подбирать все, что кругом набросано, насколько улучшилось бы положение вещей! Рассуждать об этом можно сколько угодно, но многие ли из нас готовы хоть что-нибудь сделать?

Все говорят, что ежи — сообразительные животные, но преувеличивать их смышленость, право, не стоит. Они нередко попадают в казусные ситуации даже у нас с тобой в саду. Скажем, хочешь выкопать у себя в саду пруд, помни, что к нему будут приходиться напиться ежи. Позаботься о том, чтобы один из его берегов был пологим: если еж случайно упадет в воду, он сможет выбраться. Помни и о том, что ежу очень легко запутаться в сетках, натянутых для ползучих бобовых растений. Ну и конечно же, прежде чем поджигать кучу прелой листвы, убедись, не нашла ли в ней приют ежиная семья. Самое правильное — зажги огонь рядом и постепенно нагребай на него листья. А то ведь можешь обнаружить ничего не подозревающих жильцов, когда будет уже слишком поздно!

Развитие городов и поселков, увеличение площадей, застраиваемых домами, приводит к тому, что многие животные стали адаптироваться к городским условиям жизни, особенно лисицы, а теперь до некоторой степени и барсуки. Мы уже добились принятия законов, охраняющих барсучьи норы, но что толку, если мы строим свои дома прямо у барсучьих порогов и лишаем барсуков территорий, где они кормятся?

Старайся не слишком усердствовать, наводя в саду порядок. Поставь себя на место колючего друга — ему ведь для жилья нужны и улитки, и жуки, и места для постройки гнезд, и листва, и ветки, из чего их строить. Оставь участок, заросший дикими растениями, — птицам нужны семена и ягоды. И тогда множество пернатых будут гостями у тебя в саду, радуя тебя пением и красотой оперения.

Существует множество природозащитных обществ и групп, куда ты можешь вступить. Стоит обратиться в Общество охраны природы — и ты получишь сведения об организациях, действующих в твоём регионе. Нам повезло — в сомерсетском Обществе немало толковых, знающих и активных людей. Мы разработали программу на год, включающую проведение экс-

курсий, показ кинофильмов, лекции, выставки и вечера встреч с местными жителями. В сферу наших забот входит также наблюдение за заповедниками, а их в Сомерсете свыше шестидесяти общей площадью три тысячи акров, так что нам всегда требуются добровольные помощники. А когда еще выпадет шанс поработать бок о бок со специалистами и самому набраться опыта? У нас также есть специализированные группы, занимающиеся барсуками, летучими мышами, беспозвоночными, бабочками, мотыльками, растениями и геологией; есть и Юношеский клуб, побуждающий детей и подростков активнее познавать мир, в котором они живут. Но это, разумеется, лишь одна из возможностей принять активное участие в жизни природы своего края.

Бристольский университет предлагает различные курсы по дикой природе Британии, в том числе по заботе о диких животных. Недавно у нас был создан Британский совет по реабилитации диких животных, имеющий целью консолидировать работу, проводимую по всей стране людьми, преданными делу спасения дикой природы. Идея заключается в том, чтобы систематически вести записи о происшествиях с животными и наладить обмен опытом, которого каждым из нас в отдельности накоплено так немного.

Мне посчастливилось сотрудничать в течение ряда лет с Отделом дикой природы при Обществе покровительства животным в Уаст-Хатч. Возглавляющие этот отдел Колин и Сандра никогда не отказывали мне в совете. Да что там говорить — просто побеседовать с единомышленниками и то очень полезно. Есть такой отдел и в Норфолке, да и где только нет — и всем нужны добровольные помощники! Если у тебя есть силы и время, которые ты хотел бы отдать природозащитной деятельности, проконсультируйся в местной библиотеке, какой группе ты мог бы быть полезен.

Впрочем, иногда Общество покровительства животным критикуют: то оно якобы не хочет идти на контакт, то вообще не заинтересовано в работе... Такая критика исходит в первую очередь от тех, кто в попытке дозвониться до Общества наткнулись на одно из самых ненавистных мне изобретений человечества — автоответчик... Но поймите, Общество покровительства животным — такая же организация, как и множество других, здесь привыкли бережно относиться к рабочему времени. Поэтому правильнее, если сотрудник будет время от времени изучать поступившие звонки и отвечать на них, чем сидеть целый день у аппарата в ожидании, что кто-то позвонит. А ведь число сотрудников очень ограничено, как ограничено,

например, число инспекторов, на попечении каждого из которых — большие территории. Вот где бывают полезны специализированные группы — в частности, по защите барсуков, которым Общество покровительства животным и переадресовывает сообщения о происшествиях с этими зверями.

Между тем заинтересованность в нормальной жизни дикой природы растет, и в отдельные периоды, особенно по весне, когда на свет появляется множество детенышей, нагрузка на Общество неизмеримо возрастает. Тогда обращаются за поддержкой к авторитетным людям, обладающим опытом и возможностями. Разумеется, и в нашем деле бывают ошибки; но я, положив руку на сердце, разве могу утверждать, что никогда и ни в чем не ошибалась? Да и другие не могут, если искренни в своих ответах. Когда допускаешь ошибку, самое правильное — извлечь из нее урок, разобраться, как в дальнейшем поступать в аналогичных ситуациях, и сделать все возможное, чтобы не повторить ошибку в будущем.

Расскажу об одном таком случае, который приключился у нас на ферме вскоре после того, как она была открыта для широкой публики, и, по воле судьбы, имел счастливый исход. Читатель помнит, как много у нас на ферме разных пород домашней птицы; иные посетители имеют счастье видеть, как вылупляются цыплята. Куры обычно — примерные матери и согревают цыплят своим телом. Однажды Симон зашел проведать бентамок и увидел, что один цыпленок вывалился из ящика, где его мать сидела на яйцах, и, очевидно, умер от холода. Подобрав его, Симоша поведал обо всем Дереку, который как раз закончил утреннюю дойку и возвращался домой завтракать. Взглянув на цыпленка, Дерек положил его в пустое ведро из-под кукурузы и, наказав Симоше проверить, в порядке ли остальные цыплята, отправился в дом. Плакать тут было особенно не из-за чего, такие случаи — в порядке вещей.

Убедившись, что с остальными цыплятами ничего не случилось, Симон перепрыгнул ограду и догнал Дерек.

— Ну как, кинуть его хорькам, что ли? — спросил Симон. (Уж вы простите ему несколько садистский тон: порою только так и можно снять напряжение.)

— Не смей, — одернул его Дерек. — Откуда ты знаешь, отчего умер цыпленок? Вдруг от болезни! Ты же не хочешь, чтобы и хорьки заразились! Брось-ка его в печку.

... Вот, пожалуй, самые грустные строки во всей этой книжке! Нашей печке «Рейберн», которая многие годы служит семье домашним очагом, даруя тепло и уют, приходится выполнять и скорбную функцию крематория, где рассыпаются в прах крохотные тельца тех созданий, которым не выпал жребий выжить! А что делать? Закапывать в саду нельзя: их непременно найдут лисы или барсуки. А сколько было случаев, когда мы приносили заболевшее животное греться у печки, но судьба выносила свой приговор, и тельце отправлялось прямо в пламя!

В то утро я поставила на печку жарить орешки к завтраку, а сама удалилась на задний двор. Тут я услышала шаги моих мужчин; Симоша рассказал, что нашел одного цыпленка мертвым и бросил его в печку. Мужчины вымыли руки, я поставила на стол вино, а Дерек добавил: как жаль, что потеряли цыпленка, ведь у этой курицы вылупилось только пять.

Усевшись за стол, мы раскрыли утренние газеты и молча принялись за еду. Тут до нашего слуха донесся жалобный писк. Мы озадаченно переглянулись, гадая, откуда он мог бы исходить. К нашему ужасу, мы поняли, что он исходит из топки. Рванувшись к печке, Дерек распахнул дверцу и видит — на куче угля стоит дочерна перемазанный сажей Цып, который прекрасно отогрелся и настойчиво заявлял о себе: я живой, принимайте! Совсем как в старой байке: пожар в веселом доме, все вопят: воды, воды, а самый отъявленный гуляка, наперекор всем, требует: а нам шампанского, пожалуйста! Хорошо еще, что огонь в печи только начинал заниматься, да и топливо было свежим, поэтому Цып даже не успел обжечь себе лапки! А если бы огонь уже успел разгореться? Тогда бы, наверно, меня всю жизнь мучили кошмары!

Итак — если увидишь мертвого цыпленка, убедись в том, что он действительно мертв. Цыпята иногда просто коченеют от холода — сначала отогрей. Животные, которые впадают в спячку, тоже могут казаться мертвыми; чтобы не ошибиться, приложи к пасти зеркало (от дыхания на нем останутся следы

пара) или послушай сердце — дешевый стетоскоп купишь у любого ветеринара за пять фунтов.

Особо внимательными нужно быть к барсукам. Немало их становятся жертвами дорожных происшествий, но ведь барсук может прийти в себя и после очень тяжелых травм. Поэтому, увидя на обочине барсука, которого сшибла машина, не спеши записывать его в покойники. Может быть, он просто в бессознательном или шоковом состоянии и поддастся лечению.

Если найдешь покалеченное животное, сначала накрой его одеялом, а коли такового не окажется — любым куском ткани. Тем самым ты уже немного снимешь ему стресс. Если животное крупное, как, например, косуля, достаточно накрыть ему только голову. Не пожалей наволочки, отрежь угол, чтобы ей было куда сунуть нос для дыхания, и надень на голову — это будет идеально. Если животное сохраняет какую-то подвижность, постарайся не стеснять его движений — это важно для выздоровления.

Когда сталкиваешься с проблемой, связанной с дикой фауной, не спеши, сперва дай оценку ситуации. При этом, пока думаешь, не приближайся к раненому зверю или птице, чтобы не испугать. Между прочим, подумай о том, как отрезать ему путь к возможному бегству, — поверь, нет ничего более душевраздирающего, чем вид смертельно раненного животного, обращающегося в бегство. Помни, если оно убежит, оно обречено на затяжную мучительную смерть. Лучше уж дождаться еще одной пары рук, чем одному предпринимать героические усилия, которые могут и не дать результатов.

Возможно, ты не захочешь брать на себя ответственность и лично везти пострадавшее животное к ветеринару. Тогда, накрыв животное тканью или поместив его в ящик (который тоже надо накрыть, чтобы отбить у него охоту вырваться наружу), позвони в Общество покровительства животным, или в известный тебе природозащитный центр, или в местную ветеринарно-хирургическую службу, а если никуда не дозволишься, то в полицию.

Но предположим, ты все же решил отвезти животное к врачу. Положим также, что причина травмы — дорожное происшествие. Сначала найди ящик или коробку, в котором ты повезешь пострадавшего, — даже если оно без сознания, вполне возможно, что в теплой машине оно придет в себя. Помни, что любое животное, у которого есть зубы, может укусить, если оно испугано или находится в незнакомой обстановке. Оно-то ведь не знает, что ты хочешь ему помочь, и непременно попытается сопротивляться — конечно, когда оно в не слыш-

ком тяжелом состоянии. В любом случае будь осторожен, поднимая его на руки, — вполне вероятно, что у него покалечена также и спина.

Возможно, ты не сразу отыщешь ветеринара или он не сможет немедленно пригласить тебя на прием. Поэтому, если ты неподалеку от дома, привези пострадавшее животное домой и помести куда-нибудь в теплое, темное и покойное место. Особенно важно тепло. Напоминаю еще раз: как бы искренне ты ни стремился помочь животному, оно-то об этом не знает, и всякое твое действие может быть воспринято им негативно. Сама по себе поездка в машине — дополнительное травмирующее обстоятельство для пострадавшего, поэтому подумай о нем: не включай радио или магнитофон, не подпускай к нему собак: вообрази, что будет твориться на душе у несчастного при виде мохнатого противника, с интересом обнюхивающего ящик! Делай медленные, нерезкие движения, говори с пострадавшим мягким тоном — я уверена, оно услышит ласку в твоём голосе. Первая помощь животным оказывается по тем же принципам, что и людям, так что главное — не паникуй. Если речь не идет об открытой кровоточащей ране, животное лучше оставить в покое. Старайся не слишком часто смотреть на него.

Твой следующий шаг — найти врача, готового принять дикое животное. Это не всегда легко, но если найдешь такого — твоё счастье. Мы не знаем, как благодарить судьбу за то, что она свела нас с Колином Читэмом и Бэрри Парсонсом — они столько сделали для нас и готовы делать еще! Истинный айболит, леча диких животных, обычно берет плату только за израсходованные материалы и при этом охотно делится с тобой знаниями и опытом, чтобы впоследствии, столкнувшись со сравнительно простыми ситуациями, ты мог справиться с ними сам. Конечно, овладение этим искусством потребует времени и практики. Любой врач, делясь с тобой знаниями, непременно скажет:

— Невозможно стать квалифицированным ветеринаром только с помощью книг. Если вы возьметесь пользоваться четвероногого или крылатого пациента, основываясь только на книжной теории, есть опасность, что вы причините ему большие муки и страдания, чем те, от которых стремитесь его избавить.

Если ветеринара нельзя отыскать немедленно, то, дожидаясь его, поставьте страдальцу воды. И совсем хорошо иметь жидкие молочные продукты, содержащие минералы, необходимые для выздоровления. Эти продукты можно получить у

ветеринара или фермера, у которого покупаете провизию. Разводите и давайте понемногу.

Итак, четыре самые необходимые пострадавшему животному вещи: тепло, покой, вода и темнота.

Рекомендую книгу В.-Дж. Джордана и Джона Юза «Забота о диких животных» — я читаю ее как Священное Писание. Открой — и увидишь, сколько ценных сведений, да и читается легко. Книга разбита на главы, посвященные конкретным животным; в каждой подробно описывается все — от поимки и кормления до выпуска на свободу. От себя добавлю только, что с тех пор, как появилась на свет эта книга, придумано много новых заменителей молока — лучших, чем те, о которых в ней рассказывается. Конечно, есть масса других книг, но эта, по моему мнению, удобнее всего для пользования.

Птицы в большей степени, чем млекопитающие, подвержены смерти от шока, поэтому требуют иного обращения. Лучше всего на несколько часов оставить их в покое, даже прежде чем везти к ветеринару. Лишь бы им была доступна вода. Если они выживут в течение этого критического периода — значит, можно отправляться к врачу.

Некоторые виды животных охраняются законом, и для их содержания требуется особая лицензия. К таковым относятся дневные хищные птицы, барсуки, сони, серые белки, норки и летучие мыши. Это не значит, что их нельзя подбирать с целью спасения, но о том, что они у вас в руках, следует известить Общество охраны природы.

И еще один момент: встретив зверя или птицу, не спеши отлавливать его или ее и увозить домой. Иногда мы слишком торопим события, особенно в том, что касается птенцов. Когда птенцы подрастают, они покидают гнездо, но родители по-прежнему продолжают их кормить, находя по жалобным крикам, каковые мы нередко принимаем за призыв о помощи. К этому времени у птенца уже появляется чувство страха перед людьми, так что, если ты его подберешь, он может вовсе отказаться принимать пищу. Правильнее вообще не трогать птиц, кроме случаев, когда им угрожает опасность.

Нередко люди подбирают барсучат, лисят и оленят, когда их мать на самом деле находится где-то неподалеку. Значит, если увидишь детеныша, не спеши подбирать его — постой рядом и понаблюдай. Вмешательство требуется лишь в том случае, когда животное находится в состоянии стресса, бьется в судорогах или кричит. Если известно, что его мать погибла, уже перестав кормить детеныша молоком, лучше приноси ему еду к норе, гнезду или клади прямо на землю, чем брать в

неволю. По крайней мере, так он не утратит территорию, где живет.

Я воздержусь от рекомендаций по лечению животных — обучать этому в любом случае должен опытный руководитель. Но все же тем из вас, кто захочет принять активное участие в деле спасения животных, советую понять, как важно вести дневники и записи. Нелишне помнить и другие элементарные правила — скажем, клетки с хищниками нужно держать подальше от животных, которых они могли бы съесть. Не стоит нервировать ни тех ни других!

Помни еще вот о чем: выхаживая попавших в беду братьев наших меньших, ты вступаешь в отношения не только с ними, но и с людьми, которые их подобрали. У них, как правило, тяжело на душе при виде страдающего существа, порой они начинают безосновательно корить себя за то, что с ним приключилось. Если они поймут, что твои добрые руки действительно готовы позаботиться о нем, они успокаиваются на глазах и обычно платят благодарностью, если ты выкроишь время и сообщишь о результатах — даже в случае неблагоприятного исхода.

Как я уже не раз писала выше, люди нередко допускают грубые ошибки в отношении братьев наших меньших. Однажды в десять часов вечера мне позвонила одна леди и рассказала, что они с мужем пытались выманить утку с только что вылупившимся выводком из соседского сада, чтобы защитить от собаки. Утка не поняла, что ей хотят добра, и, столкнувшись с опасностью, решила улететь и оставить детенышей на произвол судьбы. Расстроенные тем, что спугнули утку-мать своими действиями, супруги отловили всех семерых, посадили в ящик и отнесли к себе в гостиную. Там они положили возле ящика микрофон, который подключили к находившемуся на улице репродуктору в надежде, что утка-мать, услышав крики своих птенцов, прилетит. Как бы не так!

Гоня от себя мысль, что это очень печально кончится, я только сказала:

— Сейчас темно, едва ли она прилетит. Поставьте ящик куда-нибудь в теплое место.

— Лапочки, они, наверное, молочко пьют, — предположила дама. Услышав это, я с трудом удержалась, чтобы не прыснуть от смеха. Я объяснила, что лучше предложить им крошек от печенья, а если супруги ко мне приедут, я дам им для утят что-нибудь посущественнее. Но самое главное — поместить их в теплое место.

— Не беспокойтесь! — ответила мне дама.

На следующий день рано поутру к нам во двор вкатила машина. Из нее вышли мужчина и женщина со скорбными лицами. Как и следовало ожидать, они не придали особого значения моему совету относительно тепла. В результате за ночь пять утят из семи отдали концы. Я сказала супругам, чтобы они не слишком занимались самобичеванием, — ведь шок, который получили птенцы в результате поимки и разлуки с матерью, сделал свое дело. Гости протянули мне коробку, в которой сидели два оставшихся в живых утенка — один с виду был в полном порядке, второй — не очень: голова у него свисала набок. Мы направились в помещение для наседок — одна из кур сидела на яйцах, оказавшихся, по-видимому, без плода. Может быть, пристроить ей утят? Я уже не раз пробовала так — как правило, неплохо выходило. Обычно я провожу такую операцию ночью, но на сей раз проделала ее с утра: мягко держа утенка в руке, я сунула его под курицу и извлекла из-под нее яйцо. Мы отошли на несколько шагов и стали наблюдать, что произойдет.

Это была крупная белая суссекская курица. Услышав писк из-под своего гофрированного наряда, она склонила голову набок, спокойно прибрала солому вокруг гнезда и снова склонила голову, прислушиваясь. Затем она решила заглянуть себе под брюхо и, обнаружив там нежеланного чужака, вышвырнула его из гнезда с выражением презрения.

— Ай, ай! Убила, убила! — завопила женщина.

Да нет, ничего с ним не случилось — он просто стоял на краю загона, удивленный таким обращением.

Поняв, что так дело не пойдет, я решила поместить обоих утят в ящик для самых мелких цыплят, оборудованный электроосвещением. Это квадратный ящик со стеклянной передней стенкой, а электролампочка, присоединенная к крышке, одновременно дает и достаточно тепла для обогрева. Утята уютно устроились среди теплых стружек. Глава семейства, поглядев на ящик, заявил, что хотел бы построить такой же, чтобы было в чем держать утят, когда они заберут их назад.

— Прекрасная мысль, — сказала я, — но пока езжайте домой и позвоните в одиннадцать утра. Есть опасность, что эти тоже погибнут после перенесенного шока. Если они к этому сроку останутся живы, то делайте ваш ящик и забирайте.

Машина умчалась, а я стала раскладывать для утят еду по блюдецкам. Вернувшись в курятник, я, к своему огорчению, обнаружила, что слабенький утенок лежит на спине лапками вверх. «Что же я, дура, не сказала еще и еще раз: поставьте их в тепло!» — костила я себя. Когда я вытащила из ящика

крохотное тельце, другой утенок поплескался в воде и стал клювом вычищать перышки. «Ну, хоть один у них останется, — с надеждой думала я. — Небось будут холить и лелеять». С этой мыслью я бросила мертвого утенка в печку.

Час спустя я вернулась в курятник посмотреть, как идут дела у второго малыша. К моему ужасу, не выжил и этот. Я выключила лампочку, бросила утенка в печку и отправилась в контору. Я дала наказ своим сотрудникам — если в одиннадцать часов мне позвонят супруги, которые привезли мне утят, разъяснить им ситуацию. Но никто не позвонил.

Только кончили обедать, а знакомая супружеская пара тут как тут. Супруг с торжествующим видом сообщил мне, что только-только закончил мастерить ящик для утят. С тяжелым сердцем я сказала, что глава семьи напрасно трудился, и оба грустно опустили головы.

— Просила же позвонить в одиннадцать утра, неужели было так трудно! Сами видите, шок сделал свое дело...

С трудом сдерживая слезы, глава семьи проговорил:

— Я еще смастерил маленький гробик для пяти утят, умерших прошлой ночью. Мы хотим похоронить их возле сада, в том самом месте, где они появились на свет. Могли бы вы выдать мне тела тех двоих, чтобы похоронить их всех вместе?

Я как могла деликатно объяснила новоиспеченному гробовых дел мастеру, что два крохотных тельца преданы кремации как наиболее гигиеничному способу погребения. От этих слов супруги пришли в ужас и, как я ни старалась извиниться за свою бестактность, сели в авто и укатили. И с той поры к нам ни ногой.

В тот же день ближе к вечеру мне позвонил некто из местных жителей и сказал: у него в саду черный дрозд с подбитым крылом, могу ли я взять его на попечение? Сейчас он его привезет. И точно, вкатывает ко мне в сад и вручает — традиционную! — картонную коробку.

— А если он поправится, — спросил он, — смогу я забрать его обратно и выпустить у себя в саду?

— Отчего же нет, — ответила я. — А если он не поправится, хотите ли, чтобы я вернула вам его тело?

Тот рассмеялся: что вы, я даже не думал об этом!

— Знаете, почему я об этом спрашиваю? — сказала я. — Я только сегодня предала кремации два трупики, а оказалось, что их требуют обратно. Вот я и не желаю повторения ошибки!

Мораль: не избавляйся от трупа, если точно не знаешь, что его не востребуют.

А скорбных случаев может быть много. Даже у сотрудников Общества покровительства животным, при всей их опытности и преданности делу, благоприятные исходы составляют самое большее пятьдесят процентов. Значит, будь к этому готов.

И еще — учись доверять собственной интуиции. Ничего не может быть на свете хуже, чем поступать так, как рекомендуют другие, когда печенкой чувствуешь, что по-другому было бы лучше. Сам же будешь потом обвинять себя в случае неблагоприятного исхода. Помни и то, что каждое животное — индивидуальность. Допустим, у миссис Смит барсуки охотно уписывают яичницу, тогда как твоим подавай патентованный корм — ну и пусть, важно, что и те и другие не страдают отсутствием аппетита.

Наконец, не следует забывать и о проблемах этики, а это уже полностью зависит от тебя. Я, например, считаю, что цель всякой заботы — выпуск животного обратно на волю. Только в тех случаях, когда животных вполне устроят условия существования в неволе и связанные с этим ограничения свободы — естественно, при наличии высокого качества жизни, — ты можешь держать их у себя. Но в каждом конкретном случае — твое право решать. Делай то, что тебе подсказывает совесть.

Не бойся ответственности. Ты спросишь: а если оно не выживет? Что ж, не забудь, что покалеченное или осиротевшее животное, если ты не предпримешь мер по его спасению, обречено на смерть в любом случае. Помни также, что поймать его так просто не удастся: если дикое животное легко дается в руки, значит, оно в тяжелом состоянии. Но подумай, какое ты будешь испытывать наслаждение, когда выходишь его до полного выздоровления и вернешь в родной дом, в родную стихию! Это стоит любых усилий и трудов!

Правда, успех влетает нам в копейчку. Чем большую славу приобретают наша ферма и наше дело, тем больше увеличиваются масштабы работы, а с ними и затраты. В результате с 1992 года мы стали искать поддержки других людей. Так было основано «Общество Блюбелл», члены которого, становясь «друзьями фермы», оказывают нам финансовую поддержку. Это общество руководит работой группы, чья деятельность протекает независимо от нашей фермы. Патроном ее является хорошо известный постановщик фильмов Симон Кинг. Почему мы решили назвать общество именем барсучихи Блюбелл? Не только потому, что она — наша общая любимица, но и потому, что в 1992 году, родив двух собственных детенышей, приняла троих найденных как родных. Так что ее собственный вклад в наше дело очень велик.

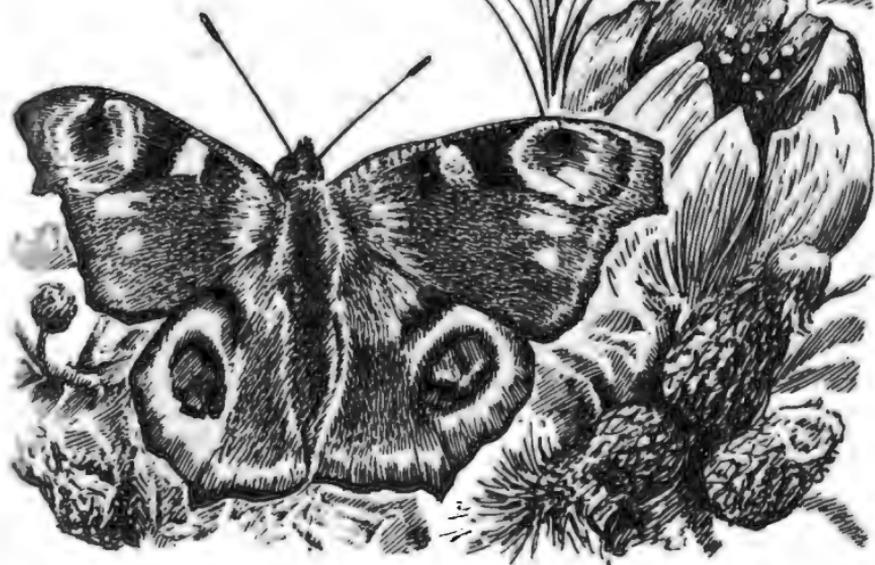
Итак, забота о животных — дело дорогостоящее. Но коли ты искренне желаешь посвятить себя этому делу, оно принесет тебе огромную радость.

Я ни в чем не обижена судьбой, я стала свидетельницей и участницей многих удивительных историй. Даже возможность написать данную книгу — это шанс поделиться радостями и горестями, которых немало у каждого, кто связал свою жизнь с животными. Не могу не поблагодарить судьбу за то, что она послала мне такого понимающего супруга и такую прекрасную семью, готовую разделить со мною хлопоты и заботы, когда их полон рот. Как бы порою ни бывало трудно, я счастлива — ведь редко кому выпадает удача жить в непосредственной близости с дикими и прекрасными созданиями.

Мой Летний мир

Paulina Kidner
MY SECRET WORLD
Copyright © Pauline Kidner 1995

*Публикуется с разрешения Robinson Publishing
и представителя издательства Александра Корженевского (Россия)*

С любовью посвящаю мамочке и папочке — Эдди и Джой Мастерсон. На все мои бесчисленные: «Сделайте милость...», «Не откажите в любезности...», «Не могли бы вы...», «Не одолжите ли мне» — ответ всегда был один: «Да!» Спасибо вам обоим за все! Лучших друзей мне было не найти.

ВСТУПЛЕНИЕ

...Мы трое — Сара Кеннеди, Паулина Киднер и я — стоим посреди поля близ ущелья Чеддер-Гордж. У наших ног маленькая клетка, накрытая тканью. Паулина нагнулась и открыла дверцу. Ничего не произошло. Мы все замерли в ожидании. Вдруг из клетки появилось бурое существо с огромными ушами и сделало несколько скачков вперед. На миг остановившись, оно осмотрелось, впервые в жизни увидев со всех сторон необъятный простор. Но пауза окончена — и вот уже существо мчится что есть мочи в направлении окаймляющих поле зарослей густой травы. Скрылось — и все мы вздохнули с облегчением. Состоялся еще один триумф женщины, беззаветно посвятившей многие годы жизни выхаживанию самых разнообразных зверюшек, попавших в беду.

Животное, о котором шла речь, не было таким уж редким. Это был обыкновенный заяц-русак, и тем не менее в глазах Паулины он имел такую же важность, как бенгальский тигр или гигантская панда. Его принесли Паулине крохотным зай-

чонком, чья жизнь висела на волоске, и она днем и ночью час за часом выкармливала его молоком, прежде чем у него достало сил есть более солидную пищу. Что и говорить, поспать вволю — непозволительная роскошь для Паулины.

Под ее материнским оком зайчонок мало-помалу вырос в сильного здорового зайца, и вот настал момент, когда его можно было выпускать на волю. Прежде чем сделать это, она тщательно подобрала место, заботясь о том, чтобы там у него не было врагов, которые только и ждут легкой добычи в виде наивного существа, не знающего о кознях дикой природы.

Она наблюдала эту сцену со смешанными чувствами, подобно тому, как мать глядит вослед сыну, покидающему родительский кров. Конечно же ей было грустно расставаться со своим питомцем, в которого она вложила душу, но она была счастлива, потому что дала ему шанс, несмотря на все превратности судьбы.

Мы с Сарой ничуть не удивились, когда среди достойных финалистов, претендовавших на премию в конкурсе «Страна зверей», жюри в составе Дэвида Беллами и Ли Даррелл назвало Паулину Киднер лауреатом премии 1995 года. Какое счастье для нас было вернуться в Центр по спасению животных «Тайный мир» (так теперь называется ферма Нью-Роуд), поздравить Паулину с присуждением премии (чем она, в отличие от нас, была несказанно удивлена) и поблагодарить ее за все те чудеса, которые она творит, спасая попавших в беду животных, а также за усилия по просвещению широкой общественности в том, что касается защиты дикой природы.

Паулина принадлежит к той удивительной породе людей, которые куда больше волнуются о подопечных, нежели о себе самих. Более самоотверженной души днем с огнем не сыщешь. И несмотря на все проблемы, с которыми она сталкивается, она умудряется оставаться бодрой и веселой — сама признается, что неделю за неделей учится этому у своих питомцев!

Ее миссии никогда не наступит конец. Тяжело говорить, но не иссякает поток братьев наших меньших, попадающих в различные передряги и нуждающихся в помощи ее Центра. Остается лишь надеяться, что она, как и другие ей подобные, всегда будут готовы протянуть страждущему дружескую опытную руку.

Итак, я рад пригласить вас в «Тайный мир» — войдем в него, прикоснемся к тем удивительным вещам, которые ок-

ружают Паулину, почувствуем себя участниками событий, которые там происходят. Ну, а затем — не пожалеем дня, съездим в это восхитительное место под названием «Тайный мир», увидим все собственными глазами! Лучше один раз увидеть, чем сто раз прочитать и услышать! Я уверен, вы будете потрясены, как были потрясены Сара и ваш покорный слуга, когда недавно приехали к Паулине в Центр, навьюченные всевозможной аппаратурой, чтобы сделать ее беспримерную работу достоянием возможно более широкой аудитории. Да дарует ей Бог удачу на ее пути!

Десмонд МОРРИС

Глава первая
СУББОТНИЙ РЕБЕНОК

Редко бывает такая ночь, когда бы я не выходила к амбару, над входом в который висит табличка: «ТАЙНЫЙ МИР: ЦЕНТР ПО СПАСЕНИЮ БАРСУКОВ И ДРУГИХ ДИКИХ ЗВЕРЕЙ». Это место для меня священо. Здесь я разбила клумбу в память о своей закадычной четвероногой подруге. Прихожу сюда и сажусь рядом на скамеечку. Вы спросите — что это за блажь такая, сидеть в полной темноте? Но ведь темное время суток — это как раз та пора, когда мы бывали вместе, деля друг с другом радости и горести. Она положила начало всей моей работе с дикими животными, и в память о ней я продолжаю эту работу. МНЕ ЕЕ ТАК НЕ ХВАТАЕТ!

С золотой поры малолетства моя любовь к животным всячески поощрялась. Хотя, если говорить честно, она стояла моей матери (не меньше меня питавшей страсть к братьям нашим меньшим) немалых сил. Помню, в школе я с гордостью перечисляла, сколько у меня домашних любимцев — три со-

баки, кролик, морская свинка, две золотые рыбки, хомяк и две белки.

Нас с сестрой учили уважительно относиться к животным и думать сперва об их нуждах, а уж потом о своих. (Всякий, кто когда-нибудь катал расфуфыренную, как принцесса, собачонку в кукольной детской коляске, понимает, что я имею в виду!) Ну и, конечно, кормили животных у нас в доме в строго определенных часы, как и двуногих членов семьи. Уже тогда я начинала осознавать, с каким пониманием животные относятся к привычному, ненарушаемому порядку вещей и к тому, что с ними хотят пообщаться.

Когда у нас появился хомячок Хэмми, мы решили поставить его клетку в кухне. Слов нет, в компании с таким забавным существом очень весело, но потом интересы гигиены все-таки взяли верх, и клетку переставили в другое место. Поскольку хомяки привычны к ночному образу жизни, он сперва весьма неохотно покидал уютную постельку ради порции овсянки, которую мы готовили для всей семьи холодным зимним утром, а впоследствии стал выскакивать, едва уловив ее запах. Выпучив заспанные глазки, он просовывал чуткий нос сквозь прутья клетки, давая понять, что его светлость изволили встать к завтраку, и при этом желая — для страховки — убедиться, что мы о нем не забыли.

К сожалению, судьба оказалась неблагоприятна к этому милому существу. Все знают, у каждого ребенка свои причуды; так вот, моя старшая сестрица Джуна, которой к тому времени исполнилось десять лет, не любила принимать ванну в одиночестве, требуя, чтобы кто-нибудь составил ей компанию. И то сказать, ванная комната у нас располагалась в темном, глухом уголке, а когда по полу бегает маленькое забавное создание, ничуть не страшно, даже приятно! Но как-то раз Джуна машинально выскочила из ванной, не глянув предварительно на пол... Правильно, под ее чистенькой розовой пяткой раздался отчаянный визг. Может, и выходили бы зверька, если бы мама, считавшая бренди чудодейственным средством от всех недугов, не напоила его этим лучезарным напитком. Сказать по совести, оно иногда помогает, только не в этот раз.

Судьба второго нашего хомячка была еще драматичней. Находясь опять-таки в ванной, Джуна — то ли почувствовав, что ей холодно, то ли услышав чьи-то шаги — резко захлопнула дверь... После этого случая на семейном совете было решено не заводить больше хомяков, пока Джуна не перестанет бояться пользоваться ванной в одиночестве. И вот когда Джуна

подросла и преодолела в себе этот страх, у нас появился Хэмми Третий — ну, этот прожил счастливую, долгую (по хомячьим меркам) и полнокровную жизнь! Правда, однажды он потрепал нам с сестренкой нервы, когда удрал от нас. Он жил в кукольном домике. Как-то раз смотрим — его нет! Началась страшная суматоха со слезами, взаимными упреками и выяснениями, кто должен был его стеречь. После полутора часов содома мы вынуждены были признать свое поражение и молить судьбу, чтобы он вернулся сам. И вот все семейство — мама, папа, Джуна и ваша покорная слуга — сидим и смотрим телевизор, и вдруг мама начинает смеяться и показывает пальцем на диван. Под покрывалом от подушки к подушке двигается какой-то странный бугорок...

А сколько раз в нашем доме совершалось таинство рождения! То морская свинка принесет потомство, то наши собачки ощенятся, и уже в те юные годы я познавала радость забот о крохотных созданиях (хотя, надо признаться, большая часть этих забот все-таки ложилась на плечи мамы!) — и грусть, когда нашим питомцам приходила пора отправляться к новым хозяевам. Единственным утешением в таких случаях служила надежда, что в новом доме их ждут такие же любовь и забота, как и в нашем. Домашними любимцами могут быть разные звери, но общее у всех то, что они требуют вашего общества, а значит, им нужно уделять время, и немалое. Порою я слышу упреки, что больше забочусь о животных, чем о людях. Пусть говорят, если им так хочется!

Видимо, то, что я рано приучилась баловать своих питомцев, и послужило причиной сокрушительного фиаско моего сценического дебюта. Восьмилетней девчушкой я выступала на воскресных утренниках в школе с чтением стихотворения «Беги, кролик, беги!», а гвоздем программы должна была стать настоящая крольчиха из моего домашнего живого уголка. Однако во время первого представления длинноухая артистка сидела как пришпиленная у меня на руках и не думала никуда бежать; иные зрители даже подумали, будто это чучело. Ну ладно, ко второму представлению я подготовилась основательно, припася в качестве приманки несколько листьев салата-латука, который намеревалась положить в уголке сцены — какой кролик не соблазнится и не побежит! Когда же я, вся изведясь, дождалась своей очереди и вышла на сцену, выяснилось, что приманка благополучно съедена. Негодница крольчиха и на втором представлении спокойно просидела у меня на руках — еще бы, ведь бежать ей было не за чем! Считаю, это был мой первый урок работы с животными.

Когда я была ребенком, наша семья не раз переезжала — этого требовала работа отца, служившего в полиции графства Кент. Обустройство на новом месте мы всегда начинали с того, что искали наиболее подходящие маршруты прогулок с собаками. На утреннюю прогулку их всегда вел папа, на дневную — мы трое: мама, Джуна и я. Как сейчас помню наши первые прогулки, когда мы жили в Уолдерслеjde: маршрут проходил по заброшенной дороге, тянувшейся прямо от нашего дома до самого леса.

Уже в ту пору осень была моим любимым временем года. Улица, на которой мы жили в Уолдерслеjde, называлась Каштановая — она и в самом деле была обсажена каштанами. Возвращаясь из школы домой, я любила бродить меж золотых курганов, с особым удовольствием наблюдала, как ветер кружит листья, будто вдыхая в них жизнь, и разбрасывает по дороге. А когда шел дождь, наступал поистине мой праздник, особенно под вечер, в сумерки. Потоки воды стремятся по улицам, точно горные реки, играя отраженным светом уличных фонарей; одно за другим зажигаются окна, и капли скагиваются вниз по стеклам, запотевшим от домашнего тепла. И же, нахлобучив шляпу и закутавшись в шарф, весело шагаю домой, пиная ногами сухие золотистые холмы; от такой физ-

зарядки щеки у меня пылают как огонь. А я уже предвкушаю удовольствие от горячего кофе, который — я надеюсь — будет готов к моему возвращению, может быть, даже с ячменными лепешками! Какими живыми все-таки могут быть воспоминания!

Гуляя с собаками по лесам, я, как, наверное, и большинство молодых, мало что знала об их исконных обитателях. Я любовалась семейками грибов, разбежавшимися по одряхлевшим пням, густыми мхами, укутавшими зеленым одеялом стволы поваленных деревьев, но понятия не имела, что и грибы и мхи — часть жизненного цикла; под их воздействием медленно распадаются отмершие листья и древесные ткани, вскармливая собою почву, чтобы по весне возродилось к жизни новое поколение растений. Мне и в голову не приходило, что среди многообразных видов, составляющих дикую природу, немало таких, которые нуждаются в защите. Слава Богу, в наши дни образование помогает людям восполнить этот пробел.

Когда мы переехали в Уиллсборо, что близ Эшфорда, маршруты наших прогулок пролегли по просторным полям и доходили до фермы Хинксхилл. Однажды, во время прогулки с собаками, моим глазам предстало странное зрелище: ограда лесничества, на котором лесник, охранявший дичь, развесил «трофеи» — убитых им животных, считающихся вредоносными, чтобы показать, с каким рвением он занимается своим делом. На колючей проволоке висели тушки кротов, белок, горностаев и ласок. К счастью, в наши дни такие вещи практикуются все реже — со времени Второй мировой войны число лесников, «охраняющих» дичь, заметно сократилось, что позволило восстановить численность многих видов животных, в частности, черного хоря, который наверняка был бы полностью истреблен у нас в стране, если бы преследование продолжалось.

Подгоняя собак, я со всех ног бросилась прочь от этого жуткого места и с тех пор выбирала другие тропки для прогулок. Но маршрут неизменно заканчивался фермой, расположившейся у подножья высокого крутого холма. Это было крупное молочное хозяйство, и мне разрешалось заходить поглядеть на телят, которые рады облизать тебе пальцы, а потом полюбоваться импозантным хирфордским быком с блестящим медным кольцом в ноздрях. Я любила запахи фермы: сладкий — сена и резкий — коровьего хлева. Час за часом пролетает незаметно, но тогда я и подумать не могла, что фермерства

заинтересует меня как занятие, которому можно посвятить жизнь.

Достигнув отрочества, я стала подрабатывать в летние месяцы, катая желающих на осликах, которых мы брали в Сент-Мэрис-Бей, по пляжу в Даймчерче. От клиентов отбоя не было, и, когда стояли блаженные солнечные денечки, мы день-деньской бродили то вдоль по пляжу, то с горки на горку, водя на поводу наших длинноухих помощников. Ну, а в ненастье отсиживались под крышей, ожидая, пока дождь кончится. (Как бы я ни любила дождь, но в непогоду ничего не заработаешь!) Золотые были дни — тут и игральные автоматы, и кулечки со сладостями, которыми нас щедро одаривали клиенты, и забавные огоньки «иллюминации» — несколько разноцветных лампочек на черном проводе, провисшем над главным входом.

У меня была ослица приятного кремового окраса по кличке Бемби. Мы быстро сделались закадычными подружками. Уже потом, зимой, мы иногда брали ее к себе — папа арендовал для нас небольшое поле. Это была очень умная ослица, она даже показывала «фокус»: когда ела сливы, непременно выплевывала косточки.

Даймчерч стал местом моей первой любви. Так, ничего особенного не могу вспомнить — помню только, что мальчика звали Джеймс и он помогал мне справляться с ослиами. Ах да, немаловажная деталь — он всегда брал с собой на обед сыр и лук. Сами понимаете, целоваться с ним после этого было ой как непросто! Возможно, поэтому мое чувство к нему так быстро прошло.

Для меня было потрясением, когда после 27 лет безупречной службы отец решил уйти из полиции и занять пост мирового судьи в Бристоле. Это значило, что нам предстоял переезд в Сомерсет. К тому времени моя сестра уже работала на ферме в Хай-Холдене; она и ныне живет в Кенте, удачно вышла замуж и создала прекрасную семью.

Когда мы переехали в Сомерсет, я сразу полюбила это место. Правда, здесь не было ни фруктовых садов, ни привычных глазу силуэтов конических крыш амбаров, где сушится хмель, ни гряды меловых холмов, как в Кенте. Зато были другие картины, куда более богатые красками, а главное — какое разнообразие зверей и птиц!

Первое, что мне предстояло сделать, — найти работу. В пятнадцать лет я решительно отказалась продолжить учебу в школе (сказалось унаследованное от матери упрямство!), но у меня не было специальности. Первая попытка работы в

магазине провалилась с треском (хотя лишь после трех недель я поняла, что это — не для меня).

Папа предложил мне попытаться счастья на ферме, и вот я уже шагаю на ферму Пенниуэлл близ Тронбери, где имелась вакансия доярки, для собеседования. Ферму эту держали мистер и миссис Болл; у них было большое стадо гернсийских и джерсийских коров, и, кроме того, они разводили цыплят на продажу. Для жилья мне предложили фургончик на колесах; правда, от него до фермы нужно было порядочно отшагать, зато, помимо жалованья, полагались стол и стирка белья. Потрясающие условия!

Из деревни (где у нас не было других соседей, кроме пожилой четы, жившей в конце дороги) на ферму вела извилистая тропка; когда я распаковала пожитки в своем — именно своем! — фургончике вдали от родительского дома, я поняла, какой серьезный шаг сделала в пятнадцать лет.

Говорят: кто родился в субботу, тому суждено в поте лица своего добывать хлеб свой. Я, субботний ребенок, убедилась, что это действительно так. Рабочий день у меня начинался в шесть утра и кончался в шесть вечера. После каждых 12 дней полагался уик-энд, когда мне нужно было всего-навсего подоить коров да покормить цыплят,— зато вторая половина дня оставалась в моем распоряжении.

...В свой самый первый день я встала в половине шестого, чтобы в шесть быть на месте. Мне показали, как загонять коров с поля в сарай для дойки. Видимо, в том, что мне быстро полюбили фермерский труд, сыграло свою роль одно обстоятельство; я начала карьеру в августе месяце, когда даже утречком уже тепло,— потянуло бы меня вставать так рано в холодном, сумрачном декабре? Я садилась на велосипед, одолженный на ферме, и летела через поля и рощицы, полные птичьего свиста. Приехав на место, я ставила велосипед к дереву и отворяла массивные деревянные ворота, которые следовало прислонить к ограде. Затем снова брала велосипед, ехала в поле и созывала коров, многие из которых еще лежали, жуя свою жвачку. Медленно и неохотно, но они все же поднимались — одни тянули время, другие, наоборот, бежали ко мне, в волнении качая головами. Джерсийские коровы чем-то похожи на оленей — такие же милые морды, огромные глаза и точеные ноги. Гернсийские все, как одна, рыжеватые с белыми пятнами, хотя и разных оттенков.

Даже рано утром над коровами неизменно вился рой мош-кары. Отгоняя назойливых насекомых хвостами, животные

шествовали по дорожке в направлении сарая для дойки, а я ехала следом на велосипеде.

Поблизости от фермы я снова объезжала их, чтобы убедиться, все ли на месте, — так, для порядка, поскольку они отлично знали, куда идти. Правда, иные не сразу входили в ворота, а прежде шествовали ко мне, обнюхивая своими влажными черными большими носами, — это было проявление любопытства; потом они все равно шагали в сарай следом за более послушными. Когда они проходили мимо меня в ворота, мне нужно было их сосчитать.

Главный дом усадьбы разменял не первую сотню лет, но неутомимая чета Болл немало занималась строительством, и он выглядел вполне на уровне. Двор окружали внушительные хозяйственные постройки, а на второй этаж большого каменного амбара, где размещался склад, вела солидная каменная лестница. С верхней площадки этой лестницы можно было наблюдать сцены выезда на охоту, происходившие при полном параде. Как правило, менее чем через десять минут выскакивала лисица; удирая от собак, она бросалась прямо под ноги охотнику.

После того как коров загоняли в сарай, их привязывали за шею веревками. В мои обязанности входило обмывать им вымя; следом шел мистер Болл и подсоединял к соскам доильный аппарат. Подходя к каждой корове, он называл ее кличку — в итоге я сперва научилась узнавать коров по хвостам (и, естественно, по той части тела, к которой хвост прикрепляется) и лишь намного позже стала различать их также и по физиономиям.

Со временем был оборудован новый сарай для дойки, и я стала доить самостоятельно. За время работы на ферме я научилась многим вещам. И у джерсийских и у гернсийских коров вкусное, жирное молоко. Но у всех коров разные темпераменты — одни хотят, чтобы их подоили первыми, другие, напротив, предпочитают быть последними, иные желают вставать в стойло справа, а есть такие, которым подавай только левую сторону. Словом, каждая корова — индивидуальность; как сейчас помню бочкообразную гернсийскую корову, которая невзлюбила меня и только и ждала случая, чтобы лягнуть.

Мне случалось видеть, как рождаются телята — обычно это происходит ночью. Какая радость, когда после девяти месяцев беременности, после трудных родов наружу выскальзывает влажный горячий теленок, от которого поднимается пар! Лежа на земле, он собирается с силами, чтобы поднять

голову, и выпускает через ноздри жидкость, оставшуюся там со времени пребывания в материнской утробе. Затем, покачивая головой, он осматривается вокруг сквозь длинющие ресницы. Проходит еще несколько минут — и вот он уже пусть нетвердо, но стоит на ножках. Корова облизывает его, стимулируя работу сердца и удаляя лишнюю влагу с кожи. Даже впоследствии, когда корова будет возвращена в стадо, она узнает своего теленка, а он — ее.

Первый теленок появляется у коровы, когда ей исполняется примерно три года. Тем не менее она еще числится телкой, пока не телится вторично — только тогда ее удойность достигает пика.

Как и все млекопитающие, первые 48 часов после родов корова производит колострум — особо густое молоко, содержащее большое количество антител. Если новорожденный его не получит, он может и не выжить. По истечении же двух суток молоко становится нормальным, и все, что не выпьет теленок, может взять себе человек. Чтобы оставаться дойной, корове нужно телиться каждый год. После отела она дает молоко в течение десяти месяцев, а затем ее молочный поток «иссыхает». Тогда ее нужно отвести в стадо к другим «сухим» коровам и в течение двух месяцев дать ей отдохнуть. Когда же она снова отелится, то опять начнет давать молоко.

Раздача корма, чистка и прогоны коров туда и назад — все это занимает много времени. Когда по окончании утренней дойки выгонишь коров обратно в поле, на часах уже десятый час — время завтракать! Если хорошенько потрудишься, то и традиционные овсянка и яичница с беконом покажутся тебе медом.

Ну, а в десять утра наступает черед кур — их нужно покормить, долить им воды и собрать снесенные яйца. Птицеводство на этой ферме поставлено на широкую ногу — тут для кур и многочисленные насесты, и опилки, в которых так приятно купаться, и ящики для наседок. Несешь на своих плечах мешки с кормом и рассыпаешь по корытам. Тяжелая это работа, и все-таки она мне по-настоящему нравилась.

Особенно приятно было возиться с цыплятами. Сперва для появившихся на свет пушистых комочков чистили и готовили помещение, и когда им исполнялись первые сутки, их приносили туда в картонных коробках. Пушистые созданыца помещали под благодатные теплые лучи инфракрасных ламп. Почувствовав свободу после путешествия в тесных коробках,

они принимались с писком носиться по опилкам, ища, нет ли где еды, но их быстро настигала усталость. Один за другим они валились с ног, образуя из своих крохотных тел желтый пушистый ковер, на котором время от времени то здесь, то там открывался заспанный глаз и тут же закрывался вновь.

В деле заботы о животных, как и в любом другом, бывают свои взлеты и падения, звездные и скорбные часы. Сколько радости доставляют мне летняя пора, счастливая любовь, забота о братьях наших меньших, появление на свет новых существ — и как бывает грустно, когда вдруг все идет наперекосяк! Горько и обидно, когда влажная скользкая фигурка, выкатившись из чрева коровы, остается неподвижной. Нежно мыча, корова легонько толкает своего родившегося неживым теленка, думая его расшевелить; она никак не может взять в голк, почему это теленок не движется. Несчастье, когда внезапно прерывается подача электричества — тогда наутро, отправляясь проведать цыплят, видишь вместо заодно попискивающего пушистого ковра такой же пушистый, но безжизненный комок. Прискорбно, когда ветеринар обнаруживает у коровы мастит или молочную лихорадку или когда животное достигает старости — тогда бесполезная для фермы корова подлежит выбраковке. По причине болезни, старости ли — все больно.

...Пока ты не проникнешься жизнью фермы и не разберешься в логике сельского быта, тебе не удастся составить о нем свое объективное суждение. Прямо скажем, многие вещи в здешнем стиле жизни мне не по душе, но я понимаю, откуда они происходят. Этот стиль складывался в течение сотен лет повседневной борьбы за существование. А где-то рядом рост численности человеческих существ, их алчность и, как следствие, возрастание спроса и предложения вызвали к жизни то, что мы называем прогрессом. Впрочем, живя на ферме, я вряд ли задумывалась о тех материях, о которых в наши дни идут такие ожесточенные споры. Есть ферма, есть присущий ей уклад бытия — и ты его приняла. Здесь ты близка к природе, как нигде.

Правда, не так-то легко было смириться с холодом. Я люблю зиму за ее морозные утра и туманные дни, но когда приходится разбивать лед в корытах с водой и с усилием соскребать с полу примерзший навоз, думается почему-то совсем другое. К тому же мой фургончик промерзал до основания — когда я возвращалась после уик-энда, то постельное белье можно было стоймя ставить у стенки. На обогрев тре-

бывалось около часа. От холода руки покрылись язвочками — когда, проснувшись поутру, я пыталась подвигать ими, язвочки начинали кровоточить.

Спасением от холода была овсянка за завтраком — я сыпала ее бурыми крупицами сахара и сдабривала свежими желтыми сливками, которые соскребала со стенок бидона. Как бы там ни было, зима не убила меня, и я готова была перенести следующую.

...Вскоре после того, как я оказалась на ферме Пенни-уэлл, мне подарили щенка. Это была моя первая собственная собачонка, и я назвала ее Пенни. Конечно, приходилось мириться с многочисленными лужицами — и все-таки она была великолепна. Шкура у нее была черного цвета, перемежавшегося с желтовато-коричневым. В этой собачке перемешались непонятно какие породы, зато она всюду преданно следовала за мной. Она скрашивала мое неуютное бивачное житье — спала в ногах вместо грелки и будила по утрам, когда приходило время гнать коров на дойку... У нас установился некий порядок: большую часть времени она проводила в моем обществе, иногда убегала, но недалеко и ненадолго.

...Но вот как-то в субботу, в послеобеденное время, я сидела в фургончике и слушала радио, когда до моих ушей донеслось знакомое царапанье. Ничего себе — я и не заметила, что она отсутствовала! Но тут я увидела, что с ней творится что-то неладное — бока отяжелели, начались позывы на рвоту. Я подхватила ее на руки и вынесла вон. Когда я положила ее на землю, лапы разъехались, и ее вытошнило. Она дрожала всем телом. Я тут же кинулась к мистеру Боллу, который не замедлил явиться. К этому моменту из пасти собачонки уже хлестала пена. Мистер Болл мигом позвонил ветеринару и посадил нас с Пенни в машину. Поездка показалась мне вечностью. Пока доехали, у собачонки начались спазмы, закатились глаза, а из пасти пошла слюна. Она потеряла сознание, и я поняла, что спасти ее не удастся.

Стараясь не делать резких движений, я внесла ее в клинику, но она умирала у меня на глазах. Даже когда я положила ее на стол, было очевидно, что врач ничем помочь не сможет. Из ее глотки исторгся страшный вопль, и тело замерло в неподвижности.

Слезы залили мне лицо. Я не могла поверить в происшедшее. Всего какой-нибудь час назад она вертелась около меня; здоровая и жизнерадостная, а теперь лежит недвижно, с застывшей в глазах мукой! Ветеринар объяснил, что в ее агонии

наблюдались классические симптомы отравления стрихнином — очевидно, она польстилась на отравленную приманку, которую фермеры кладут около курятников для воровок лисиц. У меня в голове не укладывалось, как можно сознательно убить животное таким вот варварским способом. Очевидно, Пенни убежала на чью-нибудь соседнюю ферму и подобрала там приманку. Поэтому, пока я жила на ферме Пенниуэлл, я больше не заводила собак, не желая подвергать их риску.

Я рано пристрастилась к общественной деятельности — вступила в Клуб юных фермеров. По-моему, лучшей формы досуга и общения не придумаешь. Каждую неделю мы встречались, от души забавлялись и веселились — то у нас вечеринка в уютном кабачке, то поход на хоккейный матч, то дискотека, то спортивные состязания — в общем, не соскучишься. Порою и возвращалась в фургончик спать к половине восьмого утра — и все равно спать не хочется.

...Близилась рождественские праздники. Молодые фермеры ходили с песнопениями по домам, желая их обитателям счастливо встретить Рождество и собирая пожертвования на благотворительность. Во многих домах нас уже ждали как дорогих гостей, готовили угощение. Правда, вечера стояли холодные, но закутайся поплотнее — и вдыхай полной грудью дух праздника!

И вот как-то так получилось, что я пришла на вечеринку с одним молодым фермером, а покинула ее с другим. У меня появился Джимми — мы прожили вместе почти год, прежде чем решили пожениться. Джимми был старшим сыном мистера и миссис Николз, державших ферму близ Торнбери. У них было большое стадо фризских коров, и я приезжала к ним на уик-энды помочь Джимми и поближе познакомиться с семьей.

Семейство — а оно оказалось многочисленным — приняло меня как родную. Когда я впервые попала на эту ферму, то шметила, сколь существенно она отличалась от той, где я работала. Она была значительно больше, и, кроме молочного стада и цыплят, здесь держали также свиней. В просторной кухне стояла печь «Ага», у которой так славно было греться. Все заботы по готовке брала на себя миссис Николз, и по воскресеньям семья неизменно садилась за стол в полном составе. У Джимми было трое братьев и сестра: Брайану — 19 лет, Элизабет — 11, Дирику — 8 и Томми — 4. Что ни говори, приятно стать частью такой большой семьи.

Миссис Николз умела готовить самые разнообразные блюда, и это ее совершенно не утомляло; если кто-то приходил на ферму в обеденное время (почтальон или просто случайный гость), его непременно приглашали за стол. (Впоследствии это создало определенные сложности: Джимми считал, что и я должна так поступать, а я так не считала, вот мы и сидели за стол вдвоем со случайным гостем, думая, как поделить два бифштекса на троих!)

Одной из местных примечательных личностей был пожилой письмоносец Эрн, живший бобылем. Одет он был всегда в плащ военного покроя, подпоясанный веревочкой, старые галифе и начищенные, будто на бал, черные ботинки. Прибавьте к этому редкие волосы, торчащие, как колючки у ежа, и не сходящую с физиономии широкую улыбку, обнажавшую два зуба — верхний и нижний. Эти два зуба были предметом постоянных нападок моего благоверного.

— Привет, Лысый Двоезуб! — говорил он. С этой ритуальной фразы начиналась церемония вручения нам почты.

— Ага,— кивая, отвечал почтальон.— Я Двоезуб.

— А как они у тебя называются — если не ошибаюсь, Кусало и Жевало? — шутил Джимми, и оба мужчины покатывались со смеху.

Эрн был очень пунктуальным человеком. Он всегда развозил почту в один и тот же час и по одному и тому же маршруту. Он жил в отдаленной деревне, и вот как-то раз его маршрут пересекла новопроложенная дорога, ведущая к электростанции Олдбери. Со временем здесь возросла интенсивность движения, и на перекрестках были поставлены светофоры.

Однажды кто-то из персонала электростанции, направляясь на работу, проехал на зеленый свет, не снижая скорости. К его ужасу, в это самое мгновение из-за поворота на своем велосипеде выскочил Эрн. Избежать столкновения оказалось невозможно. Приехала «скорая помощь» — удивительно, все кости целы, только шишки да синяки. Затем настал черед разбираться полиции.

— Я ехал на велосипеде,— объяснял Эрн,— а этот пологумный несется не разбирая дороги, ну и наехал на меня. Разве вы не знаете, что я каждый день ровно в половине двенадцатого проезжаю этот перекресток?

— Знаю, сэр,— сказал полицейский.— Но ответьте на такой вопрос, мистер Эрн: какой свет горел в этот момент на светофоре?

— На каком таком светофоре? — удивился Эрн.

...Оправившись от синяков и шишек, Эрн засел за правила движения и — будьте уверены! — вызубрил их так, что от обоих зубов отскакивало.

Мы с Джимми поженились, когда мне было семнадцать, а ему — двадцать пять. Мы переехали на ферму под названием Грейт-Лиз, неподалеку от фермы Пул-Фарм, где Джим продолжал работать. Поначалу мы жили в фургончике, а потом, когда старый усадебный дом был подремонтирован, перебрались туда.

Ферма Грейт-Лиз была довольно-таки запущенным местом, и все же я полюбила ее. Здесь все дышало покоем, особенно старый яблоневый сад, где давно уже не собирали яблок на продажу. Я любила бродить среди его шишковатых деревьев, имевших самые замысловатые формы, а зимой, когда ветки обнажались, можно было видеть шарики омелы. Я и сейчас иногда вижу омелу, когда мы выезжаем зимой куда-нибудь — ведь она растет обычно на верхушках деревьев, и летом ее скрывают листья. Когда семя омелы прорастает, оно прикрепляется к дереву при помощи усиков. Эти усики проникают сквозь кору и врастают в ткани дерева, питаясь его соками. Но это растение нельзя считать полностью паразитическим; когда у него вырастают листья, оно само начинает вырабатывать нужные ему вещества путем фотосинтеза.

Омела цветет в апреле или мае, но ее цветы не привлекают внимания. Они сменяются белыми ягодами — ветки с этими ягодами и развешивают над дверями к Рождеству. Ягоды поедаются птицами; часть семян рассеивается вместе с их пометом, а часть — другим, более любопытным путем. Когда птица клюет ягоды, семена прилипают к ее клюву при помощи той самой клейкой субстанции, которая позволяет им приклеиваться к коре дерева. Птица замечает это, как правило, позже, уже перелетев на другое дерево; об его-то кору и начинает она чистить клюв, оставляя на ней семена.

Обычай украшать дома омелой идет еще от друидов — они развешивали ее на своих жилищах, чтобы отпугнуть злых духов. Кроме того, бытовало поверье, что омела способствует плодovitости — не отсюда ли обычай целоваться под омелой?!

Семейная жизнь обрела полноту с появлением на свет нашей дочки Уэнди. Год спустя за ней последовала дочурка Кэрри. Многие из наших друзей пережили и нарожали детишек примерно в это же время, а так как мы поддерживали тесные связи, то скучать не приходилось.

Я решила научиться водить машину и ездила в Бристоль на курсы. Поначалу на уроки меня возил Джимми, но эти поездки неизменно заканчивались спорами, так что впоследствии я стала ездить одна. После урока я навещала родителей, которые жили в Кливдоне. Самое ценное, что я научилась водить машину по центральным улицам города, — кто хоть раз успешно проехал по центру Бристоля, тому никакое движение не страшно.

Правда, не все получилось сразу — сдавая первый раз на права, я провалилась с треском, за что натерпелась колкостей от Джимми. Когда собралась на переэкзаменовку, сказала супругу, что еду к родителям. Со второй попытки все получилось, но я решила до поры до времени сохранить это в тайне. Джим подкатил за мной к самому родительскому порогу и сказал:

— Обрати машину поведешь ты. Тебе же нужна практика.

Я покорно взяла ключи зажигания, а дальше произошло вот что. Прежде, когда за рулем сидела я, мы ездили по объездной дороге, потому что я как начинающая не имела права пользоваться скоростной трассой. На сей раз я нахально выскочила на автостраду и погнала как неисправимый лихач.

— Что ты делаешь?! — завопил Джимми. — Нас же сцапает полиция!

А мне хоть бы хны. Бедняга всю дорогу просидел, повернувшись к заднему стеклу: высматривал, нет ли погони.

Только доехав до места, я торжествующе предъявила ему только что полученные «корочки».

Со временем отношения между нами стали ухудшаться. Скажу честно, в этом была и доля моей вины. Джимми был по уши занят работой на ферме и от меня требовал того же, а с двумя крохотными дочурками на руках я, сами понимаете,

быстро уматывалась. Мало-помалу мне в голову стала закрадываться мысль, что Джимми — не тот человек, с которым можно прожить всю жизнь. Забрав своих девчушек, я ушла от него.

А надо сказать, тогда, в начале семидесятых, отношение к женщине, ушедшей от мужа, было совсем иным, нежели теперь. Даже самые близкие друзья могли запросто отказать от дома. Я безмерно благодарна моим родителям, что они вошли в мое положение и помогли мне — независимо от того, как сами относились к моему поступку. Я чувствовала, что для Джимми это большая травма, и доныне сожалею об этом отрезке своей жизни — ведь он закончился несчастьем для когда-то самого близкого мне человека. Теперь у Джимми новая и, хочется верить, счастливая семья.

Мне снова нужно было искать работу — как-никак две живые куколки на руках. На дверях большого отеля я увидела плакатик: «Требуется дежурный» — и не откладывая в долгий ящик подала заявление. Через несколько дней мне прислали письменное приглашение на собеседование.

Надев самое лучшее платье, чтобы произвести впечатление, я отправилась в отель. Мир ковров и стильной мебели был для меня совершенно неведомым.

— Менеджер будет с минуты на минуту, — сказал мне портье. — Не желаете ли подождать в холле?

— Благодарю, — ответила я и уселась в кресло у большого окна, из которого открывался вид на Бристольский канал.

— Миссис Николз? — позвал меня чей-то голос.

Я обернулась. Молодой менеджер в шикарном сером костюме повел меня к себе в кабинет.

Я села в кресло перед письменным столом, а он взял перо, чтобы записать мои данные.

— Будьте как дома, — сказал мистер Бэрри мягким голосом с ирландским акцентом. Он объяснил, что это за отель, как он функционирует и какой работник им нужен. Затем стал задавать мне вопросы, выясняя, на что я способна.

— Приходилось ли вам работать на счетной машине? — спросил он.

— Нет, — ответила я.

— Приходилось ли работать на коммутаторе?

— Нет.

— Приходилось ли начислять жалованье? — продолжал он, вскинув голову и подняв брови.

— Нет, — ответила я, начиная чувствовать себя неловко.

— Так вам вообще не приходилось держать в руках бухгалтерскую книгу? — Его перо, которым он собирался записывать мои таланты, давно уже покоилось неподвижно.

— Ну, а печатать на машинке? — Похоже, он задал этот вопрос исключительно для того, чтобы хоть раз вытянуть из меня положительный ответ.

— Умею, — ответила я и тут же поправилась: — Одним пальцем. — Я чувствовала, что мы заходим в тупик.

— Ну хорошо, начнем танцевать от печки, — с улыбкой сказал он. — Что вы умеете делать?

— Я? — сказала я, смеясь. — Я умею доить коров! Хотите верьте, хотите нет, но я была принята.

Глава вторая

ПРО ИСКУССТВЕННЫЕ НОГИ И ВЫХЛОПНЫЕ ТРУБЫ

Когда начинаешь карьеру в гостинице или за стойкой бара, быстро учишься всему. Работа, на которую тебя приглашали, — это само собой, но в жизни гостиницы постоянно возникают авральные ситуации: то надо срочно помочь в ресторане, то за кассой, а то и взбивать постели.

Одна из обязательных хитростей при такой работе — показывать всем своим видом, что держишь ситуацию под контролем, хотя печенкой чувствуешь, что это далеко не так. (Думаю, всякий, кто имел счастье или несчастье работать в гостинице, знает, что великолепная программа Джона Клиза «Фолти Тауэрс» не так уж далека от действительности, как ны это могли себе представлять.) Искусству держать хвост пистолетом я научилась у мисс Шины Браун.

Я проработала в гостинице всего несколько месяцев, когда мистер Бэрри сообщил, что вскоре приступает к работе новая старшая дежурная. Тут наш старший официант по имени Фрэнк, любитель всяческих розыгрышей, выскочил из ресторана и облокотился о стол администрации.

— Я слышал, у нас будет новая старшая дежурная? — как бы мимоходом заметил он.

— Да, — ответила я. — Мне только что сообщили об этом.

— А не знаешь случайно, как ее зовут?

— Как же, знаю. Мистер Бэрри сказал: Шина Браун.

— Шина Браун? Уже не та ли самая, что из... из... — Фрэнк нахмурился и почесал голову, стараясь вспомнить.

— Да вроде говорили, что она переходит к нам из отеля «Бристоль», — сказала я, удивляясь, чем вызвана столь странная реакция Фрэнка.

— Ну да... она самая! — сказал он, изобразив на лице приторный ужас. — Только не это!

Я подозревала, что он меня разыгрывает, но в душу закралось сомнение: а вдруг она и в самом деле чудовище, эта Шина? К тому моменту, когда Шина должна была появиться, я была как на иголках.

Мисс Браун оказалась малорослой, небрежно одетой блондинкой со строгим с виду лицом. К тому же от меня не ускользнуло, что накануне она крепко выпила. Откуда мне было знать, что коллеги по прежней работе устроили ей отвальную пирушку?

— Добрый день. Чем могу быть полезна? — сказала я.

Стараясь удержать прямо свою идущую кругом голову, Шина изрекла:

— Я Шина Браун, вы меня ждете. Где ключ от моей комнаты?

Никогда в жизни не видела такой кислой физиономии. Ни улыбки, ни малейшего признака дружелюбия. Конечно, на собственные впечатления наложилась мастерская игра Фрэнка, но в тот момент я была совершенно уверена, что мы с ней не сработаемся.

— Сейчас я позову носильщика, он отнесет ваш багаж, — сказала я дрожащим голосом и пошла к коммутатору позвать носильщика. Мало того, что от нервного напряжения я налетела на стул, так еще носильщика не оказалось на месте. Ну, думаю, эта дама с бесстрастным лицом уже поняла, какая я неумеха. Отворачивая свою залитую краской физиономию, я сказала, что пойду поищу носильщика, и вылетела в коридор.

На мое счастье, из кладовки как раз вышел носильщик. Я отчаянно помахала ему, чтобы он подошел. Подхватив багаж Шины, он увел ее по коридору в отведенную ей комнату.

Я была расстроена. За несколько месяцев, что я проработала в гостинице, я успела полюбить это дело. А с такой коллегой у меня, похоже, не будет никаких перспектив.

...Но уже в ближайшие две недели все выяснилось. Это она только показалась мне бесстрашной и суровой. Все это — шелуха, а ядрышко-то под ней хорошее! Ну, выпила накануне, ну встала не с той ноги — с кем не бывает! И хотя в дальнейшем выяснилось полное несходство наших увлечений и интересов, между нами завязалась тесная дружба, которая ныне крепка, как никогда! Со временем я поняла, как была не права, подозревая Шину в холодности натуры. Любая женщина, встретившая на жизненном пути такую верную подругу, может быть благодарна судьбе. Чуть у кого что наперекос, она тут как тут — готова и защитить, и окружить заботой. Завидую Шине — у нее стальные нервы, чем я сама не могу похвастаться.

Что нас с Шиной роднит, так это чувство юмора. Уж на что Фрэнк мастак устраивать розыгрыши, она и тут даст ему сто очков вперед. Как-то мы ловко подшутили над нашим администратором, которую звали Джин. А надо вам сказать, что в тот момент в прессе отчаянно муссировалась тема о нелегальных иммигрантах.

Однажды в свой выходной день Шина позвонила в нашу гостиницу и, изменив голос, спросила Джин, есть ли номера в отеле, сколько они стоят. Она, мол, привезет целый пароход постояльцев, но никак не ранее половины одиннадцатого ночи. Так сколько, вы говорите, за номер? Дороговато, но сойдет. Будут спать вповалку, по десять человек в комнате — так оно выйдет дешевле...

От такого сообщения у Джин едва не случился сердечный приступ. Все же она набралась мужества и сказала: позвольте посоветоваться с менеджером, потом созвонимся. Ничего страшного, ответила Шина, пароход ползет как черепаха, может, еще и сломается в дороге — успеем договориться!

Вы себе представляете, какую скорбную атмосферу застала Шина по возвращении в гостиницу. Особенно тяжело на сердце было у бедного менеджера — только сел составлять планы по увеличению притока гостей и тут — на тебе, такой звонок! Еще пойдут слухи, что его заведение привечает иммигрантов целыми пароходами! Когда Шине объяснили причину всеобщего мрачного настроения, она конечно же поведала, как всех провела...

Мы отыгрались на ней потом. Как-то раз к нам на неделю приехала весьма почтенная дама. Уж так получилось, что наша гостиница пользуется большой популярностью у людей пожилого возраста, а с такими, сами знаете, хлопот полон рот: го подай, это подай, то комод в номер поставь, то еще что-нибудь! Охотнее всего возится с подобными гостями наша

горничная миссис Хаккер, снискавшая славу мастерицы уstraивать пирушки с шампанским!

Когда вышеназванная почтенная дама прибыла в гостиницу, на дежурстве была Шина. Записавшись в книге постояльцев, гостья спросила: сможет ли персонал раздевать ее на ночь? Шина как могла деликатно объяснила, что, хотя гостиница предоставляет своим клиентам широкий набор услуг, таковая не предусмотрена лишь потому, что ни разу никто об этом не просил. Перейдя на шепот, леди объяснила: не нужно снимать с нее платье, нижнее белье и прочее, но у нее, к несчастью, искусственная нога, и, чтобы снять ее, нужна помощь. Шина, в которой пробудились материнские инстинкты, обещала помочь.

— Вот так всегда, — сказала Шина, когда гостья ушла к себе в номер. — Когда я на дежурстве, всегда случается что-нибудь подобное.

Но делать нечего — верная своему слову, Шина пришла в положенный час, помогла снять протез и поставила его в прихожей номера. Затем, вернувшись в контору, во всех подробностях описала операцию.

— Черт возьми! — закончила она. — Завтра с утра мне опять идти и надевать его обратно!

Дождавшись глубокой ночи, когда гостья уж точно смотрит десятый сон, мы с Джин достали запасной ключ от ее номера и на цыпочках прокрались туда. Так и есть: леди дрыхнет как убитая, а искусственная нога стоит, прислоненная к стенке, точно там, где говорила Шина. Ну, мы ее цап, ключ в замок — и были таковы.

Утром мы с Джин, как ни в чем не бывало, сели выписывать счета постояльцам, которые собирались уезжать. Шина ушла помогать гостье. Вернулась, а на ней лица нет.

— Ты что-то, Шина, не в духе нынче. Что стряслось? — как бы невзначай спросила я.

— Вы... не поверите... — сказала Шина, поднося руку ко лбу. — Она... исчезла!

— Кто? — спросила Джин, бросив на меня хитрый взгляд.

— Нога, — ответила Шина. — Ее искусственная нога. Как сейчас помню, я отцепила ее и поставила к стенке! Не сама же она ушла!

— Да, странный случай, — согласилась я. Джин отвернулась, не в силах сохранять бесстрастное выражение лица. — И что ты ей сказала?

— Она еще ни о чём не знает. Я извинилась, сказала, что мне надо отойти ненадолго и что скоро вернусь,— промямлила Шина.

— А ты носильщика спрашивала? Может, когда он собирал туфли для чистки, прихватил заодно и ногу вместе с туфлей?

— Не говори глупостей! — оборвала меня Шина.

— Минуточку... А это что вон там, в углу? — сказала Джин и, пробравшись сквозь коробки, извлекла пропавшую конечность.

— Ах вы паршивки! — прошипела Шина, видя, как мы с Джин покатались со смеху.

— Да, вот такие мы паршивки! — ответила Джин.— Но посмотрела бы ты на себя в зеркало, когда принесла нам новость. Любо-дорого было поглядеть!

Пока я работала, мама помогала мне растить дочурок, которым тогда было соответственно два и три года. Но потом мама заболела, и я поняла, насколько я от нее завишу. Можно было, конечно, нанять кого-нибудь присматривать за ними, но финансы не позволяли. Становилось очевидно, что мне одной не поднять двух крошек.

Дело дошло до суда, и решение было вынесено следующее: с понедельника по пятницу с дочками вожусь я, в субботу и воскресенье — Джимми. Но девчонок это очень нервировало, особенно младшую, Кэрри.

В конце концов я решила уступить дочурок отцу, хотя это было очень больно и тяжело. Но в таком возрасте они вряд ли будут переживать, потеряв меня, а у отца крепкая спина, надежные плечи, хороший тыл — что еще? Я решила, что лучше всего не поддерживать с ними никаких контактов, кроме подарков ко дню рождения да к Рождеству. Я любила дочурок всем сердцем — потому и согласилась отпустить их от себя.

...Обе дочки возобновили отношения со мной, когда выросли. Но мои родители постоянно поддерживали связь с ними, и я всегда была в курсе, как у них дела. Я счастлива, что теперь мы общаемся друг с другом, хотя и жаль, что я не имела возможности наблюдать, как они подрастают. Джимми оказался хорошим отцом и прекрасно воспитал их. Я горжусь тем, что младшая дочь Кэрри служит в конной полиции, а Уэнди, изучив множество языков, живет в Германии и работает в компании «Бритиш Эйруэйз».

Примерно в это время Шина получила долгожданную визу в Австралию. Ну, думаю, пора и мне сматываться отсюда,

подальше от горьких воспоминаний! Вскоре я нашла работу в Озерном крае, тоже в гостинице.

Я никогда прежде не видела столь красивой страны. Моему взору открылись огромные леса, взбиравшиеся по склонам холмов, и высившаяся на горизонте неровная цепочка гор. За каждым поворотом затейливо бегущих дорог открывался новый пейзаж — то шумящие водопады, струящиеся по поросшим мхом валунам, то мерцающее безмолвие озер. Да что там другой ландшафт, здесь совсем иное течение жизни — куда более спокойное, неторопливое...

Отель, куда я устроилась на работу, был старым, и жила я непосредственно в нем — к жалованью прилагалось и проживание. У меня была уютная комната, а в буфетной можно было сварить себе кофе.

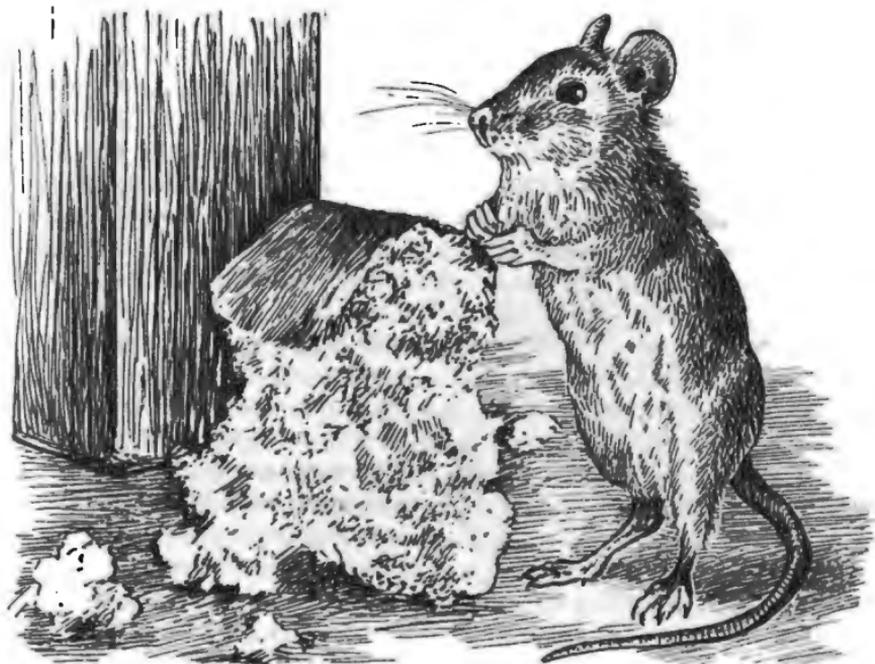
Я распаковала свои пожитки и не заметила, как наступил вечер. А не сходить ли мне в самом деле в буфетную, решила я. Все кругом было тихо; идя по коридору, я ни с кем не встретила.

Толкнув дверь в буфетную, я увидела, что там темно. Я машинально провела ладонью по стене, пытаясь нащупать выключатель, но ничего не обнаружила. Я взгляделась во тьму; нет, полный мрак, только из одного угла доносилось тихое шипение. Это шипел большой стальной куб, где круглосуточно грелась вода, чтобы в любой момент можно было предложить постояльцу чай или кофе. Язычок пламени газового рожка, нагревавшего куб, высвечивал контуры чашек и блюдца, так что можно было не искать, где же этот чертов выключатель.

Сделав несколько шагов по полу, я почувствовала, что у меня под ногами что-то хрустит. Должно быть, кто-то рассыпал сахар и не подмел, подумала я. Внезапно в буфет вошел носильщик, привычным жестом включил свет и, увидев, что он здесь не один, исторг истошный вопль. Эхом отозвался мой крик: как выяснилось, под ногами у меня хрустел вовсе не сахар, а... полчища тараканов!!!

Накричавшись, мы одновременно приложили пальцы к губам, делая друг другу знак замолчать. Потом рассмеялись и обменялись приветствиями. Как я поняла, излюбленной забавой у служащих гостиницы, остающихся на ночное дежурство, почиталась следующая: все занимают позиции, рассяживаясь на холодильниках; затем кто-то по знаку врубает свет, и все прыгивают на пол и соревнуются, кто раздавит больше тараканов, пока они не успеют скрыться!

Вот тебе, бабушка, и первый контакт с фауной Озерного края, подумала я. В Англии существуют шесть видов тараканов;

три из них автохтонны для Британии; они обитают в основном в лесах Южной Англии и редко попадаются на глаза. Иное дело три других вида — пришельцы из разных стран; они предпочитают более теплые условия проживания, например кухни и пекарни. Конечно, в наши дни, при наличии хороших пестицидов, ситуацию можно держать под контролем, но у тараканов есть одно неприятное свойство: они умеют мастерски сплющивать тело, благодаря чему пролезают в самую узенькую щелку. В общем, все сходится на том, что таракан (равно как и мышь) в кухне и столовой — это не к добру.

Кстати, мыши к нам тоже заглядывали. Как-то у нас в столовой сидела единственная посетительница — молодая леди — и доедала обед. Тут одна из официанток, к своему ужасу, заметила другого едока — мышонка, уютно устроившегося под столом и уписывавшего оброненный кем-то бисквит. Слава Богу, у официантки хватило ума не предпринимать никаких действий, а то ведь, знаете, при виде мыши иные леди на стол вскакивают, этого еще не хватало! К счастью, мышонок кончил свой обед первым и, так и не замеченный юной леди, шмыгнул под комод — прямо как был, с крошками бисквита на усах, потому что салфетками мыши не научились

пользоваться. Правда, в конце дня, когда столовая была уже закрыта, он покинул сей укромный уголок.

В выходные дни я без устали исследовала местность. Чем дальше я забиралась от крупных городов, тем больше находила удивительных, неиспорченных мест. Оленей мне, к сожалению, так и не удалось увидеть, зато не раз видела рыжих белок. Жаль, конечно, что эти милые зверьки стали такой редкостью у нас в стране — ведь их существование почти полностью зависит от старых хвойных лесов. Именно хвойные деревья — особенно шотландская сосна — яв-

ляются для них практически единственным источником пищи: белки поедают и шишки, и молодые побеги, и даже кору деревьев. Иногда рыжие белки встречаются и в лиственных лесах, если там есть лесные орехи и хоть немного хвойных деревьев, богатых шишками.

Редко приходится слышать мнение, будто серая белка виновна в уменьшении численности рыжей. Но дело-то в том, что это животное более жизнестойкое и менее капризное, следовательно, неплохо устраивается там, где рыжая белка не может.

У рыжей белки милые кисточки на кончиках ушей, особенно заметные зимой, красивое белое брюшко и роскошный пушистый хвост. Большую часть жизни они проводят на деревьях и редко показываются на глаза, говорят, что во время брачного сезона самец издает похожие на чиханье звуки, скликающая других обитающих в округе кавалеров, и они всем скопом устремляются в погоню за дамой сердца. Так что имейте в виду: если окажетесь в Озерном крае, будучи сильно простуженным, не удивляйтесь, когда компанию вам составит целая стая рыжих белок. Ну, а если в том направлении, куда вас ноги несут, предмета страстных воцелений вдруг не окажется — так разве ж ваша в том вина?

...Путешествуя в один из своих выходных дней в окрестностях озера Бассентуэйт, я впервые в жизни увидела зимо-

родка. Он сидел на ветке и наблюдал за бегущим внизу потоком. Мне никогда не доводилось встречаться с более красочным созданием. Тело у него было оранжевое, синие голова и крылья переливались в лучах солнца, а клюв — только гляньте, клюв едва ли не длиннее тела! Прислонившись к стволу дерева, я любовалась им как замороженная.

Вдруг зимородок сорвался с ветки и полетел в направлении, противоположном течению потока. Он будто увидел что-то в воде и устремился в погоню. Я едва успела заметить, как он нырнул и вновь появился на глаза — с крохотной, но, очевидно, ценной добычей. Затем он скрылся из виду.

Как правило, зимородки устраивают себе гнезда во влажном грунте на крутых берегах рек: птица роет нору клювом, выбрасывая лапками выкопанную землю. После того как сооружен туннель длиной от шести до сорока дюймов, в конце его устраивается гнездовая камера. За один сезон на свет появляются два, а то и три выводка.

Зимородок обычно ловит рыбу в одних и тех же местах, и благодаря этому удалось снять целый фильм о том, как эта удивительная пичужка ныряет за добычей¹. Создатели фильма прибегли к весьма остроумному приему: выбрали место, где регулярно ловил рыбу зимородок, и поставили там в воде большой стеклянный бак вроде аквариума, который периодически наполняли рыбой. Нечего и говорить, что птаха пристрастилась к столь легкой добыче. Затем постепенно, чтобы не спугнуть птицу, в течение шести месяцев бак поднимали все выше к поверхности воды, пока он не оказался на таком уровне, что оператор смог заснять не только момент ныряния зимородка, но и весь процесс погружения и выныривания птицы с добычей в клюве. Не правда ли, ловко придумано?

В той части Озерного края, где я тогда жила, автобусное сообщение не отличалось особой надежностью. Так как наш отель располагался довольно далеко от крупных городов, то, если кто из нас туда отправлялся, сослуживцы заваливали его (ее) просьбами привезти им то да се. Однажды я собралась за покупками в Кендал. Дорога туда и обратно с пересадкой в городке Кесуик занимает почти целый день, но для меня это не было утомительно, потому что глаз не оторвешь от завораживающих пейзажей за окном автобуса. Дорога летит

¹ Английское название зимородка — kingfisher, что буквально переводится как «король-рыболов».

с холма на холм, мелькают крохотные фермерские домики да тянутся, сколько видит глаз, разгораживающие владения сухие каменные стены. Иногда трава уступает место более каменистой почве, покрытой по большей части папоротником-орляком, заросли которого достигают крутых горных вершин. Здесь уже не встретишь привычных каменных стен — эта земля не представляет большой ценности для выпаса овец, так что разгораживать ее особенно незачем. Но везде, где травку можно было пощипать, бродили овцы, и меня всегда удивляло, как фермер умудряется их находить. Поговорив с местными жителями, я узнала вот что: одно и то же стадо овец живет на ферме из поколения в поколение и далеко от родной фермы не уходит. Когда у овец появляются ягнята, матери прививают им чувство собственной территории. В общем, здешние способы овцеводства совсем не похожи на принятые в других местах, где овец продают с фермы на ферму и держат на огражденных полях. Тут если хочешь продать ферму, то только вместе с привыкшими жить на ней овцами; в противном случае повсюду будет шататься немало «приживалок», а это к добру не приведет.

Итак, я купила все, что хотела, и двинулась в обратный путь. Приезжаю на автостанцию в Кесуик, где мне нужно сделать пересадку. Вдруг вижу на доске объявлений записку на свое имя: зайдите в контору, там вас ждет важное сообщение. Удивляясь, что же такое случилось, я захожу в контору. Да нет, ничего особенного, просто меня разыскивает наш шеф Найджел. У него что-то там полетело в машине, не буду ли я так любезна заглянуть в мастерскую «Кесуик моторс» и захватить одну маленькую детальку? Сам он подъехать, ясное дело, не может. Что ж, начальство надо выручать. Я записала номер детали и отправилась в мастерскую.

По дороге сообразила, что денежек-то у меня кот наплакал. В мастерской стоял дым коромыслом, все были по горло заняты работой. Но вот наконец к столику администратора подошел человек средних лет и спросил, чем он может быть полезен. Я отвечаю: так, мол, и так, нужно забрать деталь номер такой-то. Сколько с меня за ремонт, спросила я дрожащим голосом. Когда он назвал сумму в тридцать фунтов, я чуть не упала в обморок — денег у меня было едва-едва на дорогу, чековой книжки с собой тоже не было.

— Ничего страшного, — утешающе сказал мастер. — Я вас знаю, так что доверяю вам.

— Благодарю, это очень мило с вашей стороны, — ответила я, и мы отправились за деталью.

Когда я увидела, что это за деталь, то сразу подумала: уж лучше бы он не был таким доверчивым! Это оказалась выхлопная труба в комплекте с глушителем.

— Будьте осторожны в дороге! — напутствовал меня мастер, водружая мне на плечо вышеозначенную деталь.

Теперь представьте себе, что значит шагать по городу с восьмифутовой выхлопной трубой на плече — на тебя все показывают пальцем. Когда я пришла на автостанцию, то почувствовала себя в еще более идиотском положении — труба у меня в руках выглядела как дубина разбойника с большой дороги. Наконец из конторы автостанции вышел один из водителей и спросил, что мне надо.

— Я жду автобуса,— простодушно ответила я.

— Кто же тебя с этой хреновиной в автобус-то пустит, а?

Все же проформы ради весь персонал автостанции засел за служебные инструкции, и после десяти минут дискуссий был вынесен приговор, что выхлопную трубу следует квалифицировать как предмет повышенной опасности, который перевозке автобусным транспортом не подлежит. Я решила попробовать вызвать такси. Теперь уже весь персонал автостанции рвался поддержать мне дверь, чтобы я могла спокойно выйти, никого ненароком не стукнув. Прислонив свое опасное орудие к телефонной будке, я набрала номер.

— Добрый день. Чем могу быть полезен? — спросил джентльмен на другом конце провода.

— Могу я заказать такси до Бассентуэйта?

— Безусловно, мадам. Где вы находитесь?

— На автостанции Кесуик,— ответила я.

— Желаете, чтобы вам подали такси немедленно? — вежливо осведомился он.

— Да, пожалуйста.

— Как я могу вас узнать?

— Очень просто. У меня в руке восьмифутовая выхлопная труба.

Что почувствовал учтивый джентльмен на другом конце провода, мне остается только гадать. Какой же урок из этой истории вынесла для себя я? Иногда можно быть и услужливой, но нельзя позволять вить из себя веревки. Всему есть предел.

Первое мое знакомство с Озерным краем произошло осенью — помню, меня удивило, почему автодороги здесь такие широкие. Я все поняла только летом, когда начался наплыв туристов. Ну, а пока дивные красные и коричневые краски осени сменились на моих глазах бледными красками зимы, нахлобучившей на холмы белые шапки. Не успела оглянуть-

ся — и вот уже вспыхнул фейерверк белых весенних цветов и свежей зеленой листвы. И снова настало время прогулок в экипажах, веселых чаепитий (когда особенно хорошо идет чай со сливками), ну и, конечно, мороженого! Я снова поменяла место жительства и переехала в Суссекс.

Теперь у меня была должность заведующей баром-рестораном, каковая диктовала совсем другой стиль жизни, нежели тот, к которому я привыкла. Мой босс владел несколькими барами, превращенными им в закусочные, — тогда, в 70-е годы, заведения такого рода были в новинку. Я поработала во многих из принадлежавших ему ресторанчиков и осталась довольна всеми.

Одно из таких заведений находилось в приморском городе Сифорде и называлось «Хоул-ин-зе-Уолл» — «Дыра в стене»... Ну, это хозяин поскромничал — ресторанчик вовсе не был дырой. В праздники наезжало много народу, и дела наши существенно улучшались. В штате у нас было несколько испанцев; один молодой официант — земляк Сервантеса — очень привязался ко мне и вслед за мною перемещался из ресторанчика в ресторанчик. Пепе — так его звали — едва-едва говорил по-английски, но старался выучиться. Ну и я, конечно, приложила руку и обучила его нескольким английским словам. Пепе был коротышка с темными курчавым волосами, необыкновенно учтив и спор в работе. Однажды он и его девушка прислали мне на Рождество открытку с надписью крупным шрифтом: «ЖЕЛАЮ СЧАСТЛИВОГО РОЖДЕСТВА МОЕЙ ДОРОГОЙ ЖЕНЕ». Нет, он не считал меня своей супругой, а просто не смог перевести надпись, когда покупал открытку...

Были у нас и еще испанцы — молодая пара Тони и Эспе, помогавшие по кухне, а также Эрн, который мыл посуду и полы. Этот самый Эрн обожал ловить рыбу с волнореза во время прилива. Я не могла смотреть, как пойманная рыба плавает в ведерке, судорожно хватая воздух, и обычно избегала встречи с Эрном и его друзьями, пока они ее не разделают.

Как-то вечером я стала свидетельницей такой сцены: на столе стоит таз, в нем брюхом кверху плавают рыбины, а на стуле сидит Эспе и с помощью двух вилок поддерживает одну из рыбин в вертикальном положении, словно надеясь воскресить ее. «Жалеет, — подумала я. — Есть-таки сердце у девушки!»

— И как ему только не стыдно, — сказала я. — Зачем рыб мучает! Отрезал бы им сразу головы, и дело с концом.

...Придя полчаса спустя, я почувствовала в воздухе аромат жареной рыбы. Вместо таза на столе стояло блюдо, из двух вилок осталась только одна, а рыба — в которой трудно было

узнать недавно пойманную — была не только приготовлена, но и почти вся скушана.

— Эспе! — крикнула я, шокированная увиденным. — И ты ее... еще и жрешь?!

— О да! Она уже неживой, мы их кушать, — сказала Эспе, с жадностью набивая рот очередным куском рыбы. «Какая бесчувственная девушка», — подумала я.

Из всех ресторанчиков, где мне тогда довелось поработать, больше всего мне понравился один под названием «Ячменная скирда» — видимо, потому, что оформлен он был в виде... коровника! Кабины для посетителей были сделаны в виде коровьих стойл, а над стульями висели медные таблички с коровьими кличками. Завсегдатаи заведения, резервировавшие одни и те же места, называли друг друга не иначе как этими кличками. Но все-таки это был не хлев, а первоклассный ресторан, так что по выходным дням и по вечерам я, по требованию начальства, выходила принимать заказы у посетителей и указывать им места за столиками в длинных вечерних платьях.

Был у нас один совсем юный официант, который так тщательно скрывал свои способности, что догадаться было практически невозможно. Требовались железные нервы, чтобы его чему-то научить. Однажды в субботу у нас был званый ужин; и вот он, как всегда, приплелся и пропищал дрожащими губами: «Чем могу сегодня быть полезен?» У меня в ушах еще звенели слова, сказанные шеф-поваром несколькими минутами раньше: «Не подпускайте этого бродягу к кухне, иначе размозжу ему голову половником!» Мне было жаль беднягу, и я подумала — может, он сумеет оформить тележку со сладостями?

— Да все уже почти сделано. Видишь, даже блюда с пирогами расставлены. Ты вот пойди проверь, все ли кувшины для сливок налиты, все ли ложки на месте, да разложи на блюде пирожные-эклеры. После этого кати сюда тележку. Ясно задание?

Юноша кивнул, одарив меня широкой улыбкой. Он был явно польщен тем, что ему в кои-то веки хоть что-то поручили.

Примерно полчаса спустя шеф-повар объявил, что первое блюдо готово. Настало время запускать гостей в залу. И что я вижу — на привычном месте стоит тележка для сладостей, на ней гордо красуется огромное блюдо, устланное листьями салата-латука; по краям разложены нарезанные помидоры, в центре высится горка огурчиков-пикулей, а вокруг ведут свой хоровод шоколадные пирожные-эклеры.

Ей-богу, я вынуждена была согласиться с нашим шеф-поваром!

Успех моей работы зависел от успеха заведения в целом и конечно же от выручки за закуски и напитки. Как-то раз к нам в ресторан пришел молодой человек и предложил по дешевке половину свиной туши. Я подумала: из такой шикарной туши можно наделать столько разных блюд, дела у нас пойдут в гору! Кусок поступил целиком, но я была уверена, что шеф-повар сумеет его разделать. Молодой человек любезно согласился отнести его в холодильник и там повесить на крючок. У шеф-повара был выходной день, но назавтра он должен был появиться. Я заплатила молодому человеку из выручки, и он был таков.

Когда шеф-повар появился, за дежурную была Бриджет. Она и показала ему половину свиной туши, висющую на крючке.

— Не правда ли, шикарный кусок мяса? — пропела она на своем мелодичном ирландском наречии.

— Конечно,— поддакнула я.— И главное, дешево! Я уже слышу, как у нас в кассе шелестят денежки!

И надо же было случиться, что ровно полчаса спустя наш босс мистер Мартин, которому и принадлежала эта сеть ресторанчиков, позвонил узнать, все ли в порядке. Он имел привычку каждую неделю обзванивать все принадлежащие ему заведения и расспрашивать, как идут дела. А надо вам сказать, что это был человек строгих правил: чуть где перегорит лампочка или какая ложка-вилка не на месте, не преминет указать.

— Все в порядке, мистер Мартин. Дела идут неплохо, все живы-здоровы.

— Ну вот и прекрасно, Паулина,— ответил он.— Слава Богу, что все замечательно. Да, чуть не забыл: тут, говорят, один тип ходит, предлагает краденое мясо. Если и к нам заглянет — гони его метлой.

— Разумеется,— выдохнула я, а перед глазами встала половина свиной туши, подвешенная на крючке в холодильнике.— Будет сделано.

С этими словами я повесила трубку.

Ну, что мне теперь делать? Как раз в этот момент вошла Бриджет, окончившая положенную работу.

— Прекрасно! — сказала она.— Ну, я сматываюсь! До завтра!

— погоди, Бриджет,— дрожащим голосом произнесла я.— Ты не хочешь забрать себе эту половину свиньи?

— А почему вы от нее отказываетесь? — спросила Бриджет.

— Ну, видишь ли...— я пожала плечами,— звонил босс и сообщил, что заказал такую же.

— Тогда понятно! А что, неплохо, тем более за такую цену! Только как я повезу ее? Ее же надо разделать!

— Нет проблем,— легкомысленно сказала я, полагая, что и в самом деле быстро выкручусь.— Подъезжай к четверем, я тебе ее разделаю.

— Ты просто прелесть,— улыбнулась Бриджет.— Я подъеду к четверем.

Я ерзала на стуле, дожидаясь, когда же кончится время ленча и посетители уберутся ко всем чертям. Я все больше осознавала свою вину, и половина свиной туши тяжким камнем легла мне на плечи.

Едва закрылась дверь за последним посетителем, я ринулась наверх за поваренной книгой — должна же там быть схема разделки свинины, с указанием всех суставов! Так, вот и она. Я стремглав бросилась вниз, к холодильнику. Разложив на столе схему разделки, словно карту поля сражения, я устремила свой взор на ненавистного врага — половину свиной туши.

Сами понимаете, половина туши — вещь громоздкая и жутко тяжелая. Более того, при ближайшем рассмотрении оказалось, что парень насадил ее не на один, а сразу на два стальных крючка, цепляющихся другим концом за металлический стержень. Взгромоздив тушу себе на плечи, я попыталась ее отцепить. Какое там! Только отцеплю один крюк, сразу втыкается другой. Понадобилось десять минут борьбы, прежде чем мне удалось ее высвободить, и вся эта махина рухнула на меня. Я втащила ее в кухню и взвалила на стол. Так! Разложим-ка ее в точности как показано в книге. А, вот они, суставы. Ну что ж, начнем!

Накрыв свинье морду полотенцем, чтобы она не могла смотреть на меня, я принялась за разделку. Поначалу операция шла блестяще, но дело застопорилось, когда я дошла до сустава ноги — я не могла сообразить, как к нему подступиться. Ладно, пусть так и остается, решила я. Я уже собралась укладывать отрезанные части в мешок, когда вошла Бриджет.

Названия суставов, вычитанные мною в поваренной книге, еще не успели выветриться у меня из головы. Наконец, мы дошли до того злополучного.

— Видишь ли, Бриджет,— сказала я, укладывая неразрезанную часть в мешок,— я не знаю, сколь велика у тебя семья, и даже думала — может, зря нарезала так мелко, может, у вас большими кусками жарят! В любом случае — побереги этот кусок для какой-нибудь вечеринки! Он до того красив, что не худо подать его целиком!

— Кусок действительно роскошный,— сказала Бриджет.— Я не знаю, как тебя и благодарить!

— Не стоит благодарности,— пробормотала я и помогла Бриджет погрузить мясо в машину.

«Слава Богу, проблема снята»,— подумала я, вернувшись в кухню и прислонившись к двери. В руке были зажаты асигнации, которые нужно было положить обратно в кассу взамен того, что я уплатила за половину туши. Теперь, когда последняя была разрезана на куски, никто не смог бы признать в ней покражу, которую мы по незнанию купили сегодня поутру. Я вплоть до нынешнего дня не осмеливалась кому-либо рассказать об этом: мало ли, донесут еще, обвинят в скупке краденого! А теперь, по прошествии стольких лет, кто мне что сделает!

Среди нашей постоянной клиентуры самыми экстравагантными были... местные ведьмы. Да, да — самые настоящие ведьмы, которые занимались белой магией и иногда исцеляли животных. В перерывах между шабашами заходили в наш ресторанчик. Излишне объяснять, что я в два счета нашла с ними общий язык, и, честно говоря, редко где мне доводилось встречать столь интересных собеседниц! Когда я в очередной раз решила сменить место жительства, они подарили мне на прощание диск из желтого стекла диаметром двенадцать дюймов¹, изображающий солнце. Береги его, сказали ведьмы, он приносит счастье и удачу! Он хранится у меня и поныне.

Все это время мы активно переписывались с Шиной, которая два года странствовала по всей Австралии и в конце концов решила, что хватит. А у меня как раз появилась возможность арендовать на паях старинный кабачок, остро нуждавшийся в модернизации. Я тут же написала Шине: не захочет ли стать моим партнером? Она согласилась, и сразу после ее возвращения в Англию мы взялись за дело.

Кабачок «Бервик-Инн» был уже десять лет как закрыт. Хозяин настолько утратил к нему интерес, что когда в последний раз запирали, то даже не вынул ключ из замка. Открыв дверь, мы почувствовали, что сделали шаг в прошлое. Вся мебель и даже все бутылки так с тех пор и остались нетронутыми.

Ну уж мы и насладились жизнью, переворачивая в комнатах все вверх дном и извлекая на свет Божий массу разных диковинок. Во дворе мы обнаружили заброшенный, поросший сорной травой сортир, в который столько лет не ступала нога человеческая; когда мы расчистили траву и распахнули дверь, то увидели там замшелый стульчак, а под ним — ночную вазу с орнаментом в виде листьев ивы...

---

¹ Около 30 сантиметров.

Хотя мы давно были закадычными подругами, жить вместе нам довелось впервые, и понадобилось какое-то время, чтобы притереться друг к другу. Шина любит дрыхнуть чуть не до десяти утра, а я, как проснусь, запеваю веселые песенки. Ну что за подруга, думает Шина, ни выспаться не дает, ни поболтать с ней по утрам!

Как раз перед самым приездом Шиной из Австралии я приобрела щенка красного сеттера, который (вернее, которая) получил имя Шина. Вислоухая любимица принесла с собой проблемы,— кто понимает в собаках, тот знает, что щенка сеттера непросто приучить к порядку. Четвероногой Шине было уже шесть месяцев, а с ней по ночам еще случались казусы. Когда Шина-старшая вставала с постели и ходила по полу в носках, она неизменно наступала в эти лужицы. К тому же у вислоухой Шиной было обыкновение повисать на развешенном для просушки белье и прочих вещах. Шина убеждена: не кто иной, как ее четвероногая тезка повинна в том, что ее джемперы, которые прежде были ей по пояс, теперь закрывают колени.

Однажды эта крошка учудила вот что. Кто-то из нас двоих — может, я, а может, Шина — имел неосторожность оставить открытым выдвижной ящик, в котором стояла коробка с женскими тампонами. Ну, эта паршивка, конечно, дорвалась до коробки, вытащила оную на лужайку, рассыпала лежавшие в ней предметы по зеленой траве и принялась задорно жонглировать ими.

Увидев, что собачонка чересчур расшалилась, мы подскочили поближе посмотреть, что это ее так веселит. Ну, знаете, всему есть предел! Это верх собачьей наглости! Увидев, что мы несемся со всех ног, псина решила, будто мы тоже горим желанием поиграть, и в знак приветствия встала на задние лапы, радостно виляя хвостиком. В такой позе с тампоном в зубах она была похожа на миллионера с дорогой гаванской сигарой. А надо вам сказать, что кабачок наш стоит возле железнодорожной станции, и от путей его отделяет только садик — точнее говоря, лужайка, в центре которой устроен бассейн для рыбок. И вот пассажиры поезда, стоявшего на путях в ожидании, когда откроют семафор, липли к окнам, наблюдая, как мы вдвоем носимся вокруг бассейна, безуспешно пытаюсь поймать эту шалую собачонку и отобрать у нее так полюбившуюся ей игрушку. Только нам удалось это сделать — и поезд тронулся, увозя с собою бесплатных зрителей. Так опозориться на глазах у почтеннейшей публики!

Но, думаю, самые яркие воспоминания остались у Шины о том, как мы с ней и ее вислоухой тезкой катались на машине. В то время у меня был «мини-травеллер», и псина ездила на заднем сиденье: вставала на задние лапы, а слюнявую морду клала мне на плечо. Ну, а если за руль садилась Шина, которая ниже меня ростом, она водружала ей морду непосредственно на голову. Создавалось впечатление, что на Шине надета рыжая шапка, как у Шерлока Холмса, с собачьими ушами, ниспадающими на женские. Но больше всего раздражало Шину-старшую вот что: когда она поворачивала голову вправо-влево, на ее шею ложилась (в буквальном смысле слова) двойная нагрузка: вместе с ее головой поворачивалась и собачья. Зато вислоухая Шина могла спокойно обозревать окрестности, не прилагая для этого никаких усилий шейных мышц.

Неподалеку от кабачка находилось Арлингтонское водохранилище, и я частенько гуляла с собакой по его берегам. Здесь пространство открыто всем ветрам, холодное дыхание чувствуешь даже знойным летом: видимо, из-за этого сюда никто не приезжал отдыхать, зато так приятно было бродить в одиночестве! Живее всего запечатлелись в памяти песни жаворонка — никогда не забуду, как крохотный, невзрачный с виду певец устремляется к небу, вычерчивая виток за витком. Порою он возносится так высоко, что в бескрайнем голубом просторе видна только коричневая крапинка, а звонкий голос все так же ясно слышен далеко-далеко. Только не обольщайтесь, будто он поет исключительно ради того, чтобы усладить ваш слух, — он оповещает сородичей: здесь мои владения, я тут хозяин! Редко какая птаха обладает искусством петь на лету, жаворонок — одно из немногих счастливых исключений. Наверное, завидуют ему птицы, которые могут петь только сидя, — из поднебесья-то песня слышна куда дальше, чем с ветки! Возможно, поэтому жаворонок принадлежит к самым распространенным на территории Британии и Ирландии пернатым. Жаворонки устраивают свои гнезда прямо на земле, обычно в небольшом углублении, и во время прогулок я не спускала глаз с собаки — вдруг наткнется на незащитное гнездышко? Гнездо делается из грубой сухой травы и корешков, внутри устилается мягкой травой, а иногда и волосом. Я видела такие гнездышки с милыми крапчатыми яичками. Однажды моя собаченция вынюхала гнездо с уже вылупившимися птенчиками, но при виде рыжего чудовища жаворонок-отец нырнул в кусты, отвлекая его внимание. Поняв, в чем дело, я отозвала собаку.

Жаворонок питается в основном вегетарианской пищей, главным образом молодыми побегами; случается, что лакомятся посевами, но, ей-богу, удивительная песнь сторицей искупает копеечный ущерб — если язык повернется так его назвать. Жаль только, что ныне эти птицы стали довольно редкими, и каждую встречу с ними я считаю праздником.

К нашей радости, в округе оказалось достаточно мест, где можно было всласть погулять. Хочешь — иди на водохранилище, а еще лучше — в лес, принадлежащий Лесной комиссии. В последнее время муссируются слухи о переходе Лесной комиссии в частные руки. Было бы большим позором, если бы эти территории закрылись для свободного посещения публикой, — людям так нравится здесь гулять!

...Мало-помалу запущенный когда-то кабачок начал приобретать божеский вид. Кульминацией стало приобретение Шиной оригинальной печки для жарения на жиру — она была убеждена, что на такой хитроумной машине можно приготовить все, что угодно. Правда, я засомневалась на сей счет — у меня на памяти был случай, когда Шина пыталась сварить в кофеварке суп из пакета и, конечно, испортила кофеварку. Я колебалась, можно ли вообще доверять Шине одной хозяйничать в кухне.

Наконец кабачок был готов к открытию — пошло дело! Правда, обеды по будним дням были немногочисленны, да и выбор блюд не особенно большой. Как-то раз к нам зашла парочка и спросила два яйца по-шотландски и салат. Приняв заказ, я спустилась на четыре ступеньки вниз, где размещалась кухня.

— Шина, быстро два яйца по-шотландски и салат, — сказала я своей компаньонке, разбиравшей только что поступившие накладные на продукты.

— Господи, — ответила Шина, — они у нас все мороженые!

— Что же, пойду и скажу, что у нас нет.

— Да что ты, нельзя же расстраивать клиентов! Суну-ка я их в свою печку, мигом оттают.

— Да ты что, они же будут теплые!

— Значит, так: пойдешь и скажешь, что готовых яиц сейчас нет, но их вот-вот приготовят. Заодно поинтересуешься: ничего страшного, если они будут теплые? — сказала Шина, у которой на каждый вопрос всегда готов ответ.

Вернувшись в бар, я объяснила гостям ситуацию. Ничего страшного, ответили те, нам спешить некуда. Пусть будут теплые.

Распахнув дверь в кухню, я сделала Шине знак большим пальцем: во! Пять минут спустя я вернулась в кухню посмот-

реть, как дела. Шина уже разрезала яйца пополам. Снаружи они были покрыты хрустящей корочкой, а внутри такая льдышка, что можно пустить ко дну «Титаник».

— Ну, что нам теперь делать? — спросила Шина.

— Не бойсь,— сказала я и отправилась к клиентам.

— Мне очень неловко,— извинилась я,— но наш шеф-повар забраковал яйца, сказав, что они не отвечают тем требованиям, которые приняты у нас в заведении. Не желаете ли чего-нибудь другого? Приготовим сию же минуту.

Парочка не возражала — сошлись на сэндвичах, поджаренных в тостере. Я снова бросилась в кухню, доложила обстановку, и Шина принялась делать сэндвичи.

Опасаясь, что парочка уже заждалась, я вернулась в бар и стала занимать клиентов разговором — мол, кабачок только что открылся, повариха у нас новенькая (на самом деле Шина уже полгода как здесь осваивалась!) и до сих пор не знает, где здесь что.

— Сейчас пройдусь взгляну, наверняка уже готовы,— сказала я и удалилась.

Шина и в самом деле уже раскладывала кушанье на блюде.

— Значит, так. Я сказала им, что ты новенькая. Намек понятен?

Я вернулась в бар и стала протирать стаканы. Внезапно дверь открылась, и возникла Шина с подносом в руках:

— Простите, это здесь бар? Я тут недавно.

Трюк удался, мы победили. Кстати, еда клиентам понравилась, и они потом не раз захаживали сюда.

В общем, весь этот год мы жили не тужили, торговали-веселились. Хотя меня много раз отзывали помогать в других ресторанчиках, по большей части мы с Шиной работали вместе.

Как раз тогда я встретила Мака, который пришел в наш кабачок барменом. Он только что уволился из Королевских воздушных сил, решив попытать счастья в коммерции. Когда же представился случай выйти на новый виток — сменить кабачок на туристический лагерь в Норфолке, мы решили заняться этим делом вместе и переехали в небольшую приморскую деревушку Хоптон-он-Си, население которой возросло с двух-трех тысяч в зимние месяцы до сорока пяти тысяч в летние.

Мне потребовалось определенное время, чтобы привыкнуть к изменившимся масштабам работы. В нашем лагере было свыше 200 шале и, кроме того, 150 фургончиков на колесах; все их надо было привести в полную готовность к пасхальным праздникам. Один только факт: чтобы обойти все

туалеты в латере и спустить воду во всех унитазах (надо же убедиться в их нормальном функционировании!), требовалось ни много ни мало два человеко-дня.

Ну, а с приходом лета и вовсе вертись как белка в колесе: тут тебе работа и в баре и в кабаре и подготовка детских утренников. И так из года в год. Особенно памятными были знойное лето 1975-го и такое же 1976-го, когда житья не было от скопищ муравьев, забиравшихся в шале. Позади столика администратора стояла целая армада ящиков, в которых, словно стратегический запас пороха, хранился порошок от муравьев. Чуть кто придет с жалобой, тому банку в руки — и воюй. Диалоги проходили обычно по такой схеме:

— С добрым утром, сэр. Чем могу быть полезна?

— Помогите, ради Бога! — хныкал отдыхающий. — У нас в шале проходу нет от черных разбойников!

— Сочувствую вам, — кротко отвечала я. — У нас в этом году такое засушливое лето, сладу с ними нет. Вот вам антимуравьиный порошок — насыпьте, едва они покажутся на глаза.

— А они умрут от этого? — непременно спрашивал посетитель.

— О да, непременно! Пожалуйста, если еще возникнут проблемы, милости просим сюда.

Непреложное правило: не забудь одарить клиента самой лучезарной улыбкой, и он непременно уйдет счастливым.

Все это хорошо, но, когда по тридцать раз на дню повторяется одно и то же, появляется дьявольское искушение сделать что-нибудь наперекор.

— С добрым утром, сэр. Чем могу быть полезна?

— Помогите, ради Бога! У нас в шале проходу нет от черных разбойников!

— Сочувствую вам. У нас в этом году такое засушливое лето, просто сладу с ними нет. Вот вам антимуравьиный порошок, насыпьте, едва они покажутся на глаза.

— А они умрут от этого?

Это было уже слишком!

— Вообще-то нет, — ответила я. — Просто будут ползать медленнее. Тогда давите их сколько влезет.

— Прекрасно! — сказал посетитель и ушел.

Едва за ним закрылась дверь, постучался следующий страждущий. Тут я похолодела.

— С добрым утром, сэр. Чем могу быть полезна?

— Спасу нет от муравьев! — простонал вошедший.

— Скажите, а они ведут себя тихо?

— П-простите, я в-вас не понимаю,— промямлил ошеломленный собеседник.

— Я хочу знать — они ведут себя тихо?

— Вообще-то тихо,— лукаво ответил тот.

— Слава Богу! — вздохнула я.— Потому что, когда они входят маршем под грохот барабана и звон литавр, они делаются и вовсе несносными.

Слава Богу, мой собеседник обладал чувством юмора, и мы оба расхохотались. Порцию волшебного порошка я ему, конечно, выдала.

Пришло время, и мы с Маком решили пожениться. Мы жили неподалеку от лагеря, на улочке, состоявшей из четырех коттеджей с террасами — как раз в последнем. Наш коттедж был ближайшим к морю: стоило открыть дверь и спуститься по заросшей травой тропинке — и ты уже на песчаном пляже.

Осень и зима по-прежнему оставались моими любимыми временами года — весь пляж был моим и ничьим больше! Я могла сколько угодно бродить по золотому песку и слушать, как Северное море обрушивает на него свои грозные волны. Одна напасть — очень уж холодный ветер! Ничего, закутайся потеплее в шарф и гуляй смело.

Вдоль пляжа всюду, насколько видел глаз, тянулись домики для летнего отдыха. И все-таки то здесь, то там услаждающую взор благодать нарушали огромные неуклюжие буровые платформы, поставленные на якорь порою у самого берега.

Во время одной из таких прогулок моя псина наткнулась на что-то лежащее у деревянного волнолома. Она была довольно далеко впереди меня, но я обратила внимание, как она завилыла хвостом и подняла уши. Видно, что-то ее встревожило, подумала я. Собачонка опустила на передние лапы и затыкала, как бы приглашая кого-то поиграть. Я мигом бросилась к ней и отозвала назад.

Подойдя в волнолому, я поняла, что же так заинтриговало мою собаченцию. Впервые в жизни я увидела... Угадайте кого! Удивительной красоты детеныша серого тюленя, одетого в густую шубу кремового цвета. Его огромные черные глаза мигали, из них текли слезы, так что создавалось впечатление, будто детеныш сейчас забьется в рыданиях. Отойдя на несколько шагов, я подумала: уж не брошенный ли? Нет, вроде жирненький такой, милый тюлененок. Я сочла за благо отойти подальше: тюлени, как и другие животные, бывают очень агрессивны, когда у них маленькие. Скорее всего, мамаша где-то рядом, так что лучше оставить детеныша в покое.

Тюленята появляются на свет в красивой кремовой шубке, но носят ее всего две-три недели, пока кормятся материнским молоком. Затем пробивается взрослая пятнистая шуба. Новорожденный тюлененок весит около 15 килограммов, но за две-три недели почти утраивает свой вес. А молоко у тюленихи очень жирное — до 50 процентов, тогда как у коровы только 4. Стоит ли удивляться, как быстро подрастают тюленята!

Ну, естественно, мы с собакой отправились назад в коттедж, оставив тюлененка на месте. Он выглядел очень здоровым, и я была уверена, что его мамаша вернется, но все-таки решила во второй половине дня сходить проверить, там он или нет.

Тюлени — поражающие воображение существа: они могут до 30 минут находиться под водой, не дыша. Для этого они уменьшают частоту сокращений сердца с 70—80 до 5—10 в минуту. Особенности организма позволяют им сберегать запас кислорода, взятый на поверхности, концентрировать кровотоки вокруг сердца и при этом оставаться активными, используя мозг и мускулы.

Самки тюленей долговечнее своих кавалеров — они живут обычно лет 35 (зафиксирован рекорд в 46), тогда как самцы — около 20, при зафиксированном рекорде в 26. Поскольку большую часть жизни тюлени проводят в море, трудно установить их численность, но, по оценкам, в британских водах их около 75 тысяч.

Отправившись к деревянному молу после полудня, я увидела, что тюлененок по-прежнему там. Я тут же позвонила в Общество покровительства животным. Там сильно обеспокоились: место, где я нашла детеныша, никогда не пользовалось известностью как место размножения тюленей. Но решили — пусть полежит до завтра, а если он и завтра никуда не денется, сообщите. Назавтра я снова отправилась к молу, захватив с собой и одеяло; завернув в него по-прежнему находившегося там тюлененка, я отнесла его домой. Через час пришла машина из Общества покровительства животным, и я надеюсь, что он выжил и снова вернулся в привычную среду.

Ведьмы меня надули — стеклянный диск не даровал мне счастья. Мой второй брак оказался крайне неудачным, и даже рождение сына Симона не спасло его. Прошло всего четыре года с тех пор, как мы с Маком поженились, — и вот я снова пакую чемоданы и бросаю все, кроме сына. Пусть хоть пожар, хоть потоп, но я с ним не расстанусь! У меня были еще свежи

в памяти переживания после потери девчонок — больше моему сердцу такого не выдержать! (Кто бы тогда мог подумать — теперь он уже вымахал под два метра, учится в университете и звонит только затем, чтобы попросить денег!) Не знаю, может, в неудаче этого брака опять же была и моя вина — чего уж теперь...

Я вернулась к своим многострадальным родителям, но хотела как можно скорее устроиться на новом месте. Наконец то самое объявление в газете — и вот у нас с Симошей появился уютный дом!

Иные подумают: два раза нахлебалась горя в браке, неужели потянет в третий? Но если попадается такой человек, как Дерек, сразу понимаешь: с таким на всю жизнь! Мы уже больше двадцати лет — одна семья: мы с Дерекком, мой Симоша и его трое детей: Бэрри, Келли и Дэниел. Правда, дети разлетелись кто куда — Келли вышла замуж, Бэрри больше живет за границей, чем в Англии, помогая обделенным судьбою детям, а Дэниел, как и Симон, учится в университете. Хотя наша ферма и открыта для посетителей как туристическая достопримечательность, многое в ее работе остается за кулисами — диким зверям нужен покой. Они травмированы уже тем, что находятся в неволе, не говоря уже об увечьях или сиротстве...

Остальное вы знаете — мы устроили в традиционных фермерских постройках XVI века экспозиции и помещения для самых разных животных — от летучих мышей до сонь, от лисиц до крупного рогатого скота. Мы хотим, чтобы приходящие к нам посетители получили представление о животном мире нашей страны в целом, о том, как найти пути для сосуществования фермерства и дикой фауны — ведь все это вместе составляет жизнь края, который мы так любим! Ради такой высокой цели мы даже пошли на самоуплотнение: в нижнем этаже сделали чайную, поместив там для воссоздания атмосферы далеких времен старую мебель и начищенную медную посуду, починив давно бездействовавший камин. В других комнатах были устроены кухня, холл, комнаты для прислуги, офис — а нам, бедным, пришлось тесниться в восьми комнатах верхнего этажа. Случается, пойдешь ночью в туалет — и в коридоре расшибешь ногу о ящик с апельсинами, который поставить больше негде...

В коровьем стойле мы устроили гнездо для барсуков, позволяющее вести наблюдение за его обитателями. Еще в 1989 году я выкормила нескольких попавших ко мне детенышей; с одной стороны, мне хотелось даровать им свободу,

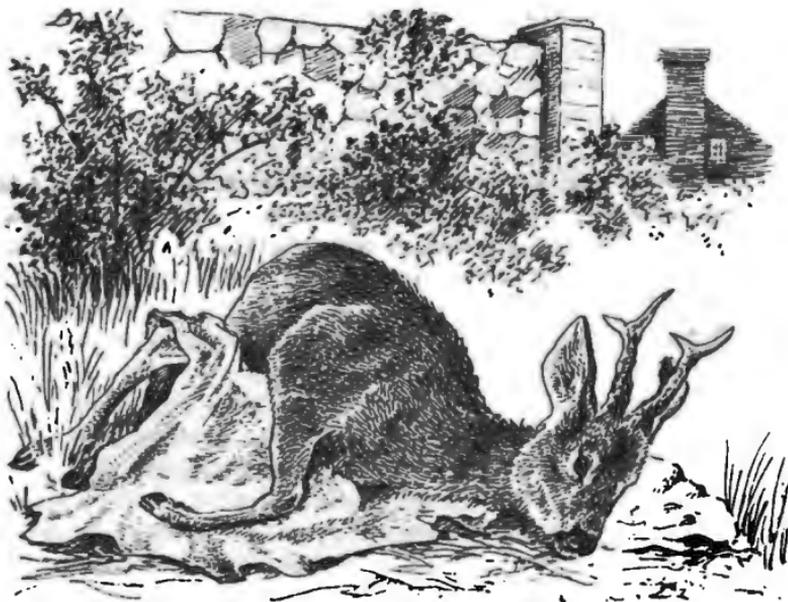
а с другой — я таила надежду, что кто-то из них останется. Именно барсуки сдружили меня со знаменитым режиссером фильмов о дикой природе Симоном Кингом, который приходил к нам снимать их и устроил на нашей ферме площадки, приспособленные для киносъемок.

Одна из наших барсучих, Блюбелл, осталась с нами и даже родила детенышей, так что мы имели возможность наблюдать за тем, как они подрастали. Более того, она приняла как родных нескольких осиротевших барсучат, став им приемной матерью. Именем этой почти легендарной барсучихи мы назвали группу поддержки, патроном которой любезно согласился стать Симон Кинг.

Превращение обыкновенной фермы в Центр по спасению диких животных потребовало не только огромного труда и колоссальной веры в удачу, но и огромных вложений средств, а выручки — кот, простите, барсук наплакал. Порою не знаешь, как свести концы с концами.

И все-таки больше я менять свою жизнь не буду. Я нашла себя, обретя возможность столь близкого контакта с дикими существами. Не скрою, в этой нелегкой работе подчас бывают и грустные моменты, но где еще, скажите, у вас будет шанс увидеть сипуху, преспокойно сидящую на кухне, или барсука, свободно разгуливающего по дому, или детеныша косули, выпрашивающего в лавке пачку жвачки? Нигде, кроме как в моем **ТАЙНОМ МИРЕ!**

Глава третья

КРИКЕТ

При том, что мы с мужем живем душа в душу, все-таки одно несовпадение есть. У нас с Дереком разные хобби. Я отдаю свое свободное время работе в Группе по защите барсуков, а Дерек... Угадали! Его хлебом не корми, только дай поиграть в крикет. Еще с мальчишеских лет он мечтал о карьере игрока-профессионала и день за днем только и делал, что лупил битой по мячу. К нему часто приезжает в гости кузен Брайан, тоже помешанный на игре, и тогда оба мужчины — два сапога пара, — чуть забрезжит рассвет, уже торопятся на поляну! Может, хоть непогода загоняет их под крышу? Так-то так, да только они сразу достают игру «Настольный крикет» и сражаются. Полагаю, Дерек недоволен тем, что ни один из его сыновей не унаследовал страсти к этой игре, зато три младших сына Брайана — Тимоти, Нейли и Николас — заядлые игроки чуть не с пеленок. Кто знает, может, вскорости мы увидим представителя семейства Киднер в составе сборной Сомерсета!

Вообще-то Дерек неплохо играет, хотя его мечте о профессиональной карьере не суждено было сбыться. Правда, подростком он играл за деревенскую команду, но, увы, крикет

оказался несовместимым с фермерством. Сенокос-то ждать не может, а приходится он как раз на самый пик игрового сезона. К тому же заповедь фермера — делу время, потехе час, а в реальности получается и того меньше.

К середине восьмидесятых годов, когда вместо сена на фермах стали заготавливать силос (его заготавливают в более ранние месяцы года и гораздо быстрее, чем сено), Дереку стукнуло уже 35. Он решил — пока я окончательно не состарился, поиграю за команду Ист-Хантспилла. Вопрос был вынесен на семейный совет: ведь это означало, что все субботы Дерек будет пропадать на игровой поляне, и дойка ляжет на мои плечи. Я решила: ради любимого мужа могу и потерпеть! И вот уже куплен вождеденный белый костюм в комплекте с битой, перчатками, наколенниками и превосходной фуражкой. Ну, команда Ист-Хантспилла, встречай нового классного игрока!

Конечно, поначалу сказывалось то, что Дерек не выходил на поляну столько лет. Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Случилась тут нечаянно беда, выкарабкавшись из которой он собрал всю свою волю в кулак и завоевал трофей «Лучший игрок года», чем несказанно гордился. А произошло вот что: кто-то из игроков мощным ударом запустил мяч прямо Дереку в рот. (Забегая вперед, скажу, что операция по протезированию зубов стоила 200 фунтов.) Удар поверг Дерек в такой шок, что все игроки сбежались посмотреть, не подвинулся ли он рассудком. Он весь обмяк и свалился на землю, проглотив при этом язык. Впоследствии он поделится своими смутными воспоминаниями: все, как идиоты, обступили его кругом, не зная, что предпринять. Тут инициативу взял на себя один из игроков, а именно Пол Гэсс,— он мигом сунул руку Дереку в рот и вытащил язык. Дерек и поныне глубоко благодарен Полу за быструю реакцию — если бы не Пол, он бы сейчас не разговаривал с нами... Еще Дерек помнит, как кто-то из команды крикнул Полу: «Остановись, что ты делаешь? Он же тебе руку откусит, видишь, в каком он состоянии?» — «Любопытно, чем бы он ее мне откусил»,— сказал Пол уже после проделанной операции. Что и говорить, хорошая игра крикет, но иногда может быть очень опасной. Так что самое правильное — надевать защитную маску, по которой сразу узнаешь профессионала.

Со своей стороны должна признаться, что считаю крикет самым скучным видом спорта, и на семейном совете я прямо сказала Дереку: иди играй, черт с тобой, только не вздумай меня таскать на матчи! То обстоятельство, что каждый из нас

не до конца понимает интересы другого, оборачивается мелкими сварами и ворчанием...

Несколько лет назад мы ехали на праздник в Корнуолл. Внезапно Дерек увидел из окна машины несколько белых фигур на зеленой лужайке.

— Вот это да! — сказал он. — Тут, должно быть, матч в самом разгаре!

— Коли так, паркуйся и иди посмотреть, а я посплю, — сказала я. Обстоятельства приучили меня к тому, что я могу закрыть глаза и заснуть в любых условиях. Каково же было разочарование Дерекa, когда при ближайшем рассмотрении оказалось, что белые фигуры — это вовсе не игроки в крикет, а празднично разгуливающие белые индюки! Впрочем, для меня что игроки, что индюки — никакой разницы.

Примерно год назад ранней весной мой старинный приятель Майкл Вудс, консультирующий меня по барсучьей проблематике, спросил, не соглашусь ли я ему помочь при раскладке приманки для барсуков воскресным утром в Дорсете. Я охотно согласилась. Майкла пригласили на исследование участка, где должна была пройти новая трасса: поскольку барсучьи норы теперь охраняются законом, предстояло выяснить, не придется ли переселять какие-нибудь барсучьи семьи. Все это делается по лицензии, выдаваемой или Английским обществом охраны природы, или министерством сельского хозяйства, продовольствия и рыболовства.

Если вновь проложенная дорога пересечет барсучьи тропки, немало животных могут погибнуть или получить увечья под колесами, а если какой-нибудь сердобольный водитель попытается свернуть в сторону, недалеко и до аварии. Выход — при прокладке дорог строить своеобразные туннели и приучать барсуков пользоваться ими. Таким образом можно спасти целые семьи барсуков. Если постройку туннелей заложить в проект, она обойдется недорого, а спасет, возможно, не только барсучьи, но и человеческие жизни.

При этом важно учесть две вещи. Во-первых, туннели должны быть проложены в точности там, где проходят барсучьи тропки. Если дорога длинная, то совершенно очевидно, что она пройдет по территории, занимаемой не одной барсучьей семьей. Значит, туннели должны быть построены на территории каждой семьи. Как распознать, где кончается одна территория и начинается другая? Хотите верьте, хотите нет, но это очень просто. Барсуки метят свою территорию по пе-

риметру, копая ямки и наполняя их пометом. Если же барсук вторгнется на чужую территорию, дело кончится дракой, возможно со смертельным исходом. Наблюдая за жизнью барсучьих семейств, Майкл прежде всего обходил территорию, выявлял все расположенные на ней барсучьи норы и наносил их на карту. При этом он помечал, что за норы: главные, второстепенные, дополнительные или заброшенные. Барсук не живет постоянно в одном гнезде, он меняет жилища в разные времена года. Скажем, нора, выкопанная близ кукурузного поля, используется им по преимуществу тогда, когда лакомый злак поспевает и отпадает необходимость шататься по лесным уголкам в поисках пищи. Тем не менее на территории каждого семейства есть одно главное гнездо, которое чаще всего используется и имеет обычно больше всего входов.

Но вот Майкл взял на учет все основные гнезда и теперь в течение какого-то периода раскладывает около них пищу. Для приманки используются земляные орешки, подслащенные сиропом, к которым примешиваются крохотные шарики (у разных гнезд — разных цветов). Идея заключается в том, что барсук, польстившись на приманку, скушает и меченые шарики. Иногда, правда, пережевывая пищу на ходу, он их выплевывает, и тогда по тропке тянется цепочка из этих шариков (точно как в сказке про Мальчика-с-пальчик!), но большую часть он все же проглатывает.

Что будет дальше, читатель догадается сам. В положенный срок барсук наполняет свежим пометом свои пограничные стол...— прошу прощения, ямы. Тогда наступает черед добровольных помощников, вооруженных палками и ножами, выведать, какого цвета шарики в тех или иных ямах, а значит, кому принадлежит данная территория. Майкл использует для этой цели нож для разрезания книг, большинство добровольцев — перочинные ножи, а один — даже столовый нож (я к такому на чаепитие не пойду, Боже упаси!).

Накануне означенного воскресенья я здорово простыла, но подводить Майкла мне не хотелось: все же в четыре руки дело спорится быстрее. Исполненная решимости пойти «на дело», я пачками глотала антибиотики и фунтами — конфеты от горла. И вот настал субботний вечер — я готовила бутерброды, чтобы взять с собой завтра в дорогу, а Дерек смотрел крикет (опять этот крикет!) по телевизору, время от времени отпуская реплики: «Куда тебе ехать с такой простудой», «Дождешься, схватишь воспаление легких», «Ты еще об этом пожалеешь» и т. п., перемежавшиеся с возгласами «Йе-ес!» и «О-о!» и выбрасыванием ввысь сжатых кулаков, что он про-

делывал после каждого удачно забитого мяча. Сие казалось мне весьма забавным, я не понимаю, как можно с такой живостью реагировать на столь медлительное действие, за которым к тому же наблюдаешь по телевизору, о чем и не преминула поведать своему благоверному. Дерек за ответом в карман не полез,— мол, каждому свое: кто-то проводит выходной, уставившись в голубой экран, а кто-то очертя голову и рискуя схватить ангину рвется копать навозные ямы. Крыть было нечем. После обмена любезностями мы прослушали программу новостей, а затем прогноз погоды, обещавший порывистый ветер, а возможно, и снег. Зная, какой упрямый характер достался мне от матери, Дерек счел за излишнее комментировать это сообщение.

Встреча с Майклом была назначена на восемь. Я проснулась от завывания ветра. Утра в эту пору еще темные — до весны еще далеко. Натянув на себя одеяло, я подумала, что Дерек говорил дельные вещи и мне лучше всего отлежаться дома. Но чувство вины вытолкнуло меня из постели и погнало по холодному коридору. Я механически зажгла газовый обогреватель и стала одеваться. Тут я вспомнила летний наплыв посетителей, каждый из которых не преминул заметить, как нам счастливо живется в этом старом доме без центрального отопления и как я не задумываясь с улыбкой соглашалась с этим! Теперь требовалось натянуть на себя жилет, вязаные колготки, шляпу и перчатки. Упаковавшись и по-прежнему кашляя, как старая ведьма, я покатила к Чеддеру на свидание с Майклом.

Я никогда не была «жаворонком» (кроме того периода, что проработала дояркой на ферме) — так не хочется вставать ни свет ни заря, особенно когда намаешься за предыдущий день. Но согласитесь, есть что-то завораживающее в картине, когда угрюмые облака расступаются перед светом нарождающейся зари. Ради этого хочешь не хочешь, а продерешь глаза. И вот я уже несусь по извилистой дороге через Мендип, в золотом свете фар видно, как зловеще раскачиваются на пронизывающем ветру голые ветки, но меня это ничуть не пугает. А вот и Майкл — как всегда пунктуален. Он мой ровесник. Высокий, стройный, подтянутый, как и положено мужчине. Шикарная борода и густая черная шевелюра с проседью посредине (в самом его облике есть что-то б а р с у ч ь е!). Страсть к исследованию природы приучила его быть «жаворонком». В тот час, когда я еще нежусь в постели, он уже скитается по холмам, наблюдая оленей и прочую дикую живность. Вдобавок он мастерски владеет пером — только недавно его сна-

рядили в командировку в Израиль для написания серии путевых заметок.

Правда, разговор начался не с барсуков. У Майкла забрахла машина, и он спросил меня, нет ли случайно запасной шестерни. Погрузив к себе нужную деталь, Майкл саркастически заметил: как хорошо иметь попутчицей женщину, у нее всегда все есть! В ответ я прошла по поводу его новой машины на гидравлической подвеске — у нее всегда что-нибудь да летит! По пути мы подобрали еще одного добровольного помощника и взяли курс на Дорсет. Погода портилась на глазах, и вскоре снежные хлопья так залепили ветровое стекло, что пришлось включить дворники. Я надеялась, что снегопад скоро пройдет; так оно и произошло, когда мы добрались до пункта назначения, где встретились еще с одним человеком.

Мы разделились на пары, вооружились картами и разошлись по разным направлениям, сговорившись собраться в половине первого на ленч. Моим партнером был, естественно, Майкл. Чаше всего граница территории барсуков проходит по линии кустов, окаймляющих поля, поэтому в поисках «разметки» я двигалась по одну сторону линии, а Майкл — по другую. Но не успели мы пройти и нескольких шагов, как небесная канцелярия решила сквитаться со мной за невнимание к предупреждениям о плохой погоде и обрушила снежный заряд. Закутавшись как следует в шарф, я сказала Майклу, что, если так будет продолжаться, придется давать отбой: под таким снегом не увидишь ни следов, ни меток. Тот согласился.

По пути миновали молочную ферму. Вот пример безответственного хозяйствования: жидкое цементное тесто стекало в большой пруд, и даже снежные хлопья не могли закамфлировать ветки умирающих деревьев, окружавших его. Загрязнение не только убило жизнь в пруду и разделяющих поля канавах, но и уничтожило росшие по их берегам кустарники, изгнав всю населявшую их живность. Даже если предпринять шаги по остановке загрязнения, на восстановление природного баланса все равно потребуются годы. При всем моем чувстве фермерской солидарности, когда я сталкиваюсь с подобными вещами, мне стыдно за тех немногочисленных представителей фермерского сословия, которые допускают подобные вещи. Пусть таких меньшинство, но пресса-то считает — все такие, и подобное же впечатление складывается у широких кругов.

Пройдя ферму и продвинувшись дальше вдоль поля, мы свернули с дороги и последовали вдоль кустарников; стоило

мне напасть на барсучий след, как я тут же окуналась с головой в раскапывание «кладов» в поисках цветных шариков (ох, видел бы меня за этим занятием Дерек!). Снег прекратился, сквозь тучи стало вяло проглядывать солнце, но оно не спасало от пронизывающего ветра.

— О-о! — раздался голос Майкла из-за кустов.— Я нашел твоего старинного приятеля.

— Неужели барсука? — недоверчиво спросила я.

— Нет,— сказал Майкл.— Одного из тех пернатых, в которых ты души не чаешь.— Сквозь кусты протянулась рука, а в ней замерзший голодный грач — вот-вот отлетит бедная душенька. Майкл и прежде приносил нам попавших в беду животных, очевидно предполагая, что я с радостью готова принять любого. Единственное, что могло спасти грача, было тепло, так что я быстро засунула его под куртку. Мы продолжали путь, и теперь я одной рукой ковыряла ножом в барсучьем помете, а другой прижимала пичугу к животу.

— Эге! — сказал серьезным тоном Майкл.— А вот и еще один.

Я заворчала. Конечно, то, чем я занимаюсь,— святое дело, но всему же есть предел. Тут из-за кустов показалась улыбающаяся физиономия Майкла:

— Да что ты, что ты. Я только пошутил.

Я не нашла ничего лучшего, как показать ему язык.

От ходьбы и работы в согбенном положении я согрелась и даже стала наслаждаться простором утренних полей и сознанием, что хоть ненадолго отвлеклась от повседневных забот на ферме: мне так редко удается просто пойти погулять! Увлечшись болтовней с партнером, я совершенно позабыла о граче, который между тем тоже отогрелся и пришел в сознание. От удивления, куда же это он попал, он громко крикнул. Не успела я сообразить, откуда крик, как сама исторгла такой вопль, что Майкл залился смехом. Неблагодарная птица так долбанула меня в живот, что мне захотелось схватить ее за хвост и вышвырнуть подальше. Но грач, кажется, успокоился, и мы продолжили наш маршрут. При этом Майкл пытался сдерживать смех, но у него не всегда получалось.

Время летело быстро, и вскоре настала пора возвращаться. К счастью, хозяйка ресторанчика, куда мы приехали обедать, любезно согласилась принять к себе на полдня крылатого постояльца — поместила его в картонную коробку и положила туда грелку, так что во второй половине дня работать было легче. Кое-где приходилось перелезть через ограды, интересно, как бы я полазила с птицей за пазухой. В одном из холмов

барсуки устроили себе норы прямо в меловом слое, и горы нарытого ими мела виднелись издалека. Вторая половина дня оказалась приятнее, чем первая: ветер стих, и я стала чувствовать себя много лучше.

Двигаясь вдоль кустарников по другому краю того поля, где мы нашли грача, Майкл обратил мое внимание на канюка¹, кружившего в небе и высматривавшего добычу. Теперь канюки стали более привычным зрелищем в наших небесах, а ведь в прошлом их численность дважды сокращалась катастрофически. В первый раз это произошло в начале столетия, и виной тому были пресловутые лесники, охранявшие дичь. После Второй мировой войны, когда число лесников резко уменьшилось, популяция канюков быстро восстановилась, но тут ее поджидала новая напасть — эпидемия миксоматоза у кроликов, являющихся их основной пищей. К несчастью, в наши дни дикие кролики оказались под угрозой еще какой-то опасной болезни, отразится ли это природное бедствие и на сарычах, покажет время.

Меня всегда изумляло, что столь крупная птица кружит в небесах почти без усилий, выбирая невидимые глазу восходящие потоки. На своих жестких широких крыльях, работая лишь кончиками, канюк возносится так высоко, что отслеживать его проще по раздающемуся с небес мяукающему зову, нежели визуально. И тут в моем мозгу мелькнула мысль: конечно, хорошо, что я спасла грача, но не отняла ли я тем самым только необходимый обед у канюка?

Майкл попросил меня выйти на середину поля и продемонстрировал, какие он отметил на карте места находок разноцветных шариков. Поле было огромным, и пройти по всему его периметру не представлялось возможным; Майкл предложил отправиться туда, где прежде была линия кустарников, которые ныне выкопаны, — там-то уж точно будут заветные клады цветных шариков! И вправду, вот она, череда ямок с шариками. Хотя кустарников давно не существует, граница барсучьих территорий не изменилась — барсуки из года в год ходят по одним и тем же тропкам и производят «разметку» границ по одним и тем же линиям. Даже если барсучья тропка, пересекающая поле, будет перепахана, точно по тому же месту пройдет новая. На карте, испещренной метками Майкла, воз-

¹ Канюк, или сарыч обыкновенный (*Buteo buteo*), распространен в лесной и лесостепной полосе Европы и Азии. В настоящее время во многих странах охраняется.

никала удивительная картина того, как складываются барсучьи владения.

Но вот последний участок пройден, и мы двинулись назад к машине. Майкл, скрытый кустарниками, шел по полю, я — по тянувшейся вдоль кустов узенькой тропке. Конечно же мы весело болтали друг с другом, не забывая о поиске барсучьих тропок. Тут я увидела даму бальзаковского возраста, приближавшуюся ко мне по дорожке; на поводке она вела колли. Кустарник тянулся по обеим сторонам, так что назревало столкновение лоб в лоб. Она смотрела на меня явно изучающе, и чем больше между нами сокращалось расстояние, тем явственнее она стремилась избежать встречи; казалось, мое присутствие ее нервирует. Когда мы поравнялись, я учтиво сказала «здравствуйте», она же слегла поклонилась и проскочила мимо. Я покачала головой в раздумье, что ее так тревожит. Прошло еще мгновение, и вдруг она расхохоталась, вернулась и коснулась моей руки:

— Извините, что я не ответила на ваш поклон. Просто я смотрю, вы идете вдоль кустов и разговариваете. Я не знала, что по ту сторону кто-то есть, думала, может, у вас не все в порядке с головой.

Мы обе рассмеялись; из-за кустов до нас донесся смех Майкла, который слышал весь разговор. «Вот так-то,— подумала я.— Не один Дерек думает, что у меня не все дома».

В общем, я вернулась домой очень довольная — от простуды не осталось и следа, душа полна впечатлений великолепного дня, проведенного на природе, а под мышкой — коробка с грачом в комплекте с водяной грелкой. Ничего не попишешь — таков обычный день Паулины Киднер!

Если вы заядлый игрок в крикет, то лучшего места для проживания, чем Сомерсет, вам не найти, потому что Сомерсет — край ив, из которых делают биты для крикета. Здесь почти все поля окружены заполненными водой канавами, и там, где они сходятся, нередко встречаются небольшие пруды. А ведь столь милые сердцу заядлого игрока в крикет ивы так любят влагу!

Позвольте представить вам такого игрока — Джона Бека, члена команды Ист-Хантспилла. Он немного моложе Дерек и к тому же истинный джентльмен: непременно раскланяется со мною на любой встрече или вечеринке, а по ее окончании расцелует всем дамам руки. Впрочем, как-то мы с ним чуть не поспорились. Дело в том, что он — не только строительный

мастер (и притом профессионал), но и превосходный мастер устраивать розыгрыши. Наилучшей шуткой у него считается следующая: звоня по телефону, изменять свой голос. Однажды он позвонил, видимо рассчитывая, что трубку возьмет Дерек, но к телефону подошла я. После непродолжительного разговора ни о чем он в конце концов спросил:

— Вы хоть знаете, кто звонит?

Я вынуждена была сознаться, что нет.

— Ну, парень из крикетной команды,— поддразнил он,— ну этот красавчик! Не узнаете? Ну, этот вот, который строитель.

Мне по-прежнему никакие идеи не приходили в голову.

— Ну как же так, Паулина! — проворчал он, давая понять, что обиделся.— Вы же должны были узнать меня по первым ноткам! — На мое счастье, в этот момент в комнату вошел Дерек, и я поспешила передать ему трубку.— А, Джон, извини, ради Бога!

Как-то рано поутру Джон отправился на поляну для крикета, чтобы посмотреть, все ли готово для матча, который был назначен на послеобеденное время: часто выясняется, что нужно еще скосить траву на удаленной части поля. Придя на место, он увидел, что кто-то запутался в сетях — при ближайшем рассмотрении это оказалась желто-коричневая сова. К счастью, она пробыла в ловушке недолго, но выглядела страшно растрепанной и успела изрядно проголодаться. Джон аккуратно высвободил ее из нейлоновых тенет, укрыл полотенцем и поехал за две мили к нашему Центру — вдруг ей требуется помощь! Мы поместили ее в загон с обогревателем отходить от стрессового состояния; ее огромные черные глаза пытливо оглядывали незнакомую обстановку. Затем она вскочила на большой обрубок пня, который нарочно стоял у нас в загоне, и широко растопырила пальцы с большими когтями, видимо желая почувствовать себя увереннее. Ее ноги, покрытые бледными перьями, казались одетыми в шаровары. Богатое убранство было по-прежнему взъерошенным, но даже в таком виде его обладательница выглядела величественно. Еще бы, тут и коричневый, и черный, и каштановый, и желто-бурый цвета! Усевшись на дневной отдых где-нибудь в развилке ветвей, она делается совершенно незаметной на фоне коры: оперение служит ей отличным камуфляжем. А безопасность ей ой как необходима: если хищница будет замечена днем, то ее окружают целые стаи птиц, начнут гнать прочь и уж, во всяком случае, помешают ее дневному отдыху. Сохраняя полную неподвижность тела, сова медленно поворачивает голову, ловя

каждый необычный звук, и при этом медленно поднимает и опускает то одно, то другое веко. Огромные глаза сов видят даже при очень слабом свете. Они смотрят вперед, как и человеческие, но, в отличие от наших, неподвижны. Зато голова поворачивается и влево и вправо чуть ли не на 180 градусов, так что птица способна превосходно видеть, что творится у нее за спиной. (Вот бы и человеку так — сидишь за рулем, на заднем сиденье дети, и ты в любую минуту можешь повернуть голову на 180 градусов и цыкнуть, чтобы не шумели!)

К счастью, все кости у нее оказались целы — она только изрядно наголодалась и устала, поэтому все, что требовалось, — это оставить ее в покое: пусть придет в себя. Мы продержали ее в загоне несколько дней — хотели убедиться, что происшествие не отшибло у нее аппетит. Проблема заключалась в том, что у нас в тот момент не было просторных авиариев, где можно было бы создать для птицы надлежащие условия. Когда мы время от времени вытаскивали сову из «больничной палаты», она летала как будто неплохо, но по-прежнему держала себя слишком спокойно. Тем не менее, поскольку она не страдала отсутствием аппетита, мы решили: время все залечит.

Следующий понедельник оказался очень суматошным днем. Дерек уехал распространять листовки с приглашениями на наши мероприятия, а я осталась на ферме — то одно, то другое. День почти прошел. Около пяти часов пополудни я приготовила салат. В котором часу мы усядемся его есть — не важно, лишь бы понравился.

Дерек вернулся около шести, и мы решили попить чаю, прежде чем продолжать оставшиеся дела.

— А обедать-то когда будем? — спросил Дерек.

Я предложила ему салат, сказав, что сама поем позже. Я могу долго работать и не есть, но уж если сяду, то после еды меня трудно заставить трудиться. Ничего не поделаешь, годы берут свое! Дерек тоже не был особенно голодным, так что согласился подождать. Но к десяти часам вечера на его лице столь явственно обозначились муки голода, что я со всех ног бросилась в кладовку, где у нас хранится картошка, а оттуда — к микроволновой печи, поскорее приготовить ее прямо в мундире. К кладовке примыкает «больничная палата», и, войдя за картошкой, я услышала, как сова хлопает крыльями — она явно просилась на волю. К тому же, стуча крыльями о стенки, она могла пообломать себе перья. Вернувшись к своему многострадальному супругу, дожидавшемуся меня в кухне, я обрисовала ему ситуацию.

— Как ты смотришь на то, — спросила я, глядя на своего милого умоляющими глазами, — чтобы не откладывая в долгий ящик отвезти сову обратно на поляну для крикета? Полюбуюсь, как она улетит на волю, а потом вернемся и поужинаем.

Отложив газету, мой дражайший встал из-за стола.

— Ну тебя с твоими животными! — фыркнул он. — У мужа маковой росинки во рту не было, а ты все свое!

Но через пять минут мотор уже фырчал. Дерек сидел за рулем, я держала завернутую в полотенце сову на коленях. Дорога до поляны очень узкая, так что мы ехали медленно; но вот наконец и металлические ворота. Там не было другого освещения, кроме луны да наших фар, но нам вполне хватало и этого. Тут до моих ушей донесся столь необычный звук, что я так и подпрыгнула.

— Что это?! — спросила я Дерека. — Ты слышал?

— Это у меня в брюхе бурчит, — вполне серьезно ответил он.

— Ничего страшного, — сказала я, стараясь сохранять непринужденность разговора. — Я посажу ее на ворота, и поедем домой.

Держа ее за тело так, чтобы она могла схватиться когтями за столб ворот, я медленно развернула полотенце. Мы замерли в ожидании. И в нашей нелегкой жизни бывают минуты наслаждения, а при виде птицы или зверя, возвращающихся в родную стихию, испытываешь настоящий душевный подъем.

Но на сей раз так не получилось. Сова попробовала взлететь, но, очевидно, у нее еще не до конца зажили крылья. Не будучи в силах набрать высоту, она упала в траву. Дерек машинально метнулся в попытке ее поймать, но она поднялась снова, пролетела короткое расстояние и — шлеп! Оказывается, сова, дотянув до края поля, шлепнулась в находившийся там прудик и плавала посредине, словно утка. У Дерека сперло дыхание — происшествие значило для него как минимум то, что ужин придется отложить на более поздний срок.

— Слушай, — сказала я сладким голосом, — не мог бы ты слетать домой и привезти сачки и пару фонарей?

Машина исчезла в ночи, а я безуспешно пыталась разглядеть, где же сова, — я надеялась только, что перья не намокнут так скоро. Ах, вот она где — добралась до торчащего из воды сучка полузатопленной коряги и сидит себе с комфортом. Прошло несколько минут, и Дерек вернулся.

— Ну как, видишь ее? — спросил он, выйдя из машины.

«Какой у меня хороший муж, — подумала я. — Он тоже переживает».

— Так не видишь? — переспросил Дерек, не дав мне ответить. — Утонула? Ну, раз утонула, поедем домой ужинать.

— Да нет, что ты, — сказала я. — Вон она, посредине. Пойди, да ты, я вижу, привез только один сачок и один фонарь?

— Ты что, — резко парировал Дерек, — хочешь, чтобы я снова тащился домой и привез еще по одному?

— Да нет, что ты, что ты, — успокоила я супруга. — Как-нибудь справимся.

Но стоило нам сделать малейшее движение, как сова тут же перелетала на противоположный край пруда, всякий раз оказываясь вне пределов досягаемости.

Однако же не зря говорят: если долго мучиться, что-нибудь получится. В конце концов оба отважных ловца, исколотые шиповником и обожженные крапивой, мчали домой в компании до ниточки (вернее, до перышка) промокшей совы.

...В половине первого ночи я доедала последние крохи салата, а мой благоверный сушил сову феном. Все-таки я иногда недооцениваю его преданность делу заботы о животных.

Опять-таки не зря говорят: на ошибках учатся. После того как сова окончательно вышла из шокового состояния, мы надели ей на ногу кольцо и передали в Отдел дикой природы Общества покровительства животным, размещавшийся близ Таунтона. Там имелся просторный авиарий, где сова могла летать, набирая силу мускулов. Только когда мышцы крыльев восстановились полностью, сову нам вернули, и мы выпустили ее как полагается. Ничего, думали мы, когда-нибудь и у нас будет просторный авиарий, и если к нам будут попадать нуждающиеся в помощи пернатые, то мы сможем избавить их от стрессов, вызываемых перевозками.

...Летающая сова — зрелище фантастическое. Я вполне понимаю людей, желающих завести сову в качестве домашнего любимца, но куда большую отраду душе доставляет вид полета этой птицы в естественных условиях. Хочется сказать всем вышеупомянутым людям: коли вы действительно готовы заботиться о совах, не лучше ли направлять усилия на то, чтобы поддерживать их естественную среду обитания и воссоздавать ее там, где она утрачена?

Наверное, я чего-то недопонимаю в принципах, на которых зиждется братство игроков в крикет. Мне всегда казалось, что коль скоро вы — сплоченная команда, вам должно хватать такта не напоминать товарищу о его промахах, о которых он

сам рад бы забыть. В команде Ист-Хантспилла все несколько иначе — там только и рады посмаковать оплошности, допущенные тем или иным игроком. Пускай в шуточной форме, но все же, все же... Видимо, поэтому была учреждена премия, вручаемая на ежегодном банкете. Она называется... «Идиот года»!

Как ни грустно, но лауреатом этой премии дважды становился Дерек. Он в команде за «завхоза» и отвечает за то, чтобы все снаряжение, необходимое для игры, было в полной боевой готовности. Как только возникает нужда в битах, мячах или иных причиндалах, он ставит об этом в известность членов Комитета, а уже этот последний принимает решение о закупке новых. В первый год пребывания в должности он заметил, что нужен новый мешок для принадлежностей: имевшийся так и трещал по швам, точно сума нищего. Кроме того, требовалось несколько пар наколенников и кое-что еще. Поразмыслив, Дерек решил доложить о ситуации на очередном заседании Комитета. Как-то он пропустил две недели, перевернув мешок другому игроку; потом, за три недели до очередного заседания, мешок (и всю ответственность) ему вернули.

Заседания комитета проходят обычно в местном кабачке «Бейсон-бридж» — это говорит о том, что дела в команде идут хорошо. Председательствует сам Уоруик — он слишком важная персона, чтобы с ним спорить. С момента создания команды он самозабвенно и с энтузиазмом руководил ею, хотя и не всегда следовал правилам, которые сам же утверждал! За «спикера» у нас — Пол Гэсс, тот самый, который спас моего мужа. Когда он выступает, его слушают затаив дыхание. У него поразительные организаторские способности, он умеет устраивать мероприятия так, что денежки текут рекой. Правда, за это приходится терпеть его слабость — когда выпьет, воображает, будто он — великий Карузо. Всех членов Комитета волнует, чтобы Уоруик не слишком-то крепко брал в руки вожжи, и ему это совсем не нравится. Ведя заседание, он не менее трех раз в минуту смотрит на часы: скоро ли будет готов обед? Лэрри — мастак по художественной части. Он без ума от конкурса песен Евровидения, сам неплохо играет на гитаре, но от его пения мухи дохнут — часто он так и не заканчивает песню, освистываемый товарищами по команде. В Комитет входят также Майкл Белл, известный своими трезвыми рассуждениями, Йан и Расселл. Вот они расселись за столом, пришел черед держать ответ «завхозу».

— У тебя есть что доложить, Дерек? — спросил Уоруик, показывая на часы; тем самым он давал понять, что обед вот-вот будет готов и если они прочешут языками больше чем нужно, то он остынет.

— Да, пару слов,— сказал Дерек, и все глаза уставились на него.

— Ну, во-первых,— сказал он,— нам нужен новый мешок для принадлежностей.

В ответ раздался такой взрыв смеха, что Уоруик забыл про грозящий остыть обед и весь обратился в слух, ожидая, что тот еще сморозит.

— Так ты говоришь — нужен новый мешок? — переспросил Уоруик.

— Точно так,— сказал Дерек.— Наш-то трещит по швам, и одна тесемка оторвалась...

Все смотрели на Дерек в оцепенении, а у него глаза на лоб полезли от удивления, что же такого забавного собравшиеся нашли в его словах. Набрав воздуха в грудь, он продолжал:

— Ну, и еще нужны новые наколенники.

Ответом на это заявление стал новый взрыв хохота.

— Так они же истрепались вдрызг. Что еще?

При этих словах Пол Гэсс повалился на стол, а Уоруик, напустив на себя важность, поднялся и подошел к бедняге Дереку:

— Ты ведь играл последние две недели, верно?

— Да,— ответил Дерек, по-прежнему недоумевая, чем он так развеселил почтеннейшую публику.

— И каждый раз привозил мешок с собой и увозил обратно?

...Заседание было окончательно сорвано. С большим апломбом Расселл объяснил Дереку, что они давно обратили внимание на необходимость приобретения нового мешка для причиндалов, равно как и новых наколенников. Пока он отсутствовал, все означенное было закуплено, и вот этот-то новый мешок Дерек в течение трех недель привозил на каждый матч... Вот так так! Здорово же он опростоволосился!

Второй раз премию «Идиот года» Дереку принесла история с мячами. Как раз перед началом очередного сезона он заказал несколько новых мячей. Фирма потребовала предоплату; вопрос об этом был обсужден на собрании, и в адрес фирмы выслали чек. Однако мячи потерялись при пересылке, и Дерек, хоть в том и не было его вины, доложил о случившемся команде. На его же долю выпало заполнять бесчисленные

документы с претензиями к почте и делать по телефону бесконечные запросы, пытаясь проследить судьбу мячей. Наш местный почтарь, зная о ситуации, тряс над ухом Дерек всякую более или менее крупную посылку, приходившую в деревню: «А что, дружище, может быть, здесь ваши мячики?» Поначалу это было забавно, но затем мы уже стали бояться всех больших посылок. Конечно же товарищи по команде при каждом удобном случае подтрунивали над Дерекком: мол, по рассеянности потерял мячи, свалил на работников почты и т. д. и т. п. Посылку так и не нашли, пришлось выписывать новую партию.

Дерек подозревал, что эта история сделает его первым кандидатом на премию «Идиот года», но случай, стяжавший ему эту премию бесповоротно, произошел в самом конце сезона. Зимой, когда играть на поляне невозможно, приходится тренироваться в зале. Большинство предпочитали Таунтон, потому что он всего в тридцати минутах езды. Число игроков варьировалось от раза к разу, но в тот злополучный день все ребята, как один, настроились на боевой лад и только и ждали момента, чтобы пустить в ход биты. Наконец Дерек торжественно развязал мешок и... Что за чертовщина! В нем не оказалось ни одного мяча. Сколько ни рылись, все напрасно. Дерек попросту забыл их привезти. Согласитесь, нужна особая тренировка, чтобы играть в футбол или в крикет без мяча — это знаю даже я. Не нужно объяснять, что весь тот день Дерек ловил на себе косые взгляды товарищей по команде и премия «Идиот года» была ему обеспечена.

Сами понимаете, в качестве приза по этой номинации выдается что-нибудь специфическое, например ночная ваза или шут, высказывающий из коробки, но приз, который достался Дереку в последнем случае, был с подоплекой.

Когда мы только-только открылись для публики, то решили завести киоск по продаже сувениров — как-никак прибыль. Правда, поначалу у нас не было ни малейшего представления о том, какой товар пойдет. Человек, занимавшийся аналогичным бизнесом, сообщил нам, что самый ходовой товар — украшения для собак. Ну, мы поверили да взяли на складе всю партию. То ли наш горе-советчик сознательно ввел нас в заблуждение, то ли у него другая клиентура, но только понадобилось три года, чтобы эта партия разошлась! В другой раз на ярмарке нам дали такой совет: «Самая большая ошибка, какую вы можете совершить, — взять на реализацию товар, который, на ваш взгляд, сделан со вкусом. Потому что разойдется-то как раз самый аляповатый кич». Может быть, Дерек

воспринял эти слова как руководство к действию, может быть, его очаровала смазливая милашечка, от которой он их услышал, но только он взял да заказал на фабрике целый воз тарелок и вазочек с изображением собак в окружении цветочных орнаментов. Хотите верьте, хотите нет, но разошлось почти все, лишь несколько самых безобразных изделий долгое время сиротливо стояли на полке, но наконец нашли своих покупателей и они — за исключением одиознейшего блюда, в центре которого красовалась квадратная бульдожья морда, окаймленная белым орнаментом из роз. Право, хоть кого умилит! Но вот настал и его черед покинуть киоск. В крикетном клубе устраивалась лотерея с целью сбора средств, и каждый из членов команды должен был принести какую-нибудь вещь в качестве приза. Долго думать не пришлось — второго такого шанса избавиться от бульдога в белом венчике из роз уже не будет! Дерек его под мышку — и в клуб.

...Розыгрыш происходил в конце вечера, и, ко всеобщему изумлению, выиграл бульдога не кто иной, как Уоруик, — вот уж дал команде повод позлословить! Мистер Уоруик, однако, не был в особом восторге. Но вскоре и у него появился шанс отделаться от сомнительного приза: его мать попросила какую-нибудь безделицу для розыгрыша в лотерею из собраний общества по защите природы. Вечер был масштабный, со множеством публики, и при поддержке местной общественности для лотереи удалось собрать массу призов. Кто вытягивал красный билетик, подходил к красному столику и находил свой приз по номеру, кто желтый — соответственно к желтому, и т. п. Ну, и Уоруик, не упускавший шанса покрасоваться, решил попытать счастья в этой лотерее. Он запустил руку... Так, красный билет, номер такой-то. Счастливый обладатель оного подошел к красному столику — и не мог выговорить ни слова: под номером, написанным на билете, гордо красовалось то самое пожертвованное им блюдо!

Но последним посмеялся все-таки Уоруик. Когда на итоговом заседании Клуба любителей крикета было объявлено, что лауреатом премии в номинации «Идиот года» стал Дерек, он встал с кресла и изрек:

— Позвольте мне как старшему члену нашего многоуважаемого клуба вручить вам столь почетную высокую награду!

Она и поныне находится у нас. Так что если кому-нибудь нужно блюдо с квадратной бульдожьей мордой в белом венчике из роз — обращайтесь к нам, не стесняйтесь.

Замечу, что Дереку представлялся случай завоевать этот престижный титул и в третий раз, но, на его счастье, кому-то

из товарищей по команде удалось обскакать его на несколько очков и, сцепив зубы, вырвать победу...

Почти каждый год наша крикетная команда выезжает в турне. На этот год была запланирована поездка на остров Джерси. У Дерекa масса теплых воспоминаний о Джерси, куда он подростком ездил на каникулы. Семья, где он жил, вспоминает подробности этого пребывания всякий раз, когда по телевизору идет «Сирано де Бержерак». Теперь представился случай полететь туда снова.

...Есть у нашей работы один крупный недостаток. В разгар туристического сезона — конечно же летом — вертишься как белка в колесе: ни позагорать, ни в море покататься... Дерек любит жаркую пору и очень жалеет о том, что лишен таких простых человеческих радостей. Записавшись в поездку на Джерси, он буквально считал дни до того, как сможет вволю наиграться, а заодно всласть поваляться на солнышке и поплавать в море, тем более что погода обещала быть хорошей. В это время у меня на руках было два осиротевших барсучонка, которых я нарекла звучными именами — Билл и Борис. Пока я кормила их из бутылочки, они жили в кухне; в результате их бурной деятельности шибко досталось и кухонной мебели, и ковру. Наконец пришла пора отучать детенышей от бутылочки; я удалила их из кухни и перевела к другим барсучатам — пусть привыкнут друг к другу и образуют барсучью семью, прежде чем будут определены на место переселения. Теперь я была не так замотана, как раньше, и решила воспользоваться тем, что Дерек какое-то время не будет путаться под ногами. Можно покрасить кухню, поколдовать над своими любимыми блюдами — только для себя! — и вообще перевернуть все вверх дном!

Команда вылетела из бристольского аэропорта в пятницу в десять утра. Лететь-то всего ничего, поэтому, если все сойдет удачно, останется масса времени, чтобы устроиться, отдохнуть с дороги и быть в полной готовности к вечерней игре. Суббота оставалась свободной, а весь воскресный день занят играми. Вылет из аэропорта Джерси в 11 утра, прибытие в Бристоль — в полдень. Команды договорились о том, кто отвезет их в пятницу в аэропорт, но Дерек попросил меня, чтобы я их встретила в понедельник в аэропорту на пикапе. Я охотно согласилась. В четверг мы тщательно проверили содержимое мешка для принадлежностей — не забыл ли Дерек опять чего-нибудь, — упаковали одежду, а главное, убедились, что очки на месте, ибо без них моему дражайшему Дереку трудно читать всякие там меню и афишки. В общем, так закопались в делах,

что забыли прослушать прогноз погоды на уик-энд. Уже потом выяснилось — бюро погоды не напрасно предупреждало, что к южной части Англии приближается холодный атмосферный фронт, неся с собой туманы и дожди.

Утро в пятницу было ясным и солнечным, ни малейшего намека на надвигающуюся непогоду. В положенный час машина увезла Дерек на аэродром — прощай, любезная подруга, я устремляюсь к славе! Хотя мы любим отдыхать вместе, но в условиях летней загруженности поодиночке вырваться легче. Мы так устаем от работы, что, когда кому-то выпадает счастье сменить обстановку на пару-тройку дней, мы за него искренне радуемся. Хорошо хоть Дерек отдохнет немного от хлопот и забот.

Едва машина, увозившая Дерек, скрылась за первым поворотом, я бросилась в кухню, врубила на всю катушку радио и принялась снимать картины со стен и безделушки с полок. Прежде чем приступить к покраске, нужно было отмыть стены от накопившейся пыли и грязи. Ползая на четвереньках, я определяла масштабы ущерба, нанесенного ковро барсучатами Биллом и Борисом. А теперь присмотримся к мебели — так я и знала, они и тут нашкодили! Между тем стрелка на часах приближалась к одиннадцати: время пить кофе. Ну, думаю, Дерек-то уже приземляется на Джерси! Я налила себе чашку кофе и развернула газету. Откуда мне было знать, что и Дерек в это время читал газету в укутанном туманом аэропорту Бристоля!

Оставшись довольна уборкой, я спустилась вниз взять кисти и краски. Но когда я возвращалась, чтобы приступить к покраске стен, то услышала доносившиеся из чайной комнаты голоса. Оказалось, заглянули на огонек родственники, с которыми я не виделась несколько лет. Быстренько спрятав кисти и краски и оглядев кухню — она выглядела как после взрыва, — я решила: пусть гости сюда не суются. Конечно, я была рада, что они приехали, но день-то ускользал, а я так хотела покрасить кухню! К счастью, обедать они планировали у моих папочки и мамочки. Ну ладно, думаю, хоть вторая половина дня будет свободной.

Проводив гостей в дальнейший путь (провода были недолгими, ибо на улице вовсю хлестал ливень!), я вернулась в дом и столкнулась лицом к лицу с нашей ветмедсестрой Мэнди, которая огорошила меня известием, что у нас кончается еда для собак, а так как завтра суббота, то все магазины будут закрыты. Вот так, час от часу не легче — лопаются планы мышей и людей! Быстренько схватив в зубы шоколадный

батончик — первое, что подвернулось под руку, — я покатила в Бриджуотер за собачьим кормом. В конце концов, Мэнди, это ты недоглядела! Так что отправляйся-ка доить коров, а я наконец смогу заняться покраской кухни! Когда я уже наполовину покрыла стены эмульсией — а дело было к вечеру, — зазвонил телефон: оказывается, Дерек только сейчас прибыл на место. Туман над бристольским аэропортом так и не рассеялся, и их отправили из аэропорта Экситер. Гостиница, где их разместили, как выяснилось, отнюдь не готовилась к их прибытию, но тем не менее оказалась достаточно комфортабельной.

По прибытии они распределили номера; Дереку достался номер на двоих с Полом Гэссом. Прежде чем идти туда, Дерек решил потрепаться с приятелями. Дождь хлестал как из ведра, от холода зуб на зуб не попадал, и было ясно, что игры сегодня вечером не будет. А на завтра запланирован свободный день, так давайте же обсудим, куда пойдем! Пол, однако, спешил подняться и распаковать свои пожитки.

— Какая у нас комната? — крикнул он Дереку через весь холл.

— Восемьдесят четвертая, — бросил Дерек, на мгновение прервав трепотню. И что же? Примерно полчаса спустя вернулся Пол, с саквояжем, и было ясно, что сей предмет больно оттянул ему руки. Все это время он бегал по этажам гостиницы, выспрашивая: где такой-то номер? Ну нет такого, и все тут! Наконец Дерек сообразил надеть очки и присмотреться... Так и есть! Оказывается, в его глазах тройка сомкнулась в восьмерку. Воздерживаясь от комментариев, Пол пошел искать 34-й номер...

— Да он про то давно забыл, — сказал мне по телефону Дерек. Из разговора я поняла, что вечером у них намечается пирушка в баре, а матча не будет. — Да, кстати, как идет покраска?

— Медленно, но верно, — ответила я и перечислила все факторы, тормозившие работу. — Еще пару часов, и первый слой будет закончен.

Обещав позвонить завтра, Дерек положил трубку и отправился в бар. Только я взяла отложенную кисть — звонок: некая леди из Гластонбери подобрала у себя в саду увечную летучую мышь. Она не знает, как ее взять, и просто накрыла ее коробкой. Не могу ли я приехать? Я объяснила, что не смогу, пока не закрою курятники, а сделать это можно только поздно вечером: летом-то дни длинные. Значит, прибуду около одиннадцати.

— Хорошо,— сказала дама,— я буду ждать.

«Значит, так,— подумала я,— пока я позапираю все курятники, прокачусь туда и назад, будет около полуночи. Еще с час на покраску, первый слой закончу, и хватит. В субботу покрою вторым слоем, в воскресенье — лаком, в общем, к понедельнику, когда вернется Дерек, все будет блеснуть».

Несясь по дороге на Гластонбери, я включила магнитофон — серьезная музыка за рулем успокаивает нервы. К счастью, дом миссис Джеррольдс нашелся быстро — хозяйка, как и обещала, зажгла окна с левой стороны, указывая, какой из домов с террасой принадлежит ей.

Рассыпавшись в благодарностях, что я прискакала к ней в столь поздний час, хозяйка повела меня в сад. И что я вижу? Летучая мышь давным-давно околела, еще до того, как дама позвонила мне.

— Но я же видела, как она шевелилась,— сказала та, словно извиняясь, что гоняла меня понапрасну. Еще бы ей не шевелиться — там так сладко пировали черви, что от их движений подрагивало все крохотное тельце!

Но как бы там ни было, даже такие происшествия — отнюдь не пустая трата времени. Человек, поставивший тебя в неловкое положение, чувствует себя обязанным — значит, поможет в следующий раз. А главное, отраден сам по себе факт, что человек не поленился позвонить и позвать к дикому существу на помощь — сколько таких равнодушных, которым лень даже пальцем пошевелить! Лучше уж я сделаю холостой пробег — как говорят у нас в Англии, погоняюсь за диким гусем,— нежели допущу, чтобы живое существо осталось беззащитным перед возможной угрозой смерти.

...Едва припарковав машину, я взялась за кисть — покраска не могла больше ждать! Как легко работается ночью — ничто не отвлекает, никаких звонков!

Субботний день в кои-то веки прошел без приключений — но, увы, не для Дерекка. Когда он позвонил в воскресенье вечером, то сообщил — мол, вот уж не ожидал, что стану здесь всеобщей притчей во языцех! Отправляясь завтракать, Дерек увидел на доске объявлений афишу о выступлении своего кумира Бернарда Мэннинга в местном ночном клубе. Обратившись к администратору гостиницы с вопросом, где находится этот ночной клуб, Дерек получил разъяснение, что сие заведение находится неподалеку, но считается элитарным, и публику туда пускают только пристойно одетую, уж, во всяком случае, не в джинсах. После завтрака Дерек уломал своих дружков отправиться в ночной клуб послушать Мэннинга; те,

кто не привез с собой костюмов, после завтрака веселой шумною гурьбой отправились в город покупать себе «пристойную» одежду специально на этот вечер!

А дальше вышел вот какой конфуз. Видно, Дерек так ошалел от радости, увидев афишу со своим кумиром, что не разглядел главного: концерт состоится только через две недели. Как он теперь посмотрит в глаза товарищам, когда они вернутся со специально купленными по такому случаю костюмами? А, ерунда! Нам приятно уже то, что купили пристойную одежду. Обойдемся и без Мэннинга, все равно сходим!

Итак, под вечер все нарядились в костюмы и втекли гуськом в парадный вход ночного клуба, охраняемый дюжими вышибалами. Последним в этой череде был Йан — он, как и все, купил себе новые брюки, а про ботинки забыл. Прямо как приехал в кедах, так и пошел в клуб. Ну, вышибала его, конечно, остановил — мол, иди надевай ботинки. Йан вернулся в гостиницу в надежде, что кто-нибудь из товарищей хватится его и вернется за ним. Однако никто из товарищей не обратил внимания, что Йана не пустили, а когда хватились, то, со свойственной им всем безалаберностью, ни один не дал себе труда выяснить, куда же делся товарищ. Одолжить ботинки было не у кого, и бедняга Йан так и провел ночь в гостиничном номере в одиночестве.

В воскресенье Дерек совершил только одну небольшую оплошность — посеял где-то свою куртку. Играть команде Ист-Хантспилла пришлось против первой сборной Джерси — те уже имели опыт игры с дурачками из Сомерсета и заранее праздновали победу. Ничего, зато потом были чудесное чаепитие и завтрак.

Но вот на Джерси пришел новый серый безрадостный день — понедельник. Да что там говорить, весь уик-энд был холодным и безрадостным, и Дереку так и не пришлось поплескаться в море. Приехав в аэропорт, чтобы лететь обратно в Бристоль, Дерек сообразил, что билет-то остался в посеянной куртке, и страшно запаниковал. Хотя паниковать было нечего — плати 15 фунтов и переоформляй билет.

Зная, что самолет из Джерси прибывает в полдень, я выехала встречать Дерекка в одиннадцать. Это я уже потом выяснила, что в пять минут двенадцатого Дерек позвонил и сообщил о переносе рейса, и снова по причине тумана. Прибыв в аэропорт, я принялась искать Дерекка в зале прибытия и его окрестностях. Обнаружив табло с информацией, что вылет задерживается, я бросилась за разъяснениями в справочную службу; там ответили: Джерси укутан таким плотным туманом,

что рейс оттуда сегодня вряд ли будет. Я была в отчаянии — из-за этой зряшной поездки я так и не смогла закончить покраску! А в это время парни на Джерси отправились заливать свою грусть-тоску вином и ждать новостей. Одного из парней завтра ждали в Голландии, и тогда всю команду отправили на судне на воздушной подушке в Уэймаут, где ребята пересели на автобус; на это ушло еще три часа. Будучи одним из немногих, кто не принимал участия в попойке в баре, Дерек провел под мышки своих не в меру развеселившихся друзей одного за другим на судно.

Короче, измученная и грустная команда прибыла на родную землю в половине третьего пополудни. Дерек позвонил, чтобы я их забрала и развезла кое-кого по домам.

— Я не разбудил тебя? — спросил он. — Рано же еще, почему ты на ногах?

Я и не ложилась спать, я все это время красила!

Не возьму в толк, какая тут связь, но каждый раз, когда наступает крикетный сезон и Дерек по субботам торчит на поляне, все начинает идти наперекосяк. Возможно, это объясняется тем, что по выходным дням у нас больше посетителей и нам притаскивают больше зверюшек. И конечно же больше вызовов.

Случается, делаешь какое-то дело и не представляешь себе возможных последствий. Однажды в субботу рано утром мне позвонила женщина-ветеринар из Вестона — ей привезли коосулю. Бедняжку доставил прямо в операционную нечаянно сбивший ее водитель. Ветеринар зашила раны, осмотрела — как будто все кости целы. Животное еще не пришло в сознание, и врач была обеспокоена, что с ней делать дальше: у нее был только вольер для собак с решеткой из проволоки; если ноги косули в ней запутаются, она их неизбежно поломает. Олени вообще очень нервные животные; очутившись в ограниченном пространстве, косуля начнет метаться как угорелая и непременно что-нибудь себе повредит.

Ну, я тоже оказалась в неловком положении. У нас не было подходящего загона, где можно было бы держать коосулю; к тому же, хоть мне и случалось выхаживать детеныша, со взрослым животным я никогда прежде дела не имела. Я посоветовала ей связаться с Обществом покровительства животным, а в случае возникновения каких-либо проблем сообщить мне. Я позвонила полчаса спустя узнать, как дела, — несмотря на загруженность, Общество постарается прислать машину во

второй половине дня. Она надеялась, что за это время с косулей ничего не случится. Ну, суббота для Дерекы — святой день, и к часу дня он отправится на свою поляну; посетителей было не особенно много, так что я решила подбить дебет-кредит. Только я засела за бухгалтерские книги, как ко мне в офис вваливается Дерек с мешком для крикетных причиндалов и объявляет, чтобы его ждали не раньше одиннадцати, а то и в половине двенадцатого ночи. Нет, конечно же он не будет все это время лупить по мячу, но надо же обсудить стратегию игры! Обсуждение обычно происходит в ближайшем кабаке, а Дерек не такой невежа, чтобы уйти, пока там еще кто-то остается.

Не прошло и нескольких минут после отъезда Дерекы, как врач из Вестона позвонила снова. Она в растерянности сообщила, что в Обществе покровительства животным все в разездах по вызовам и прислать машину смогут не раньше понедельника. Ну, как их за это винить? В наше время любое дело приходится делать с максимальной эффективностью при минимуме рук и расходов. Хорошо, когда все идет как по маслу, но при слишком большом количестве звонков сидящий на телефоне дежурный вынужден отдавать каким-то из них предпочтение. Возможно, он не знаком со спецификой поведения всех животных и уж наверняка подумал, что раз косуля в руках ветеринара, то ничего плохого с ней не случится. Но в данном случае решение было принято неверное. Косулю нужно было забрать как можно быстрее, причем не только ради ее безопасности, но и ради безопасности людей, в чьи руки она попала. Я обещала врачу что-нибудь предпринять и позвонить через десять минут.

Я мигом набрала номер Колина Сэддона из Отдела дикой природы Общества покровительства животным и, пока в трубке слышались гудки, скрестив пальцы молила судьбу, чтобы он оказался на месте. Слава Богу, вот и он! Колин сообщил, что не может надолго отлучиться из Общества — там просто больше некому сидеть, и, кроме того, во второй половине дня у него показательная дойка коров. Мы договорились, что я заберу козу у ветеринара, привезу ее к нам в Центр, а Колин подъедет и заберет ее у нас.

— Имей в виду, — предупредил меня Колин, — если увидишь, что животное выходит из наркоза, пусть ветеринар сделает ему еще инъекцию. Будь осторожна!

Я тут же позвонила в Вестон, что выезжаю, и побежала искать маму — попросить ее съездить со мной: лишняя пара

рук не помешает. Мама, как всегда, возилась в саду, на ней были старая одежда и видавшие виды сапоги.

— Как же я поеду таким чучелом? — изумилась она. Но, видя, что мне действительно нужна ее помощь, без колебаний села в машину, и мы помчались в Вестон.

...Моей маме за семьдесят, хотя по ней этого не скажешь — вот она хлопчет в саду, а через минуту уже моет посуду в чайной комнате. Пользуясь случаем, хочу еще раз поблагодарить родителей за колоссальную помощь — если бы не они, мы с Дерекком пропали бы. Папа иногда сидит за администраторским столиком, а то возится с железяками в мастерской, в которой, правда, столько всякой всячины, что трудно разобраться, где что лежит (и какая удача, когда затерянный было инструмент наконец находится!). Когда он входит в комнату, первое, что от него слышишь: «Не знаешь, где то? Не знаешь, где это?» Когда Дерек уехал проветриться на Джерси, он спросил: «Слушай, он не прихватил с собой случайно ножовку? Я все обыскал, как в воду канула!» И с этим же вопросом он обратился к Дереку, едва тот переступил порог дома.

Как бы там ни было, мы с мамой получили удовольствие от поездки в Вестон. Ведь даже когда она рядом хлопчет по ферме, поговорить с ней бывает практически невозможно: каждый раз что-нибудь да прервет разговор. На сей раз мы наговорились всласть и не успели оглянуться, как доехали. Врач, у которой была косуля, очень обрадовалась нашему прибытию, так как животное уже начало приходить в себя.

— Так введите ей еще наркоз,— весело сказала я.— Она должна быть смирной, пока мы ее будем везти.

— Не могу,— сказала дама.— Я вообще не вводила ей наркоз. Она была без сознания только из-за шока. Если я введу ей наркоз, она может погибнуть. Могу стреножить ее для вас, если хотите.

— Наркоз был бы лучше,— возразила я.— Когда стреножишь лошадь, это ее усмиряет, но усмирит ли косулю? Вот в чем вопрос.

Мама осталась в машине, а мы с врачом отправились проведать косулю. Сказать, что она находилась в неподобающих условиях, значит ничего не сказать. Косуля по крайней мере двухлетнего возраста спала в вольере, рассчитанном на крупную собаку. Если бы она встала на ноги, ей было бы некуда деть голову. То, как реагируют эти животные на тесное пространство, я хорошо знала,— следовательно, чем быстрее мы заберем ее отсюда, тем лучше.

Стреножив косуле передние и задние ноги, мы аккуратно отнесли ее к машине и бережно положили на заднее сиденье. Ей-богу, жаль было видеть такое красивое существо в беспомощном состоянии. Ее летняя одежда была приятного цвета красного песка, а о том, что ей исполнилось минимум два года, говорили сильные и вполне сформировавшиеся рога. Придет октябрь — и она их сбросит, а к марту вырастут новые, покрытые красивой, похожей на бархат шкуркой. На своих тонких, точеных ножках она может делать фантастические прыжки до шестнадцати метров в длину; но теперь они покочились, связанные, на заднем сиденье, и была одна забота — как бы она чего не отчубучила в дороге и не поломала их.

Врач пожелала нам благополучно доехать и помахала на прощанье. Еще бы — ведь ее забота теперь стала нашей. Мамочка моя нежно поглаживала косулю по мордочке и шептала слова утешения — она представления не имела, в какую ситуацию мы влипнем, если животное проснется! Нет, самое правильное — не рассказывать ей об этом, а между тем я выкручивала на автотрассу и разрабатывала стратегию на случай самого худшего. Полчаса — и мы дома. Только бы она не приходила в сознание еще минут сорок, думала я. Какое там полчаса! Все три полосы забиты, скорость не более тридцати миль. Неудивительно — суббота, летний сезон, все едут отдыхать! А, чем черт не шутит, пойду ва-банк! Замигав подфарниками, я выехала на резервную полосу и ошалело понеслась, обгоняя всех прочих граждан — черт возьми, пусть штрафуют, лишь бы не случилось беды!

С колотящимся сердцем и присосшими к рулю руками я вкатила на ферму как раз в тот момент, когда Колин парковал фургончик Общества покровительства животным. Мы тут же перенесли туда косулю. Колин страшно разволновался, когда услышал, что животное не под наркозом, и проинструктировал приехавшую с ним девушку-ветмедсестру: «Значит, так: сядешь рядом с животным на сиденье и, если увидишь, что оно приходит в себя, навались на него всем телом и постучи мне — я тут же остановлю фургончик и помогу тебе. А пока летим не мешкая!» Когда фургончик отъехал, я мигом представила себе, как мама бросается на пробудившуюся ото сна косулю прямо в своих красных ботфортах...

Те, кому посчастливилось увидеть этих милых, таящихся от людей животных, особенно на заре, когда над землей еще белеет пар, никогда не забудут этого зрелища. И тем более горестно, что столько этих трогательных существ становятся жертвами происшествий на дорогах,— бывает, у оленя или

косули еще достает сил уйти с места трагедии, чтобы потом умереть...

Я, конечно, помнила того детеныша косули, которого выкормила несколько лет назад. Как это ни странно, у косуль есть нечто, роднящее их с барсуками, а именно — «отложенная имплантация»: если брачный период длится с июля по август, то имплантация бластоцисты происходит не ранее конца декабря — начала января. Так что детеныши появляются на свет между серединой мая и серединой июня. После рождения детенышей олени часто оставляют их на какое-то время в высокой траве, а сами уходят пастись, иногда довольно далеко. Если детенышей рождается больше, чем один (а близнецы — довольно распространенное явление), они держатся порознь и ждут возвращения мамы. Но когда их находят люди, то думают, что они брошены. Если видишь, что животное не в состоянии стресса, не трогай его — мама вернется!

Правда, тут вот какой парадокс: олени столь широко распространены в Британии, что ежегодно выдаются лицензии на отстрел 15 000 штук: если дать им бесконтрольно размножаться, то они причинят серьезный ущерб деревьям и среде в целом. Все в природе должно быть сбалансировано!

Читатель, возможно, помнит выкормленного мною косуленка по кличке Брамбл, что значит Ежевика, — его нашли запутавшимся в этом колючем кустарнике. Скажу откровенно, у меня сердце кровью обливалось, когда он убежал искать себе подобных. Но ведь свобода — это лучшее, что я могла ему даровать. Хочется верить, что с ним ничего не случится...

А сейчас у меня молодая самка красного оленя. Ее зовут Дот. Она тоже была подобрана людьми, думавшими, что ее бросили, и отнесена супружеской паре — почтальону и его жене Франческе. Эти люди, знавшие, как заботиться о диких животных, выкормили олениху. К несчастью, ей никогда не приходилось видеть себе подобных — я про таких животных говорю: они думают, будто они тоже люди! Когда Дот исполнилось полгода, Франческа, понимая, что олениха нуждается в общении с людьми, хотела определить ее куда-нибудь, где ее будут показывать людям и объяснять, почему нельзя трогать найденных оленят.

Отправившись посмотреть на Дот, я взяла с собой Мэнди, нашу главную специалистку по уходу за животными. Мне нужно было удостовериться, что Дот действительно лучше быть с людьми, чем вернуться в дикую природу, где можно носиться как угорелая в лучах заката. Франческа расписала мне во всех подробностях, как до нее добраться, и, прямо

скажем, это оказалось нелишним. Машина долго петляла меж холмов у подножья Эксмур, и мы даже стали подозревать, что заехали в такую глухомань, где на много миль вокруг ни деревушки, ни человеческой души. Но вот наконец и коттедж Франчески, а вот и сама хозяйка с только что пришедшими из школы сыновьями выходит встречать нас, попутно обсуждая с ними вопрос, где лучше выкопать в саду погреб. Франческа и ее супруг имеют большой опыт

по выхаживанию диких животных, так что мы быстро нашли общий язык. Хозяйка повела нас тропинкою сада к загону, примыкающему к коттеджу.

Ей не пришлось подзывать Дот — олениха уже нас заметила, стремглав бросилась к нам, а когда казалось, что она вот-вот налетит на нас, резко остановилась. Дот была значительно больше, чем я думала, — она доставала мне до пояса, но при этом элегантности и грации ей было не занимать. И никаких комплексов, если можно так сказать применительно к животному. Все идут в дом выпить чашечку кофе — почему бы и мне не пойти со всеми?!

Так или иначе, но передо мной снова стояла проблема перевозки крупного и — каким бы домашним оно ни было — пугливого животного. Франческа обещала проводить ее до нашей фермы, а если та вдруг занервничает в дороге, она постарается ее успокоить. Хотя Дот выглядела уже совсем взрослой, ей по-прежнему полагалась бутылка молока дважды в день, и мы решили: когда она переселится к нам, кормить Дот будет только Мэнди. Пусть олениха признает именно ее своей приемной матерью после расставания с Франческой.

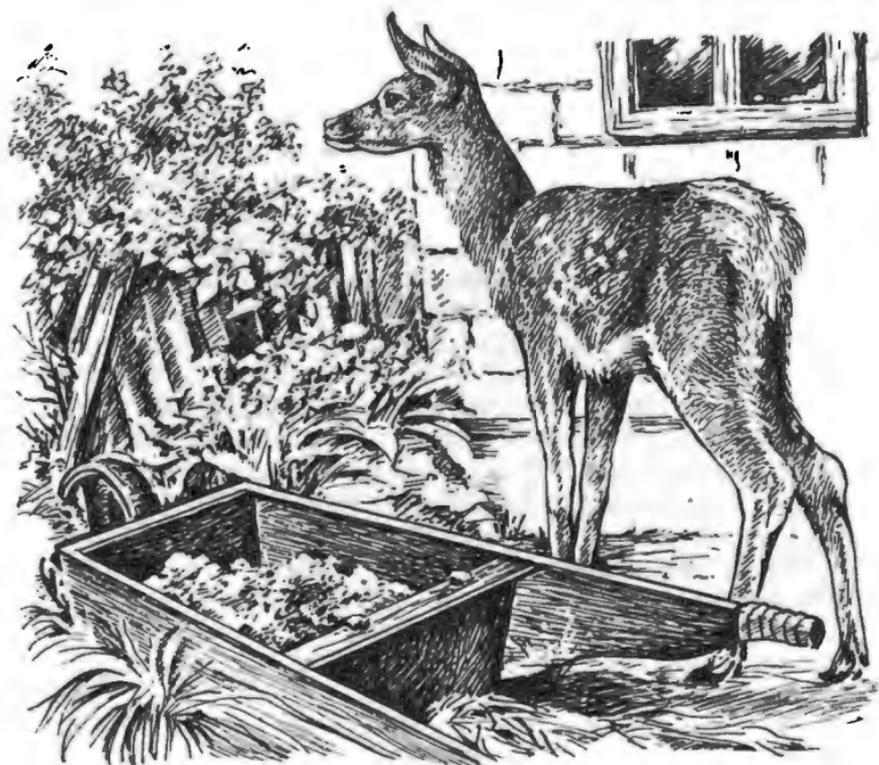
Наконец настал день переселения. Он прошел без приключений, лучшего трудно было пожелать! Франческа постелила в фургоне соломы для Дот и сама залезла туда; Дот последовала за ней без всяких приглашений. Зная, что в жизненной практике Дот не было дальних путешествий, я вела машину, как говорится, на цыпочках, содрогаясь при мысли, что же будет, если олениха занервничает. Франческа чувство-

вала себя точно так же: ведь если животное впадет в истерику и поломает себе ноги, его придется усыпить. Не знаю, прочитала ли Дот наши мысли, но только всю дорогу она лежала спокойно и с любопытством глядела в окошко.

Когда мы прибыли на ферму, возникли тревожные вопросы: привыкнет ли Дот к новым условиям и новой среде? Там — покой и тишина холмов, здесь — суетня-беготня, голоса множества различных животных, наконец, отдаленный гул автотрассы. Мы тихонько повели олениху в новое жильё. Там были окна, через которые она могла видеть все происходящее вокруг, но все же мы навесили на них решетки, чтобы ей, не дай Бог, не пришло в голову попытаться разбить стекла и выскочить. А не попробовать ли подселить к ней здешнюю старожилку — козу? Может, привыкнут друг к другу, будут пастись вместе в нашем яблоневом саду? Как бы не так! Дот отнюдь не обрадовалась новому соседству! На ее морде обозначилось такое плохо скрываемое презрение, что стало ясно: никакой дружбы между ними не получится, и мы решили — пусть живет одна. Франческа была сама любезность и побыла с нами еще пару часов, чтобы убедиться, что Дот стала привыкать к новой обстановке. Если бы она прочла в глазах Дот безразличие, это, безусловно, встревожило бы ее. Но нет, вроде ничего, привыкает! Я пообещала Франческе позвонить и сообщить, как пойдут дела. Бодро улыбнувшись, Франческа взяла под руку супруга, и они направились к выходу; но когда, выходя из ворот, она всплакнула на плече у мужа, я прекрасно поняла, что у нее на душе, и сказала: если Дот почувствует себя несчастной, приезжайте и забирайте ее назад. На этом они и уехали.

Проводив прежних хозяев Дот, я отправилась проведать ее саму. В душе жила надежда, что наш шаг был правильным, и все-таки — будет ли наше жильё принято ею как родной дом? Если удерет, для нее раз плюнуть доскакать до автотрассы; а как вспомнишь, сколько у нас соседей, имеющих ружья, так дрожь пробирает. Да нет, пока вроде все честь по чести, но это не избавило меня от беспокойства.

Мэнди, как некогда Франческа, дважды в день кормила Дот из бутылочки. Все работавшие у нас на ферме девушки были очарованы ее прелестной питомицей. Когда Дот сосала молоко, становились ясно видны железы, выделяющие секрет, при помощи которого олени метят свою территорию. Когда наблюдаешь подобное со стороны, кажется, будто олени хотят выколоть себе глаза о ветки кустарников. Это не так — просто железы, содержащие пахучий секрет, располагаются у них не

в анальной области, как у других животных, а в области глаз. Две недели мы продержали Дот взаперти, чтобы она совсем привыкла к новому жилью, а затем стали — сперва понемножку, на полчаса — выпускать ее погулять в сопровождении Мэнди, за которой она следовала по пятам, как собачонка. Проблема заключалась в том, в какой момент предпринять последний шаг и разрешить ей уходить, когда пожелает и на сколько пожелает.

Все разрешилось само собой в один прекрасный день, когда все вышеупомянутые девушки быстро сделали свою работу на ферме и могли отправиться на соседнюю наблюдать за барсуками. Та, кто последней заходила к Дот, не закрыла дверь как следует, и олениха незаметно выбралась в яблоневый сад. Как раз в этот день мы наняли молодого парня распилить на дрова для камина в гостиной несколько старых высохших стволов. И вот я иду из офиса, а парень мне навстречу: нельзя ли убрать подальше оленя, который все норовит толкнуть его под локоть? Пусть себе ластится сколько влезет, но не тогда, когда он орудует бензопилой! Согласитесь, это немножечко

опасно... Зато мы поняли, что нисколько не опасно выпускать Дот на целый день.

Она теперь и бегает по целым дням — то носится наперегонки с какой-нибудь из девушек, то сует нос в старую сыроварню — нет ли там какой-нибудь еды? Труднее всего удерживать ее от посещений чайной — конечно, гостям приятно, когда она туда заглядывает, да вот беда — вокруг посажены розы, декоративные кустарники, ивы, а равнодушно пройти мимо этого моя любимица не может. Все бы ничего, если бы она аккуратно «подстригала» кустарники — тогда можно было бы даже сэкономить на жалованье садовнику. Так ведь нет — из-за того, что у оленей отсутствуют верхние зубы, ветки, с которых они общипали зелень, выглядят просто драными. Наш садовник Рэг вечно ворчит на Дот: подстригай за ней!

Как я уже писала выше, в Сомерсете растет много ив, которые иногда идут на изготовление бит для крикета. Вот только из тех ив, что растут у нас во дворе, бит уже не наделаешь. Моя любимая Дот их так объела, что они теперь ни на что не годны.

Глава четвертая

МЫ И ПРЕССА

Когда мы еще только начали функционировать как туристическая, так сказать, гостепримечательность, мы и представить себе не могли, сколько нас ждет впереди забавных и курьезных ситуаций, о которых говорят — и смех и грех!

Особенно частыми они стали, когда мы превратились в Центр по спасению барсуков и других диких животных. Дело в том, что каждая уважающая себя газета стремится включить в номер хоть один материал о животных, и репортеры охотно гонятся за ним. Если туговато с новостями о животных в дикой природе, они обзванивают различные Центры по защите животных и спрашивают, нет ли чего интересного, а если есть, то можно ли приехать черкнуть крохотную заметочку. Вот как-то перед Рождеством мне позвонил репортер со своим обычным вопросом. Поскольку дело было зимой, то одним из самых популярных героев газетных рубрик о братьях наших меньших был колючий дружок — Центры по защите животных подбирали ежат, слишком поздно появившихся на свет, чтобы перезимовать, выхаживали их и по весне снова выпускали на волю. Но в конце концов все пресытились ежиными историями, надо было искать что-нибудь посвежее.

— Есть у тебя что-нибудь новенькое? — спросил журналист Алан, дозвонившись до меня.

— Да нет, все по-старому, — ответила я. — Как я поняла, ежи уже приелись, а в остальном все так обыкновенно, что материал для сюжета вы уж точно не найдете.

— Жаль, — разочарованно протянул Алан.

— Сочувствую, — сказала я, — но любой другой ответ был бы неправдой.

— А зачем обязательно правду? — воскликнул Алан, и в его голосе снова зазвучали нотки энтузиазма. — Подкиньте-ка мне сюжетик, я разверну — выйдет здорово!

Вот в таком ключе обычно и происходят наши диалоги с акулами пера. А как их упрекнешь? Они делают нам имя, мы по мере сил идем им навстречу. Приходится принимать как данность: все, что пишут в газете, должно подаваться с крупинкой соли. Мы готовы терпеть даже то, что, когда фотографы приходят снимать нас с нашими питомцами, они изощряются, заставляя тебя (и животное!) принимать самые немыслимые позы. Есть один такой — инструкции так и текут у него из уст, как из худого крана. Мы даже ворчим про себя, когда он появляется.

— Так, милочка... Приблизьте-ка свое личико к вашему дружку, плечико чуть направо — хорошо, улыбайтесь, сейчас птичка вы... Нет, постойте, еще чуть поближе к столу — вот так! Улыбайтесь, смотрите прямо в объектив — есть! А впрочем... Мне понравилось, как изящно повернулся ваш питомец, попросите его проделать то же самое, но в замедленном темпе...

В конце концов морда у твоего питомца (не говоря уже о твоей собственной) становится кислой от потока ценных указаний — и, как вы думаете, какой снимок будет напечатан завтра в утренней газете? Тот самый, на котором у вас с питомцем самые кислые рожи!

Справедливости ради нужно заметить, что искусство требует жертв не только у модели. Фрэнсис Стоутхард сделал у нас немало снимков для местной газеты, но больше всего запомнилось, как он забрался со своей громоздкой аппаратурой в бельчатник. С ним была ассистентка — очаровательная студентка Шелли, проходившая у нас практику. Она имела неосторожность похвастаться Фрэнсису, что белки берут у нее орешки прямо из губ, Фрэнсис согласился, что лучшего сюжета для кадра не придумаешь.

Итак, оба забрались в бельчатник, по проволочной сетке которого кругами носились в возбуждении серые белки. Шелли стояла в полной боевой готовности с орехом в очарова-

тельных губках, а Фрэнсис подыскивал идеальную точку для съемки. Три белки были, очевидно, так взволнованы вниманием к себе, что в благодарность налили бедному Фрэнсису прямо за шиворот, но, несмотря на все, наш герой стоически выжидал момент для нажатия кнопки затвора. Тут я, к своему ужасу, заметила, что у него завернуты кверху штанины. Открыла рот, чтобы крикнуть ему об опасности,— поздно!!! Идиотка я, старая копченая селедка — не взяла с собой фотокамеру! Видели бы вы, какая рожа была у этого Фрэнсиса, когда белка, юркнув ему в штанину, пронеслась вверх и вынырнула через воротник! «Ну уж был денек»,— признался он мне в конце. «Ничего! Это тебе в отместку за то, что заставлял нас принимать всякие идиотские позы»,— подумала я.

Когда моя первая книжка только-только увидела свет, Фрэнсис попросил меня надписать ее.

— Покажу своим сослуживцам, пусть завидуют! — сказал он.

— Охотно! — сказала я и написала так:

«Милому Фрэнсису — с благодарностью за все те позы, которыми ты меня за годы нашего знакомства просто довел до ручки. (В особенности — за кадры № 52 и 105.)

С наилучшими пожеланиями

Паулина»

Интересно, пошел ли он хвастаться сослуживцам, а если да — то какой была их реакция?

Дерека редко приглашали участвовать в подобных съемках, но однажды и ему чуть было не досталась толика славы. Как-то раз нам принесли гуся, которого нашли неподалеку от нашего пляжа. Мы решили, что это обыкновенный белолобый гусь, но один из посетителей высказал мнение, что это гусь более редкой для здешних мест породы. Мы сообразить не успели, что к чему, а к нам уже толпами повалили охотники до всяких «пернатых» редкостей. «Что ж,— решили мы,— раз эти сумасшедшие зеваки думают, будто к нам залетел гусь редкой породы, пусть приходят и любуются, милости просим».

Ну и, конечно, как снег на голову свалился фотокорреспондент местной газеты, прослышавший про наше чудо. В этот момент на ферме были только Дерек и я, наши девушки отсутствовали. Фотограф застал его за чисткой коровника и уговорил сняться с гусем под мышкой. Дерек любезно согласился и вышел сниматься как был — в старом халате и с растрепанной шевелюрой. Когда на следующее утро его мать увидела это фото в газете, она сказала: «Эх, я вот помню,

когда школьником водила тебя к фотографу...» Глядя на фото бородатого мужчины в самом соку, хоть и слегка подуставшего, я не понимала, какая тут может возникнуть ассоциация со школьными годами. «Я имею в виду, — сказала мама Дерек, — что я всегда стояла рядом с расческой наготове!»

После публикации фотографии мы получили серьезное письмо от сэра Питера Скотта, указывавшего, что на фото изображен самый обыкновенный белолобый гусь. Так что надежды Дерек на толику славы не оправдались.

А еще был случай — жила у нас до смешного ручная хрюшка по кличке Дотти. Вот как-то одной из рекламных фирм понадобился плакат, изображающий хрюшку с крыльями — этаким свинопегас, что ли. Ну, они и позвонили нам — хотим заснять для плаката вашу Дотти. Нет, мы вовсе не собираемся пришивать ей крылья, мы это сделаем уже на снимке, с помощью компьютера. Сошлись на сумме в 50 фунтов, с тем, однако, чтобы хрюшка была чистенькой, как новорожденный поросенок. Ну, Дерек вывел ее во двор и два часа драил мочалкой и жидкостью для мытья посуды — чистая работа! Дотти позировала перед камерой блестяще. Еще два часа — и дело сделано. В кармане Дерек приятно топорщилась новенькая пятидесятифунтовка. Пожалуй, впервые в жизни он так охотно участвовал в рекламной кампании! Фото нашей летающей хрюшки обошло многие газеты — поэты, седлайте свинопегасов, они обеспечат вам творческий взлет и много-много свинства!

Вообще нам грех жаловаться на невнимание со стороны прессы, о нас неоднократно писали даже большие журналы; но одна публикация, рассчитанная на сенсацию, нас прямо-таки шокировала. Однажды звонят нам из Лондона — мол, такая-то центральная газета шлет к вам корреспондентку. Мы поехали на вокзал встретить ее. Высокая такая, худошавая, точно ветка ивы. Звали ее Джейн. Она провела с нами целый день, интервьюируя и меня и Дерек, и не скрывала своего восхищения нашими животными. Особенно понравились ей барсучата, которых я тогда выкармливала.

Мы обсуждали проблемы барсучьей популяции в Англии и возможные последствия преследования этих животных. Как оказалось, Джейн направил сотрудник Национальной федерации групп по спасению барсуков, узнав о том, что она собирается писать статью об их работе. Этим он предоставлял Джейн шанс увидеть живых барсуков и, естественно, надеялся, что публикация привлечет в группы новых членов.

Беря интервью у Дерек, журналистка, в частности, задала ему вопрос: привык ли он к тому, что вокруг него всегда столько народу? Дерек ответил, что, к счастью, толпы людей ему не мешают, но добавил, что его отец вряд ли одобрил бы такой стиль жизни — это тебе не былые блаженные дни, когда единственными «возмутителями спокойствия» на ферме были местные мальчишки, прибежавшие поработать за стаканчик сидра.

Джейн стала допытываться, как нам удастся финансировать нашу работу. Дерек рассказал об «Обществе Блюбелл», члены которого платят взносы и оказывают спонсорскую поддержку делу спасения животных. «Некоторые члены Общества регулярно бывают у нас в гостях, как вот, например, эти две леди в чайной комнате», — сказал Дерек и показал на Анджелу Ли и Эйлин Митчелл, попивавших в это время чай со сливками. Это две наши добрые знакомые — удивительно привлекательные женщины благодаря изысканности манер и умению со вкусом одеваться. Они работают гидами на континенте.

Дерек представил Джейн Анджеле и Эйлин, и те с энтузиазмом рассказали об «Обществе Блюбелл» и подчеркнули, сколь важна, по их мнению, эта работа. В конце беседы Эйлин мимоходом бросила фразу: «А мы всего лишь две блаженные старушки — когда можем, приходим поглядеть на зверей и помочь Дереку и Паулине в работе, которую они делают. Нам тут хорошо!»

...К концу дня у Джейн, должно быть, уже разнылась рука от всей этой писанины: что бы она ни увидела, все методично заносила в блокнот. Дерек отвез ее к поезду. «Ну, — сказал он, возвратившись домой, — если в печать попадет хоть пять процентов того, что она тут понаписала, то и тогда статья выйдет классная!»

Статья увидела свет в первую субботу после Троицына дня. «Теперь уж у нас точно отбоя не будет от желающих вступить в ряды защитников барсуков», — думала я, беря в руки номер. Развернула газету — и глазам своим не верю: почти две полосы заняты фотографиями наших питомцев, а работе групп по защите барсуков посвящены всего две колонки по три дюйма. В основном же материал повествовал о том, как фермерша спасает барсуков и прочую живность в пику своему старому мужу-ворчуну, который вечно жалуется, что не может даже достать еду из холодильника: кухня отдана во власть барсучатам. «Этот усач заявляет, что вся эта кутерьма стоит у него поперек горла и что он был куда счастливее, если бы возился с одними только хрюшками, как все нор-

мальные люди. Какая прекрасная жизнь была прежде — дои себе коров да попивай сидр в свое удовольствие. А теперь барсуки постоянно путаются под ногами и проходу нет от толп туристов!» Дальше было хлеще: «Англичане, — сказал Дерек, — любят барсуков как эти полупомешанные старухи». И тут же дана фотография Анджелы и Эйлин, зашедших к нам попить чайку...

Боюсь, иные защитники природы, прочитав такой материал, не захотят со мной разговаривать. Что поделаешь, люди привыкли безоглядно верить печатному слову. (Справедливости ради следует заметить — немало туристов приехали к нам специально, чтобы поглядеть на старого мужа-ворчуна и его многострадальную жену, и убедились, где правда, а где вымысел.) Не нужно объяснять, что Дерек, прочитав эту статью, неделю ходил багрово-фиолетовый от ярости. Особенно неудобно было перед Эйлин и Анджелой. К счастью, наши блаженные старушки только посмеялись всласть. А ну как недостало бы у них чувства юмора?!

...Когда через твои руки проходит такое количество животных, приходится немало общаться с ветеринарами. Самое правильное — иметь постоянного, так сказать, домашнего врача, который, пользуясь ваших питомцев, досконально знал бы, что у вас и где заведено и устроено. Но естественно, поскольку работы у нас хоть отбавляй, ее хватает на несколько специалистов.

До недавнего времени за домашнего врача, на чьих плечах лежал основной объем работы, у нас был Бэрри Парсонс. Этот абсолютно безмятежный человек обладает редкостным даром находить подход к любому существу — от ворчливого барсука до миниатюрной сони-тихони. Он тщательно осматривает животное, не скупясь на ласковые слова ему в утешение, и всякий раз настраивает на то, что путь к улучшению его самочувствия может оказаться долгим. Печально было узнать, что он оставляет врачебную практику ради того, чтобы иметь возможность проводить больше времени со своей молодой семьей. Еще бы — ведь за то время, что он пользовал наших зверушек, у нас сложились доверительные отношения, мы могли делить с ним и горести и радости. Трудно привыкнуть к тому, что такого советчика и собеседника рядом с нами больше не будет. Я искренне надеюсь, что, когда его детишки подрастут, Бэрри вновь вернется к своей профессии — нельзя же терять квалификацию! Мы будем очень рады, когда это произойдет.

Пришлось потрудиться, чтобы приискать ему достойную замену — и вот теперь у нас за главного айболита Стюарт Мэрри из Новой Зеландии. Высокий, стройный, темноволосый, вальяжно выговаривает слова в растяжку и при этом иногда склонен перебарщивать с черным юмором. Но он, как и Бэрри, дает себе труд разъяснить, почему он поставил тот или иной диагноз, что означают те или иные симптомы, и помогает

понять, какой внутренний орган животного в данный момент не в порядке. Разве могла я тогда знать, что Стюарт станет моим верным помощником в самые тяжелые времена.

...Как-то раз я повезла барсука к Стюарту на рентген. Сделав снимок, Стюарт отвел меня в дальний угол кабинета показать результат. Пока мы беседовали, я почувствовала, как чей-то маленький холодный носик тычется мне в ногу, и глянула, кто бы это мог быть. «Это» оказалось забавным существом шенячьей породы — извиваясь всем тельцем, оно кружило вокруг моих ног и весело виляло хвостиком. Оно было бы радо, если бы кто-нибудь с ним поболтал. Ключья черной и бурой шерсти свидетельствовали о том, что когда-то у него была красивая шубка, но на большей части тела шерсть отсутствовала, а кожа была покрыта струпьями, «украшавшими» даже мордочку. Но это нисколько не мешало ему радоваться жизни и новому знакомству — от волнения он прижал уши, а в карих глазах так и читалась мольба: поиграйте со мной!

— Ну что, бродяга, поиграть хочется? — сказала я, глядя щенка по голове.

Тут же в кабинет вошла девушка с длинными, завязанными, точно хвост пони, волосами. Это по ее недосмотру щенок убежал из вольера.

— Бедняжка, — сказала ветмедсестра Бекки. — Его к нам прислало Общество покровительства животным. У него тяжелая форма чесотки. Сейчас дело пошло на поправку, но у него такой ужасный вид, что никто брать его не хочет. Что ж делать, — сказала она, глядя мне в глаза, — если к понедельнику не найдем для него дом, придется усыплять.

Я пыталась сосредоточиться на том, что толковал Стюарт относительного результатов обследования, но у ног моих вертелось крохотное существо, а в ушах звучали слова Бекки. Как только Стюарт закрыл рот, я тут же подхватила щенка на руки, и в благодарность за это он кинулся лизать мне лицо и лизал до тех пор, пока я его не отстранила. Размером он был с таксу, только ноги чуть подлиннее. Стараясь не показаться слишком сентиментальной, я все-таки спустила его на пол. Когда мы вернулись в регистратуру, ко мне снова подскочила Бекки:

— Не правда ли, лапочка?

— Конечно, не красавчик, но лапочка — это точно. Как он к вам попал?

— Его увели у какого-то коммивояжера и передали в Общество покровительства животным. Там мамаша и еще четверо щенят; у всех чесотка, но у этого в самой тяжелой форме. Он даже не мог стоять на ногах. Теперь он выздоравливает, но ему нужна специальная диета, — объяснила Бекки и, смеясь, добавила: — Ну как ты, готова?

— Попробую обработать Дерекка, только ты смотри, раньше времени не встречай! — ответила я с улыбкой.

Бекки имела уже немалый стаж работы ветмедсестрой, и у нее постоянно жили несколько собак. Всего за год до этого случая она сосватала мне крохотную и жалкую собачонку Полли. Увидев это создание, я поняла, что с ней что-то не в порядке, и попросила ветеринара сделать рентгеновский снимок. Оказался шунт между сердцем и печенью — лишняя вена, препятствовавшая нормальной очистке крови, а местоположение этой вены делало операцию невозможной. «С таким пороком хорошо если проживет шесть месяцев», — сказал врач. Полли прожила семь, за этот короткий срок доставила мне массу радости и, как и другие наши любимцы, оставила добрую память о себе.

Когда Полли не стало, мы не брали другого щенка ей на замену, так как у нас было две собаки, оставшиеся от сыновей, уехавших учиться в университет, — типичный фермерский пес Барни, похожий на плюшевого мишку, и Саманта — миниатюрный невротический шнауцер, облаивающий людей, когда они приходят к нам на ферму, ходят по ферме и уходят с фермы восвояси.

Я ехала домой, а мысли были заняты только одним: как уговорить Дерекка? Я не могла забыть эти карие глаза! В тот вечер у нас была назначена небольшая пирушка с друзьями, и я думала: в какой бы момент замолвить слово о щенке?

Вечеринка удалась на славу: гости уселись за стол, не дожидаясь моего возвращения, и, пока я катила домой, Дерек успел пропустить пару-тройку стаканчиков.

— Там одного щеночка хотят усыпить, жалко,— вставила я как бы невзначай. Дерек, который знает мою натуру вдоль и поперек, понял, к чему я клоню, и коль скоро он не встал мгновенно на дыбы, я решила: есть шанс на положительный ответ, упустить его никак нельзя.

Я с трудом дождалась следующего дня и, когда мы сели пить кофе, задала Дереку вопрос в упор: не будет ли он возражать, если я заведу щенка?

— Что ж,— ответил он.— Разрешаю. Поезжай за ним, только смотри, возиться с ним будешь сама. И смотри, чтобы это была не восточноевропейская овчарка!

С прыгающим от волнения сердцем хватаю ключи от машины, бросаю Мэнди (которая была на моей стороне!), что разрешение взять щенка получено, и несусь за ним.

— Все в порядке! — крикнула я Бекки, врываясь в приемную.— Муж разрешил мне взять щенка при условии, если это будет не восточноевропейская овчарка.

— Ну что ж, отлично,— сказала Бекки.— Запишем его так: помесь колли с мотоциклом.

Сидевший за столом Стюарт поднял брови:

— Подумай-ка еще раз, прежде чем брать,— сказал он с улыбкой.— Ты не представляешь, какие проблемы на себя вешаешь. Мы ведь даже не знаем точно, сколько ему времени от роду.— Но, взглянув на счастливую пару — меня и щенка, понял, что напрасно сотрясает воздух.

Бекки проводила меня до машины и дала сумку с диетическим питанием для щенка, втрое превышающую по размерам его самого. Свернувшись под одеялом, он проспал всю дорогу до дома.

— Ну, а назовем-то тебя как? — сказала я, вынимая его из машины. В памяти возникло смущенное лицо Стюарта, и я решила: назову-ка я щенка Мэрри!

Пронеся Мэрри через двор в сад, я посадила его на зеленую лужайку; работники сбежались посмотреть на новое приобретение. Понятное дело, неуклюжее существо с бочкообразным тельцем на длинных ножках, да еще покрытое струпьями, поначалу ни у кого не вызвало симпатии. Но когда щенок, извиваясь всем тельцем, принялся вертеться меж многочисленных ног, приглашая поиграть,— точно так же, как он приглашал меня,— публика мигом оттаяла, за исключением, может быть, Дерек.

— Что-то он уж больно смахивает на восточноевропейскую овчарку,— сказал он.— Во всяком случае, если судить по остаткам шерсти, окрас точь-в-точь тот же.

— Окрас-то, может быть, и тот же,— медленно выговорила я, тщательно подбирая слова,— но вспомни-ка, сколько пород собак черные! Даже йоркширские терьеры. А посмотри, как у него свисают ушики — совсем как у длинноногой таксы!

Дерека это не очень убедило.

Кстати сказать, я только теперь разглядела, как моему новому вислоухому любимцу трудно ходить. Коленные сухожилия у него были очень толстые и жесткие; когда он садился, суставы его передних ног выворачивались наружу; все это казалось бы очень забавным, когда бы не было так грустно.

Мэрри оказался превосходным другом — конечно, лужицы, всякие щенячьи проказы, но так ведь у любого щенка. Главное, он был очень спокойным и не поднимал лай по ночам. Единственная проблема заключалась в том, что посетители пытались его закармливать, а ему при его болезни можно было съесть разве что маленький кусочек сверх назначенной диеты — иначе его движения становились очень вялыми. Правда, поначалу я особенно не отпускала его от себя, чтобы он не шокировал посетителей своим неприглядным видом; мне всякий раз приходилось объяснять, почему он такой, но, слава Богу, шерсть начала отрастать, и вскоре он мог свободнее исследовать окружающее пространство. В те немногие часы, когда я отпускала его погулять, собачонка Саманта учила его отыскивать посетителей, устраивающих пикник!

Ситуация обострилась до предела в тот вечер, когда я имела неосторожность выйти поговорить с приятелем, оставив Мэрри на попечение Дерека. Щенку так и не удалось завоевать сердце моего супруга, а то, что ушики у него начинали становиться торчком, как у восточноевропейской овчарки, вряд ли способствовало их сближению. В тот вечер кто-то тайком от меня его чем-то обкормил, да так, что ему сделалось дурно.

Вернувшись в кухню примерно час спустя, я застала Дерека сидящим в кресле; положив ноги на скамеечку, он смотрел футбол.

— Значит, так,— обвинительным тоном сказал Дерек.— Мало того, что эта собака в комнате воздух портит, так еще перепачкала всю кухню! Теперь ты довольна? Я не могу выйти — ногу поставить негде! Ее уже полчаса рвет!

В противоположном углу сидел Мэрри с подавленным видом — уши повисли, плечи опущены, с губ свисает слюна.

Более скорбное зрелище трудно себе вообразить. Чтобы ситуация, когда Дерек оказался затворником в собственной кухне, не повторилась вновь, я вырезала из желтого картона большую круглую табличку и написала на каждой стороне:

**ПРОСЬБА
НЕ КОРМИТЬ!
МНЕ ЭТО ВРЕДНО,**

каковую и повесила на шею псу. Я, конечно, не исключаю, что и в дальнейшем маршруты его прогулок проходили мимо чужих пикников, но теперь он неизменно возвращался с пустым желудком и ел только свои диетические бисквиты.

Вскоре у Мэрри появилась густая черная с желто-коричневым лоснящаяся шубка, от страшной болезни не осталось и следа. По мере того как он рос, шенячий голос превратился в глубокий гортанный лай, и можно было наблюдать, как Мэрри садится где-нибудь во дворе, лает — а затем оглядывается: откуда доносится звук?

Когда мы снова отвезли его к ветеринару — на сей раз на прививку, — все ветмедсестры изумились, как он здорово вырос. Я торжественно поместила его на стол перед Стюартом, который достал из картотеки его историю болезни:

— Кличка?

— Мэрри, — с улыбкой сказала я.

— Да, да, — ответил он. — Я слышал, что вы назвали его в мою честь. А что, — сказал Стюарт, оглядывая собаку. — Такой шикарный стал пес, что и в мою честь назвать не стыдно!

Записывая данные в историю болезни, Стюарт дошел до графы «порода».

— «Помесь немец...» — начал было он и вдруг осекся. — Значит, так, специально для Дерекса напишем: помесь колли с йоркширским терьером!

К весне, когда вот-вот должны были начать ягниться овцы, Мэрри исполнилось семь месяцев — по собачьим меркам тинейджер. Хотя размером он стал почти с лошадь, у него по-прежнему резались зубы, и неудивительно, что ножки всех столов и стульев были весьма основательно изгрызены. Но при всем том он был очень деликатным псом, не способным обидеть и мухи. Он был просто очарован, когда мы стали приносить на кухню новорожденных ягнят. Среди них был и Чарли — милый такой, черный с белым. Да нет, с ним не случилось ничего особенного, просто мать родила тройняшек, молока на всех не хватало. Всякий раз, когда мы кормили

Чарли из бутылочки, Мэрри весело играл с ним, и они быстро сдружились.

Между тем к нам опять поступил звонок из газеты — нет ли свеженькой историйки из жизни ваших питомцев? Я отвечаю: так, мол, и так, живем своим чередом, а если вы уж совсем в отчаянии, что нечего писать, — валяйте строчите про дружбу пса и ягненка.

Не прошло и нескольких минут, как к нам ввалился уже знакомый читателю Фрэнсис. Как всегда, он требовал от нас невозможного и дошел даже до того, что накрошил на голову ягненка шоколад, чтобы пес его слизал. Но и этого ему показалось мало — он изошрялся, изобретая все новые сюжеты, и в конце концов мы сунули Мэрри в пасть бутылочку с молоком, а к другому концу присосался ягненок. Наконец Фрэнсис удалился, довольный результатами, пообещав не забыть упомянуть в своем материале и обо мне.

На следующий день сенсационное фото, как пес кормит из бутылочки ягненка, появилось в газете во весь разворот. Сюжет был увенчан таким вот заголовком: «Опасный волкодав стал примерным папашей новорожденному ягненку». И далее следовала с первой до последней строчки высосанная из пальца история, как Паулина Киднер тайком спасла от ветеринара свирепого пса, которому хотели сделать смертельный укол за агрессивный нрав, и как характер этого пса сделался до того сердечным и мягким, что, видите, он даже помогает выкармливать осиротевшего ягненка.

Конечно, это было не совсем то, чего я ожидала, но все равно приятно.

Впрочем, должна вам признаться, что мне тоже случается малость присочинить. Такое хоть и не часто, но бывает. В марте — апреле к нам поступают лисята, и вот как-то одна из газет тиснула материал о жившем у нас в то время лисенке, которому было всего-то несколько недель от роду. Мы рады любой возможности поместить материал о лисятах, чтобы лишний раз напомнить людям: не подбирайте лисят, если точно не знаете, что они осиротели. Иногда люди принимают их за сирот просто потому, что не видят рядом взрослых, но обычно, когда они играют на полянке, они просто радуются солнцу — наиграются и убегут к себе в нору. Иногда же их подбирают, принимая за щенят; хочется еще раз напомнить, что у новорожденных лисят шубка не рыжая, а шоколадно-коричневая. К тому же очень трудно находить места для выпуска лисиц на волю, поэтому те, кто подбирает не нуждаю-

щихся в помощи лисят, не только не содействуют делу спасения животных, но и усугубляют проблемы.

Обычно лисята у нас долго не задерживаются — кроме тех случаев, когда они оказываются совсем уж ручными. Отучив лисенка от бутылочки, мы передаем его в Отдел дикой природы Общества покровительства животным в Таунтоне. Там у них есть большие, просторные загоны, где лисица может без лишних контактов с людьми, а значит, и без угрозы приручения находиться вплоть до выпуска ее на волю.

Примерно через месяц после выхода этого материала в свет нам позвонили из той же газеты и сказали, что хотят писать продолжение — как вырос лисенок, что сейчас делает. Можно ли приехать взглянуть на него? Вопрос поставил меня в тупик — я же отдала лисенка в Общество покровительства животным. Но в это время у меня была другая лисичка примерно того же возраста — мне ее передали выкормившие ее ветмедсестры из соседнего города. Увы, она была до того ручная, что выпускать ее было нельзя, и мы поселили ее к нашим одомашненным лисицам. «А что? — подумала я. — Наверяд ли они смогут отличить одну лисицу от другой!» Но, как на грех, я не могла вспомнить, как звали ту, первую. Когда приехал фотокорреспондент, я прикусила язык, чтобы не назвать новую лисичку по имени, а сама ждала, что мой соседник вспомнит имя первой. Но когда, казалось, все прошло без сучка без задоринки и пришло время водворять артистку обратно в загон, у меня с губ как-то невзначай сорвалось:

— Ну, Хейзел, поиграла — и довольно, возвращайся к своим!

— Хейзел? — изумленно спросил фотограф. — Так, значит, ее зовут Хейзел? А я-то совсем забыл.

— Ну да, — слабым голосом ответила я. — А если и забыли, ничего страшного.

— Ладно, я позвоню вам, чтобы уточнить детали, — сказал фотограф, пакуя свои причиндалы. — Спасибо еще раз, Паулина.

Вскоре он, как и обещал, позвонил, чтобы уточнить детали.

— Так, значит, ее звали Хейзел? — спросил он.

— Ну да, — сказала я, скрестив от волнения пальцы.

— Что ж, Хейзел так Хейзел, — сказал репортер, — просто меня смутило, что Хейзел — это имя для девочки, а лисенок, которого мы снимали в прошлый раз, был, если мне память не изменяет, мальчик.

— Видите ли, какое дело, — сказала я после мгновенного раздумья, — люди, которые приносят нам животных, как пра-

вило, не забывают дать им имена, а вот посмотреть, мальчик или девочка,— смеясь, продолжала я,— частенько забывают. Оттого и случаются подобные курьезы.

На том и согласились. Я не знала, куда бежать от стыда за свою ложь, но оконфузилась еще больше, когда на следующий день ко мне приехали с телевидения снимать сюжет о «лисице, не помнящей родства», о которой узнали из газеты...

«Ну и заварила же я кашу,— думала я.— За это меня уж точно в рай не возьмут. Зато знаю определенно, какое наказание меня ждет в аду,— меня там будут вечно мучить репортеры своими расспросами!»

Всю зиму напролет я занималась тем, что разъезжала с лекциями о деятельности «Общества Блюбелл». Публика в разных местах была совершенно разная. Одну из первых лекций я читала в Кливдоне. Меня предупредили, что аудитория будет состоять в основном из пожилых. Подходя к зданию, где должна состояться лекция, я увидела во дворе всего три-четыре машины. «Сталс быть, публики будет немного,— подумала я.— Ну ничего, сядем в кружок вокруг «волшебного фонаря», я буду показывать слайды, мило поболтаем».— Но, открыв дверь, я, к своему ужасу, увидела ожидающую меня толпу не менее чем в сто человек. Выступать с лекциями мне было тогда еще в новинку, и я вся изнервничалась, пока шла к кафедре с микрофоном. Но лиха беда начало — все потекло гладко, видимо, потому, что я так люблю свой предмет! Когда я закончила, ко мне подошли две немолодые леди.

— Какая вы прелесть! — сказала одна из них.— Я слышала каждое слово!

— Да-да,— вторила другая.— Было так интересно! Ручаюсь, что во всей аудитории никто не сомкнул глаз!

Не правда ли, хороший комплимент?

В другой раз я читала лекцию в Уэстон-Сьюпер-Мэр. По окончании любезная публика помогла мне донести мое хозяйство до машины. Когда я проходила через дверной проем, у меня из коробки вылетел слайд и упал у ноги джентльмена, который тащил под мышкой мои таблицы. Придерживая другой ногой дверь, джентльмен свободной рукой указал мне на выпавший слайд. Я наклонилась, подобрала слайд и поблагодарила джентльмена за внимание. Хитро сощуриив глазки, тот сказал с улыбкой:

— Не стоит благодарности. А знаете, давненько у меня между ног не бывало дамы ваших лет!

Да, ко всему я была готова, но только не к подобной реплике. Заметьте, сказано-то не без схиццы! Что мне оставалось делать? Только хихикнуть в ответ!

Запомнилась лекция, которую мы организовали на пару со знаменитым постановщиком фильмов и передач Би-би-си о дикой природе Симоном Кингом. В 1994 году он предложил прочесть цикл лекций о том, как он работает над фильмами и достигает различных эффектов. Вырученные от этих лекций средства шли на финансирование нашего Центра. Для начала он решил раздобыть шатер и организовать вечер в самом нашем Центре, но столь амбициозная идея оказалась немножко не по сезону. Когда вечер должен был состояться, оказалось, что почва еще очень влажная и организовать лекцию в шатре практически невозможно. Поэтому мы стали искать альтернативный путь. Нужно было найти зал на 200 мест, а это оказалось не так просто.

Тут Дерек озарил блестящая мысль — а почему бы не провести мероприятие в местном летнем лагере? У них с менеджером было, так сказать, шапочное знакомство — встречались несколько раз. Дерек тут же позвонил ему и обрисовал ситуацию. К счастью, в лагере нашлось помещение на 200 мест, и мы наняли его на вечер. Продажа билетов на мероприятие уже началась и обещала быть бойкой. Мы попросили менеджера снабдить нас планом лагеря с указанием местоположения зала, в котором будет проходить лекция. Получив план, мы тут же размножили его. Копия вручалась каждому купившему билет.

Ближе к назначенному дню мы заказали видеоаппаратуру и усилители. Все должно было быть доставлено за три часа до начала. Мы позвонили Симону, объяснили, что лекция пройдет не у нас на ферме, а в летнем лагере, и сообщили ему о сроках.

Должна признаться, что я сделала одну несусветную глупость, а именно — не съездила заранее на место. Я приехала в лагерь во второй половине дня для встречи с техниками и уточнения плана размещения слушателей. Нам удалось продать 180 билетов, и кроме того, мы надеялись, что благодаря публикациям в местных газетах к нам прибегут еще люди. Приехав в лагерь, я сразу пошла в контору, и администратор объяснил мне, где находится зал. Двигаясь согласно его указаниям, я поняла, что найти его будет не так просто: сначала прямо, потом направо, мимо зала игровых автоматов, мимо танцевального зала, мимо бара...

В танцзале я встретила техника, который тоже пытался попасть в лекционный зал. Он оказался запертым, а у кого ключи — никто не знает. Один из администраторов пошел за мастером, а мы вдвоем остались ждать. Чтобы скоротать время, я стала читать объявления на двери танцзала и забеспокоилась: оказывается, в тот же вечер там будут казино и дискотека. Я молилась — только бы мы не оказались по соседству с ними.

Но вот наконец-то ключи нашлись, и мы вошли в нанятый мною зал. Первое неприятное открытие — танцзал, оказывается, расположен через стенку. Техник увидел, что зал никак не наберет необходимых для проекции слайдов 20 футов в длину. И уж, во всяком случае, сюда никак не поместятся 200 стульев для слушателей.

Сюрпризы, увы, на этом не кончились. Пройдя через весь зал, я увидела, что дверь в его конце выходит прямо в кухню ресторана. В глаза блеснули столы из нержавеющей стали, вдоль стен протянулись посудомоечные машины и полки с кухонной утварью. Ничего себе! С одной стороны — дискотека, с другой — кухня. И там гремят тарелки, и здесь гремят тарелки! А кто недосмотрел, кто виноват? Кроме тебя самой, больше никто!

Тут явился менеджер, и я поделилась с ним своими опасениями. К счастью, кухня в этот вечер будет закрыта, но я сомневалась, согласятся ли организаторы дискотеки поубавить децибелл. Техник, как мог, втиснул оборудование, но все равно оставалось места только для 170 стульев. Теперь уже мы молились, чтобы не пришло больше. Я отправилась к машине взять кое-какие принадлежности, и тут же подкатила Линда Гровс, член комитета «Общества Блюбелл».

— Вот конфуз так конфуз! — воскликнула она, выйдя из машины.

— Знаю, — ответила я. До меня еще не дошло, что мы с Линдой говорим о разных вещах.

— Так ты слыхала?

— Ой, нет, — сказала я, поняв, что Линда имеет в виду вовсе не те трудности, с которыми я столкнулась, а нечто похлеще.

— Карту гостям раздали?

Я медленно склонила голову, показывая, что да.

— Знаете, что обозначения на ней даны неправильно? Теперь все поедут в другой лагерь, в Берроу! — простонала она.

Берроу был примерно в трех милях от того места, где мы стояли.

Лихорадочно соображая, за какую бы соломинку ухватиться, я что-то проямлила насчет того, что этот зал мы и так отыскали с превеликим трудом; а если все еще поедут в другой лагерь, это будет вообще кошмар. Мы решили действовать по такому плану: Дерек отправится в тот лагерь и будет направлять всех сюда, а я нарисую несколько плакатов, помогающих быстро найти зал. Линда осталась караулить и поджидать Симона Кинга, а я энергично взялась расхлебывать заварившуюся кашу.

Знаете, бывают в жизни такие дни, когда, наткнувшись где-нибудь на расщелину в земле, я бы с большим удовольствием спрыгнула туда и исчезла. Дерек разъяснял вновь прибывшим по ложному адресу, куда на самом деле нужно ехать, а я между тем развешивала в стратегически важных точках огромные плакаты со стрелками, показывающими публике, где нас искать.

...Я застала Симона и Линду захлебывающимися от смеха. Как оказалось, судьба преподнесла нам такой сюрприз, что оставалось только покрепче схватиться за животики. Симон рассказал Линде, что намеревался во время лекции показать несколько фрагментов из своих фильмов и раскрыть некоторые секреты техники съемки. Для этого нужно примерно каждые десять минут включать и выключать свет. Симон повел Линду в зал объяснить все на месте, но нигде не мог найти выключателей. Побежали за разъяснениями к менеджеру. Тот огоршил нас известием, что выключатели находятся в смежном с кухней помещении, где продаются рыба и чипсы. Следовательно, каждый раз, когда требовалось включить или выключить свет, Линда должна была входить в кухню, стучать в стенку и произносить заклинание: «О'кей, Маргарет», и по этому знаку хозяйка рыбно-чипсовой лавки будет щелкать выключателем.

Будь на месте Симона Кинга кто-либо с менее сильным характером, он давно бы уже послал нас ко всем чертям, но у Симона характер был поистине фантастический. Он учтиво кланялся каждому вновь прибывшему и извинялся за досадное недоразумение. К счастью, нам удалось втиснуть в зал всех. Устроители дискотеки обещали не дубасить так сильно по тарелкам, и Симон начал свою речь. Когда же дело доходило до стучания по стенке и сакраментальной фразы «О'кей, Маргарет», то со стороны это выглядело столь забавно, что кое-кто наверняка счел это остроумным приемом из арсенала знаменитого мастера спецэффектов. Под занавес он пригласил в зал хозяйку рыбно-чипсовой лавки и объявил: «Почтеннейшая

публика, представляю вам ту самую очаровательную Маргарет. Желаящие могут приобрести у нее пакетик чипсов», — и сам подал пример. Надо ли говорить, что склад чипсов очаровательной Маргарет тут же опустел.

Самому Кингу случалось выручать нас множество раз, и всегда он оставался очаровательным и доступным. По всей вероятности, он не утратит эти качества, даже когда станет важным чиновником. Был такой случай — я позвонила Симону, трубку взял его младший сынишка.

— Привет, — сказала я. — Папочка дома?

— Подождите секунду, я посмотрю, — ответил детский голосок.

Я услышала, как взбегают наверх детские ножки, и затем до меня долетели невнятные обрывки диалога мужчины и ребенка. Взяв трубку снова, мальчуган гордо объявил:

— Папочка в туалете. Подождите минуточку, сейчас он выйдет и возьмет трубку.

На другом конце провода раздался стук брошенной на стол трубки и удаляющиеся прыжки. Затем до меня донесся подхваченный микрофоном шум спускаемой воды, и вот наконец к телефону подошел Симон.

— А, это вы, сэр? А я знаю, где вы минуту назад были! — поддразнила я его.

— Я все слышал, — проворчал он, — и думал только об одном: лишь бы на проводе был кто-нибудь из знакомых! Услышал, что ты, и сразу успокоился.

Мы с Симоном неоднократно имели дело и с телевидением. Например, принимали участие в съемках очень популярной в Австралии программы «Диалог с животными». Нам нравилось работать с этой телегруппой — они никогда не унывали и любили посмеяться при каждом удобном случае. Правда, поначалу были некоторые сомнения: «Какой нам толк от того, что программу покажут в Австралии? Кто ж оттуда потащится к нам в гости?» Но знаете, потащились: после этих передач у нас уже было семь групп из Австралии, путешествовавших по Англии и включивших в свою программу визит к нам.

Некоторые сюжеты специально придумываются, а иные получаются неожиданно и сами собой. На открытие рукотворного гнезда для барсуков приехала телегруппа из Би-би-си сделать ролик для программы новостей. Я рассказала им о том, как выкормила трех барсучат, которые между тем играли за толстым стеклом, — эти совсем юные забавные существа с радостью обнюхивали свое новое жилище. Тут, к изумлению

телевизионщиков, Примроуз встала на задние лапы и добралась до брошюры «Проблемы, которые создают барсуки». Оторвав обложку, она принялась носиться с нею по жилой части гнезда, как бы давая понять, что это отнюдь не та книга, которая заслуживает рекламы средствами телевидения.

Случаются, к сожалению, и курьезы. Однажды телекомпания «Уэст кантри телевижн» прислала к нам корреспондента для съемок сюжета, посвященного сокращению численности сов-сипух. По замыслу организаторов, корреспондент должен был читать монолог «от автора» с ручной сипухой, сидящей у него на плече. А как он относился к совам, у него спросить-то позабыли. Оказалось, он боится этих пернатых как огня, и в продолжение всей передачи, пока сипуха восседала у него на плече, он корчил рожи и вытягивал шею, стараясь, чтобы его голова была как можно дальше от страшной птицы. Еще немного — и он точно свернул бы себе шею.

В другой раз «Уэст кантри телевижн» прислала корреспондентов для съемок сюжета о барсучатах, живших у нас в кухне. А их в тот момент было ни много ни мало шесть.

Увидев, что все шестеро спят без задних ног за креслом, ведущий и телеоператор решили: проще всего будет аккуратно вытащить кресло, и тогда вся шестерка окажется перед зорким глазом телекамеры. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается: пока ведущий, словно школьник, дозубривал текст, который собирался сказать перед камерой, один из барсучат проснулся и важно отковылял прочь.

— Да что ты там канителишься, они же все разбегутся! — шепнул оператор ведущему.

— О'кей, я уже все вызубрил, — кивнул тот.

— Ну что ж, мотор! — ответил оператор и начал съемку. Ведущий читал свои слова так, что от зубов отскакивало; все шло как по маслу. Стоя позади оператора, я увидела, как оторвавшийся было от коллектива барсучонок вернулся к своим товарищам как раз в то время, когда ведущий заканчивал монолог, словно так и положено было по сценарию. Барсучонок сладко зевнул, обнюхал своих спящих приятелей и принялся, перед работающей камерой, с наслаждением посасывать детородный орган у одного из них.

Ведущий дочитал монолог, подождал с минуту, пока оператор закончит съемку, и сказал: «Ну, эту сцену включим в первую очередь. По-моему, она удалась неплохо!» — «А может, не надо? — ответил оператор повесив голову. — Вдруг не так поймут!»

А как-то к нам приезжала телегруппа из «Кантри уотч» — на сей раз героями программы должны были стать летучие мыши, обитавшие у меня в кухне. Готовясь взять интервью, ведущая Сьюзан Кинг собирала в кулак всю свою волю, чтобы во всеоружии встретить момент, когда я начну доставать из ящика летучих мышей, — вот, мол, какие у меня стальные нервы! Промашечка вышла! Шорох крыльев разлетевшихся по кухне героев программы потонул в диком сдавленном вопле, невольном исторгшемся из уст Сьюзан. Эхом отозвался дружный хохот всех остальных членов телегруппы — один этот момент стоил того, чтобы сюда приехать!

Чем больше занимаешься съемками фильмов о дикой природе, тем лучше понимаешь, как достигается эффект тех или иных сцен. Проникая в творческую кухню — или лабораторию, если хотите, — осознаешь, какой преданности делу и каких затрат сил и времени требует создание программ, кажущихся нам привычными.

Вообще же публике свойственно принимать за чистую монету все, что она видит на экране, — примерно так же, как и все, что она читает в прессе. О возможности монтажа или

комбинированных съемок никто как-то не задумывается. Сколько пришлось Симону Кингу выслушать несправедливых обвинений в том, что он допускает жестокость по отношению к животным с целью достижения тех или иных шикарных трюков! Что может быть дальше от правды?!

В 1989 году Симон помог нам с обустройством рукотворного гнезда для барсуков — правда, не совсем бескорыстно: он надеялся, что в этом гнезде когда-нибудь родятся барсучата, которых он мог бы поснимать для фильма «Барсук Сумрак».

Фильм был в основном закончен к 1991 году, а рождения детенышей — у Блюбелл — пришлось ждать до 1992-го. Добавим к этому, что, прежде чем приступить к съемкам, Симон два года обдумывал концепцию фильма — что-то воплотилось в жизнь, а что-то нет. Вот и посчитайте, сколько времени прошло от замысла до окончания.

В фильме «Барсук Сумрак» есть сцена драки барсука с собакой, залезшей в его подземное жилище. Сцена была сделана с использованием кукол. Сперва одна дама, у которой жил ручной барсук, приучила его трепать куклу-собаку, а затем собаку натравливали на куклу-барсука. Путем комбинированных съемок удалось произвести впечатление реальной битвы барсука с собакой.

После показа этого фильма мне позвонила некая крайне разгневанная леди и напустилась на Симона: как он пошел на такое? Я попыталась объяснить, что в фильме задействованы куклы и ни одно животное не получило ни царапины.

— Вы что, провести меня хотите? — воскликнула она. — Драка была самая настоящая! Я же слышала, как они рычали!

Я объяснила, что фильм был озвучен уже после съемок и монтажа, как это обычно и происходит. Звукозапись, одновременная со съемкой, делается крайне редко, а тем более при съемках сюжетов о дикой природе. Я привела ей такой пример: Симону Кингу нужно было записать предсмертный крик ан-

тилопы гну, загрызаемой львом. Для этого ему не требовалось лишать жизни животное — он поступил куда проще. Была у меня вьетнамская свинья по кличке Розы. Если она и была на что-то способна, так это пронзительно визжать. Когда ее, к примеру, перевозили с места на место, она подняла такой скандал, будто ее режут. Ну, мы погрузили свинью в машину, и она завизжала изо всех своих свинячьих сил, а Симону только это и надо было — звукозапись получилась превосходная. Полный аналог предсмертного крика. В общем, не всегда верь не только глазам, но и ушам своим.

Совсем недавно Симон снял фильм «Сипуха Тайто». Для съемок одного из эпизодов был специально построен большой авиарий, куда запустили пару ручных сипух. Вообще-то главными героями фильма были дикие сипухи, выкармливавшие потомство на крыше дома, а эти выступали в роли дублеров: Симону хотелось как можно меньше беспокоить диких, и часть «нагрузки» легла на ручных. В авиарии с большой точностью воссоздали фрагмент крыши дома, где жила семья диких, — даже черепичина, отсутствовавшая на настоящей крыше, отсутствовала на макете точно в том же месте. Помню, как-то Симон и Алан, помогавший при съемках, начали в десять вечера, а закончили только в полшестого утра. Вечером того же дня Симон похвастался.

— Ей-богу, прошедшая ночь была на редкость удачной! В эфир пойдут минуты полторы, а то и две! — с энтузиазмом сказал он.

Вот так — мы сидим, смотрим получасовую программу и не подозреваем, что на ее создание ушел год, если не больше!

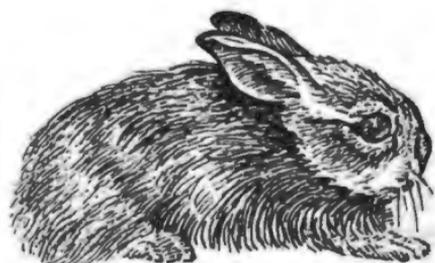
Поистине один из великих моментов настал для нас, когда мы были приглашены для участия в съемках программы «Страна зверей», которую ведут Десмонд Моррис и Сара Кеннеди. Фильмы этой серии показывают в зимнее время по воскресеньям в шесть вечера, когда все сидят у телевизоров. Ведущие разъезжают на своем «лендровере» по разным местам, где живут люди, работающие с самыми разными видами животных. Те, кто, по их мнению, больше всего сделал для животных, получают по итогам серии приз — хрустальное блюдо и денежную премию в размере трех тысяч фунтов.

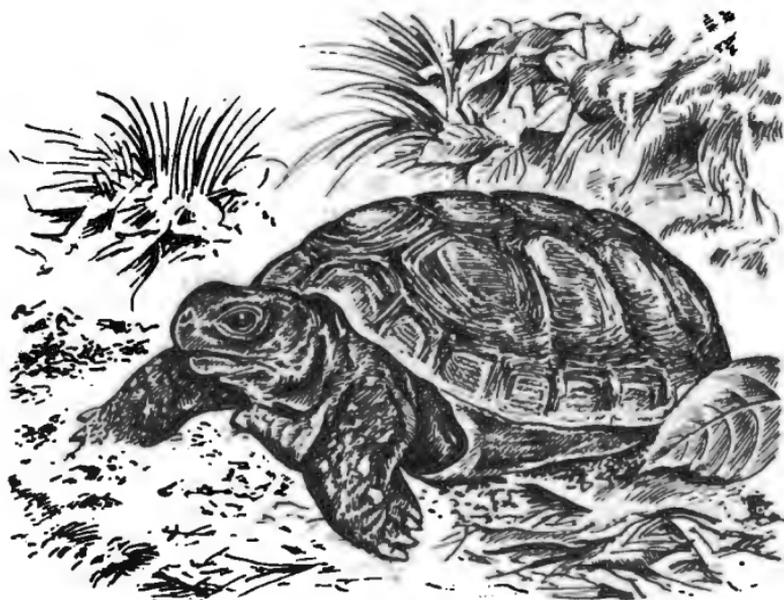
Они приехали к нам в августе. К счастью, у нас сразу нашелся сюжет: несколько месяцев назад мы выбрали крохотного зайчонка, и вот теперь его можно было выпустить на том самом поле, где его обнаружили. Нам было несложно найти с Сарой и Десмондом общий язык, с ними чувствуешь себя легко и непринужденно. Когда мы познакомились по-

ближе, Десмонд Моррис согласился стать одним из патронов «Общества Блюбелл», чему мы были несказанно рады.

Телегруппа еще не раз возвращалась для съемок наших животных. Однажды они спросили, можно ли приехать и снять сюжет о барсуках и оленях Дот. Я конечно же согласилась. Тут меня ждал сюрприз — Сара объявила, что по итогам серии победителями признаны мы, и вручила мне хрустальное блюдо и чек на три тысячи фунтов.

Не нужно объяснять, как я была обрадована, — заслужить такую награду само по себе очень почетно, а на деньги мы построили загоны, которых нам так не хватало. Но вот что я хотела бы сказать: в серии показано немало достойных людей, заботящихся о животных. Как бы хотелось, чтобы премию получили все!

Глава пятая

...НУ КУДА СПЕШИТЬ ТОМУ, КТО ВСЕГДА В СВОЕМ ДОМУ?

Я и представить себе не могла, что в наши дни столько детей никогда не видели обыкновенную сухопутную черепаху, пока не взяла с собой несколько штук на Сельскохозяйственную выставку. Там нам отвели большой шатер, который мы населили своими многочисленными питомцами, а для черепах устроили отдельный загончик из тюков соломы. Каждому ребенку, пожелавшему посмотреть на черепах, мы выдавали листья салата-латука и говорили: покорми черепашек, только в руки не бери.

Тут какой-то мальчуган захотел покормить черепаху листьями одуванчика, но животное даже не обращало внимание на, казалось бы, столь лакомое угощение. В это время я была занята разговором с одной дамой и не могла отвлечься, чтобы дать мальчонке совет. Но вот дама наконец-то отошла, и я повернулась к юному гостю:

— Ну что, не хочет?

— Нет,— грустно сказал он.— Не хочет!

— А попробуй-ка зайти с другого конца, может, что и получится,— с улыбкой сказала я.— А то ты уже десять минут пытаешься покормить ее с хвоста.

Надо ли говорить, что секунду спустя раздалось хрумканье, да еще какое смачное!

Ну, а в старые добрые времена моего детства многие держали черепах в качестве живых игрушек. Стоили они тогда гроши, и поэтому их не особенно ценили — иные даже просверливали в панцирях дырочки, чтобы выгуливать на веревочке. Случалось, они таки удирали или погибали в зимние холода — что за беда! Пойдешь и купишь себе новую.

А ведь черепахи — удивительнейшие существа, сохранившиеся с тех незапамятных времен, когда первые животные начинали жизнь на суше. За миллионы лет черепахи мало изменились, только покрытие из толстых чешуй превратилось у них в панцирь.

Сухопутные и родственные им морские черепахи немало испытали за многие века своего сосуществования с людьми. Древние египтяне почитали их как священных животных, зато другие народы изготавливали из их панцирей музыкальные инструменты и украшения. Из черепах делали изысканные блюда и даже средства повышения потенции. С 1890-х годов они становятся популярны в качестве домашних любимцев. Из-за медлительности их легко ловить, и в начале XX столетия ежегодно в Британию из стран Средиземноморья ввозилось от 100 до 150 тысяч черепах. Их перевозили в огромных клетях, нимало не заботясь об их удобстве, и многие не доживали до конца путешествия. А те немногие, что выживали, как правило, погибали в первую же зиму, не в силах перенести суровый британский климат.

По некоторым оценкам, с 1890 по 1984 год число черепах, ввезенных в Британию, превысило 10 миллионов. К сожалению, очень немногим удалось прожить долго. Ведь в естественных условиях черепаха доживает до ста лет; представьте, если бы до этого срока дожили все черепахи, привезенные в Британию! Мы бы ходили по ним, как по булыжной мостовой! К счастью, вышел закон, запрещающий импорт черепах из стран Средиземноморья. Теперь мы покупаем черепах, родившихся здесь. Цена колеблется от 50 до 250 фунтов за штуку — еще бы, ведь в наши дни это такая редкость!

Первых черепах нам предложили сразу, как только мы открылись для посетителей, и число их у нас на ферме начало мало-помалу возрастать. Спросите любого, что едят черепахи,

и вам ответят: салат-латук, огурцы и помидоры. На самом же деле их меню куда разнообразнее — они едят и другие овощи и фрукты, и даже кукурузные хлопья!

Сухопутные, морские и речные черепахи объединяются в отряд Testudines класса рептилий; поэтому, если вы хотите получить информацию о том, как содержать тот или иной вид, запишитесь в Общество любителей рептилий, и вам сообщат все, что нужно. Вы даже получите потрясающую книгу, где рассказывается, как содержать, кормить, разводить черепах, вплоть до самых, казалось бы, несущественных мелочей — вроде того, что гусиный помет, оказывается, ядовит для них! Спорю, вы этого не знали.

Несколько лет назад по телевизору показывали рекламный ролик: коробчатая черепаха воротила морду от салата-латука из обычного холодильника, зато набрасывалась на салат из рекламируемого холодильника, призванного дольше сохранять свежесть продуктов. Автору ролика следовало бы заглянуть в книгу, о которой я только что говорила, — данный вид коробчатой черепахи питается насекомыми и салат лопать не будет!

Как-то мы дали рекламное объявление о продаже утят, которых разводим у себя на ферме. Вскоре позвонила обаятельная пара из Эксмур — Пегги и Джек Лич — и пожелала приобрести несколько штук. В прошлом занимались фермерством, сейчас возраст уже не тот, но Джек по-прежнему любит, когда у него во дворе бегают утята и цыплята.

Джек маленького роста, с обожженным солнцем и обветренным, но всегда улыбчивым лицом. По случаю прекрасного солнечного дня он был одет в брюки на подтяжках и рубашу с коротким рукавом. Натруженные руки как нельзя красноречивее свидетельствовали о прожитых нелегких годах. Пегги, несмотря на возраст и перипетии кипучей фермерской жизни со всеми ее взлетами и падениями, сохранила изящество и стройность. Нам не потребовалось много времени, чтобы стать друзьями. Мы долго бродили по ферме и болтали; гости восхищались нашим Центром, и тут Пегги рассказала, что у нее живут черепашки и свободно бегают (она так и сказала: бегают) по саду. У каждой свое имя. Я повела чету Лич показать им наших черепах. Пегги сообщила мне по секрету, что две ее

---

¹ Подобные казусы случаются иногда и у классиков. Вспомним любимые с детства строчки А. Плещеева о ласточке: «Дам тебе я зерен, //А ты песню спой, //Что из стран далеких // Принесла с собой». Ласточка питается насекомыми, а не зернами!

самочки, Джемима и Джерти, не раз откладывали яйца и в последнем случае на свет появились детеныши. Горя желанием поспособствовать нашим усилиям по привлечению новых посетителей, она предложила мне взять несколько яиц: вдруг и у нас на ферме вылупятся черепашки? Я, конечно, тоже загорелась. Опыт по выведению цыплят в инкубаторе у нас уже есть, а если удастся вывести еще и черепах, то это будет совсем замечательно.

Развитие зародыша в яйце — курином ли, змеином или черепашьем — само по себе удивительное явление. Если поразмышлять над этим, то поймешь, какое это чудо. Яйцо содержит в себе все необходимое, чтобы на свет появились цыпленок, черепашка, другое живое существо. Главной составляющей куриного яйца, из которого предстоит развиться цыпленку, является оплодотворенный диск. Пока температура окружающей среды ниже 37,5°C, он находится в «заторможенном состоянии»; но как только температура достигает этой отметки (теплом тела курицы или в инкубаторе), оплодотворенный диск приклеивается к желтку, и начинает развиваться зародыш. Наседка переворачивает яйца каждые двадцать минут, чтобы желток не прилипал к стенкам скорлупы.

Кожа, кровь, мышцы и перья формируются главным образом из белка (иначе альбумина). В процессе развития зародыша используется лишь 10 процентов желтка. Кальций, необходимый для образования костей, клюва и коготков, берется из скорлупы. Последняя ко времени появления цыпленка на свет становится совсем тонкой и по своему составу, после исчезновения из нее кальция, сходна с фарфором.

Все время развития будущий цыпленок живет за счет веществ, содержащихся в яйце. Не в пример плоду млекопитающего, соединенному плацентой с организмом матери, какая должна постоянно усиленно питаться, чтобы снабжать соками развивающийся в ее утробе организм, будущему цыпленку Мать Природа припасла под изолирующей оболочкой-скорлупой все.

Развившийся цыпленок по форме напоминает шар, а голова у него засунута под крыло. В тупом конце яйца имеется небольшое пространство, называемое «воздушным мешком». Перед самым рождением шейные нервы цыпленка начинают пульсировать, и цыпленок засовывает головку еще глубже под крыло. К тому времени у него на клюве образуется своеобразный кончик, именуемый «яичным зубом». С его помощью

цыпленок прорывает пленку, отделяющую его от «воздушного мешка», и делает свой первый вздох.

Между тем импульсы шейных нервов становятся все сильнее, и постоянные движения головы, находящейся под крылом, в конце концов приводят к тому, что «яичный зуб» пробивает в скорлупе первую дырочку. В дело вступают плечевые мышцы; цыпленок начинает пробивать вторую дырку по соседству с первой. Медленно и упорно цыпленок делает полный оборот, пробивая дырки по мере вращения. Наконец верхняя часть скорлупы откидывается, и измотанный цыпленок может выбраться на свободу. Очень уж жалкий у него вид — грязный, мокрый — вот уж действительно мокрая курица! Проходит еще 24 часа, прежде чем он становится таким очаровашкой, каким мы знаем его по картинкам в детских книжках.

Вылупляясь из яйца, цыпленок проглатывает его содержимое, что поддерживает его силы, прежде чем он сможет искать пищу сам. Желтки яиц тех птиц, птенцы которых сразу ищут пищу самостоятельно, значительно крупнее, чем тех, которые кормят своих птенцов сами. За счет остатков желтка цыпленок (а также птенец болотных и некоторых других птиц) может жить до 48 часов — за это время он успевает понять, что значит еда и где ее искать. Вот почему суточных цыплят можно перевозить, не заботясь о корме и воде для них. После первых 24 часов жизни у цыпленка исчезает «яичный зуб».

...Я наблюдала, как вылупляются цыплята, а также птенцы перепела, павлина и цесарки, но мысль о том, что я наконец-то увижу, как вылупляются черепашки, меня интриговала. Пегги обещала сообщить, когда ее черепахи отложат яйца, чтобы мы пришли и взяли сколько хотим.

— Обычно,— объяснила мне Пегги,— Джерти и Джемима начинают рыть в саду ямки в июне — июле, когда становится по-настоящему тепло. Это значит, что они собираются откладывать яйца. Ну, а моя задача — не спускать с них глаз! Вот видишь,— добавила она, потрепав меня по плечу,— ждуть осталось совсем недолго!

С этими словами супружеская чета в комплекте с утятами погрузилась в авто и отбыла восвояси. Я помахала им на прощание. Теперь осталось спокойно ждать.

Вскоре Пегги и в самом деле позвонила и сообщила, что черепахи отложили яйца и она может со мной поделиться. Затем она рассказала, как вели себя Джемима и Джерти. Когда пришел срок откладывать яйца, они подползли хвостом вперед

к выбранному местечку и, медленно, но упорно работая задними ногами, выкопали в почве ямку. Чуть углубившись в нее осторожным движением, черепахи принялись откладывать яйца, которых обычно бывает семь-восемь. Закончив кладку, они медленно и тщательно укрыли яйца почвой и аккуратно утоптали ее. Если бы Пегги не следила за ними, это место потом было бы трудно отыскать. Только вот какая штука: они действовали точно так, как их матери и праматери, жившие в жарком климате. Там почва нагрета до температуры, достаточной, чтобы пошел инкубационный процесс: 70—80 градусов по Фаренгейту. Но инкубационный период длится 9—11 недель, а в Британии жаркие дни так долго не держатся¹.

И вот еще какой момент: яйца ни в коем случае нельзя переворачивать. Если берешь их из кладки, то на новом месте их нужно размещать точно в таком же положении, в каком они были взяты.

Должным образом проинструктировав меня обо всех тонкостях обращения с черепашьими яйцами, Пегги сказала, что они с Джеком сейчас их привезут.

— Знаете, лучше мы с Дерекком приедем сами, — ответила я. — Так будет надежнее: все вчетвером отправимся в сад, вскроем ямку, извлечем по всем правилам яйца и положим к нам в машину: — Тем более чета Лич живет в очень красивой местности, и ехать к ним — одно удовольствие.

— Отличная идея! — сказала Пегги. — Потом и поужинаем вместе.

Дорога до Пегги и Джека отнюдь не рассчитана на лихачей. Особенно после Майнхеда: если по ней плетется какая-нибудь развалина, ты не сможешь обогнать ее на протяжении многих миль. Слава Богу, на сей раз на дороге было пустынно; летя с холма на холм, мы любовались проблескивавшей между ними гладью моря. Многие холмы поросли лесом, папоротником-орляком или вереском. Стояла макушка лета, и по обеим сторонам дороги расстилался веселый ковер полевых цветов. На лугах паслись ленивые коровы, отгоняя хвостами назойливых мух. Взглянув ввысь, мы увидели пару наших старых знакомых — канюков, чертивших в небе круг за кругом. Потом мы потеряли их из виду, но, свернув за очередной поворот петляющей дороги, увидели снова.

---

¹ Колоритный рассказ о черепашьих яйцах см. также у Дж. Даррелла в повести «Три билета до Эдвенчер»// В сб.: Даррелл Дж. Гончие Бафута. М., АРМАДА, 1996, с. 496.

Только тут мы сообразили, что домик Пегги должен вот-вот показаться и нужно смотреть во все глаза. Свернули с основной дороги и покатали вдоль блестящего искрящегося потока. Переехали старинный каменный мост и стали взбираться по крутой узкой тропке. А вот и те самые два коттеджа, которые мы ищем. Мы припарковали машину у живой изгороди и открыли деревянные ворота в любовно ухоженный сад. Старомодные цветы приветливо качали головками под теплым ветерком, ярко-розовые мальвы высились над старой каменной стеной, которая шла к главному входу. Кругом цвели голубые дельфиниумы, и повсюду стояли глиняные горшки разных размеров с геранями. Мы ступили на крыльцо, но не успели протянуть руку к дверному колокольчику, как на пороге появилась сама хозяйка и пригласила войти.

В жилище Пегги и Джека все дышало домашней теплотой. В гостиной сгрудились разномастные, но равным образом уютные кресла; стену, где располагался камин, украшали многочисленные фотографии членов семьи, а по другим стенам висели картины дочери Пегги, Памелы. Видимо, семья была не лишена художественной жилки, раз самое почетное место было отведено детским рисункам — творениям внучки Пегги, Джеммы. Гостиную украшали также олени рога — еще бы, ведь мы в Эксмуре, краю благородных оленей!

Пока Пегги хлопотала, готовя нам ужин, Джек рассказывал о том, как он проводит время на ферме. Я начала понимать, почему с этой парой так легко общаться — им здесь счастливо живется, в созданном ими самими уюте, оттого и гость чувствует себя непринужденно!

После ужина Пегги и Джек повели нас посмотреть сад. Спустились по каменным ступенькам и очутились в маленьком дворике, обнесенном низенькой каменной стеной. Я все больше проникалась пониманием того, как безмятежно течет здесь жизнь. Всюду цветы в самых невероятных сосудах — от железной бочки до старой раковины. И при этом никаких претензий — вот у двери решеточка для очистки грязи с ботинок, а вот и сами эти старые ботинки. Через весь сад тянется проволока в ожидании свежевывстиранного белья, а в углу, у сарая, дожидается возврата зимних холодов куча поленьев. Свернув на боковую дорожку, мы прошли к террасному саду, спускавшемуся уступами к полю, и перешли ручей — тот самый, который мы переезжали по каменному мосту по дороге сюда. Пегги показала нам своих неторопливых любимиц — вообще-то они живут в саду, в разных уголках, а сюда, в поле, выползают погулять. Смотрите, а вот и наши утята! Как они

выросли — убор из перьев уже почти как у взрослых уток! Ну, а вот и другие представители утиного племени всех мастей и расцветок. У кого на головах хохолки, у кого — смешные помпончики. Кругом высились холмы Эксмур, и Джек рассказывал, что ранним утром здесь можно увидеть пасущихся оленей.

Приятно было поделиться с вами, дорогие читатели, радостью от встречи с красотами Эксмур. Если вы еще не забыли, зачем я сюда пожаловала, то вдвойне приятно. Пегги уже собрала черепаши яйца в специальный контейнер, присыпала песком и поместила в оранжерею, где потеплей. Поставив драгоценный груз в машину, мы помахали хозяевам на прощание и обещали доложить, как пойдет дело.

Приехав домой, мы поместили контейнер в специальный сосуд с электрообогревом и поставили туда еще миску с водой для поддержания влажности. Теперь оставалось дожидаться результатов.

Думаю, не нужно объяснять, какая это скучища — девять недель не спускать глаз с контейнера, наполненного песком. Так и свихнуться недолго. Но вот однажды утром мы заметили, что одно из яиц таинственным образом очутилось на поверхности песка. Мы сперва не сообразили, что это в нем завертелся черепашонок — таким путем яйцо и вылезло на поверхность. Как и у заключенного в скорлупе цыпленка, у черепашонка на конце носа имеется «яичный зуб», с помощью которого он и вскрывает свою «темницу». Мы ждали с замиранием сердца, что же последует дальше.

Вот скорлупа медленно раскрылась, и на песок вылез миниатюрный черепашонок — столь же совершенный, как и взрослая черепаха. Поначалу панцирь у детеныша мягкий (ибо в яйце черепашонок вообще сложен чуть ли не пополам), но мало-помалу затвердевает. В первый год нашей дружбы Пегги подарила нам 16 яиц, причем из 15 вылупились черепашки — такого успеха нам, к сожалению, в последующие годы повторить не удалось. Как грустно, что ныне о Джеке приходится говорить «был»... Но мы и теперь, когда выпадает возможность навещаем овдовевшую Пегги, в чьем домике, как редко где еще, находишь отдых для души и примирение с окружающим миром.

У нас в Англии непросто достать сухопутную черепаху, зато красноухую водяную приобрести куда проще. К несчастью, импорт водяных черепах у нас не запрещен, и когда видишь этих малюток в аквариумах зоомагазинов по 50 пенсов за штуку, так и хочется купить. Владельцы зоомагазинов не

спешат поделиться с покупателями информацией, что эти черепахи растут с феноменальной скоростью и достигают полной зрелости менее чем за год. Всякий ли покупатель позаботится о более вместительном аквариуме? Черепахам нужно тепло — значит, запах будет, хоть убегай. А главное, эти лапочки, повзрослев, начинают кусаться, да так, что не обрадуешься.

Как-то нам предложила здоровенную красноухую черепаху дама, от которой ушел муж (а черепаху оставил ей). Она всегда косилась на рептилий и желала поскорее избавиться от такой «домашней любимицы». Вообще-то их было две, но более крупная сожрала свою меньшую товарку. Ну что, не хотите? Правда не хотите? Как хотите!

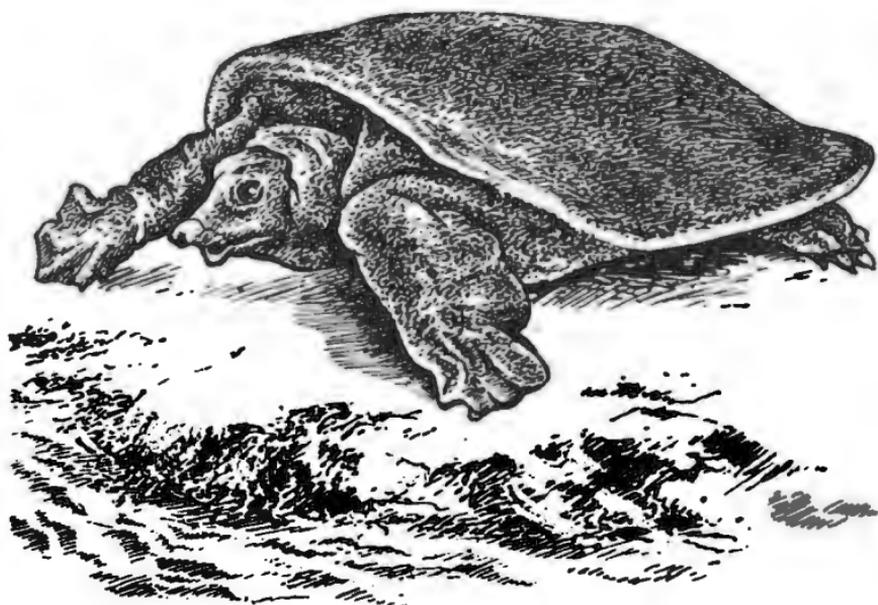
— А я догадываюсь, почему от нее ушел муж,— сказала я своему благоверному.— Пойдешь кормить черепах, споткнешься да упадешь в бассейн, и...

...Все же у нас какое-то время жило несколько красноухих черепах — обиталищем им служил прудик неподалеку от теплицы. Когда нам позвонили из Общества покровительства животным и сказали, что нужно пристроить еще одну, мы согласились ее взять. Вскоре прибыл инспектор Общества и выгрузил из фургончика большую круглую бочку; там сидело крупное зеленое существо величиной с тарелку. Похоже, это действительно была водяная черепаха, но я таких никогда прежде не видела.

Итак, мне предстояло куда-то определить ее, а пока я, к величайшему неудовольствию Дерекка, поселила ее в ванне. Это было явно в большей степени водное животное, нежели красноухая черепаха,— ноги у нее были самыми настоящими лапами, а тело мягкое. Но главными ее особенностями были следующие: она могла, во-первых, втягивать голову в панцирь, так что снаружи оставалась торчать только длинная острая морда, а во-вторых, вытягивать шею дюймов этак на семь... Мой сынишка Симон проводил много времени, играя с нею,— она быстро-быстро носилась за его пальчиками в ванной.

Весь первый день черепаха так и оставалась в ванне, так как мы не могли найти никого, кто дал бы нам совет, что делать с нею. Перед сном Дерекк, как всегда, затопал в ванную комнату.

— Как долго... Как долго здесь будет находиться эта тварь?! — раздался его строгий голос вслед за щелчком выключателя.

— Господи, узнаю, кто она такая есть, и пересажу,— промямлила я.

В общем, Сквиджи (так мы назвали черепаху) провела в ванне еще несколько дней, пока мы не докопались, что это мягкотелая черепаха, несовместимая с красноухими, и потому поселить ее в одном с ними водоеме не представлялось возможным.

Мягкотелые черепахи обыкновенно ведут такой образ жизни: скрываются в иле или меж камней на дне и хватают проплывающую мимо добычу, вытягивая шею. Нас предупредили, что они, как и красноухие, тоже могут кусаться. Поэтому мягкотелую черепаху можно брать только сзади — возьмешь сбоку, так она тебя легко достанет, вытянув шею. Я конечно же утаила от эксперта по черепахам, как мой сын играл с нею...

Узнав о нашем пополнении, к нам тут же появился упоминавшийся мною ранее фотокорреспондент Фрэнсис Стутхард, чтобы заснять «новенькую» для газеты. Вытащив черепаху из нашей многострадальной ванны, я поместила ее перед Фрэнсисом, а он стал на колени, чтобы сделать снимок. Сама же я встала рядом, изготовившись схватить черепаху в случае, если та решит сигануть прочь и оставить Фрэнсиса ни с чем. Да нет, что вы! Черепаха и не думала никуда удирать! Она решила пойти в атаку на Фрэнсиса, то открывая, то

закрывая пасть. Фрэнсис мигом вскочил на ноги, что отнюдь не обескуражило наступающего противника. Спасая жизнь, бедняга схоронился за мою спину и пробормотал: «Похоже, она настроена не очень-то дружелюбно!»

Сказать по совести, такое поведение черепахи меня тоже застало врасплох. Мы оба с позором ретировались в дальний угол и только там сообразили, как глупо себя ведем. Кого испугались-то? Существа, которое не достанет вам и до лодыжки. Как это в песенке про храбрых портных? «Еле ноги унесли, спасаясь от врага, когда завидели вдали улиткины рога». Так и мы с Фрэнсисом... Переломив себя, мы смело вышли из своего укрытия, Фрэнсис отснял нужные кадры, и я водворила черепаху обратно в ванну.

По правде говоря, черепаха в тот день напугала не только гостя. Глава семейства тоже струхнул, когда пошел в ванную.

— Она что, укусила тебя? — крикнула я из кухни.

— Да нет, — сказал Дерек, высунув голову из-за двери. —

Но она на меня смотрит таким волком!

Впоследствии черепахе был отведен для жилья большой чан в бывшей сыроварне.

Каждый год в один из уик-эндов мы принимаем у себя в Центре организуемую местной Группой любителей рептилий выставку сухопутных и водяных черепах. Посетители могут увидеть черепах различных пород и побольше узнать о них. Случалось, люди приносили черепах, живших у них по несколько лет, и не знали, какого пола их любимцы. Еще меньше владельцев точно знали, какого вида.

Как-то нам принес двух черепах один джентльмен почтенных лет. Одна была его домашней любимицей с детства, а другая — свидетельницей тех лет, когда его отец пешком под стол ходил. Стало быть, им было никак не менее 60 и 90 лет соответственно, а сколько лет им было, когда их привезли в Англию, никто не знает. По семейной традиции, они считались самцами — одну черепаху звали Джимми, а другую — Бинки. Но при ближайшем рассмотрении выяснилось, что обе — самки.

Посетители обращаются в Группу любителей рептилий по самым различным вопросам. У кого-то черепаха страдает отсутствием аппетита, у кого-то самец в период возбуждения бросается на ботинки!

Хочется надеяться, что люди, которые держат черепах, будут внимательнее относиться к ним. Следует заметить, что черепахи — животные общественные и очень тоскуют, когда

они в одиночестве. Поэтому, если есть условия, заводите сразу нескольких.

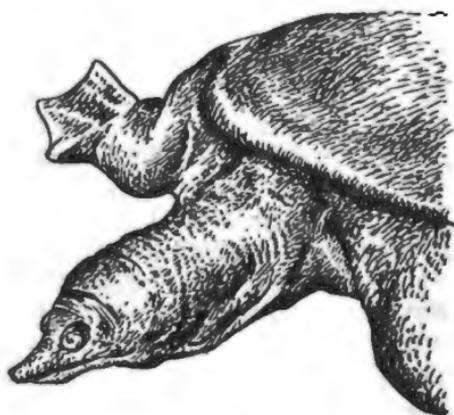
Перейдем теперь к морским черепахам. Я и представления не имела, какое драматическое воздействие оказывают на них отдыхающие у моря курортники. Морских черепах существует только восемь видов, один из которых — Kemp's Ridley — обречен на вымирание к 2000 году, если сейчас не будут развернуты научные исследования с целью его спасения. Не в лучшем положении и остальные виды:

численность некоторых сократилась по сравнению с 1950-ми годами на 80 процентов.

Немного известно об этих крупных, громоздких рептилиях, волокащих свои тела по пляжам тропических и субтропических морей. Они возвращаются туда, где когда-то вылупились. Некоторые морские черепахи приносят потомство ежегодно, иные — раз в два, а то и в три года.

Когда морская черепаха приплывает к пляжу откладывать яйца, она прежде всего ищет спокойное местечко, существенно выше приливной отметки. Там она медленно копает яму в полметра и глубже. На это уходит около получаса. В яму она откладывает 80—100 яиц, каждое приблизительно размером с шарик для пинг-понга. Оболочка у них мягкая, поэтому, чтобы они не погибли, черепаха плавно заталкивает их в ямку задней ластой, слегка вогнутой, как чашечка. Закончив кладку, черепаха засыпает ее теплым песком. Затем она разбрасывает задними лапами песок на расстояние до нескольких метров, чтобы скрыть место, где она отложила яйца. После этого она устало возвращается в море: ее материнские обязанности на этом завершаются. Остальное сделает сама Природа.

Все детеныши появляются на свет Божий в одно и то же время. Покинув оболочку, черепашонок пускается в свое первое путешествие — дрожа всем телом, неумело двигая всеми четырьмя лапами, он направляется к морю. А так как черепашат в одной кладке одновременно бывает до сотни, то кажется, что песок вокруг шевелится. Когда черепашата вы-

бираются на поверхность, то пустоты, естественно, затягиваются песком, благодаря чему оставшиеся детеныши «поднимаются» ближе к поверхности, как на лифте. Черепашата рождаются, как правило, ночью, и их влечет к себе отраженный морем свет.

Увы, из всей кладки до моря доберется едва ли половина. Их поджидает немало хищников, как-то: еноты, птицы, крабы и собаки. Всем охота полакомиться черепашатами! Добравшись до моря (где их, кстати, тоже подстерегают всяческие опасности), черепашата плавают в течение пяти дней, повинаясь естественному инстинкту навигации, а затем исчезают. Куда — Бог весть. Остается только строить догадки. Пройдет еще минимум 18 месяцев, прежде чем они появятся здесь снова. Многие считают, что они исчезают во тьме морских пучин — неудивительно, что мы так мало знаем о них.

Черепаш и их яйца и поныне продолжают добывать ради еды, что сильно сказывается на их численности. Многие из них гибнут, запутавшись в рыболовных сетях, а ведь разработаны снасти, позволяющие им беспрепятственно уйти! Но тяжелее всего воздействует на них нашествие людей на исконно принадлежащие им пляжи. Когда крупные черепахи приходят откладывать яйца, аборигены приводят посмотреть на это диковинное зрелище туристов, пугающих их огнями и шумом. К тому же туристы, постоянно гуляя по пляжам, утаптывают места, где черепахи отложили яйца, и детеныши не в состоянии выбраться на поверхность. Но даже если им это удалось, их поджидает новая напасть. Шикарные отели сияют огнями ярче, чем отраженный свет моря, и черепашата ползут на этот более яркий свет. Наутро их находят погибшими от обезвоживания организма.

Единственный способ поставить барьер на пути этого варварства — экологическое обучение. Организация «Забота о дикой природе» — одна из многих, которые занимаются финансированием не только научных исследований, но и обучения местного населения, как охранять морских черепах и их кладки. Отрабатываются новые способы освещения зданий, чтобы не сбивать с толку новорожденных черепашат.

До недавнего времени мы понятия не имели о том, что кожистые черепахи, проделывая долгий путь, достигают вод вокруг Британских островов, охотясь за своим любимым лакомством — медузами. Рыбаки, в чьи сети они попадались, забирали их домой в качестве трофеев; при этом многие из них погибали.

Хочется надеяться, что рыбаки в конце концов поймут: морские черепахи — существа совершенно безвредные и являются вполне законной составляющей морской фауны.

Да что там говорить — мы сами, без всякого принуждения, должны заботиться об окружающем мире! В наши дни куда больше возможностей провести отпуск в экзотических уголках планеты. Кому, как не нам, выступить гарантом того, что дикие животные, коралловые рифы, тропические леса и другие подобные диковинки, оставляющие в памяти впечатления на всю жизнь, не погибнут из-за свалившейся на них непосильной нагрузки!

Глава шестая

БАРСУЧЬИ ПРОБЛЕМЫ

Стоит тебе заинтересоваться барсуками, и ты вполне можешь помешаться на них, как и я. Запишись в Группу по защите барсуков — и, во всяком случае, не заскучаешь.

Такие группы существуют по всей стране. Они объединяются в Национальную федерацию, главный офис которой находится в Лондоне. Что требуется для вступления? Любовь к барсукам и наличие свободного времени, которое ты можешь потратить на них. Так быстро втянешься, что оглянуться не успеешь.

Фразой: «Я не очень-то много знаю о барсуках» — здесь не отделаешься. В каждой группе проводятся учебные дни. Новичков ведут в поля и учат распознавать барсучьи метки и следы. Как правило, старые «гвардейцы» прекрасно разбираются во всем, что касается дикой природы, и ты с радостью для себя будешь делать открытия не только в области барсучьей жизни, но и во многих других.

У тебя больные ноги, чтобы шататься по полям? И в этом случае есть выход: садись в кресло да смотри диапозитивы.

Каждый член Группы по защите барсуков, будь у него масса свободного времени или совсем малая толика, найдет

себе занятие по душе и поймет, что и его деятельность важна для успеха работы группы в целом. Некоторые обладают организаторской жилкой и успешно собирают средства, другие могут читать лекции в школах. Кто-то ведет наблюдение за следами и норами на определенной территории, а кто-то — за определенными гнездами во время своих прогулок.

Но имей в виду — чем больше ты втянешься в эти занятия, тем быстрее обнаружишь, что имеешь все вышеперечисленное и в состоянии решать барсучьи проблемы.

Как-то, просматривая членские анкеты сомерсетской Группы по защите барсуков, я нашла собственную заявку. Вот как она выглядела:

**ПОЖАЛУЙСТА, ОТВЕЬТЕ
НА СЛЕДУЮЩИЕ ВОПРОСЫ: ДА/НЕТ.**

1. *Заинтересованы ли вы в участии в регулярных собраниях?*
Да.
2. *Будете ли участвовать в мероприятиях по сбору средств?*
Нет.
3. *Будете ли готовиться к работе в одном из комитетов?*
Нет.
4. *Хотите ли читать образовательные лекции?* Нет.
5. *Сможете ли вы решать барсучьи проблемы?* Нет.

Оказывается, я малость подзабыла, какие тогда давала ответы, потому что теперь с успехом делаю все, о чем говорится в анкете. Даже если ты желаешь побольше узнать о барсуках лишь по той причине, что они совершают набеги на твой сад, ты в конце концов можешь добиться чести участвовать в наблюдениях за барсуками. Стыдно сказать, но хотя эти звери и объявлены фаворитами нации, они до сих пор нуждаются в защите!

В одних регионах проблема охраны барсуков стоит острее, чем в других. Особенно много хлопот у йоркширской группы: трудно в это поверить, но даже в ниши дни находят подонки, раскапывающие норы барсуков и стравливающие этих животных с собаками. Широкой публике неведом факт, что, несмотря на существование закона, охраняющего барсука и его гнездо, ежегодно до 10 000 барсуков становятся жертвами подобного «спорта». Эта цифра не с потолка взята: за год было зарегистрировано 9000 разоренных барсучьих гнезд, а на 9 гнезд в среднем приходится 10 барсуков. Конечно, в иных гнездах их по два-три, в иных — ни одного; но есть все основания считать, что на самом деле барсуков погибло гораздо

больше, ибо какая-то часть разоренных гнезд осталась ненайденной.

По некоторым оценкам, в Йоркшире разоряется до 80 процентов барсучьих гнезд. Опустошив Йоркшир, «копатели» движутся в другие местности, в частности в Уэльс и Глостершир. К сожалению, счет разоренным гнездам открыт и у нас в Сомерсете. Полиция проявляет большой интерес к поиску преступников, занимающихся раскопками барсучьих гнезд. У них есть все основания подозревать, что этот «спорт» связан с торговлей наркотиками. Когда барсука стравливают с собакой, то делаются большие ставки; на выигранные деньги приобретаются наркотики, которые затем с большой выгодой перепродаются на улице. Так что, если увидите подозрительных личностей с лопатами, не вздумайте приближаться к ним — они могут быть очень опасны. Запомните их приметы, по возможности запишите номер машины и сообщите в полицию. Если полиция в данный момент располагает свободными силами, она примется за расследование немедленно. Если же тревога окажется ложной, полиция не будет в претензии: она поймет ваши добрые намерения и желание помочь в пресечении этого чудовищного «спорта».

Скажите, что в ваших краях такие вещи не происходят? Но не далее как в прошлом году учитель одной из сельских школ в окрестностях Бристоля привез к нам в Центр целый класс, когда понял по разговорам детей, что их родители вовлечены в эти, с позволения сказать, «развлечения». Он надеялся, что дети, увидев нашу ручную Блюбелл, поймут, какие обаятельные это существа — барсуки, и удержат своих отцов от столь жестокого обращения с ними.

Юго-запад Англии имеет крупную популяцию барсуков; предполагается, что здесь сосредоточено до четверти всех барсуков, населяющих Британские острова. Почему они облюбовали эту землю? Да потому, что в этом регионе интенсивного молочного животноводства сочная-пресочная трава. А где сочная трава, там жирные-прежирные червяки, излюбленное лакомство барсуков. Члены местных групп по защите барсуков вынуждены признать, что барсуки, коим самой природой предписано рыть землю, создают и будут создавать проблемы. По мере возможностей мы предлагаем приемлемые для жалобщика (хочется надеяться, что и для барсука!) методы решения проблемы.

Как-то мне позвонила миссис Скуайрс из Берроу. Обычно, когда я слышу в трубке: «Ко мне в сад забрался барсук!», я бросаю в ответ: «Господи, так это же здорово!» — стараясь

упредить грозящие посыпаться жалобы и претензии. Но эта бедняжка, похоже, находилась на грани нервного срыва. В ответ на мою дежурную фразу с ней сделалась почти истерика.

— Здорово! — кричала она. — Вы еще смеете говорить «здорово»! Вы не поверите, что они натворили у меня в саду! Прорвались сквозь ограду в трех местах, сожрали сто двадцать пять редких цветов, изрыли всю лужайку, а на клумбах вырыли ямки и нагадили туда! Нагрели нас с мужем на четыреста фунтов, потому что из-за всего этого у нас сорвался отдых! Мы за ограду выйти боимся — вдруг эти чертовы барсуки опять заберутся и начнут шkodить! Мы с мужем бедные пенсионеры, думали, доживем остаток жизни без хлопот, без забот — так ведь нет! Моя жизнь превратилась в сплошной кошмар! Ради Бога, приезжайте и заберите их отсюда!

Ну, думаю я, на сей раз мой фокус не удался. Я попыталась объяснить ситуацию: мол, летом, когда с кормом становится туго, особенно в засушливую погоду, барсуки устремляются в регулярно поливаемые сады — ведь там их любимые жуки и червяки держатся у самой поверхности. А что еще нужно барсуку! Я, как всегда, посоветовала оставлять для барсуков еду — с полным желудком они едва ли посягнут на сад. А там, глядишь, погода переменится, и необходимость в этом отпадет. Можно также соорудить ограду со слабым током. Впрочем, если верить рассказу миссис Скуайрс, ущерб был действительно огромен, так что я решила съездить на место и увидеть все своими глазами.

Миссис Скуайрс с супругом живут на новой ферме в Берроу. В этом краю у нас, к сожалению, неприятностей хоть отбавляй: интенсивное строительство уже перешагнуло границы исконных барсучьих территорий, и животные рвутся за кормом в ухоженные сады. Я приехала, как мы и договаривались, ближе к полудню. Хозяйка была польщена тем, что я приехала так быстро, и тут же, не откладывая в долгий ящик, повела меня в сад показывать последствия нашествия барсуков.

Признаться, я ожидала увидеть что угодно, но только не то, что открылось моим глазам. Сад был в идеальном состоянии. Зеленая лужайка выглядела как поляна для игры в боулинг¹. Растения были высажены так, что образовывали симметричные узоры, а изящные, точно вычерченные по лекалу, клумбы пестрели массой цветов. Деревья и кустарники были аккуратно подстрижены, а оранжерея наполнена такими изыс-

¹ Разновидность игры в кегли.

канными редкостями, каких я в жизни не видела. Эта пара до самозабвения любила свой сад, и любое возникающее недоразумение, вроде норы животного, устранялось немедленно. Никаких следов вторжений, никаких повреждений — за исключением трех отверстий, проломанных в ограде отчаянным барсуком.

В которой раз убеждаешься, как обманчиво первое впечатление. Миссис Скуайрс — о которой я думала, что она не в себе, так она на меня накинулась! — оказалась очаровательной особой, элегантно и со вкусом одетой.

— Вот смотрите, он вырыл нору здесь, — показывала она, пока мы двигались по саду, — и вот здесь, и вот здесь, а здесь он сожрал мои цветы. И везде выкопал свои ямки и наложил туда. Моему супругу пришлось их вычищать, я, простите, не могу! Делайте с ним, что хотите, но я не потерплю его у себя в саду!

Я объяснила, что не могу забрать животное отсюда — во-первых, это противозаконно, во-вторых, мне пришлось бы переместить его на территорию, занятую другими барсуками, а те, чего доброго, убьют его как чужака.

— Да нет, что вы, я вовсе не хочу ему зла. Но понимаете, мы засыпали норы, заваливали их камнями, а он отрывал их вновь, — объяснила миссис Скуайрс. Да, тут и в самом деле трудно что-либо поделать. Проводились эксперименты, показавшие следующее: барсук может перевернуть 50-килограммовый камень (что значительно больше его собственного веса) только для того, чтобы достать спрятанные под ним земляные орешки. Стало быть, если барсук имеет виды на сад миссис Скуайрс, остановить его камнями будет не так-то просто.

— Кстати, — добавила миссис Скуайрс. — Вас, вероятно, заинтересовало, где мой муж? Он, как всегда, в клубе, но я разрешаю ему оставаться там только до полудня. Скоро как миленький заявится.

Я соображала, что же предложить. Забор с током дорогая штука, и ущерб от вторжения барсуков вовсе не так велик, чтобы прибегать к столь кардинальным средствам. Тут я вспомнила одно из последних заседаний Группы по защите барсуков, где обсуждалась возможность применения одного нетрадиционного метода...

— Слышала я об одном методе, — начала я. — За что купила, за то и продаю. Самой проверять на практике не доводилось.

— Ну рассказывайте, рассказывайте, — прервала меня миссис Скуайрс. — Я готова на все, лишь бы избавиться от напасти.

— Только не подумайте, что я насмехаюсь над вами... Есть у меня знакомый, которому так же, как и вам, досаждали барсуки. Кроме того, не давали покоя мальчишки, писавшие у него на заборе разные гадости. Дошло даже до того, что он повесил плакат: «Ребята, умоляю на моем заборе надписи не делать». Один из сорванцов, видно самый грамотный, вычеркнул из плаката «над» и «не» и... представьте, помогло: теперь барсуки и носу в его сад не кажут.

Миссис Скуайрс слушала как завороженная.

— Так вот. Вы же сами видели, как барсуки метят свою территорию. Попробуем и мы пометить эти же места нашей мочой.

— Я прошу прощения,— сказала миссис Скуайрс.— Мне что же, нужно сесть на корточки и... пройтись по всему периметру ограды?!

— Да нет, зачем такие сложности! — с улыбкой ответила я, тронув собеседницу за руку.— Соберите в горшок и полейте самые барсукоопасные места. Вот вам и облегчение решения проблемы, простите за каламбур.

Мне было интересно посмотреть, как она отреагирует на данное предложение. По блеску ее глаз я поняла, что это именно тот вариант решения, которого она от меня ждала.

Как раз в это время из клуба возвратился муж.

— Слушай, милый,— сказала ему благоверная.— Тут дама из Группы по защите барсуков предлагает интересную вещь. Нужно просто полить нашей мочой те места, где вторгается барсук, и он носу сюда не покажет! Начнем прямо сегодня же вечером,— продолжила она, не дожидаясь, как отреагирует муж,— вот отсюда! — И она показала на дальний угол сада.— А потом сюда! — Миссис Скуайрс провела рукой в воздухе, очертив отрезок пути.

— Минуточку,— смеясь, сказал ее супруг.— Ты хоть имешь представление, сколько на это потребуется лучезарной жидкости? Я еще далеко не в форме! Вот вернусь в клуб, пропущу еще бутылочки три — и тогда...

— А может, попросим соседей? — воскликнула хозяйка.

Вот уж никогда бы не подумала, что мое предложение вызовет такой энтузиазм.

— Это вы серьезно?! — парировала я.— Вы только представьте: они же приходят к вам посидеть в тени деревьев, подышать ароматом цветов. А как вспомнят, что здесь... Так они к вам больше ни ногой, помяните мое слово.

— Можно, конечно, нанять сторонних рабочих,— предложил муж.— Только вот как оплачивать подобный труд? С погонного ярда или с израсходованного галлона?

Не дожидаясь, пока мне предложат должность прораба, я поспешила ретироваться. Но что самое удивительное — когда я позвонила миссис Скуайрс неделю спустя, выяснилось, что набеги барсуков прекратились. Откуда супруги достали требуемое количество спасительной жидкости, я предпочла не вникать. Но впоследствии я не раз предлагала этот метод, и, представьте, в большинстве случаев он оказывался эффективным.

В том же Берроу мне пришлось столкнуться с более сложной проблемой. В феврале мне позвонил один застройщик и спросил, могу ли я освидетельствовать дом, предназначенный к продаже. Имелось разрешение на возведение во владении еще шести построек, но проблема заключалась в том, что на его территории находилось несколько барсучьих гнезд, и он ждал от меня совета, как с ними быть. Мы договорились о встрече в следующую субботу утром. Хотя адрес был более чем понятен, я с трудом нашла дом: сад был до такой степени запущен, что, припарковав машину напротив таблички с номером дома, мне пришлось расспрашивать прохожих, как к нему пройти. Застройщик еще не явился, и, пользуясь случаем, я осмотрела все вокруг. Дому было около сотни лет. Он принадлежал некоей пожилой леди и долгие годы служил ей местом затворничества, пока старушку не поместили в дом престарелых, где она и скончалась.

За годы, пока за ним никто не ухаживал, сад пришел в полное запустение, но и теперь еще в нем угадывались контуры прежнего ухоженного садика, каким он, видимо, когда-то был. Ветви розовых кустов, которых давно не касались садовые ножницы, сплелись с колючими кустами ежевики. Живая изгородь из бирючины шириной почти в четыре фута прикрывала дом с одного бока, а за ней помахивали голыми ветками огромные кусты сирени, готовой вспыхнуть яркими гроздьями при первом же дуновении теплого ветерка. В глубине сада полукругом стояли высокие хвойные деревья, а с другой стороны к нему примыкала небольшая роща. Прежде чем я двинулась дальше, явился застройщик с женой и детьми. Я попросила подъехать нашего консультанта Майкла Вудса, более компетентного, чем я, в вопросах строительства. Застройщик

принес с собой договор о покупке, и, пока я вчитывалась, приехал Майкл Вудс.

Собственность досталась по наследству племяннику покойной, живущему во Франции. Поскольку на территории владения прочно обосновались барсуки, он обратился в министерство сельского хозяйства, рыболовства и продовольствия с запросом о проведении обследования. Обследование показало, что на территории находятся восемь барсучьих гнезд и 21 нора в непосредственной близости от главного дома, причем основное гнездо — прямо под ним.

Когда к разговору присоединился Майкл, застройщик стал объяснять, что он вовсе не против барсуков в усадьбе, которую он намеревается купить. Здесь будет так уютно детишкам, заведем пони, и уж конечно никакого масштабного строительства. Чего же он от нас хочет? А хочет он подтверждения того, что владение не стоит запрашиваемой за него суммы из-за присутствия барсуков. Ведь как бы там ни было, всякий покупающий участок земли, на котором живут барсуки, должен или подобрать им другое место жительства, или обеспечить нормальные условия жизни на прежнем. Может ли Группа по защите барсуков снабдить его письмом, которое подтверждало бы необходимость больших затрат на переселение барсуков или свидетельствовало, что от них можно подцепить какую-нибудь заразу? Тогда удалось бы уломать продавца скинуть цену.

Майкл покачал головой:

— Прощу извинения, такого письма я не дам. Территории, свободной от барсуков, здесь хватит на целых пять построек. Кроме того, позвольте вам доложить, что зараза от барсуков человеку не передается. А если бы и передавалась, сами оказались бы виноваты: зачем подвергали себя риску, покупая владение с барсуками?

Поняв, что желаемого он от нас не получит, застройщик удалился. Мы с Майклом отправились посмотреть сад. Да, это был воистину рай земной. Хотя почти все вокруг заросло травой и кустарником, мы все же отыскивали барсучьи тропки, затаенливо извивавшиеся по всей территории владения. У самого дома, возле большого куста бирючины, высилась целая гряда четырехфутовых холмов мягкой песчаной почвы. Еще бы, ведь за многие годы барсуки нарыли здесь тонны грунта! Кое-где кора на стволах деревьев была пообтерта — это об нее терлись барсуки, метая свою территорию. В тех местах, где путь барсукам преграждали старые деревья, упавшие на барсучьи тропки, с их стволов был стерт росший на них лишайник:

барсуки предпочитали не делать длинного кружного пути вокруг дерева, а просто переползали его на брюхе, не отклоняясь от привычного маршрута. Одна из тропок вела к небольшому ручейку — значит, здесь у них водопой; но по другую сторону следов не было, стало быть, они его не пересекали. В земле, поросшей ползучими растениями, были видны дырки — здесь барсук отыскивал червяка и аккуратно «выкручивал» его из земли, чтобы не разорвать. Создавалось впечатление, что никому, кроме барсуков, эта земля исконно не принадлежала. На этом забытом клочке земли барсуки жили в мире и довольстве — меня покорило от мысли, что вскоре сюда придет мощная строительная техника и в мгновение ока сметет этот островок благоденствия. Даже если представить себе, что хозяин окажется сознательным и построит барсукам искусственное гнездо, возня, которая здесь поднимется, ввергнет их в такую панику, что они тут не задержатся ни дня.

— Одно непонятно,— сказала я.— Если он покупает дом для отдыха своих детей, почему его так раздражают барсуки? Детям-то они нисколько не помешают!

— Как можно быть такой наивной, Паулина,— сказал Майкл.— Бьюсь об заклад, что сперва он избавится от барсуков, а потом выставит усадьбу на продажу с расчетом сорвать хороший куш.

Я вытаращила на него глаза. У меня в голове не укладывалось, что кто-то способен на подобное. Я и сама порой смеюсь над собственной наивностью. Майкл хихикнул — он-то наверняка сталкивался с подобными типами. Он сказал, что нужно выяснить во всех подробностях условия продажи — в полной ли мере они учитывают интересы находящихся на данной территории животных. Я обещала сделать это как можно быстрее и доложить ему о результатах.

Меня так потрясло множество хитро переплетающихся барсучьих тропок и обилие знаков, свидетельствующих о кипучей жизни, что я на следующий же день привела сюда двух своих студентов и взяла фотоаппарат, чтобы сделать снимки. Бекки и Кристофер совсем недавно начали практику на ферме и были просто помешаны на барсуках, поэтому я позволила им ходить вокруг и смотреть что хотят, а сама принялась щелкать фотоаппаратом. До меня доносились их удивленные возгласы, учащающиеся по мере того, как они находили все больше нор, барсучьих тропок, ямок с пометом и отверстий для дыхания — всего того, что в полях и лесах не бросается в глаза, а здесь встречается на каждом шагу!

По дороге домой мы заехали к агенту по недвижимости и попросили у него документы, в которых указаны условия продажи. Читая их, я была удовлетворена тем, что в них подчеркивалось присутствие барсуков, хотя и не обозначалось точно местоположение их гнезд. Более того, в конторе можно было узнать адреса природоохранного агентства и министерства сельского хозяйства, рыболовства и продовольствия и имена соответствующих чиновников — на случай, если кто пожелает справиться о подробностях. Я доложила обо всем этом Майклу — он был удовлетворен тем, что любой потенциальный покупатель будет извещен о ситуации и что нынешний владелец, проведя инспекцию с целью выявления барсучьих гнезд и побеседовав с представителями властных структур, ведающих природоохранным делом, в курсе всех правил и инструкций. В жизнь барсуков и их гнезд ни при каких обстоятельствах нельзя вмешиваться, не имея на то лицензии. С декабря по июнь лицензии выдаются редко и только при чрезвычайных обстоятельствах: в это время у барсуков сезон размножения. В данный период даже расчистка кустарника в непосредственной близости от барсучьего гнезда может квалифицироваться как вмешательство в их жизнь.

Втайне от меня владелец позвонил в Английское природоохранное агентство и обратился с запросом, может ли он, приехав к себе в усадьбу на пасхальные каникулы, расчистить кое-где сорняки — так будет легче продемонстрировать дом потенциальным покупателям. В агентстве ответили, что он может только копать дерн, причем и эта работа должна быть сведена к минимуму, чтобы не нарушить жизнь барсуков.

...Через две недели после Пасхи мне позвонила женщина, жившая по соседству с этим старым домом, и встревоженным голосом сообщила, что какие-то люди пригнали трактор и трейлер и поставили прямо на том месте, где располагались барсучьи гнезда, причем трейлер провалился в одну из ям.

Не теряя ни минуты, бросив все, я схватила ключи зажигания и понеслась прямо к тому дому. Трактора и трейлера там уже не было, но от зрелища, представшего моим глазам, у меня подкосились ноги. Передо мной лежала голая площадка, деревья и живая изгородь из бирючины были сметены подчистую. Трейлер, приехавший сюда, чтобы вывезти срубленные деревья и кустарники, и в самом деле переехал колесом одно из барсучьих гнезд; но самое страшное ждало меня впереди. У входа в главное гнездо и другие барсучьи жилища высились кучи углей — следы горевших здесь костров, топливом для которых служили ненужные кресла и диваны из усадь-

бы; свидетельством тому остались покореженные огнем металлические каркасы. Эти люди знали, что делали: они хотели вот таким жестоким способом изгнать барсуков из обжитых жилищ. Мне сделалось дурно: неужели находятся подонки, способные на такое?! Тут ко мне подошла соседка, та, что звонила; я попросила ее позвонить снова, если вернуться люди, устроившие этот погром. После этого я сделала несколько экстренных звонков и отправилась за инспектором Общества покровительства животным.

Тут же приехали и местный и региональный инспекторы Общества и засняли на фото пленку следы варварства; но Об-

шеству затруднительно выйти на след владельца и людей, непосредственно учинивших погром. А что же Английское природоохранное агентство, спросите вы? Там ответили: мол, к сожалению, разговор велся по телефону, и никаких записей сделано не было. Люди с трактором появились снова — благодаря оперативному звонку соседки я приехала на место с полицией, и виновников трагедии застукали с поличным. Самое интересное, что входы в барсучьи гнезда они затянули сетками, чтобы не дать барсукам войти.

Однако никакого уголовного дела возбуждено не было. При том, что существует Акт о защите барсуков, процедура проведения его в жизнь настолько сложна, что и полиция, и Общество покровительства животным крайне неохотно берутся за подобные (к тому же дорогостоящие) дела, кроме случаев, когда истина лежит на поверхности.

...Я вернулась в этот сад в начале июня. Дом по-прежнему стоял пустой в ожидании покупателей. Лето сделало все, чтобы залечить раны, нанесенные этой земле ранней весной. Земля, которую я видела оголенной после опустошения, поросла травой, на которой вспыхнул яркими красками ковер из диких цветов. Алыми пятнами полыхали маки, зацвели розы, и надо всем этим великолепием порхали бабочки, жужжали другие насекомые, радуясь теплоте летнему солнцу. Воздух был наполнен пением птиц. Но нет, не все следы трагедии исчезли — вот они, серые кострища. Я пошла посмотреть, в каком состоянии барсучьи норы. Так и есть: они все поросли травой, медленно затягивались песком. Никаких признаков пребывания барсуков — ни следов, ни ямок. Могли, конечно, убежать, но я подозреваю самое худшее: они были просто удушены дымом костров. Ну кто скажет после этого, что барсуки не нуждаются в защите — даже у нас, в Сомерсете?

...Каждый год в Сомерсете устраивается крупная сельскохозяйственная выставка, называемая «Бат-энд-Вест шоу»¹.

¹ Бат — город близ Бристоля, известный своими целебными источниками.

Проводится она обычно в конце мая — начале июня. Сомерсетская Группа по защите барсуков имеет на этой выставке свой стенд. Здесь мы продаем различные сувениры и проводим викторины «Что вы знаете о барсуках?», тем самым побуждая публику поговорить на эти темы. Мы также даем советы тем, у кого проблемы с барсуками.

Однажды к нашему стенду пожаловал за советом фермер Билл Гровс. Он живет в Отери и отличается довольно грубыми манерами. Большая часть его земли занята рожью, и у него большие трудности с барсуками, регулярно навещающими к нему в поле полакомиться. По-видимому, очаровательные девушки, «командовавшие» нашим стендом, не могли найти с этим мужланом общий язык, вот и обратились ко мне за советом — как-никак я жена фермера, мне будет проще.

Через пару дней позвонил он сам и излил душу: мол, от этих барсуков житья нет, чем ты занимаешься в своей барсучьей группе, кто мне заплатит за понесенный ущерб и т. д., и т. п. Я попыталась было посоветовать, как предотвратить потравы посевов.

— Это не телефонный разговор, — оборвал он меня. — Приедешь и увидишь, сколько у меня погуляло этих ужасных тварей! Сотни их тут были, сотни! Моя бы воля, я бы стрелял их из ружья! — проорал Билл в трубку.

— Ну хорошо, мистер Гровс... — промямлила я.

— Зови меня просто Билл, — приказал он.

— Ну хорошо, Билл, я приеду и все посмотрю.

Договорились, что я приеду в один из вечеров на следующей неделе.

— Встретимся у кабачка, я повезу тебя в поля, — завершил он и швырнул трубку.

На следующий день у нас была рабочая встреча Группы по защите барсуков. Между делом я рассказала нашему председателю Адриану Коварду, что поеду по звонку некоего фермера, которого зовут Билл Гровс.

— Как, того самого Билла Гровса из Отери? — удивился Адриан.

— Ну да, — с улыбкой ответила я.

— Удивительно! Я был у него всего несколько дней назад, и...

— Как, вы были у него?! — спросила я, и мои брови поднялись от изумления. Само начальство побывало у него, а ему, выходит, все мало.

Адриан рассмеялся в ответ:

— Так вот. Когда я у него был, он заклинал меня не привозить к нему эту Паулину Киднер, которая в барсуках души не чает. Он все про вас знает! Какие козни он вам строит за то, что ваши любимцы лакомятся его рожью, одному Богу известно.

Я похолодела. Заметив это, Адриан подмигнул:

— В общем, вы с ним не заскучаете. Я бы на вашем месте взял с собой еще кого-нибудь.

Я решила взять с собою Дерек, но впоследствии выяснилось, что я перестраховалась. Мы подъехали к кабачку минута в минуту; на автостоянке, сидя за рулем трактора, нас уже поджидал Билл. Как я и предполагала, он из старой, закаленной гвардии; на нем были брюки на подтяжках и рубаха с закатанными рукавами. Сильные, опаленные солнцем руки покоились на рулевом колесе, а лицо говорило о том, что он настроен решительно. Когда я вышла из машины и с улыбкой пошла к нему представляться, он устремил на меня из-под копны седых волос пронзительный взгляд, недвусмысленно давая понять, что ему и так ведомо, кто я такая.

— Поехали за мной, — сказал он, одновременно поворачивая ключ зажигания. Мотор трактора заворчал. Я кинулась к машине; пока Дерек развернул ее, Билл уже катил по дороге. Ну мы, конечно, без труда догнали его — и вот уже колея, ведущая к его полям. Тут Билл махнул нам рукой — мол, дальше машина не пройдет. Мы вылезли; думали, он тоже пойдет пешком, но он, как и прежде, катил на своем тракторе, и мы бегом едва поспевали за ним.

Наконец он остановился. Я уже совершенно выдохлась, а ведь экскурсия еще не начиналась. Билл показывал все с большим тщанием, стараясь, чтобы от моих глаз не укрылось ни одно барсучье гнездо.

— На сотни фунтов они меня обожили, — рычал он, — на сотни фунтов! Ко мне сюда приезжали и из министерства, и из Совета по фермерству, и из Национального союза фермеров — ни одна собака не знает, с кого мне за ущерб взыскать! У, крючкотворы — сидят себе в теплых конторках да строчат законы, а что в жизни происходит, ведать не ведают. Взял бы я сейчас ружьишко, как много лет назад, пальнул бы по этим барсикам — в былые годы двадцать штук убил! — так ведь нет же, не положено!

Тут Билл на секунду прервал свою речь, чтобы перевести дыхание. Не дожидаясь, пока он снова начнет метать громы и молнии, я вставила словечко:

— А вы не пробовали поставить забор со слабым током?

— Пробовал. Бесполезно,— ответил он.

Дело в том, что поля Билла — по сути дела, проходной двор, через них лежит путь множества людей. Как-то он поставил забор, и его тут же украли, а ведь забор с током — недешевая штука. Он даже показал места, где по его посевам прокатились на лошадях — явно ведая, что творят. В общем, проблема оказалась куда сложнее: тут тебе не только барсуки, но и двуногие. Он повел нас по краю поля, показывая каждое гнездо. Дерек отвлекал его разговорами и, как видно, легко нашел к нему ключ, а там и общий язык. Возможно, даже слишком общий.

— Вот это да! — раз воскликнул Дерек, указывая на большое гнездо.— Тут у тебя, наверное, целое стадо барсуков!

Этого я от своего благоверного никак не ожидала! Я ведь взяла его с собой как сторонника и защитника!

— Не обязательно,— мигом парировала я.— Множество нор еще не значит множество барсуков!

Слово за слово, и мы узнали, что Билл живет бобылем и распахивает теперь лишь небольшую часть того, что прежде. Показывая нам фермы своих соседей, он рассказывал о применяемых ими различных методах ведения фермерского хозяйства. Но особенно надолго он задержал наше внимание на старой фермерской усадьбе, видневшейся вдаль: «Ой, какая премиленькая девчоночка жила там много лет назад!» Подозреваю, что в расцвете сил Билл знал дорогу к каждому дому в округе, где жила смазливенькая девчонка, ибо даже теперь, когда ему перевалило за шестьдесят, в нем угадывался привлекательный парень, каким он был в молодости. Более того, я сердцем чувствовала, что Билл вовсе не такой уж грубиян и мужлан, каким он показался мне сначала. Если бы он еще чуть-чуть оттаял, он бы мне даже понравился — я сознавала, что под закаленной жизненными обстоятельствами оболочкой скрывается мягкая, как у меня, душа. В общем, мы неплохо провели вечер. Показав нам каждый край и каждый угол своего поля и предоставив самостоятельно оценивать ситуацию, он повел нас через заросшие фруктовые сады, через живые изгороди и ограды из колючей проволоки по окрестным полям, то и дело встречаясь с соседями, которым тоже докучали «эти чертовы барсуки»... Но, как ни интересно нам было с Билли, день клонился к закату, и мы согласились, что пора по домам.

Итак, щекотливость ситуации заключалась вот в чем. Барсуки поедали рожь у нашего бедного Билли, но из-за того, что его поле было проходным двором для широкой публики,

он не мог ни поставить ограды, ни принять другие меры. В таком положении Билли снова мог схватиться за ружье, как и много лет назад.

...Болтая о том, о сем, мы втроем медленным шагом продвигались к трактору. Солнце уже коснулось линии горизонта. Билл лениво сшибал прутом головки сорняков и изливал нам душу, рассказывая о своей жизни.

Сев за руль трактора, Билл покати́л не домой, а к нашей машине — видно, мы ему так понравились, что он решил проводить нас, как говорится, до порога. Доковыляв до машины, мы слышали, что он на повышенных тонах разговаривает с некоей леди, прогуливавшей свою собачонку.

— Что-то я вас не припомню, — вызывающим тоном выговаривал он. — И непонятно, зачем вы здесь. Откуда вы? Где живете?

Такой он рыцарь, оказывается, Билл! А я-то думала...

Высунувшись из окна трактора, Билл показал на меня пальцем:

— А это вот Паулина Киднер, которая каждый день выступает по телевизору (как бы я хотела, чтобы это было так!). Она еще книгу написала.

И без того смущенная, леди сконфузилась еще больше и призналась, что никогда обо мне не слышала. Рассмеявшись, я успокоила ее:

— Ничего страшного! Не у всех же ко мне есть дело, как вот у этого молодца.

Все-таки я недооценила обхождение Билла. Вогнать в краску двух дам сразу — для этого, знаете, тоже требуется искусство.

Между тем Билл продолжал разговор с леди, собачонка у которой уже рвалась с поводка и скулила: чего стоим-то, гулять хочется! И тут меня осенило: у меня же на заднем сиденье есть экземпляр моей книги.

— Это вам, Билл, почитайте на досуге, — сказала я.

Билл был явно сражен.

— Когда прочтете, — продолжала я, — уверяю вас, что вы так же полюбите барсуков, как я. Спасибо за прекрасный вечер, но боюсь, мне не решить вашей проблемы.

Билл кивнул и помахал мне на прощание. Бьюсь об заклад, он никогда не прочтет мою книгу.

...Прошла пара месяцев, и вот телефонный звонок. В трубке резкий мужской голос. Я с минуту соображаю, кто бы это мог быть.

— «Тайный мир». Здравствуйте, — как всегда, отвечаю я.

— Паулина Киднер? — так же резко бросает мой собеседник.

— Да,— сказала я, стараясь представить себе лицо говорящего.

— На проводе Билл Гровс.

— Привет, Билл! Как дела? — спросила я.

— Вчера вечером видел тебя по телевизору,— проворчал тот.

— Правда? — сказала я, а сама думаю: может быть, это побудило его позвонить?

— Наверное, повтор какой-нибудь старой передачи,— оборвал он мои мысли.

— Нет,— парировала я.— Это была новая передача о ежах. Надеюсь, она тебе понравилась? — поддразнила я своего не очень-то учтивого собеседника.

— Сегодня вечером поедешь со мной,— повторил он.

«Нет, погодите, тут что-то не так»,— подумала я.

— Простите, Билл, я не очень понимаю, что вы хотите мне показать?

— Поедешь со мной в рожь,— заявил он со всей серьезностью.

Я так и прыснула, представив себе, сколько женщин покраснеют (а кто-то и обрадуется!), услышав подобное предложение. Но к этому моменту я уже поняла, к чему он клонит.

— Поедешь со мной в рожь,— повторил Билл, не подозревая, как я испугалась минуту назад,— увидишь, сколько сожрали твои барсуки!

Титаническим усилием воли подавляя смех (у собеседника и в самом деле большое горе), я обещала приехать завтра во второй половине дня. Я радовалась, что ошиблась, заподозрив его в нехороших намерениях.

— Могу я взять фотоаппарат? Ты же знаешь, решить эту проблему я не в состоянии, но, может, снимки нанесенного ущерба помогут при принятии решения.

Билл согласился. Мы назначили встречу все на той же автостоянке возле кабачка. На сей раз каменно-ледяное приветствие не испугало меня. Я знала, что растопить лед мне по силам. Я поехала знакомой дорогой вслед за трактором; но, когда кончилась проходимая колея, мне уже не пришлось топтать пешком: Билл разрешил мне пристроиться на запятках трактора (кабина была слишком тесна для двоих).

...Мы шли через поле, которое я помнила еще зеленым. В теплых солнечных лучах золотились колосья, колеблемые легким ветерком. Билл то и дело срывал колос и мял его

между пальцами, проверяя зерно на спелость. Время от времени он клал зерно на зуб и раскусывал — если оно созрело, то должно хрустеть. Правда, пока не везде рожь успела подойти.

— Ничего,— сказал Билл,— еще пара солнечных дней, и можно пускать комбайн.

Долго искать места потрав не пришлось — к ним вели утопанные барсучьи тропки. При внимательном рассмотрении нетрудно было разгадать механику «уборки урожая» — колос пригибался к земле сперва правой лапой, затем левой, ломался — и кушай спелые зерна сколько душе угодно.

Я принялась щелкать фотоаппаратом, запечатлев в том числе и Билла посреди разоренного поля. Я постаралась нажать кнопку затвора в тот момент, когда у него будет особенно злое и раздраженное лицо (к счастью, долго ждать не пришлось). Мы двинулись далее, и я сфотографировала несколько выкопанных вдоль живых изгородей ямок, наполненных барсучьим пометом.

— Что ты делаешь?! — удивленно спросил Билл.

— Фотографирую ямки с барсучьим пометом,— ответила я без обиняков.

— Но... зачем это тебе?! — спросил он, не веря своим ушам.

— Для лекций о барсуках. Ямки с пометом могут рассказать массу интересного.

— Так что же, например,— не сдавался Билл,— можно узнать из ямок с барсучьим пометом?

— Взгляни вот на эту,— сказала я, и мы оба устремили свои взоры в ямку, наполненную светло-коричневой субстанцией.— По ней видно, что наложивший сюда барсук ел земляных червей и жуков. Видишь черное? Это остатки их тел.

— Хм-м! — ответил Билл, давая понять, что это ему неинтересно.

— А вот по этой ямке,— сказала я, указав на ямку с более сухим содержимым, в котором ясно различались остатки зерен,— видно, что наложивший сюда барсук ел рожь.

— Я и без тебя знаю, что он жрал мою рожь!!! — взревел Билл, побагровев.— Не надо мне объяснять! — Только тут я поняла, какую бестактность совершила.

— Слушай, так где, ты говорил, живет твоя кралечка? — невинным голосом спросила я. Я уже знала, что отвлечь Билла от разговора о наболевшем можно, переведя диалог на излюбленную тему. Трюк удался и на сей раз.

Наконец настало время возвращаться к машине.

— А знаешь, мы с тобой сегодня славно погуляли и по-трепались, но будь я на несколько лет моложе,— сказал Билл, когда я уже захлопывала дверцу и нажимала на газ,— ты бы от меня так просто не ушла,— закончил он и помахал мне на прощание.

«Ах ты, старый охальник! — подумала я.— А впрочем, будь ты и впрямь помоложе... Я тоже сомневаюсь, что прогулка для меня так бы невинно закончилась».

Вообще на своем жизненном пути мне довелось встретить немало колоритнейших персонажей. Но приходилось иметь дело и с такими, с которыми я рада была бы не встречаться. Только в суде!

Как-то февральским днем мне позвонил один молодой человек из Уэмбдона. По этическим соображениям не называю подлинные имена. Стивен жил по соседству с полем, которое было объявлено к продаже, и надеялся приобрести его сам. Владелец этого поля, мистер Флэкс, продал примыкающий к полю коттедж, и решил поставить новые ворота, открыв вход через бездействующий карьер.

Стивена беспокоило то, что возле карьера находилось несколько барсучьих гнезд. Зная, кто таков этот мистер Флэкс, он очень тревожился за их сохранность и попросил меня взглянуть на них.

Сторона поля, примыкавшая к каменоломне, была сплошь изрыта барсучьими норами. Барсуки, используя естественный подъем и каменистую структуру, создали целый лабиринт ходов. Это, безусловно, было главное гнездо. От одной норы к другой тянулись утопанные барсучьи тропки, а ямки с пометом и барсучья шерсть свидетельствовали о том, что здесь обитало множество животных.

Я объяснила Стивену, что барсуки и их гнезда защищаются законом и что если мистер Флэкс хочет соорудить новые ворота на участке, где есть барсучьи гнезда, ему не удастся это сделать ранее конца июня, когда заканчивается период размножения животных. Но и тогда ему придется выправить лицензию на переселение барсуков, прежде чем начать строительные работы. Вздыхнув с облегчением, что барсукам ничего не грозит, Стивен поблагодарил меня за консультацию.

Чтобы прояснить ситуацию, я написала письмо в адвокатскую фирму, которая вела дело по продаже этого поля, подчеркнув, что меня пригласил для освидетельствования будущий покупатель и что я зафиксировала на этой земле несколько барсучьих гнезд. Я объяснила адвокату, что как раз там, где расположены гнезда, предполагается строительство

новых ворот, и напомнила, что, поскольку барсуки и их гнезда находятся под защитой закона, необходимо известить любого потенциального застройщика о необходимости связаться либо с Английским природоохранным агентством, либо с министерством сельского хозяйства для получения лицензии. Я также указала, что, если возникнет нужда в дополнительных консультациях, я буду рада помочь. Вскоре я получила письмо с благодарностью за то, что обратила внимание адвокатской фирмы на этот аспект дела.

Закон о защите барсуков — сравнительно новый акт, и мы, члены Групп по защите барсуков, стараемся давать консультации, имея в виду его дальнейшее развитие. Мы видим целью не создание помех строительства, а надлежащее соблюдение процедур для защиты барсуков.

Я забыла бы об этом эпизоде, если бы не звонок мистера Флэкса, вопрошавшего, чего это я вмешиваюсь. Я объяснила, что это не моя инициатива — меня пригласил освидетельствовать поле потенциальный покупатель, и со стороны мистера Флэкса будет разумно следовать известным требованиям при дальнейшей работе. Обычно в такой ситуации приглашается консультант по барсукам, который определит, какое гнездо под ударом — главное или второстепенное, и объяснит процедуру переселения барсуков из этого гнезда и закрытия его, чтобы можно было начать строительные работы.

— Полагаю, вы и есть тот самый консультант по барсукам, — раздался отрывисто-грубый ответ с другого конца провода.

Я объяснила, что нет, но могу назвать имена более опытных, чем я, людей, готовых прийти на помощь.

— А какое образование нужно получить, чтобы стать консультантом по барсукам? — с издевкой спросил мой собеседник.

— Насколько мне известно, — ответила я, — этой специальности не обучают. Походи в полях да поработай с барсуками какое-то время — вот и приобретешь необходимые знания.

— Так как же мне стать экспертом по барсукам? — явно глумясь, отозвался он.

Я тут же подумала, что меньше всего на свете мне хотелось бы, чтобы этот тип стал консультантом по барсукам. Хоть я и не видела его в глаза, но всей душой чувствовала, что не принимаю его, не доверяю ему.

Тем не менее я прямо ответила на поставленный вопрос. Если он хочет вступить в Группу по защите барсуков, пусть ходит на занятия — там его научат, как распознавать следы

и другие признаки пребывания барсуков. Пройдет какое-то время, и при помощи других членов группы, а также путем участия в разрешении барсучьих проблем он накопит достаточно опыта. Тогда ему выдадут персональную карточку, дающую право консультировать от имени группы. Поняв, что меня не переломить, мой собеседник резко швырнул трубку.

— Кто это?! — спросил Дерек, во все время разговора сидевший в кухне и слышавший его. По тону моего голоса он понял, что это была не очень-то приятная дискуссия.

— Так, один хмырь, — отрезала я.

...Пришел март, принеся с собою первого в моей жизни пасынка-барсучонка (за коим чередой последовали другие). С весной всегда наступает сумасшедший период — мы все (кроме Дерека) с замиранием сердца ждем его прихода. Начинается круговерть бутылочек, лужиц, грязных полотенец, тазиков для стерилизации сосок — в общем, время, когда то и дело срывается с губ: «Чтобы я еще раз в это ввязалась? Да никогда больше!» Летом, в более спокойные дни, садишься и думаешь: как же ты все это выдюжила? Да и стоит ли игра свеч? Но знаем, что стоит и что все повторится сызнова.

Я вспомнила о разговоре с мистером Флэксом, когда в августе мне позвонил молодой человек, которого звали Питер, тоже из Уэмбдона. Как-то он прогуливал собаку возле полей Флэкса и увидел, что тот поставил перед норами «барсучьи ворота» — специальное устройство, открывающееся только в одну сторону и не дающее барсукам войти обратно. Я объяснила Питеру, что я в курсе этой истории.

— Я сказала мистеру Флэксу, чтобы он запасся лицензией на перемещение барсуков со своего поля. Если он выправил документ как следует, по всем правилам, то ворота поставлены по закону. Как только барсуки переселятся в другие места, он имеет право сооружать здесь что захочет.

— Так, — с сомнением в голосе сказал Питер, — а если кто-нибудь снимет у него эти ворота?

— Ну и позор на его голову. Ворота должны простоять минимум три недели — тогда можно быть уверенным, что ни одно животное, покинувшее гнездо, не вернулось обратно. Тот, кто поставил ворота, будет регулярно осматривать их — не заклинило ли, не прокопали ли барсуки новый ход. Если что-то случится, исправит и будет снова ждать три недели. Утомительно, но не страшно.

— Да, да, — сказал Питер, поняв свою ошибку.

— Кстати, — продолжила я, — куда ты отнес эти ворота?

— Да поставил рядом, чтобы они не загоразивали вход в норы. Я их не повредил.

«Ну и прекрасно,— подумала я,— что собственность осталась неповрежденной».

— О'кей,— закончила я.— Большого на данном этапе мы сделать не можем. Давайте запишу ваш телефон.

Я записала телефон, а сама думаю: какой же олух из числа наших консультантов дал ему совет снять ворота?! Понимаю, Питер действовал из лучших побуждений, но есть же такие фанатики, которые готовы попать права человека на собственность даже в тех случаях, когда это вовсе не обязательно. Надо ли говорить, какой ущерб репутации Групп по защите барсуков наносят такие «природозащитники». Представляю себе, какие рожи корчили рабочие, когда выполняли указания то снять ворота, то поставить на место. Ну ничего, надеюсь, когда ситуация прояснится, останутся в покое и люди и ворота.

Но Питер снова позвонил в конце августа. По голосу его было ясно, что он волнуется. «Барсучьи ворота» так и не поставили на место, хотя прошло уже две недели, а сооружение капитальных ворот вот-вот начнется. Я встревожилась не на шутку — неужели мистер Флэкс решил действовать самочинно после всего, что я ему объяснила?!

Я решила выяснить, была ли выдана мистеру Флэксу лицензия на проведение строительных работ в поле. Обратилась в Природоохранное агентство — нет, никакой лицензии оно не выдавало. Позвонила в министерство — ответ тот же. Ни о каком мистере Флэксе здесь и слыхом не слыхивали.

Если «барсучьи ворота» поставлены без лицензии, выданной одной из двух вышеназванных контор, это считается противозаконным. Я поняла, что самым правильным будет съездить в Уэмбдон и посмотреть, что же там на самом деле происходит. А нужно будет, так и вызову полицию. Этим я, конечно, превышу свои полномочия, но другого выхода нет.

...Дело было утром в пятницу. Первое, что я сделала,— сфотографировала свежий номер утренней газеты в качестве свидетельства, в какой день были сделаны съемки. Прибыв на поле, я нашла его значительно более заросшим, чем в прошлый раз, и мне приходилось продираться сквозь заросли ежевики и крапивы. Хватаясь за стволы молодых деревьев, я поднялась по крутым уступам. Там было по-прежнему много хожёных барсучьих троп, тянувшихся от одной норы к другой. С левой стороны от каменоломни я увидела сваленные в кучу «барсучьи ворота». Я сфотографировала кучу и ямки, показывающие, что когда-то они сюда были вкопаны. Я также

сфотографировала единственные ворота, которые почему-то остались на месте, но из-за того, что их поставили кое-как, барсуки сорвали сетку и свободно проходили туда и назад. Барсучьи тропки тянулись ко всем норам — значит, животные по-прежнему жили здесь. Кроме того, я сделала несколько снимков окрестных достопримечательностей в доказательство, что съемка документальная, сделана на месте и я ничего не подстроила нарочно.

Мне, конечно, не хотелось впутывать в это дело полицию, и для подстраховки я еще раз позвонила в министерство. Там подтвердили, что никакой лицензии никакому мистеру Флэксу выдано не было.

В пять часов вечера того же дня я отправилась в Бриджуотерский полицейский участок и спросила, может ли офицер полиции проехать со мной до такого-то поля — я подозреваю, что имело место вторжение в барсучьи гнезда. Полицейский участок закрывался на уик-энд, и поехать со мной никто не мог; но я поговорила с одним дружелюбным офицером, который знал мистера Флэкса, и он сказал, что завтра позвонит ему и выяснит, есть ли у того лицензия.

Больше всего я боялась, что работы, как и было запланировано, начнутся уже во вторник, а барсуки все еще будут находиться в своих норах. Я упростила полицейского: даже если мистер Флэкс получит лицензию, пусть прежде поставит на место «барсучьи ворота» и подождет положенный срок — только в этом случае можно начинать капитальное строительство. Полицейский заверил меня, что все будет как положено. Я вернулась к себе на ферму с сознанием того, что сделала все возможное. Тем не менее, хотя полицейский и уверял, что мне самой не надо беспокоиться и звонить мистеру Флэксу, я печенкой чуяла, что дело примет серьезный оборот.

Поздно вечером того же дня мне позвонил некий чиновник из министерства сельского хозяйства и извиняющимся тоном сообщил, что они нашли-таки лицензию, выданную мистеру Флэксу. Удивительно, как это они засиживаются там допоздна, подумала я. Мы обсудили ситуацию, и я доложила, что ворота сняты и представителям министерства нужно проверить, все ли дальше пойдет по правилам. Я сообщила также, что доложу о ситуации в полицию. К сожалению, я не могла дозвониться до офицера полиции, с которым имела беседу, — ничего, позвоню завтра утром, а к тому времени он успеет переговорить с мистером Флэксом.

Да, он видел лицензию, подписи консультантов и даже даты проверок состояния ворот (!). Фермер подтвердил ему,

что возведение капитальных ворот, как и было запланировано, начнется во вторник.

— Поймите,— сказал мне офицер полиции,— бывают случаи, когда вовсе не обязательно поднимать шум из-за пустяка. Может, мистер Флэкс и делает что-то не по правилам, но нужно же ему зарабатывать себе на хлеб.

Мое сознание отказывалось верить услышанному.

— Но ведь почти все ворота сняты! — сказала я.— Одни остались, но поставлены тяп-ляп. У меня есть фотографии, доказывающие, что это так. Значит, если работы начнутся, то есть опасность, что барсуки так и останутся заживо погребенными в своих норах. Я меньше всего на свете люблю поднимать шум, но если во вторник начнутся работы, мне придется обратиться в Общество покровительства животным и в вышестоящую полицейскую инстанцию: мистер Флэкс нарушает закон, и этого нельзя допустить.

Полицейский офицер отнесся ко мне с пониманием, похвалил за рациональный подход к ситуации и сказал, чтобы дальнейшие шаги я предпринимала по своему усмотрению.

Первое, что я сделала,— спросила у председателя нашей Группы по защите барсуков Адриана Коварда, правильно ли я поступаю. Тот ответил положительно и посоветовал мне направить срочное письмо в министерство сельского хозяйства с тем, чтобы его там получили не позднее, чем в понедельник утром,— нужно дать понять, что наше беспокойство относительно этого дела не исчезло.

Всю субботу и воскресенье мои мысли были заняты только этой проблемой. Я позвонила Стивену и попросила сообщить, если вдруг начнутся работы. Стивен ответил, что весь понедельник его не будет, но он передаст просьбу соседям.

В понедельник утром я позвонила в министерство узнать, получили ли они мое письмо. К своему удовлетворению, я выяснила, что не только получили, но и сами выезжали в воскресенье на место, все сфотографировали и теперь разбираются в этом деле. Ну, теперь-то мистер Флэкс воздержится от начала работ, пока мы не удостоверимся, что в норах больше не осталось барсуков. В конце концов, он теряет на этом всего каких-нибудь три недели! Действуй по нужным каналам, будь достаточно тактичной, думала я, и все у тебя получится.

События, однако, показали, как я заблуждалась. Ко всему прочему, Стивен забыл попросить соседей сообщить мне о начале строительства. Когда же в половине одиннадцатого вечера он вернулся домой, работы уже кипели вовсю — ясно

было, что мистер Флэкс торопил рабочих закончить побыстрее.

Узнав об этом, я немедленно позвонила в полицию — пусть выедут на место и потребуют прекращения строительства, а я их там встречу. В участке мне ответили, что все в разезде, но как только кто-нибудь появится, они сразу мне перезвонят. К счастью, у нас в Центре две телефонные линии, так что я могла дозваниваться до Общества покровительства животным и одновременно ждать звонка из полиции. Как проклятая я три четверти часа набирала экстренный номер Общества — никакого ответа. Из полиции тоже никто не позвонил. Дольше терпеть я не могла. Оставив Дерека ждать у телефона — вдруг позвонят из участка, — я беру с собой Симона и лечу на место.

...Когда мы прибыли к каменоломне, там царила гробовая тишина. Вокруг наворочены горы земли, целые тонны. По одну сторону дороги навалены вывороченные с корнем и уже распиленные на части стволы деревьев. Видимо, все барсуки, которые к моменту начала работ находились в норах, оказались в страшной ловушке. Картина опустошения опустошила и мою душу — мне сделалось дурно, слезы залили лицо.

Я подумала — а вдруг, если грунт не навален непосредственно на гнезда, их еще можно отрыть? Известны случаи, когда барсуки выдерживали в подобных ситуациях по несколько часов. Ухватившись за эту мысль как за соломинку, я рванула домой и наконец-то дозвонилась до Общества покровительства животным. Оттуда сообщили, что в такой поздний час сделать ничего не могут, но завтра рано утром мне позвонит представитель Общества.

Следующее утро я начала с того, что позвонила и в полицию и в Общество и разъяснила ситуацию. Офицер полиции сообщил, что в 9 часов утра он и представитель Общества встретятся с мистером Флэксом. При этом он очень вежливо просил меня не приезжать, ибо это окончательно испортит ситуацию. Ну что ж, ответила я, раз вы взяли дело в свои руки, так действуйте. По правде говоря, мне жутко не хотелось встречаться с мистером Флэксом.

Когда полицейский офицер и представитель Общества покровительства животным прибыли на место события, работы уже возобновились. Офицер потребовал от мистера Флэкса прекратить их, но тот отказался. Тогда полицейский предупредил мистера Флэкса, что, если факт вторжения в жизнь животных будет доказан, ему придется за это ответить. Тому было начхать.

На стройке присутствовал и человек, который выступил консультантом при выдаче злополучной лицензии. Он оказался ветеринаром и, насколько я знаю, никогда не был специалистом по барсукам. Он уверял представителя Общества, что заглядывал в норы — увидел, что там никого нет, и дал свое согласие на производство работ. Ему поверили на слово, и никто не предпринимал никаких усилий по раскопке барсучьих гнезд. Должно быть, этот ветеринар обладал фантастическими способностями — подумать только, заглянул в нору, не увидел зверя и утверждает, что его там нет! С такими способностями он мог бы зашибать колоссальные деньги — не надо ни ворота ставить, ни ждать три недели...

Полиция предоставила Обществу покровительства животным самому вести расследование по данному делу; в Обществе решили, что дело должно вести министерство, раз оно выдало лицензию... Я махнула рукой, чувствуя, что, даже если я подам в суд на мистера Флэкса, министерские чиновники сочтут мои фотографии неубедительными и дело будет попросту свернуто «за недостаточностью улик»...

У меня до сих пор горестно на душе. Общество покровительства животным, главная цель существования которого — пресечение случаев жестокости по отношению к животным, не приняло никаких мер. Министерство не проявило аккуратности в выдаче лицензии, и число сообщений о подобных фактах по всей стране продолжает расти. Если уж они поверили на слово «консультанту», утверждавшему, что животных в норах нет, только на том основании, что он их там не видел, — от них можно ожидать любой глупости. Полиция тоже повела себя не лучшим образом...

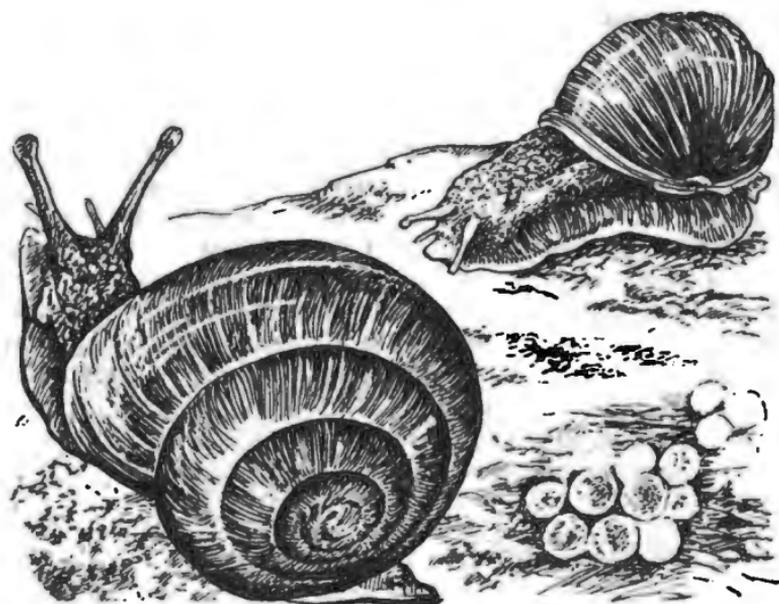
Должно быть, мне слишком польстили слова офицера полиции, что я «рационально подхожу к ситуации». А что в итоге? Не спасла барсуков, не оправдала доверие Питера и Стивена. Более того, я так и не знаю, что еще я могла бы сделать для спасения барсуков или, по крайней мере, могла ли заставить кого-нибудь ответить за случившееся. Если бы я привлекла к делу средства массовой информации, то вмешалась бы в действия Общества покровительства животным или министерства и, конечно, осложнила бы отношения между фермерами и членами Групп по защите барсуков.

Сам офицер полиции, присутствовавший на месте события, задавал мне вопрос: какой смысл в том, что есть закон о защите барсуков, если нет возможности обеспечить его соблюдение?

Нам приходится общаться со многими сельскими жителями, в том числе и с фермерами. Уверяю вас, большинство фермеров без вражды относятся к живущим у них на земле барсукам, а то и защищают их. Конечно, рассказывают всяческие истории о том, будто фермеры ненавидят барсуков. Но ведь на каждого фермера, заливающего барсучьи гнезда серой или заравнивающего их бульдозерами, есть сотни других, которые относятся к этим животным с куда большей ответственностью.

Подавляющее большинство фермеров тихо выполняют свою рутинную работу и желают только одного — чтобы их не трогали и давали спокойно зарабатывать на жизнь. Вот только сенсационных новостей от них не жди. И потому их мнение остается неслышанным.

Глава седьмая

СЛИЗНИ, УЛИТКИ И ЩЕНЯЧЬИ ХВОСТИКИ

Скажем прямо — многие ли из попадающихся нам на глаза насекомых удостаиваются нашего второго взгляда? Как правило, мы стараемся прихлопнуть их после первого... И вообще, стоит заговорить о насекомых, земноводных или пресмыкающихся, мы обычно корчим рожу и говорим: тьфу!

...Когда мне впервые пришлось столкнуться с медоносными пчелами, я убедилась, сколь интригующа жизнь этих созданий (при том, что век у них так краток!) и как необходимы они для жизни пчелиного семейства. С помощью местных пчеловодов мы создали у себя на ферме особого рода улей для наблюдения за жизнью пчел. Тут и соты, и старая колода, куда пчелы прилетают из яблоневого сада через щель в старой каменной стене, а посетитель может наблюдать за всем этим через стекло, не боясь быть искусанным.

Как я для себя выяснила, многие люди плохо представляют себе обычную медоносную пчелу. Шмелей-то видели многие, вот и думают, что она тоже размером со шмеля. Так что если кто, умея отличить шмеля, путает медоносную пчелу с осой,

то этот грех ему можно простить. Кстати сказать, обыкновенная медоносная пчела по размерам ближе к «одиноким» пчелам, которых немало у нас в Британии. Этих самых «одиноких» пчел существует 227 видов, шмелей — 18, тогда как медоносных пчел на Британских островах — только один вид.

Мистер Сидни Лейн, учитель-пенсионер, любезно подарил нам наших первых пчел. Он показал, как ухаживать за ними, и поведал об их образе жизни. Сверкая на солнце шикарными усищами и копной седых волос (сквозь которую едва-едва начала проблескивать плешь), этот заслуженный педагог держал в напряжении группы детей, аккуратно вынимая улей и показывая, где в нем что устроено: вот здесь вылупляются новые пчелы, вот здесь матка — обратите внимание, насколько она крупнее всех остальных и как защищают ее другие пчелы! Еще бы, ведь ее обязанность — откладывать до 2000 яиц в день!

Только в теплые солнечные дни, закутавшись с ног до головы в защитную одежду и набросив специальную вуаль, мистер Лейн открывает улей и вытаскивает оттуда матку для демонстрации посетителям. Он пользуется доверием у пчел, и те жалят его крайне редко, поэтому он работает без перчаток. Позволю себе повторить то, что сказано во всех книгах по пчеловодству: если пчела заползла вам в рукав или под штанину, самое главное — не паниковать. Просто подверните рукав или, соответственно, штанину и выпустите насекомое — оно улетит, не укусив вас. Пчелы вообще кусают редко, потому что, как только ужалят, умирают. Но что касается меня, то, как я ни старалась следовать этой нехитрой премудрости, ничего не получалось: если пчела залетала мне в рукав или под косынку, я машинально принималась трясти рукавом или срывала с головы косынку, а то и пыталась прихлопнуть наглую тварь, пока она не укусила.

Счастье еще, что пчелиные укусы не вызывают у меня аллергии — для меня они не опаснее, чем укус крапивы, тогда как Дереку приходится соблюдать предельную осторожность: у него страшная аллергия на пчелиный яд.

Как-то мой приятель Джон Каллаген привел к нам на ферму на экскурсию по линии Общества покровительства животным группу детей. В экскурсию входила и демонстрация мистером Лейном пчел. Джон собрал детей тесной кучкой и объяснил, что мистер Лейн покажет пчел в открытом виде, а не за стеклом, как зимой. Стоял радостный солнечный день, пчелы весело звенели в воздухе. Мистер Лейн приподнял крышку демонстрационного улья и извлек оттуда медовые

соты. Пчелы облепили его руки; детишки явно нервничали оттого, что насекомые вертелись у них над головами.

— Не волнуйтесь, они жалить не будут,— сказал мистер Лейн своим обычным спокойным тоном, но один-два ребенка принялись отмахиваться от пчел руками.

— Без паники! — заорал Джон.— Чем спокойнее будете себя вести, тем меньше шансов, что ужалят. Стойте, и все,— закончил он и медленно опустил руки девочке, которая схватилась за лоб. И надо же было случиться, чтобы в этот самый момент пчела запуталась у Джона в волосах. Он дико завопил и дал деру в сторону от группы, изо всех сил трясая головой.

Хотя его не ужалили, потребовалось несколько минут, чтобы он успокоился и вернулся к группе. И представьте себе, никто не сказал ни слова!

Правда, у нас был и более досадный случай. Пчела залетела прямо в ухо одному из наших посетителей. Ну, естественно, мы отвели его на пункт первой помощи, который у нас на ферме тоже есть (а как же без него при таком количестве животных — вдруг кто-нибудь оцарапает, а то и укусит!). Но сколько я ни всматривалась ему в ухо, светя фонариком, ничего там не увидела и, честно говоря, подумала, что он ошибся.

Гость, однако, так не считал и стал расспрашивать, где здесь ближайшая больница. Как раз в это время мистер Лейн закончил демонстрацию и пришел посмотреть, что с молодым человеком. Взглянув ему в ухо, мистер Лейн тоже ничего там не увидел.

— Так вы уверены, что она там? — спросил он.

— Но я же ясно чувствую! — ответил тот.

Мистер Лейн, который привык иметь дело с детишками, готовыми раздуть из мухи слона, был совершенно уверен, что в ухе молодого человека ничего нет. Прижав его ухо к своей щеке, он весело воскликнул:

— Ну, во всяком случае, мы убили ее. Она уже не ужалит.

Тем не менее молодой человек все-таки отправился в больницу, где ему извлекли-таки из уха пчелу... Через несколько недель этот посетитель снова приехал в Центр — и напрямик ко мне:

— Помните меня? Тот, который с пчелой в ухе.

Я тут же осведомилась о его здоровье и извинилась за досадную историю.

— А как же, я помню, что вы тогда не вернулись к окончанию демонстрации,— поддразнила его я.

— Вот тот-то и оно-то! — ответил юноша. — Я не хочу, чтобы у меня пропал билет, теперь извольте показать мне все бес-плат-но!

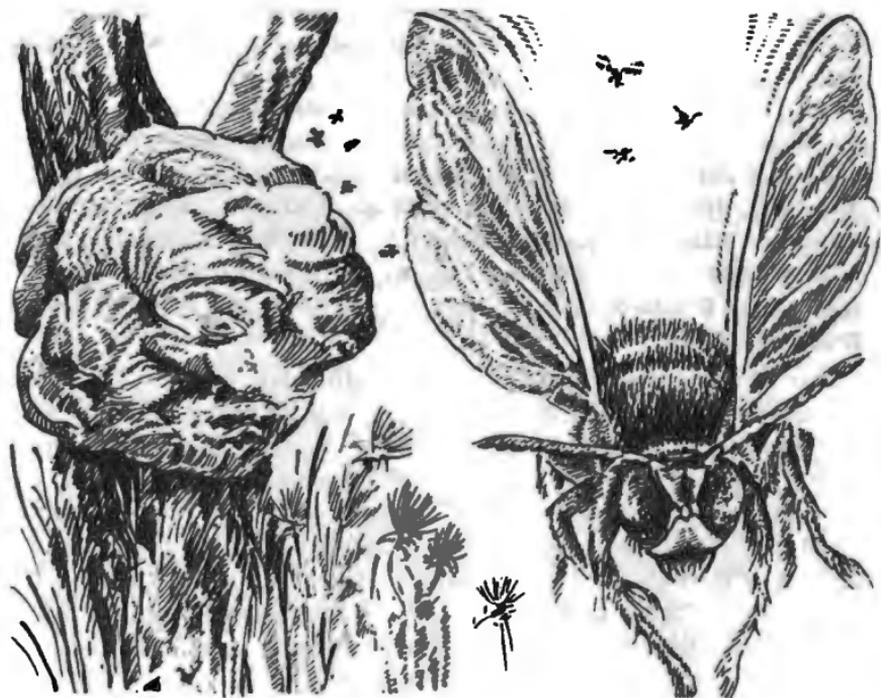
...Пчелиную матку обслуживает колония, насчитывающая до 50 000 рабочих пчел (бесплодных самок) и приблизительно 300 лишенных жала самцов, именуемых трутнями. Они нужны для того, чтобы оплодотворить матку, а затем их вышвыривают прочь из улья. Хотя матка живет до пяти лет, остальные живут три-четыре недели (кроме тех, кто в течение зимы согревает матку). «Трудовая биография» вылупившейся на свет Божий пчелы начинается с работы в «яслях»: починка ячеек, чистка и кормление подрастающих личинок. Но вот наконец пчела покидает улей — начинаются пробные полеты. Сначала робкие, потом круги становятся все шире, шире — и вот она уже летит вместе со всеми за нектаром, водой и пыльцой для растущей колонии. В улье у нее тоже немало дел — в промежутках между полетами пчелы, работая крыльями, поддерживают нужную температуру и обеспечивают вентиляцию. Есть и такие, которые стоят на страже у входа в улей, охраняя его от непрошенных гостей.

Пчелы улетают за пыльцой на расстояние до двух миль. Занятно наблюдать, как они возвращаются в улей с разноцветными мешочками пыльцы на ножках; цвет пыльцы зависит от цветков, на которых они ее собирали: ярко-оранжевая — на одуванчиках, голубая — на маках... Если они нашли богатый источник пищи, то устраивают по возвращении в улей своеобразный ритуальный танец, кружась и покачивая телами, приглашая своих сородичей во вновь открытый «ресторан» и объясняя, где он находится!

Улей, в котором живет колония из 50 000 пчел, дает 40 фунтов меда в год. Вынув мед, его нужно заменить сахарным сиропом — ведь мед запасается на зиму, и если пчелам нечего будет есть, то они перемерут с голоду.

...Хорошо, когда рядом с тобой живет единомышленник, обладающий к тому же чувством юмора. Есть у меня такой друг — Майкл Вудс. С ним очень легко, потому что при самом серьезном разговоре на большую тему он всегда может разрядить атмосферу.

Например, однажды мы беседовали с другими пчеловодами о болезни варроа, поразившей многие пчелиные семейства по всей стране. В качестве предупредительных мер использовались никотиносодержащие полосы. Я шутя сказала Майклу: представь-ка себе, что пчелы-стражники, сидящие на посту

на пороге улья, устроили перекур, а дым выдыхают внутрь улья, чтобы предохранить сородичей от болезни.

— Нет, это очень опасно, — возразил Майкл. — Так и раком заболеть недолго. Пусть лучше жуют антиникотиновую жвачку. А еще лучше антиникотиновый пластырь к ногам — живо отучатся!

Тут мы с Майклом покатались со смеху, предоставив остальным участникам разговора размышлять, почему мы позволяем себе смеяться по столь печальному поводу.

...Я никак не могла понять, отчего именно осенью осы становятся так падки на фрукты и сладости, тогда как летом они не проявляют к ним особого интереса. Наконец мне все это объяснили. Когда умирает старая осиная матка, новая переживает зиму и пробуждается от спячки поздней весной. Она жует древесную ткань, а из полученной бумажной массы строит гнездо. Отложив яйца, она должна кормить свой первый выводок, а уж эти вылупившиеся осы будут искать пищу для следующего выводка. На корм следующему выводку они добывают гусениц и тлей; охотничьим орудием служит жало, которое, в отличие от пчелиного, может использоваться несколько раз. При этом получается любопытная вещь: осы

кормят своих личинок, а те выделяют сладкую жидкость вроде слюны, которой, в свою очередь, питаются осы. В конце лета матка прекращает откладывать яйца, а раз так, то нет и новых личинок, а соответственно, и сладкой слюны. Вот осы и бросаются на перезрелые фрукты или атакуют блюдечки с вареньем. Впоследствии, с переменной погодой, все осы, кроме новых маток, отдадут концы — и следующей весной все повторится сначала. Хочется надеяться, что вы не будете так яростно прогонять осу, когда осенью она захочет полакомиться вареньем у вас на кухне. Ну а если и прогоните, я вас за это не осуждаю.

Когда мы построили демонстрационный улей, у нас высвободился прежний стеклянный, и мы решили поселить в нем... колонию муравьев. Спросите, что еще за блажь пришла в голову этой сумасбродной тетке, особенно если учесть ее печальный опыт прошлых лет? Но ведь муравьи — тоже часть нашей фауны. Жизнь подземной колонии скрыта от людских глаз, а у нас в демонстрационном муравейнике (название-то какое!) посетители смогут увидеть, как муравьи вносят туда пищу, переворачивают яйца и даже «пасут» тлей, чтобы лакомиться выделяемой ими жидкостью.

Решили сделать так: встроить в стеклянную конструкцию трубки из прозрачной пластмассы, где муравьи и будут жить. Трубки я легко нашла в магазине «Сделай сам». Сказать по совести, я надеялась, что владелец лавки не станет допытываться, для чего они мне. Но хозяин, мужчина весьма почтенных лет, видимо, решил, что леди решительно ничего не может сделать своими руками, и, взглянув на его самодовольное лицо, я поняла, что он будет выпрашивать у меня всю подноготную.

— Вам какого размера, милочка?

— Пожалуй, три четверти дюйма в диаметре будет в самый раз.

— Значит, три четверти дюйма, говорите, — повторил он. — А какой длины?

— Да так, футов десять, — сказала я, представляя себе, как муравьи будут лазить туда-сюда по стене, потом к источнику пищи и обратно в гнездо.

От владельца лавочки не ускользнуло, что я не представляю себе точно, какая мне нужна длина. И тут последовал самый каверзный вопрос:

— Позвольте узнать, а для каких целей они вам нужны?

— Для муравьев, — отрезала я, не придумав ничего лучшего.

— Для муравьев?! — с улыбкой переспросил он, не скрывая радости от того, что перед ним такая невежа, которую он может просветить.— Зачем такие хитрости, милочка? Я в этих случаях пользуюсь кипятком.

— Как кипятком? — изумилась я.

— Ну как? Шпарю их кипятком, и капут!

— Вы меня неверно поняли,— сказала я прямо.— Я собираюсь держать в трубках муравьев.

— Держать?! Муравьев-то?! — Старик вытаращил на меня глаза, не веря своим ушам.

— Понимаю, это покажется дикостью, но я хочу завести у себя муравьиное гнездо,— ответила я.

Теперь у старика уже не оставалось сомнений, что я сбегала из сумасшедшего дома.

— Так вы говорите, десять футов? — переспросил он и, не дожидаясь ответа, сдвинул с прилавка все ненужное, чтобы отмерить мне требуемое количество. За его действиями как завороченный наблюдал помощник таких же лет.

— Ни в жизнь не поверишь,— шепотком сказал помощнику хозяин лавочки,— зачем ей понадобились эти трубки. Она,— тут старик кивнул головой в мою сторону,— собралась держать в них муравьев!!!

— Ну и прекрасно, Билл. Пусть наловит в куче напротив. Их тут полно.

Читатель, видимо, представил себе, как вытаращил глаза почтенный владелец магазинчика при первом упоминании о муравьях. Но они окончательно вылезли из орбит и у него и у помощника, когда я стала насыпать ложкой муравьев и муравьиные яйца в заранее приготовленную коробку и торопливо запечатывать ее, пока эти твари не разбежались!!!

К слову сказать, рукотворное муравьиное гнездо имело у посетителей большой успех. Публика могла наблюдать, как эти крохотные твари работают, путешествуют по трубкам туда и назад. Жаль, что к нам так и не удосужился приехать старик из лавки «Сделай сам»!

...Часто бывает, что люди приносят к нам разных существ, которых находят у себя в саду, а кто они такие, понятия не имеют. Например, неоднократно приносили нам гусениц elephant hawk-moth. Это очень крупная гусеница, достигающая до четырех дюймов в длину. Тело у нее коричневое, и на нем нарисованы два ложных глаза; когда она раздувается, то выглядит весьма угрожающе, хотя она совершенно безобидна.

Мы поместили ее на лето в стеклянный бак — пусть публика полюбуется. Когда же пришел положенный срок, она

превратилась в куколку и зарылась в грунт, насыпанный на дно бака,— точно так же, как в дикой природе она закапывается на зиму в почву. Мы отнесли ее в сад с надеждой, что она превратится в одну из самых прекрасных бабочек, какие только водятся у нас в Англии,— розовую с коричневым узором.

Случаются и вовсе курьезы. Некий джентльмен ехал целый час, чтобы доставить нам, как он выразился, невиданных насекомых, которых нашел в саду,— он был убежден, что эти твари ускакали из чьей-нибудь коллекции. Каково же было его удивление, когда мы растолковали ему, что это обыкновенные кузнечики, которых он может благополучно вернуть обратно в сад на потеху ребятам!

Горя желанием побольше узнать об амфибиях и рептилиях, я записалась в местную герпетологическую группу. Только я не больно-то распространялась об этом, а то подумают еще, что это сборище какого-нибудь нового сексуального меньшинства или, хуже того, больных какой-нибудь нехорошей болезнью!

Недавно нам подкинули безногих ящериц, обитающих в холмах Мендипа, которых часто путают со змеями. Они, как и другие ящерицы, обладают способностью терять хвосты, чтобы не достаться хищнику. Вот почему с ними надо обращаться очень осторожно. Правда, впоследствии хвост отрастет, но красивого кончика у него уже не будет.

Безногие ящерицы живут долго — до 20 лет, а в неволе так даже и до 50. Они обычно устраивают массовые сборища в своих укрытиях. Поскольку рептилии — холоднокровные твари, большинство из них подолгу греются на солнышке: им нужно запасти энергию для охоты и переваривания пищи. Но безногих ящериц редко увидишь греющимися на солнце: только когда они просыпаются от зимней спячки, а потом снова — в июле — августе. Они получают энергию от нагретых солнцем камней (а иногда и жестяных банок — оказывается, и мусор может быть полезным!). Самки используют свои тела как инкубаторы. Хотя они откладывают яйца, последние некоторое время пребывают в их теле. Быстрота развития детенышей зависит от количества часов, проведенных самкой на солнце-пеке. Детеныши вылупляются из яиц буквально сразу же после кладки.

Двух наших безногих ящериц звали Глория и Сивилла; одна была 12 дюймов в длину, другая 16 — обычная длина для этих созданий. Глория была окрашена в приятный коричневый цвет; у Сивиллы на теле были красивые синие пятна. Вооб-

ше-то это украшение более типично для самца, но после того, как она принесла нам шесть очаровательных детенышей, всякие сомнения исчезли. Маленькие ящерки были всего по три дюйма в длину. Спинки у них были приятного золотистого цвета, а пузики совершенно черные. Зимой они прожили у нас, а весной мы их выпустили на свободу. Замечу, что всегда полезно иметь подобных существ для показа посетителям: обычно люди шарахаются как черт от ладана от всего, что ползает, будь то безногая ящерица или обыкновенный уж, а то и убивают несчастных. Если же показать этих существ поближе да потолковать о них — глядишь, люди начнут относиться к ним терпимее.

Один из моих товарищей по герпетологическому обществу с презрением рассказывал, как его приятель похвалялся, что убил ужа, гонявшегося в пруду за лягушатами. Если увидите змею, плавающую в вашем пруду, знайте, что это не кто иной, как обыкновенный уж, и опасаться его не надо. Единственное, чем он может защитить себя, — выпустить дурно пахнущую жидкость. Ну и еще притвориться мертвым.

Несколько лет назад мы пошли искупаться в пруду, и кто-то из нас поймал ужа. Мы столпились вокруг посмотреть, а он уже неживой. Дети стали плакать по поводу невинно загубленной ужиной жизни, но один из наших друзей решил продемонстрировать, что на самом деле уж только притворяется мертвым. Он лежал на спине, а наш друг перевернул его на брюхо, и — что бы вы думали — «безжизненное тело» мигом скользнуло в пруд и уплыло прочь!

Я не устаю восхищаться людьми, которые знают дикую природу как свои пять пальцев, вплоть до латинских названий всего, что в ней имеется. Есть среди них даже такие, которые ходят с мощным увеличительным стеклом на шее, готовые навести его на любое встреченное ими крохотное диковинное существо.

Нужно, правда, отметить, что подобные «воображалы» иногда бывают наказаны. Однажды такой джентльмен, зачерпнув воды из пруда, вдруг исторг радостный крик: он возвестил всем присутствующим, что обнаружил в пруду редкостный вид миниатюрной улитки. Все собрались в кружок посмотреть; джентльмен навел на крохотное создание мощное увеличительное стекло, которое всегда было при нем, и принялся внимательно изучать находку.

— Так вот, — волнуясь, произнес он, — по-моему, это... — И выговорил длинное латинское название. Вокруг раздалось «Ах!», «Ах!», и тут другой член группы, поплевав на палец,

аккуратно снял миниатюрный предмет с кончика пальца джентльмена и пересадил к себе.

— Ей-богу,— воскликнул он,— я бы на сколько хочешь спорил, что вы правы!

Тут еще один член группы послунял палец, затем другой... Таинственный предмет переходит из рук в руки, точнее сказать, с пальца на палец, пока, как гром среди ясного неба, не раздался вердикт.

— Леди и джентльмены, вы не правы все! — сказал последний, до кого дошла очередь полюбоваться «редкостным видом». — Это не улитка. Это семечко ряски! — изрек он и колоритно вытер палец об штаны. Сказать по совести, я была рада, что до меня не дошла очередь.

...Есть такие млекопитающие, услышав о которых мало кто не поморщится. Крыса — одно из них. Но крыс по имени Дейв был окружен почтением с того самого дня, как он у нас появился. Грызун принадлежал одному маленькому мальчику. Ребенок гостил на ферме у дедушки, а тот как раз занимался истреблением крыс, но, когда внук нашел голого беспомощного детеныша и захотел увезти его с собой и выкормить, дедушка великодушно разрешил. Поначалу родители мальчика сомневались, что крысенок выживет; тем не менее, с аппетитом кушая молочко (соской ему служили комочки ваты), Дейв вырос в великолепного красавца крыса. Он был до того ручным, что самые храбрые посетители нашей фермы охотно сажали его к себе на плечо и фотографировались. Правда, иных он в знак особого расположения, как заправский парикмахер, орошал «одеколоном», но ради эффектного кадра отчего не пойти на такую жертву!

Бурые крысы появились в Британии примерно два с половиной столетия назад. Они приехали сюда безбилетными пассажирами из стран Балтии и быстро распространились по всей стране, причем приспособились куда лучше, чем теплолюбивые черные крысы, прибывшие из стран Средиземноморья: последние обитают теперь только в районе портов. Ну, а бурая крыса приживется везде, где найдется еда, так что требуется глаз да глаз, чтобы численность этих тварей держалась на минимальной отметке.

Даже при самом богатом воображении Дейва трудно представить в числе фаворитов Дерека. Он вообще боится крыс как огня,— помню, когда я только-только поступила на ферму, я купила хомячка детишкам, так Дереку несколько дней подряд снились кошмарные крысы, одна чудовищнее другой! Больше всего Дерек не любил Дейва за то, что, живя у нас за стенкой,

он постоянно скребся по ночам; я думала, скребется, ну и пусть скребется, а когда выяснилось, чем он занимается, было уже поздно: он прогрыз себе ход для бегства.

А события развивались вот как. Однажды утром Мэнди пришла его покормить, глядит — исчез. Вдруг видит — через дырочку в потолке просовываются чьи-то усики и черный носик. Испугавшись, как бы наш герой не цапнул ядовитую приманку, разбросанную вокруг фермы для его более диких сородичей, девушка пыталась заманить его обратно в загон самыми изысканными лакомствами. Куда там! Свобода дороже всего — и лакомств, и людской любви. Если же все-таки он появлялся в доме, стоило ему услышать шаги, как он тут же давал деру — только и видишь, как в дырке исчезает его хвостик.

Дейв был в бегах ровно две недели. К концу второй недели случилось нечто из ряда вон выходящее — весь дом оказался обесточенным. Найти виновника и поймать его за руку (точнее говоря, за хвост) не составило труда; куда сложнее было подсчитать причиненный им ущерб. Оказывается, он из удовольствия сжевал всю пластиковую изоляцию на проводах — как он сам уцелел, остается только гадать. Кстати, Мэнди была очень рада этому обстоятельству, чего не скажешь о Дереке — еще бы, ведь пришлось чинить все электрохозяйство! К сожалению, вскоре после этой истории у Дейва случился сильный абсцесс надкостницы, и его пришлось усыпить. Жаль, славный был парень! Посетители до сих пор спрашивают о нем, немногие из наших питомцев так надолго оставались в памяти людской! Но если вы думаете, что Дерек хоть раз положил цветочек на его могилку, то ошибаетесь.

От крыс перейдем к летучим мышам. Они принадлежат к тем тварям Божьим, до которых человеку обыкновенно нет дела, хотя они приносят ему огромную пользу. Даже самые крохотные съедают от двух до трех тысяч насекомых за одну ночь. Они избавляют вас от назойливых мух, которые заживо жрут вас в летний зной, и едят даже червей-древоточцев — так что считайте, вам повезло, если они поселились у вас на чердаке. Не возьму в толк — как это у иных язык поворачивается назвать их неуклюжими. Особенно очаровательны коричневые длинноухие летучие мыши, которых нам иногда приносят. Когда они спят, то накрывают тело своими огромными ушами. Последние помогают им охотиться — зверьки часто охотятся в кронах деревьев, и уши улавливают разницу между шорохом листа с сидящим на нем насекомым и без

оного. На мой взгляд, эти летучие мыши похожи на миниатюрных летающих лисиц. Смотреть на них — залюбишься.

Все летучие мыши обладают системой эхолокации — они испускают недоступные человеческому уху ультразвуки, которые, отражаясь от окружающих предметов, возвращаются назад к органам слуха, и благодаря этим звукам летучая мышь избегает препятствий на своем пути.

Самую крупную летучую мышь, которая жила у нас,

мы назвали Нора — в честь телеведущей программы «Последний виноград этого лета» Норы Бэтти. У Норы было сломано крыло, и потому ее нельзя было выпускать, но она неплохо освоилась в неволе, и мало того, что не страдала отсутствием аппетита, — я никогда не видела более прожорливого существа! Мы кормили ее специальной смесью с помощью шприца, и она, чувствуя, что сейчас еда будет подана, приходила в неопишное волнение.

Многие летучие мыши столь малы, что, даже если они и попытаются укусить, их крохотные зубки едва ли смогут прокусить кожу. Но Нора была весьма крупной девицей, и когда она однажды приняла за шприц мой палец, то мне, прямо скажем, было не очень приятно. Я машинально отдернула руку и принялась энергично ею трясти; отцепившись, Нора полетела (как пущенный мячик; летать-то как следует она не могла!) через всю кухню. Счастье еще, что упала на мягкое! Я боялась больше за нее, чем за свой палец. Слава Богу, ничего ей не сделалось, а мне урок: впредь будь осторожней!

Еще одно существо, на которое люди смотрят косо, — мистер крот. Особенно когда он совершает набеги на сады и огороды, хотя в действительности он скорее всего живет там годами: кротовые холмики появляются только со сменой температуры. Много десятилетий назад признаком богатого человека была шляпа из кротовых шкур: кротовый мех очень ценился, потому что он плоско ложится во всех направлениях.

Благодаря этому животное быстро поворачивается, сталкиваясь с опасностью.

Кроты — насекомоядные животные; они едят земляных червей и насекомых, падающих в лабиринты туннелей, служащих кротам жилищем. Случается, в одном туннеле живут несколько кротов, но в одно время там находится только один. Кроты — одинокие животные и сходятся только для брачных отношений. Они очень восприимчивы к вибрации и чувствуют, когда туннель занят другим кротом. Поэтому иногда хозяева огородов, желая изгнать кротов, сооружают специальные устройства, приводимые в движение ветром и вызывающие вибрацию. Министерство сельского хозяйства даже рекомендует антикротовые вибраторы фабричного производства (язык сломаешь!), но, увы, куда чаще хозяева используют стрихнин...

Если вы когда-нибудь видели живого крота, наверняка обратили внимание на его огромные, словно лопаты, «ладони» — кажется, они растут прямо из плеч. Плечи у кротов, как и у барсуков, очень сильные; глазки крохотные, а наружные уши вообще отсутствуют, поэтому кроты ориентируются в пространстве главным образом с помощью обоняния. Крот роет землю одной «ладонью» и одновременно прижимается всем телом к противоположной стенке туннеля, спрессовывая землю; затем, поворачиваясь на 180 градусов, он роет землю другой «ладонью» и спрессовывает землю противоположной стенки. Одновременно он запихивает нарытую землю себе под брюхо и проталкивает задними ногами дальше по туннелю. Пройдя определенный участок, он делает кувырок, оборачиваясь мордой к нарытой земле, и выпихивает ее на поверхность — так образуются хорошо известные нам кротовые холмики.

Крота-самца тянет к самке всего каких-нибудь три-четыре дня в году — этого факта, по-моему, более чем достаточно, чтобы понять, какие бобыли эти животные. Кстати сказать, в Ирландии их почему-то нет — может, завести на развод?

Мне всего несколько раз в жизни посчастливилось увидеть крота, хотя в подростковом возрасте они проводят какое-то время на поверхности, подыскивая себе свободную территорию. Однажды, когда я гуляла со своими тремя барсучатами, Уиллоу (помните такого?) поймал крота, метнувшись к нему с быстротой молнии, и растерзал в одно мгновение.

Как-то раз нам принесли крота, который побывал в когтях у кошки. Я раскрыла соответствующий раздел учебника по зоологии и удивилась, узнав, сколько они едят. Оказывается, за два дня крот поглощает количество еды, равное собствен-

ному весу. К счастью, объесть нашу ферму он не успел: едва он оклемался после шока, мы тут же выпустили его. Я вынула фотоаппарат, чтобы запечатлеть этот исторический момент, но зверек так быстро скрылся в норке, что на пленке запечатлелся только хвост.

Иногда нам звонят просто для того, чтобы спросить совета, и наши работники помогают чем могут (как правило, отсылая к Дереку или ко мне). Однажды утром, когда у телефона дежурила Каролина (она работает у нас уже много лет и, как ни странно, еще не свихнулась), поступил звонок от некой леди, у которой под окнами офиса бродит утка. Создавалось впечатление, будто утка кого-то ищет.

— Вдруг она потеряла свою семью? — спросила леди. — Можно ли ей чем-нибудь помочь?

Положив трубку на стол, Каролина бросилась ко мне объяснять ситуацию. В то утро я и так разрывалась, а тут еще Каролина с дурацким вопросом!

— Скажи ей, пусть обратится в Армию спасения. Это вроде бы по их части! — отрезала я.

— Минутку, — ответила Каролина и подняла трубку. В трубке звучали частые гудки — разъединили.

— Ну не могу я ей так сказать! — возразила Каролина.

— Да что ты, что ты, — ответила я, смеясь. — Я же пошутила! Надо ли добавлять, что мы предложили даме более разумное решение.

Но это — только присказка. Сказка про уток еще впереди.

Как-то раз ко мне в приемную заявила моя закадычная подруга Энн Лис. Энн — одна из самых ревностных в Сомерсете добровольных защитниц природы. Если бы не самоотверженный труд таких, как она, наши сомерсетские заповедники не были бы столь ухоженными уголками. Группа добровольцев привела в порядок территорию на расположенном неподалеку острове Стиэрт-Айленд и перед сенокосом осматривала местность, где пройдут косилки, на предмет обнаружения на земле птичьих гнезд.

Я, конечно, очень обрадовалась своей доброй знакомой, но от моих глаз не ускользнуло то, что у нее какие-то уж очень пышные формы.

— Что это с тобой?! — изумилась я. — Пластическую операцию сделала, что ли?

— Да нет, что ты, — рассмеялась Энн. — У меня там утиные яйца!

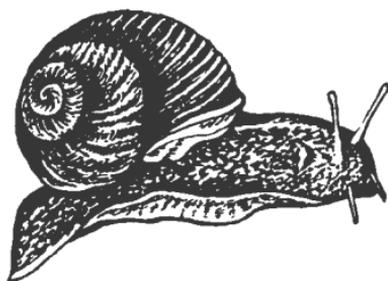
Я не смеялась, понимая, что это не шутка.

А случилось вот что. Ребята проморгали одно утиное гнездо, и обнаружил его уже рабочий на косилке, когда нечаянно наехал. Три яйца удалось спасти, но вот беда — катер, перевозивший ребят на остров и обратно, ожидался только к вечеру. Ни минуты не колеблясь, самоотверженная девушка запихала яйца себе под бюстгальтер и весь день провела, боясь лишний раз пошевелиться да еще выслушивая — хоть и шуточные — реплики товарищей: «Чего только не придумают, лишь бы не работать!»

Но вот катер привез ребят на «большую землю», и Энн — мигом ко мне. Яйца тут же переложили в инкубатор, и, как ни удивительно, «утята из лифчика» вылупились ровно через семь дней. Но сюрпризы на этом не кончились. Мы думали, что это яйца обыкновенной дикой утки, а это оказались птенцы более редкой утки-широконоски. По мере того как они подрастали, все больше выделялись их клювы, похожие на ложки. Когда их кормишь, видишь зазубренные края — сквозь эти зазубрины утки процеживают воду, добывая себе пищу.

Мы долго ломали голову, где их лучше выпустить. Но как только они стали на крыло, то сами выбрали лучшее для себя решение, существенно облегчив нам жизнь: полетели прямоком на Стиэрт-Айленд. Видно, путь на родину — самый краткий! Даже для тех, кто только-только оперился.

...Мы рады, когда случай знакомит нас с теми или иными представителями богатейшей природной коллекции. Возможно, одни — более привлекательны, другие — менее, но все они одинаково важны для поддержания баланса в окружающем нас мире.

Глава восьмая
ПИР НА ВЕСЬ МИР

Если заглянете к нам в гости на ферму в марте — апреле, отыскать нашу кухню будет совсем нетрудно: оттуда доносится слабый (или просто я так к этому привыкла?) мускусный запах...

Кухня у нас на втором этаже, в бывшей сушильне для зерна. Там, где много-много лет назад сушили хлеб, добытый нелегким крестьянским трудом, протянулись полки, уставленные сентиментальными безделицами. Это все подарки детей, родителей и друзей, привезенные из дальних стран. Вот маска из Венеции, вот японские статуэтки, хрустальные вазочки — каждая вещица согрета любовью и теплотой воспоминаний, у каждой — свое почетное место на полке. Рядом с ними — камешки и сушеные водоросли, которые я собирала, отдыхая на своем излюбленном побережье Лайм-Регис. То обстоятельство, что вырваться удастся лишь в ноябре, ничуть не портит мне удовольствия от отдыха. С приходом зимы для меня наступает более спокойное время, и к тому же наслаждаться музыкой штормов и накатывающихся на берег волн лучше именно в это время года. Когда я, закутавшись шарфом, шагаю по берегу моря, мое сердце переполняется радостью — какая

я молодец, не испугалась зимней стужи! И как приятно потом пойти в ближайшую чайную, где тебя поджидают ароматные поджаренные хлебцы,— вот и славно день прошел!

Окошко нашей кухни смотрит на крышу пристройки, так что заглянуть в него никто не может. Здесь мое прибежище, мой личный угол, которого у меня никому не отнять. На фоне побеленных стен выделяются продольные сосновые балки, с которых и поныне свисают огромные металлические крючья — на них некогда подвешивали мясо; впрочем, теперь к сосновым балкам с чисто декоративной целью прибиты начищенные медные конские украшения. Небольшое креслице стоит возле раковины, два больших старомодных кресла — по обе стороны маленького чугунного камина, а под загнутой углом посудной полкой проложены трубы горячего водоснабжения. Здесь, в кухне, у нас особенно уютно, здесь мы проводим немало времени.

В марте — апреле, если заглянешь за спинку кресла, непременно увидишь один, два, а то и больше свернувшихся в тепле серых пушистых комочка, посапывающих во сне. Тут какой-нибудь из них развернется, желая потянуться или зевнуть,— и глазам очевидца явится роскошная полосатая морда.

Так получилось, что самыми любимыми детенышами млекопитающих стали для меня именно барсучата. Брачные отношения у барсуков могут быть в любое время года, но имплантация зародыша происходит, когда самка становится сонной, обычно в ноябре — декабре. Барсуки не впадают в зимнюю спячку, лишь резко снижают активность, живя запасом жира, накопленным за осенние месяцы. Это значит, что почти все барсучата появляются на свет в январе — феврале.

Барсучата рождаются голыми, слепыми, с закрытыми ушами и в первые восемь недель жизни, которые проводят под землей, полностью зависят от матери. Они развиваются столь медленно, что глаза у них открываются только на шестой неделе. Проблемы возникают, когда барсучата появляются на поверхности земли,— вот тогда-то нам начинают их приносить. Мы не устаем повторять: не трогайте детенышей, если точно не знаете, что они в беде; но детеныши барсука, обнаруженные на поверхности земли в одиночестве и в дневное время, неизменно в беде.

Первый в 1994 году барсучонок появился у нас на ферме в середине марта. Его нашли ночью на обочине дороги и передали в Отдел дикой природы Общества покровительства животным. Судя по всему, мамаша вела с собой детенышей

и по каким-то причинам одного бросила. Я тут же помчалась в Таунтонское отделение Общества забрать его, не забыв ящик и водяную грелку. Инспектор Общества меня уже ждал, так что усилиями четырех рук барсучонок благополучно занял свое место в ящике. Менеджер Отдела дикой природы Колин Сэддон наблюдал за тем, чтобы все происходило согласно правилам. Колин и его партнерша Сандра много лет стоят во главе Отдела, и у меня не хватает слов благодарности за их советы и помощь. Их опыт и руководство (ну и, конечно, собственные наблюдения) помогли мне постичь основы поведения по отношению к попавшим в беду животным. Колин и Сандра умеют смотреть на все глазами животного и чувствовать то же, что чувствует оно. И все это — не ради награды, а ради жизни каждого существа, с которым они входят в контакт, вне зависимости от того, одобряют это окружающие или порицают. Правда, однажды с ними вышел конфуз: я имела неосторожность пригласить их на обед, не зная, что они вегетарианцы; мне понадобилось три года, чтобы разработать меню, которое и им бы понравилось, и я бы смогла приготовить.

Колин — высокий мужчина с мягким характером (кроме случаев, когда он бывает чем-то раздражен). Его шикарная борода оттеняет обаятельную улыбку.

— Ну как, за сколькими барсучатами ты можешь присмотреть в этом году? — спросил он.

— Ну, если они такие крохи, как этот, — сказала я, указывая на детеныша, свернувшегося под одеялом, — то трех-четырех я, пожалуй, осилю, а больше никак — Дерек начнет ворчать.

При этом я скорчила рожу, мол, такую соорудит Дерек, увидев на кухне пять-шесть посапывающих комочков. Колин понимающе улыбнулся. Мы всегда понимаем друг друга — когда Отдел дикой природы не в состоянии справиться с наплывом попавших в беду существ, я всегда рада помочь, а когда мы очень заняты, они приходят на выручку. Отдел дикой природы специализируется главным образом на птицах, а мне больше удовольствия доставляет возиться с млекопитающими.

— До скорой встречи, — сказала я и помахала на прощание.

Уже смеркалось, когда я въехала во двор и, держа под мышкой драгоценный груз, направила свои стопы в кухню. Поуютнее устроившись в кресле, я развернула сверток. Детеныш оказался самочкой всего пяти недель от роду — глазки у нее только-только прорезались и еще не сфокусировались правильно. Я пощупала ее — жирненькая, значит, истощение ей не грозит. Вот только блохи, скакавшие по ее мягкой

шкурке, как на батуте, чувствовали себя что-то слишком уж раздольно.

Инспектор Общества покровительства животным накормил крошку как следует, так что она до сих пор блаженно почивала; тыкая меня своим блестящим чувствительным носиком, она давала понять, что ей здесь нравится. Еще бы не нравиться — тепло, уютно! Она довольно пофыркивала, когда я гладила ей крохотную головку. Примерно такого же возраста были три мои первых барсучонка, которые появились у меня в 1989-м... Когда она потягивалась и зевала от удовольствия, ее длиненькая полосатая мордочка чуть морщилась. По бокам головки красовались два маленьких круглых ушка, опущенные белым. Я взглянула на ее коготки — всего только пять недель девчонке, а уже сейчас ясно, что они у нее будут большие-пребольшие. Когда она лежала на спине, я пощупала ей подушечки на лапках — они были точно из мягкой кожи.

— Значит, так, — сказала я, шекоча ей черное брюшко, — назову-ка я тебя Кэткин¹! Не проявив ни малейшего интереса к сообщению, она продолжала дрыхнуть.

Заслышав мой голос, в кухню вошел Дерек.

— Ну что, — с улыбкой сказал он, — тебя можно поздравить? Счет сезона открыт?

— Посмотри, — сказала я, обернувшись через плечо. — Ну разве она не лапочка?

Дерек явно не разделял моего восторга. Комментарий моего благоверного прозвучал так:

— Ну, положим. А как ты собираешься бороться с блохами?

Ну, на этот счет у меня имелись отработанные методы борьбы. Проблема заключалась в том, что нам завтра нужно было ехать на деловое свидание в Истбурн. Встреча-то всего на час, но ехать надо было вдвоем, и оставить детеныша было не на кого. Что ж, мы решили взять Кэткин с собой. В первую ночь она попила немного молока, но ела не с таким аппетитом, какого мы от нее ожидали. Что ж, посмотрим, — может, в дороге аппетит проснется.

Чтобы попасть в Истбурн к десяти, нужно было выехать в шесть. Требовалось приготовить, кроме всего прочего, бутылочки с молоком, сухие тряпки (мало ли что случится в дороге!) и, естественно, грелки. Дерек — за рулем, а я с «младенцем» и всеми аксессуарами — на заднем сиденье.

Через три часа после предыдущего кормления я, как и положено, достала бутылочку. Кэткин попила с большей, чем

---

¹ Catkin — буквально «сережка на дереве».

прежде, охотой; и тут же я, к своему облегчению, почувствовала, что Кэткин не страдает запором. А ведь нормальная работа кишечника так же важна, как и нормальный аппетит, — значит, есть шанс ее вырастить.

— Какая прелесть! — воскликнула я и поведала мужу, чем же я так обрадована.

— Вот и прекрасно, — последовал сухой ответ с переднего сиденья.

Мы приехали в Истбурн загодя, чтобы успеть покормить Кэткин до начала встречи. Барсучата в таком возрасте — что человечьи детеныши, и, поев, они сразу засыпают. Увидев, как она уютно устроилась, заснув возле грелки, мы оставили ее поживать в ящике, а сами отправились на деловую встречу.

...Час спустя мы уже катили домой. Правда, оба были голодны как волки и решили остановиться где-нибудь перекусить. Не успели мы подумать об этом, как увидели придорожное кафе, и Дерек тут же подрулил к нему.

— Дай я сначала покормлю Кэткин, а потом уже пойдем обедать сами, — сказала я, заметив, что зверюшка зашевелилась.

Дерек хотел позвонить домой — удостовериться, что с животными все в порядке. Он направился в кафе, а я сказала, что приду, когда покормлю Кэткин. Через десять минут, когда я уже собиралась укладывать барсучонка спать, вернулся Дерек:

— Я сказал, что мы сейчас зайдем пообедать, только кончим кормить младенца. Я не стал объяснять официантке, что это барсучонок, — сказал мой супруг, явно раздосадованный, что ему пришлось с кем-то объясняться.

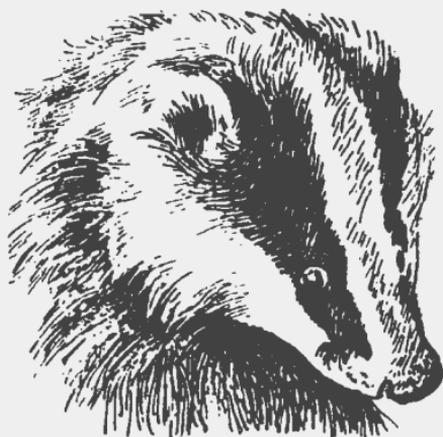
Вскоре Кэткин заснула, и мы, заперев ее в машине, зашли в кафе. Только вошли, как хлынул ливень. Помахав Дереку рукой, официантка показала нам место за столиком, к которому было приставлено еще высокое кресло для ребенка!!! Я решила помолчать — пусть Дерек сам объясняет, какого младенца он имел в виду.

...Домой «родители» и «дочурка» доехали без приключений.

В последующие несколько дней я обратила внимание, что Кэткин страдает расстройством желудка. То же самое подтвердил подобравший ее инспектор Общества покровительства животным. Мы решили проконсультироваться с ветеринаром, и тот объяснил: со временем, когда у нее окрепнут брюшные мускулы, она станет лучше себя контролировать.

Правда, тут была и позитивная сторона — не нужно было стимулировать работу кишечника массажем с помощью мок-

рой тряпки. Достаточно было потискать ее за бока — и дела сделаны. Однако впоследствии это приводило к неприятным казусам: когда к нам приходили гости, их первым желанием было поднять барсучонка на руки и потискать — мол, какая ты хорошенькая! Не надо объяснять, что после желтой «грязевой ванны» отношение к ней менялось на противоположное...

Мне было интересно знать, какотреагирует Блюбелл на запах нового барсучонка, которым пропахла моя одежда. В это время мы держали ее взаперти в рукотворном гнезде, поскольку только что подселили туда двух самочек и хотели, чтобы она к ним привыкла. Одну самочку, которую мы назвали Сноудроп (Подснежник), нам принесли два года назад в июне — она попала под машину, и потребовалось несколько месяцев, прежде чем она почувствовала себя лучше. И вдруг следующей весной она преподносит нам сюрприз — рождает двух очаровательных детенышей. Она зачала их прежде, чем попала под машину, и сумела выносить, несмотря на все полученные травмы. Детеныши были выпущены на волю в составе сформировавшейся группы, когда пришла пора; но я чувствовала, что Сноудроп не сможет освоиться в дикой природе, так что предпочла оставить ее в компании с Блюбелл.

Другая самочка, которую звали Клевер (по-английски произносится «Клавер»), поступила к нам из Норфолка, где не нашлось территории, куда ее можно было бы выпустить. Она попала в Общество покровительства животным зимой, а там в это время не было других барсуков — вот ее и определили к нам, чтобы она не чувствовала себя одинокой. Ну, конечно, ее поселили вместе с Блюбелл.

Все три барсучихи прекрасно сдружились, освоились с новым жилищем — и вот наконец настало время открыть ворота, чтобы они смогли выбегать. Блюбелл мы теперь не пускали в дом, да она и не рвалась туда — она в это время года вообще была менее активна, да к тому же я проводила с ней немало времени по вечерам, заходя к ней в гости в рукотворное гнездо.

В тот вечер я отправилась к ней, прошла сквозь лекционный зал и, как всегда, открыла дверь между смотровой площадкой и жилыми «палатами» барсуков. Навстречу мне, покачиваясь, выступила Блюбелл; я же, сидя на полу, поджидала ее. Вот в двери показался ее нос, который жадно втянул воздух. Блюбелл поприветствовала меня, как обычно, своими мурлыкающими позывными, а затем повернулась ко мне задом, чтобы «пометить» своей мускусной железой в знак признания меня членом своего «коллектива».

Я взъерошила ей шерстку, она же перевернулась на спину и принялась кататься — грубый цементный пол служил ей отличной чесалкой. Покатавшись всласть, она встряхнулась; после этого подошла и стал обнюхивать мою одежду. Заинтригованная новыми запахами, она исследовала меня с ног до головы, а затем уселась рядом со мной и тщательно прислушалась — не исходят ли из моего нутра какие-нибудь неведомые звуки?!

Я провела рукой по ее спинке и почесала между плечами; в ответ она потянула меня зубами за рукав. Я толкнула ее, желая повалить на спину, и пошевелила пальцами, приглашая поиграть.

— Ну что, барсучонком пахнет? Угадала! У меня новенькая! Помнишь, какой ты была когда-то? Вот и она такая! — поддразнила я ее, потянув за передние лапы. Блюбелл охотно отозвалась на предложение поиграть, обхватывая мою руку передними лапами и хватая зубами кисть — не всерьез, конечно, а понарошку. Но только впоследствии я осознала до конца, какие между нами сложились доверительные отношения.

Мне было интересно, как она воспримет Кэткин при встрече, но решила с этим немножко подождать. Она не отнеслась враждебно — уже хорошо. А тот вечер мы провели великолепно: то играли вместе, то приводили себя в порядок — она зубами, я расческой, — а то просто сидели бок о бок, ведь нам так хорошо вдвоем! Наконец, сочтя, что общения со мною на сегодня достаточно, Блюбелл затопала обратно к двери, оглянулась и юркнула к себе в «палату», где спали ее подруги, и тоже уснула. Что ж, я тоже могу надоесть.

Прошло еще два дня, и вот вечером звонок. Где-то в сарае нашли барсука, схоронившегося за связками соломы. Хозяйева сарая обратили внимание, что на спине у него рана. Ферма, где нашли пострадавшего зверя, была всего в двух милях от нас. Со мной поехала Мэнди.

В таких случаях я обычно беру с собой ящик, одеяла, сетку и — мало ли как пойдут дела! — ремень с петлей для отлова собак. Я не люблю пускать в ход этот последний предмет, понимая, что он станет причиной лишнего стресса для животного. Но в данном случае другого выхода не было — если мы начнем шуровать по связкам соломы, то животное наверняка попытается удрать. Остается одно — аккуратно накинуть ему на шею петлю, подхватить и запихнуть в ящик.

Так мы и сделали. Осмотрев рану, мы пришли к выводу, что нанесена она в результате территориальных споров. То ли свои отлучили барсука от родной группы, то ли он залез на территорию, принадлежащую другим, и был за это жестоко покусан.

Одно из ушей барсуку закрывала слежавшаяся шерсть, с которой капала кровь; от середины спины до самого хвоста тянулась еще одна рана, кишевшая личинками. Все свидетельствовало о том, что раны достаточно старые. При этом барсук недвусмысленно давал понять, что ему решительно не нравятся любые наши действия — он ворчал, плевался, носился по ящику как угорелый и на каждую попытку приблизиться отвечал глубоким гортанным рычанием. Сталкиваясь с подобным отношением, поневоле подумаешь, прежде чем взяться за ручки ящика, хотя они и расположены высоко и барсуку их нипочем не достать.

Мы отвезли бедолагу прямо в Бриджуотер к Марку — новому ветеринару, пользующему наших питомцев. Сначала нужно было ввести барсуку анестезирующее средство и только затем приступить к дезинфекции раны, так что я сказала Марку, что позвоню позже.

Через пару часов я позвонила — узнать, как там барсук. Марк объяснил, что удалил все гниющее мясо и теперь заживление раны — вопрос времени. Судя по состоянию его зубов, Марк решил, что это зверь довольно почтенного возраста. От этой новости у меня сжалось сердце — обычно, когда к ветеринару поступает пожилой барсук с ранениями, полученными из-за территориальных споров, его приходится усыплять. Ведь эти раны означают не что иное, как потерю барсуком своего места и положения в группе, — таков, к сожалению, безжалостный закон, действующий у многих животных. Если вылечить его и вернуть на прежнее место жительства, его опять прогонят. Но поскольку Марк сделал все необходимое для спасения животного, нельзя лишать его шанса.

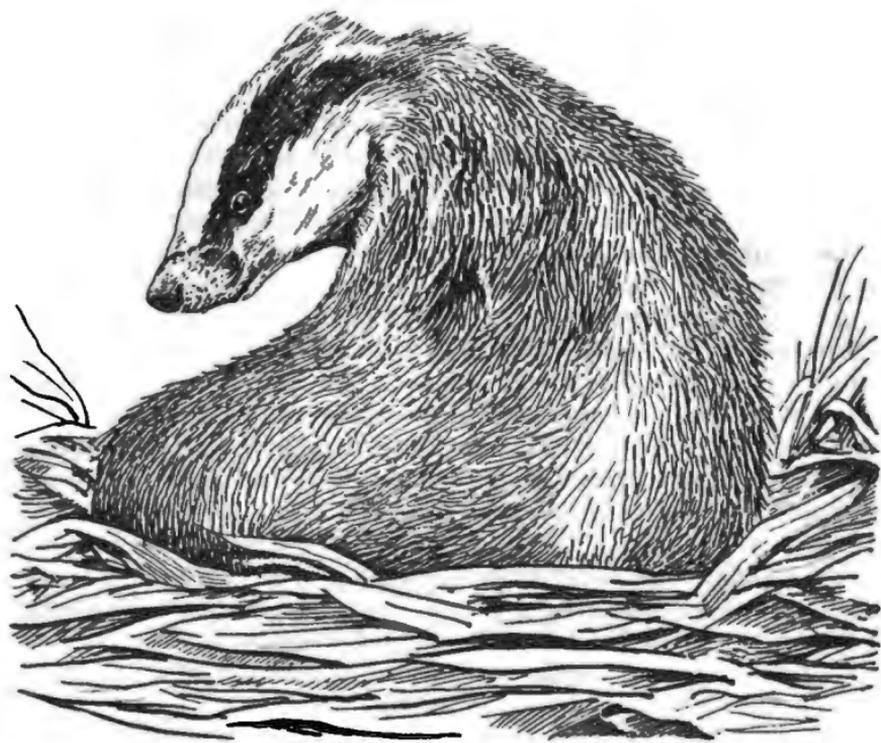
Первое, что я сделала, забрав барсука от ветеринара, — постелила свежeweстиранное одеяло под лампу в загоне-«ле-

чебнице» и поместила на него барсука — пусть греется. Одеяло в подобных случаях нужно затем, чтобы следить за характером выделений мочевого пузыря и кишечника, которые иначе легко поглотились бы соломой. На мой взгляд, барсук вовсе не выглядел таким старым, каким он показался ветеринару, — значит, мы правильно сделали, что оставили ему жизнь и дали шанс на выздоровление! Видать, ему здорово надавали по носу — он не блестел, как у других барсуков, а был покрыт красными пятнами да еще пересечен большой царапиной, что придавало ему весьма комичный вид. Не спуская с меня настороженных глаз, барсук принялся обнюхивать одеяло; я же медленным шагом ретировалась из загона. Беззвучным движением заперев за собой дверь, я стала наблюдать за Достопочтенным Барсуком в окошко. Прежде всего он направился к миске с водой — он очень хотел пить. Девушки, работавшие на ферме, загодя положили ему еду, так что я удалилась, оставив его в покое.

Вечером, идя на свидание с Блюбелл, я, естественно, зашла проведать и его. Несмотря на то что у Достопочтенного Барсука до самого хвоста тянулась огромная рана (которая казалась еще больше после того, как была очищена от гниющего мяса), барсук слопал половину всего припасенного и теперь блаженно грелся под лампой. Отдыхай, сердечный, подумала я. Настродался... Это не то слово! Зато как порозовел теперь! Видать, дела пошли на поправку! За что я, помимо всего прочего, уважаю барсуков, так это за их колоссальную способность переносить травмы и недуги. Не горюй, старина! До свадьбы заживет!

Не прошло и двух недель, как нашего барсучьего полку снова прибыло. В Гластонбери нашли крохотного барсучонка и отвезли к местному ветеринару. Детеныш пробыл у него ночь наедине с миской кошачьей еды. Такого кроху еще надо кормить из бутылочки, и хотя он изрядно проголодался, кошачья еда не вызвала в нем энтузиазма — даже, наоборот, привела в смущение. Тем не менее барсучонок оказался крепким малым, несмотря на свои шесть-семь недель от роду. Ну что ж, раз у него такая пробивная натура, значит, его ждет удачливая жизнь.

Я опустила барсучонка на пол возле кресла. Забравшись под него, новый жилец обнаружил спящую Кэткин. Та блаженно свернулась под теплым одеялом и, сколько он ни тыкался своим холодным носиком, никак не реагировала. Что ж, раз такое дело, барсучонку пришлось устроиться на ночлег

рядом с нею. Только когда чувство голода разбудило Кэткин, она обнаружила новенького.

Акорн (Желудь) — как я назвала парнишку — тоже проснулся и, видя, что Кэткин отправилась обедать, последовал за нею. Подойдя ко мне, он поприветствовал меня своим милым мурлыканьем «ув-вув-вув», каким они всегда приветствуют друг друга. Вскоре, когда у нас будет целая компания барсучат, он станет заводилой. А пока что единственным его товарищем по играм (не считая меня) оставалась Кэткин. Перевернувшись на спину, она протянула ему обе передние лапы — дескать, поиграй со мной, не все же внимание уделять этой старой тетке, я тоже человек! В ответ Акорн хорошенько ткнул подружку носом и цапнул за ухо. Та с удивлением вскочила на все четыре ноги и подождала пару секунд, прежде чем решиться снова подзадорить его на игру. Он не отказался, только стал задаваться пуще прежнего — не забывай, кто теперь здесь хозяин!

Такая активность радовала бы меня, если бы не одно неприятное обстоятельство. Как-то раз я даже подумала: если вздумаю красить пол в кухне, то только в желтый! А то, знаете

ли, жутко, когда просыпаешься утром, и первое, что бросается в глаза, — желтые лужи.

Когда приходило время кормежки, Акорн не заставлял себя упрашивать, тем более что от одного вида приемной сестренки, с жадностью хватающей соску, текут слюнки. После обеда начинались игры; но пусть всякий, кто захочет завести себе барсука в качестве товарища по играм, запомнит простую истину: барсуки даже в таком юном возрасте здорово кусаются и царапаются. Что поделаешь, такие они уродились. Они, конечно, шутят, да вот беда — у людей нет такой, как у них, толстой кожи. Спасать может только быстрота реакции — умение вовремя отдернуть руку.

Когда щиплешь их за уши, они инстинктивно реагируют, поворачивая голову и отталкивая твою руку сильными плечами. Если я, наигравшись с ними вдоволь, вижу, что они готовы играть дальше, я просто ссаживаю их на пол — возитесь сами, а у меня уже нет сил. Тогда они обычно вступают в бой с ковром или со старым ботинком и под конец, обессиленные, медленно ползут к себе под кресло. Там они раскапывают лапами положенные для них тряпки, «взбивая» постель, потом сворачиваются в комочек — и отбой! И им хорошо, и мне — еще три часа можно жить в покое!

В общем, живут два моих барсучонка, не тужат, а вскоре к ним пришло пополнение. Соррелл (Щавель) поступил к нам всего через три дня после Акорна. Его нашли совершенно обезвоженным на тропе близ Вестона. Размером он был с Кэткин — что ж, где две бутылочки, там и три! Еще неделю спустя прибыл Тэнси (Пижма), но он уже был достаточно взрослым, бутылочка ему была не нужна, так что с этим барсучонком было много проще. Итак, ровным счетом четыре — полный комплект, как я тогда думала.

У меня никогда не было столько барсучат одновременно — равно как у всех тех, кто занимался выкармливанием осиротевших детенышей. Зима в этом году была очень влажной — я уверена, что самки находили для себя достаточно пищи, и, следовательно, у них не было недостатка в молоке для своих детенышей. Но пришел апрель, и вдруг Мать Природа ожесточилась: выдалась засуха, какой не помнили уже давно. В это время барсучихи уже, как правило, прекращают кормить детенышей молоком, и они должны самостоятельно добывать жуков и земляных червей. Но чем жарче и суше становилась погода, тем нереальнее для детенышей было добыть себе пищу. Мало-помалу слабейшие истощались от обезвоживания организма, и если им не удавалось ничего найти, погибали. Раз-

добыть пищу трудно было даже взрослым — территориальные владения не могли их прокормить. Они выходили на поиски новых территорий и потому чаще, чем прежде, гибли и получали увечья на дорогах.

Между тем большинство двуногих радовались раннему наступлению жаркой поры, нежились на солнышке, которое неделю за неделей не пряталось в тучах, и знать не знали о тяготах, переживаемых дикой природой. Слишком затянувшиеся периоды любой погоды — иссушающей жары или дождей — могут оказаться губительными для многих видов.

Даже мистер Достопочтенный Барсук, который совсем уже поправился, и то не мог быть отпущен на свободу, пока не пройдут дожди и еды опять не будет в достатке. Нужно, правда, отметить, что его рана заживала не так быстро, как хотелось бы: края никак не хотели срастаться, и в конце концов решено было отвезти его к ветеринару, чтобы тот наложил швы. Наконец настало время снимать их; у нас с обычным визитом как раз был Стюарт Мэрри, и я спросила его, по силам ли ему такая работа.

— Вы бы сначала дали ему наркоз,— предупредила я.

— Это еще зачем? — задорно ответил врач.

Мы вместе вошли в загон к барсуку. Я накрыла его одеялом; с виду он казался совсем смирным, но, как я хорошо знаю по горькому опыту, ситуация может резко измениться на противоположную.

— Только держи его спереди! — весело сказал Стюарт и, подняв край одеяла, принялся за работу.

Между тем мой «конец» рычал все яростнее, и я вздохнула с облегчением, когда Стюарт сказал: «Готово дело». Мы тут же дружно обратились в бегство, захватив с собой одеяло, и успели захлопнуть дверь прежде, чем барсук стукнулся в нее мордой.

— Ф-фу! — воскликнул Стюарт. — Вот уж не думал, что он будет так себя вести,— добавил он и вытер лоб рукавом.

— Сам виноват, балда несчастный,— выругалась я.— Кто из нас лучше понимает в барсуках — ты или я?

— Ну ничего. Зато теперь гора с плеч свалилась,— сказал он и подмигнул.

— Уф-ф! — выдохнула я.

Вскоре нам позвонили из Общества покровительства животным — не можем ли мы взять еще одного барсучонка? Мы решили, что негоже отказываться, тем более что это была самочка, а у нас собрался в основном мальчишник. Вообще-то первоначально барсучат было двое — Данделион (Одуванчик)

и ее братишка, но последний, к сожалению, утонул в ручье. То ли они оба отбились от матери, то ли она погибла, и они принялись бродить в поисках еды. С Данделион особых проблем тоже не было — ее уже не нужно было кормить из бутылочки. У нее была очень пушистая шкурка, так что своим видом она походила на подушечку, которой пудрятя. Она была порядком издергана, но вскоре успокоилась и зажила, как все остальные детеныши.

Последней, кто присоединился к «кухонной компашке», была Роузбад (Розовый Бутон). Неподалеку от нас живут миссис и мистер Реддиш, которые наблюдают за барсучьими гнездами поблизости от своего дома. В то утро Рей работал в саду; к нему подошел сосед, прогуливавший собаку, и сообщил, что видел на дороге мертвого барсука. Рей немедленно положил лопату и отправился туда, куда указал сосед. Оказывается, это была крупная самка, сшибленная машиной. Несмотря на полученные увечья, она все же дотащилась до своей норы и умерла на пороге.

Присмотревшись, Рей обратил внимание, что самка была кормящей. Оценив серьезность ситуации, он решил понаблюдать за гнездом — были все основания подозревать, что в норе остались барсучата, которых голод выгонит на поиски пищи. Рей тут же бросился звонить нам; Дерек откликнулся немедленно. Когда они втроем — Дерек, Рей и его сын Пол — приблизились к норе, оттуда уже высунулся черный носик. Но барсучонок, почуяв приближение людей (хотя они и задержали шаг), тут же скрылся под землей.

Решили так: оттащить погибшую барсучиху чуть подальше от гнезда. Барсучонок наверняка выползет взглянуть на нее. Рей не мог оставаться дежурить — он спешил на собрание местных пчеловодов, — поэтому свои услуги предложил Пол, хотя и понимал, что нужна большая удача, чтобы изловить увертливую и к тому же перепуганную барсучонку.

Всего три часа спустя вернулся сияющий Пол, неся в руках ящик с барсучонком. Он схватил детеныша за загривок в тот самый момент, когда он боязливо высунулся из норы поискать мать, недоумевая, почему она не вернулась, — ведь в это время они всегда лежали, прижавшись друг к другу, полностью защищенные от окружающего мира!

Роузбад тряслась от страха, пугаясь множества людских голосов и яркого солнечного света. Здешний мир был так непохож на тот, к которому она привыкла, — она его не принимала!

Внеся ящик вверх по лестнице, мы избавили его обитательницу от блох и пустили к «кухонной компашке». Для начала я аккуратно постелила под креслом одеяло, на котором она лежала в ящике. Роузбад плевалась и фыркала, шерсть у нее стояла дыбом — ей так хотелось казаться большой и грозной! Выгнув спину, она шагнула навстречу «кухонной компашке». Мне хотелось утешить ее ласковыми словами, и, естественно, услышав мой голос, все сонное царство мгновенно пробудилось. Первым знакомиться с новенькой отправился Акорн, следом — Кэткин и Соррел. Роузбад несколько ослабилась, но тем не менее с опаской смотрела на чужаков.

К этому времени все детеныши отучились от бутылочки, и у каждого начал складываться свой характер, стала формироваться собственная внешность. У Кэткин и Акорна выпадала шерсть — довольно обычное явление при искусственном вскармливании; ничего, потом отрастет вновь! При этом Кэткин, которая сделалась почти совершенно лысой, стала походить на толстенькую вьетнамскую свинью. Только полосатая морда говорила о том, что эта дамочка вовсе не поросычьей породы. Вся компашка стала все чаще вылезать из-под кресла; Тэнси и Данделион обычно бывали последними и нервничали чуть больше других. Это лишний раз убеждало меня, что они ближе к дикому состоянию, чем все остальные. Поскольку они поступили ко мне уже подростками, не было необходимости кормить их из бутылочки, а следовательно, брать на руки. Разумеется, когда я садилась на пол поиграть с барсучатами, эти тоже не отказывались, но они чутко прислушивались к чужим шагам, а уж если кто-нибудь открывал дверь, то мигом бросали игру и прятались под кресло. Именно такого поведения я от них и ждала. Кажется удивительным? Но чем больше «дикости» в поведении, тем больше надежды, что они успешно приспособятся к жизни в дикой природе.

Оглядевшись вокруг, Роузбад принялась к Акорну, который приветствовал ее своим барсучьим мурлыканьем. Затем, скользнув далее мимо кресла, увидела камин. «Какое интересное барсучье гнездо,— подумала она,— не вниз, а вверх!» Мигом шмыгнула в корзинку для угольков — и ввысь по трубе! Хорошо еще, что последняя была закрыта — камин долгое время служил просто украшением. Я решила, что самым правильным будет предоставить развитие событий их естественному ходу. Тихо закрыв дверь, я спустилась по лестнице навстречу посетителям.

Полчаса спустя я вернулась поглядеть, как идут дела. Вошла в кухню на цыпочках, чтобы их не побеспокоить: кто

дрыхнет, пусть дрыхнет, время обедать еще не подошло. Так и есть: вся компашка спит одной серой кучей. Акорн, Кэткин, Соррел, Тэнси, Данделион... Друзья мои, где же Роузбад?! Я взглянула в трубу... Так и есть: на меня смотрит перепачканная сажей рожица. Нашла уступ как раз над колосниковой решеткой и ни за что не хочет вылезать! Ну ничего, надоест — и спустится, подумала я и снова вышла из кухни, не забыв погасить свет: полная темнота, никаких доносящихся снизу звуков, пугаться нечего! Только едва слышно урчит вода в трубах да мурлычет холодильник. Тишь да гладь — Божья благодать, а что еще надо барсучатам?

...Эх, не будь таких преданных дикой природе людей, как Рей, его супруга Дорин и их сын Пол, сколько живых существ сгнуло бы ни за что ни про что! А так они повседневно наблюдают за жизнью зверей и в случае чего готовы прийти на помощь... Тем же вечером Рей отправился к той же норе и продежурил всю ночь — вдруг появится еще один осиротевший детеныш?! Нет, все было тихо. Для очистки совести он провел там еще один вечер. Больше детенышей не появлялось, и у нас осталась надежда, что Роузбад была единственной.

Рассказывают, что барсуки предают погребению своих усопших сородичей, замуровывая их в особых камерах, которые потом по многу лет не используются. Самой не пришлось видеть — за что купила, за то и продаю,— но тем не менее на следующий вечер труп барсучихи исчез. Могло ли так быть, что другие члены семьи заташили его в гнездо и там похоронили со всеми барсучьими почестями?!

Рей Реддиш — спаситель не только крохотного барсучонка. На его счету также и спасенная лебединая жизнь. Как-то он шел по берегу озера и видит: лебеденок попался на перемет и отчаянно бьется, пытаясь вырваться. Рей, разумеется, сообщил в Общество покровительства животным, но его представитель задерживался с прибытием, и Рею стало ясно, что птенец окончательно покалечит себе горло.

Проблема заключалась в том, как до него доплыть. Все умел мистер Реддиш, да только плавал как топор. И тогда он приспособил, ввиду отсутствия других плавсредств, автомобильную камеру, привязав к ней веревку, чтобы его спутники (из коих никому не хотелось лезть в воду) потом подтянули его назад. Операция была рискованной — во-первых, рядом мать-лебедиха, а во-вторых, неизвестно, какое в том месте дно. Доплыв до лебеденка, он оборвал леску, оставив конец ее торчать из клюва, чтобы потом хирургу легко было найти крючок, и пустил птенца плавать — пусть немного успокоится.

Ну, разумеется, вскоре прибыли из Общества покровительства животным, поймали лебеденка и увезли его к ветеринару, а вдрызг промокший Рей попал домой, оставляя после себя цепочку луж. Дома супруга высказала ему все, что о нем думает, и вся эйфория от совершенного геройства мигом улетучилась...

Шесть барсучат в одной кухне — удивляюсь, как это мой супруг еще не прогнал меня! Уж на что я двужильная, и то тяну с трудом. Как только барсучата отвыкли от бутылочки, они стали искать, где лучше всего делать свои делишки — иначе говоря, где проводить «разметку» своих владений. Подавляющее большинство решило, что наилучшим местом будет собачья корзина, так что мы постоянно держали подле нее кипу старых газет. Однако Кэткин рассуждала иначе. Она обратила внимание, куда ходим мы, люди, — «кабинет задумчивости» помещается у нас в конце длинного коридора. Ну что ж — и ей хорошо, и нам хорошо, и посетителям забавно, как детеныш скребется в дверь кухни, прося выпустить; после этого барсучонок шествует к «кабинету задумчивости», куда дверь никогда не запирается. Правда, пользоваться ватерклозетом она не научилась — еще бы мы стали от нее этого требовать, в дикой природе таких удобств нет! Поэтому, как только под дверью «кабинета» появлялась маленькая лужица, мы тут же спешили с дезодорантом. Сделав свои делишки, она шествовала обратно на кухню и тыкалась носом в остальных барсучат, которые, как правило, спали без задних ног... Уж так получилось, что я особенно привязалась к Кэткин — то ли потому, что она была первой в этом сезоне, то ли потому, что оставалась самой маленькой из всех.

Чем старше они становились, тем шумнее становились их игры. В бесплодных попытках сберечь линолеумный пол в кухне я разбрасывала по нему каменные фигурки зверюшек, а то и кирпичи. По вечерам, когда посетители уходили, я открывала дверь, и вся шайка с шумом скатывалась по лестнице в сад — вот уж где раздолье для игр! — а затем в таком же порядке вкатывалась обратно наверх. В то время у нас гостила талантливая художница Джоанна Ричардсон — в течение многих вечеров она помогала мне следить за барсуками, которые имели привычку разбежаться в разные стороны.

Отучение детенышей от бутылочки знаменовало собой наступление тяжелых для меня дней. Привыкание к твердой пище требует времени, а в «переходный период» они на все горазды. Могут, например, сунуть нос в миску с едой и пускать пузыри — это в лучшем случае, а в худшем — залезть в миску

целиком и с ног до головы вывалиться в предложенном угощении. Чаще всего они просто выбрасывали содержимое на пол и рылись в нем носами и лапами. А что вы хотите? Разве есть в дикой природе посуда? У нас в полях и лесах жучки и червячки прячутся в земле, а не лежат в миске! Так-то оно так, да мне от этого не легче: мыть пол в кухне приходилось по пяти раз на дню. Когда к нам приходили друзья и любовались живой кучкой, блаженно почивающей под креслом в до блеска вымытой кухне, им и в голову не приходило, какая катавасия начинается с их пробуждением. Впрочем, Дерек популярно и доходчиво просвещал наших друзей, прибегая также к помощи фотодокументов.

Как-то вечером я обратила внимание, что в кухне стало чересчур тихо, а ведь каких-нибудь десять минут назад они азартно носились друг за другом, гоняя мяч! Дверь в сад была закрыта — значит, туда попасть они не могли; в ванной тоже никого не было, хотя они вполне могли заползти спать под старомодную эмалированную ванну на ножках. Куда ж они запропастились, черт возьми?!

Подходя к спальне, я услышала знакомое фырканье. Так вот вы где, голубчики, подумала я. В то время мы спали в комнате нашего сына, а в своей делали ремонт, так что всю мебель, в том числе поролоновый матрас с кровати, поставили к стенке. Я открыла дверь — и шесть фигурок, испугавшись внезапного появления человека, с фырканьем забились под мебель. По всему полу были раскиданы кусочки желтого поролона — это барсучата, дорвавшись до матраса, растерзали его в клочья. Начали с середины, а изодрав центр, взялись за края.

— Что же вы наделали, негодники! — выдохнула я и рухнула на колени. Узнав мой голос, Акорн с видом триумфатора выбежал ко мне, держа в зубах кусок поролона почти с себя размером. Затем из убежища выскочила Соррелл, неся в зубах свой трофей, и перепрыгнула через Акорна; тут уж они все повылезали и принялись резвиться, словно детишки в снегу.

Найдя большой мешок, я быстренько сложила в него «вещественные доказательства» (как вы успели заметить, не без помощи самих участников акта вандализма) и аккуратно поставила изувеченный матрас на место, закрыв зияющую дыру тряпкой. Всласть наигравшиеся детеныши уже откочевали в кухню и, утомленные, завалились спать под креслом.

В положенный час пришел ужинать Дерек и застал меня за изучением каталога спальных принадлежностей.

— Это еще зачем?! — изумился он.

— Да вот решила купить себе новый матрас. Сам знаешь, спина у меня пошаливает, а матрас совсем старый. Я вот думаю — уж коли мы затеяли ремонт в спальне, не приобрести ли заодно и новый матрас, — прозрачно намекнула я.

— Прекрасная мысль, — кивнул Дерек.

В следующий день, когда мы смотрели телевизор, я решила, что пора играть в открытую.

— Никогда не знаешь, чего ожидать от этих барсучат! Вот взгляни, что они учудили сегодня!

— А что? — поинтересовался Дерек.

— Да посмотри, что осталось от матраса. Хорошо, что мы решили купить новый. Правда, Дерек?

Моему милому ничего не оставалось, как согласиться.

Последний парад мои питомцы устроили незадолго до того, как навсегда покинули кухню. Однажды в три часа утра сработала сигнализация от воров. К счастью, Дерек продолжал спать без задних ног, так что вскочила с постели одна я. Накинув ночной халат, я, как была, босиком кинулась к пульту и вырубил сирену. Горевшая на пульте лампочка показывала, что несчастье случилось на кухне. Я мигом туда.

Толкаю дверь и включаю электричество. В мерцании ламп дневного света вижу, как серые фигурки рысью устремляются под кресло. «Чувствуют, что нашкодили», — подумала я. Но вот лампы разгорелись и... глазам предстало зрелище, которого я не забуду никогда. Нашкодили... Это не то слово! У них тут был пир на весь мир! Кто-то из них исхитрился открыть буфет, где лежат бисквиты и печенье; пакеты были раскиданы по всему полу. Марципановый пирог им, видно, не понравился — он не был съеден, а только раскрошен. Крошки валялись по всему ковру и на чехлах кресел.

Ну хорошо, положим, буфет просто открывается, но как они умудрились залезть в холодильник?! Не сумели добраться только до верхней полки. Два пакета рубца, которые мы имели неосторожность вынуть из морозильной камеры, равно как и бекон, сыр, сало, масло, паштет были частично слопаны, частично просто разбросаны по полу кухни. Наконец, кто-то из них овладел «последним редутом» — принялся жевать провод сигнализации. Выскользнув из разоренной кухни и закрыв дверь, я стала к ней спиной, моля Бога только об одном: хоть бы Дерек подольше поспал...

Убедившись, что он все еще дрыхнет, я медленно вытрянула чехлы, подобрала обертки, пытаюсь навести хоть какой-то порядок в этом хаосе. Как же отреагировала на это «шестерка отважных»? Она восприняла это как приглашение к продол-

жению забавы! Что ж, отчего бы не откликнуться? А главное, какие у этой тети аппетитные розовые пальчики, совсем голые! В этот момент я почувствовала, что с наслаждением передушила бы их всех! К счастью, они быстро устали, а я получила возможность вымыть пол. Я решила «танцевать» от двери, и пока я дошагала туда, на мои ступни налипла каша из бисквита, масла, крема и прочих вкусных вещей, которые, однако же, выглядели отнюдь не аппетитно... Первым делом я на цыпочках дошагала до ванной комнаты и тщательно соскоблила эту вновь изобретенную «мазь для ног». Потом вымыла кухню, затем вымылась сама — и вернулась чистенькой в постель. С момента, когда я выскользнула из нее, до момента, когда я скользнула обратно, тело, делившее ее со мною, не повернулось ни на миллиметр.

Зато следующий день оказался более чем спокойным. Ни один из барсучат не выказал чувства голода — наоборот, у них, по всем приметам, явно разболелись животы. А мне их было ничуть не жаль. Ближайшие несколько ночей мы баррикадировали буфет и холодильник досками.

...Но самая главная проблема заключалась в следующем: существовала опасность, что мы не найдем места, чтобы выпустить всех. В прошлые два года мы в таких случаях держали детенышей в рукотворном гнезде, где Блюбелл была им за приемную мать; решили так же поступить и в этом сезоне. Даже если у Блюбелл будут свои детеныши — не важно, места хватит всем! Ну, а вырастут — и разбегутся сами.

Вздохнув с облегчением, что детеныши наконец-то навсегда покинут кухню, мы отгородили для них часть рукотворного гнезда бок о бок с Блюбелл и ее подружками. Пока пусть обе компашки привыкают, глядя друг на друга через проволоку, а то подерутся еще.

Когда мы переселяли барсучат из кухни в гнездо, то решили взвесить их, чтобы посмотреть, как они растут. А для этого, естественно, пришлось взять их на руки. И тут мы сообразили: хотя они жили с нами в одном доме, у них до сих пор не было контакта с людьми (кроме, естественно, кормлений) — в этом просто не было необходимости. Жили в кухне, могли выбегать в сад; конечно, видели созданий на двух длинных ногах, которые кладут им пищу да еще расхаживают и шумят — но общались-то по преимуществу между собой. Только те, которых я кормила из бутылочки — Кэткин, Акорн и Соррел, — более-менее спокойно отнеслись к переезду на другую квартиру, остальные же до того испугались общения с людьми, что наложили на пол и вели себя как последние дикари, —

кто-то даже прокусил мне палец сквозь ноготь. А что? Не этого ли я хотела — чтобы подрастали самостоятельно, при минимуме контакта с нами.

Две недели спустя мы решили, что шестерых барсучат и трех взрослых самок можно объединить — и ничего, прекрасно ужились друг с другом! Я пока еще держала их взаперти — пусть хорошенько освоятся с новым жилищем, но Блюбелл выпускала.

В это же время я стала замечать в ее поведении некие странности. Она сделалась более спокойной, чем прежде, все чаще забиралась ко мне на колени и клала морду на плечо — ей доставляло удовольствие так сидеть. Может быть, ей было неуютно в компании стольких барсучат в одном гнезде? Так нет же, она всякий раз, едва вернувшись, отправлялась по коридорам и «палатам» искать их.

Обычно дела шли так: я выпускала ее из гнезда, она сперва бегала по дому, обнюхивая все вокруг, а затем уходила в сад и в поля охотиться. Вечером, когда спускалась тьма, я приносила в гнездо еду для барсуков и подзывала ее издали. Обычно я не успевала дойти до гнезда, как она бросалась мне навстречу и терлась о мои ноги. Я заметила, что она стала тяжело дышать, но мы по-прежнему делили радость от теплых вечеров, наполненных благоуханием цветов и трав. Она по-прежнему не страдала отсутствием аппетита и даже, по-видимому, съедала больше, чем прежде. Вообще мы клали в гнездо много пищи, чтобы быть уверенными, что взрослые насытятся и оставят сколько нужно на долю маленьких.

В это время ко мне приехала супружеская пара из Бельгии; они попросили разрешения сделать несколько снимков для журнала, поскольку писали статью о барсуках, которые приходят к людям в дом. Йоханн и Сантана провели у нас несколько вечеров подряд и сделали массу милых снимков Блюбелл. Но вот в один прекрасный вечер, к моему изумлению, как только Йоханн сел на ступеньку, Блюбелл подошла к нему и укусила. Такое поведение для меня было в новинку — она никогда никого не кусала, даже имея детенышей. Было похоже, что она хочет находиться только со мной и не желает ничего присутствия.

Хотя больше никаких симптомов беды не наблюдалось, я печенкой чувствовала, что она ведет себя как-то не так. На следующий же день я позвонила нашему домашнему доктору Стюарту.

— Вполне возможно, это просто перемены в личности, — ответил тот. — Так, говоришь, она не страдает отсутствием аппетита? Что же тебя тогда настораживает?

— Сама не знаю, — ответила я, нахмутив брови, — но сердцем чувствую, что-то тут неладно. Она вдруг полюбила сидеть у меня на коленях, положив морду на плечо, — такого я за ней раньше не замечала. А еще ее постоянно тянет к сливочному крему.

— Похоже, дело и в самом деле серьезное, — в шутку сказал он, но тем не менее почувствовал, что я сильно озабочена. — Пожалуй, мне и в самом деле стоит приехать взглянуть на нее. Возьму-ка я ее на рентген, о'кей?

Это был серьезный шаг. Блюбелл никогда не ездила в машине, ее даже никогда не сажали в ящик для перевозки. Но это единственный вариант, подумала я. Было бессмысленно звать кого-то на помощь, ибо это вызвало бы у нее еще большие подозрения. Я просто открыла дверь рукотворного гнезда и стала ждать. Как всегда, она выскочила наружу и потерлась о меня, делая на мне свою отметку; я тут же подхватила ее на руки, сунула в ящик и заперла, прежде чем она успела выскочить. Я чувствовала себя так, будто предала ее. Поставив клетку с драгоценным грузом на сиденье, я на полном газу помчалась к ветеринару.

Стюарт уже дожидался меня.

— Привет, Блюбелл, — сказал он и взял у меня из рук ящик. — Ну что ж, сегодняшний день ты проведешь со мной! — Глянув на меня, он сказал: — Я позвоню попозже. Не волнуйся, я уверен, все будет хорошо!

— Делай что хочешь, — сказала я милому айболиту, — и не бойся! Она не опаснее, чем любой ручной барсук.

Я знала — что бы он ни стал делать, Блюбелл непременно воспримет это как чуждое. Я и представления не имела, как она на это отреагирует. Конечно, она была в талантливых руках, и это меня в какой-то мере успокаивало, но все равно я чувствовала, что новости будут недобрыми.

Когда Стюарт позвонил мне вечером, по первым же ноткам я поняла, что не ошиблась.

— Боюсь, дело худо, Паулина, — мягко сказал Стюарт. — У нее тяжелая легочная инфекция, ей трудно дышать. Больше всего опасюсь, как бы это не оказался туберкулез, я послал мазки на анализ. Может, я сгущаю краски, но ситуация все равно сложная. Если бы ты помедлила с приездом еще три-четыре дня, ее уже не было бы в живых.

У меня сделались спазмы в горле. Я подняла глаза к потолку, отчаянно сдерживаясь, чтобы не заплакать, но все же спросила, что делать дальше.

— Полагаю, с тобой ей будет веселее, — сказал Стюарт, — но посади ее в загон-«лечебницу» — там тебе легче будет наблюдать за ней. Запомни: по одному уколу в область шеи в течение семи дней. Справишься?

— Да, конечно, — ответила я. — Справлюсь.

— Нам остается дожидаться результатов анализа. Если это чихотка, антибиотик тут не поможет. Боюсь, Паулина, ты была права — ей очень плохо.

Я немедленно полетела к Стюарту и забрала Блюбелл домой. Она придиричиво обнюхала загон-«лечебницу», хотя один раз в жизни ей довелось там побывать... Нет, не в качестве пациентки. Просто я как-то наводила там порядок, и она зашла ко мне поиграть! Я постелила ей большое одеяло и зажгла лампу для тепла. Тут я имела неосторожность сесть на пол, а она влезла ко мне на колени... Зарывшись лицом в ее шкуру, я дала волю слезам.

Только позже я сообразила, как долго тут сижу, — Дерек небось голову потерял, куда же я могла запропасться. Я аккуратно положила барсучиху на одеяло и пошла прочь из загона. Думая, что ей тоже надо выйти, Блюбелл устремилась за мной. Я едва успела защелкнуть перед ее носом дверь.

Наблюдая за ней сквозь смотровое окошко, я увидела, как она прислонила ухо к стенке — ушла ли я? Потом подняла лапу и стала царапать в дверь. Потом стала царапать обеими, явно поняв, что ее оставили. Но сил у нее хватило ненадолго, и она вернулась к своему одеялу. Понюхала, забралась под него с головой и уснула. Она явно устала за день.

...Прежде чем ложиться спать, я еще раз заглянула к ней в загон. Увидев, как она блаженно растянулась на спине поверх одеяла, подставив пузо теплому потоку лучей, я почувствовала себя счастливее. Ей явно было хорошо — что ж, все, что могла в тот день, я сделала.

Я глянула в окошко соседнего загона, где жительствовавший мистер Достопочтенный Барсук — пока жара не спадет, выпустить его не удастся.

— Ничего, дружище, — тихо сказала я ему. — Синоптики обещают перемену погоды, и ты выйдешь на вольные просторы!

— Конечно, теперь, когда он полностью отошел, тяжело было видеть его в четырех стенах загона. Но что делать: только дождик поможет ему обрести свободу.

Следующие дни несколько подняли мне настроение. Складывалось впечатление, что лечение шло Блюбелл на пользу; к тому же пришедшие два дня спустя результаты анализов отметили подозрение на чахотку. Как хорошо, подумала я, что догадалась вовремя свозить ее к врачу!

Неделю спустя приехал сам Стюарт.

— Ну, как там моя любимая пациентка? — спросил он, потрепав ее по загривку. — Она ведь держалась молодцом, когда была у меня в операционной! Колин (другой ветеринар-хирург) был так рад поносить ее на руках! Ты говорила, она может испугаться — да что ты, она вела себя превосходно!

Он прослушал ей сердце.

— Похоже, она чувствует себя гораздо лучше.

— Могу я пустить ее ко всем остальным?

— А почему нет? — промолвил айболит. Он был так же рад, как и я.

Под вечер я открыла дверь рукотворного гнезда и пустила туда Блюбелл, которая тут же кинулась к себе в «палату». Все детеныши, как один, столпились вокруг нее, приветствуя многоголосым хором. Акорн и Тэнси «пометили» ее мускусным запахом, а Кэткин в волнении прыгнула ей на спину, а оттуда на голову. Забравшись в самую большую «палату», Блюбелл зарылась в солому — она была так счастлива, что снова оказалась дома! Все шестеро прижались к ней — расчесывали ей шерсть, отпихивали друг друга, соревнуясь за право быть ближе к ней, и наконец успокоились. Я не могла налюбоваться на это зрелище — Блюбелл и шестеро прижавшихся к ней приемных детенышей — в одной «палате», а Клавер и Сноудроп — в соседней!

Но вот наконец-то природа смилостивилась, и хлынули долгожданные дожди. Целую неделю хлестало не переставая, так что даже водосточные трубы ревели от потоков воды, низвергавшейся в наш мощный старинным кирпичом двор. Выгоревшие на солнце бурые пустоши в мгновение ока облачились в ярко-зеленый наряд, будто и не расставались с ним никогда. Все вокруг блестело, теплый летний воздух был напоен свежестью.

— Ну что, старина, — сказала я Достопочтенному Барсуку, — погостил, пора домой!

Меня иногда спрашивают — как вам удастся изловить крупного пожилого барсука, если вас к нему вызывают. Но, это-то как раз нетрудно, потому что зверь обыкновенно бывает болен и слаб. Самое смешное начинается, когда он выздоравливает, набирает хорошую форму, а порой — и излишний вес.

Вот тогда поди попробуй запахать его в ящик, чтобы отвезти домой, на волю вольную!

Держа ящик наготове, я деликатно заманила барсука в угол и, сцапав за загривок, сунула в ящик с открывающейся сверху крышкой. Теперь единственная трудность — закрыть на задвижку, пока он не успел выскочить наружу.

Слава Богу, Достопочтенный Барсук оказался податливым — его удалось усадить в ящик с первой попытки. Мы с Мэнди погрузили ящик на сиденье — и вскоре домчали до фермы, где страдальца нашли пару месяцев назад. Хотя в машине он держал себя удивительно спокойно, стоило нам поставить ящик на траву, как он узнал родимые поля и леса и стал рваться наружу! Аккуратно открыв крышку, Мэнди отскочила назад. Зверь, ни секунды не колеблясь, выпрыгнул из ящика и помчался туда, где сквозь кустарник тянулась барсучья тропа. Я так радовалась, что он снова дома, и как бы хотелось, чтобы больше ничего печального с ним не случилось!

Не надо объяснять, как обрадовались дождю барсучата: истосковавшиеся по влаге червяки повылезали на поверхность, а моим питомцам только этого и надо было — охотничий сезон открыт! Акорна, например, было за уши не оттащить от пруда. Нередко он с великим наслаждением плавал по периметру и нырял за водяными жуками. Иногда он даже усаживался посредине — где мелко — и принимался прихорашиваться: я ли не удалец, я ли не молодец! Меня бы на конкурс красоты среди барсуков, жаль только, что такого нет! Те трое, которых я выкормила из бутылочки, приходили ко мне по-прежнему, но остальные были куда более осторожными, и наблюдать за ними я могла только через стекла, когда они находились у себя в «палатах».

По вечерам я брала домой Блюбелл. Но внезапно в ее поведении открылась пугающая странность: она начала проявлять агрессивность по отношению к Симону и Дэниэлу, которые были дома на летних каникулах. А впрочем, я тогда нашла этому объяснение — она, как и прежде, хотела только моего общества и больше ничего.

Всегда, когда я выводила ее для встреч с посетителями, она проявляла удивительную деликатность по отношению к детям. Но как-то раз случился сбой. У нас в рукотворном гнезде находилась группа из 30 человек; она вышла, стала тереться о ноги людей и давала себя погладить. Пока мы беседовали, вошла супружеская пара с двумя маленькими детьми. У одного из них в руках были конфеты, и моя милая

Блюбелл, почуяв вкуснятину, направилась к ребенку, предвкушая угощение. Но другой мальчик до того испугался, когда она стала приближаться, что с ним случилась истерика, и он вскочил на стул. Не меньше перепугалась и сама Блюбелл, но прежде, испугавшись чего-то, она забиралась обратно в «палаты»; на сей же раз она устремилась в погоню за беднягой. Я, конечно, схватила ее за шкуру, запихнула обратно в гнездо и заперла дверцу — так она подскочила к дверце и принялась отчаянно царапаться. Слава Богу, ребенок отделался, как пишут в сводках происшествий, легким испугом. Родители оказались очень понимающими и сами высказали предположение, что ребенок криком напугал барсучиху. Я мысленно поклялась, что больше никогда не подпущу Блюбелл близко к людям.

Как только публика ушла, я сразу бросилась звонить Стюарту:

— Прости, ради Бога, но, по-моему, опять что-то не так. Блюбелл выглядит хорошо, шкурка лоснится, не потеряла ни фунта веса, но сделалась очень агрессивной.

Стюарта не надо было упрашивать осмотреть ее. Хотя всего месяц назад анализы не вызывали опасений, он как настоящий врач не мог игнорировать мои подсознательные чувства.

И снова мне пришлось злоупотребить ее доверием — так я считаю! — и сунуть в ящик. Нести ее было не так легко — она весила около сорока фунтов¹.

— Ну,— сказал Стюарт, позвонив сразу, как только я вернулась,— оказывается, ты не зря меня предупреждала! Я, idiot, не послушался, и вот зашиваю себе палец!

...Когда Стюарт стал давать ей наркоз, Блюбелл предприняла первую попытку цапнуть его «по-дружески» (как выразился сам Стюарт), так что он решил увеличить дозу. И жестоко поплатился за это: Блюбелл прокусила ему палец у самого сустава... Уже после, когда все было кончено, он признался, что в тот момент усомнился в возможности скорбного исхода... Но от судьбы не уйдешь...

— Мужайся, Паулина. Ей снова очень плохо. Легкие еще хуже, чем в первый раз. Единственное, что можно предпринять,— вводить более сильные дозы антибиотиков в течение более продолжительного периода.

Мы уже убедились в практической невозможности введения барсучихе лекарств через рот. У барсуков столь острое

¹ Более 18 килограммов.

чутье, что их не заставишь съесть даже самую лакомую пищу, если к ней примешано лекарство.

— Проблема заключается в том, — сказал Стюарт, — что она стала крайне опасной. Я не хочу, чтобы уколы делала ты. Она ведь крупная барсучиха и, пожалуй, натворит бед.

— Знаешь, Стюарт, — ответила я, в полной мере отдавая себе отчет в том, что только что услышала. — Если кто-то и сможет делать прививки Блюбелл, так только я. Ну, а если ничего не выйдет, придется усыплять.

— Заберешь ее, когда у меня все будет готово. Я подготовлю все антибиотики и инструкции. Но в любом случае, Паулина, помни об осторожности! — предостерег меня Стюарт.

— Милая Блю, — сказала я, когда привезла барсучиху назад и поместила в загон-«лечебницу». — Что же мне с тобой делать?!

Барсучиха, как всегда, подошла и положила голову на колени, но я поняла, что она уже не доверяет мне так, как раньше. Поглаживая ей головку, я думала о будущем.

Я делала ей уколы в течение трех недель ежедневно, и самым тяжелым днем был первый. Она, дрожа, забилась в один угол, понимая, что я собираюсь что-то делать с нею, а я, дрожа, — в другой, не понимая, что она хочет сделать со мной. Прежде я угощала ее сливочными пирожными, и благодаря этому она позволяла делать себе инъекции; но теперь ее доверие ко мне было утеряно, и мне пришлось накрыть ее одеялом, чтобы ввести лекарство. Когда я убрала одеяло, Блюбелл — в первую секунду — хотела броситься на меня, но расслабилась и улеглась на своей постели. Она не могла понять, почему ей так трудно дышится и вообще все требует больших усилий.

Тем не менее мало-помалу мы восстановили доверие друг к другу. Я делала уколы, чистила загон и никого к ней не подпускала. В результате лечения ей снова стало лучше, да и аппетит оставался зверский. Стюарт посоветовал мне кормить ее до отвала; еду для нее я хранила в ящике для мороженого, так она иной раз умудрялась слопать за день целый ящик. По прошествии какого-то времени мне стало казаться, что дела пошли на поправку. Стюарт объяснил, что при легочных инфекциях не меньший ущерб наносится в процессе выздоровления при рубцевании мягких тканей, чем при самой болезни. Требовалось запастись терпением — и ей и мне.

Кэткин — может быть, потому, что Блюбелл неведомо куда пропала — нашла способ удирать, и по вечерам мы часто видели ее на лужайке. Если никто не обращал на нее внимания,

она приходила под утро к рукотворному гнезду, садилась возле двери и ждала, чтобы ей открыли. Ну не плутовка ли?

...После трехнедельного курса инъекций и заключительного рентгеновского обследования забрезжили надежды на исцеление, и я вернула Блюбелл в рукотворное гнездо. Теперь, когда она снова стала связующим звеном между нами и барсуками, мы решили открыть ворота и предоставить им свободу.

Очень радостно мне было видеть после стольких тревог и трудов, как Кэткин крутится вокруг меня, а Блюбелл снова резвится и гоняется за нами! Туманными сентябрьскими вечерами я наблюдала только силуэты других барсуков, охотившихся возле линии кустарников, но уже не подходивших ко мне так доверчиво, как Блюбелл и Кэткин; тем не менее они по-прежнему считали ферму родным домом.

Гнездо, которое Блюбелл выкопала для себя в саду, было существенно расширено, и барсучье семейство жило то в рукотворном гнезде, то в настоящем. Тропки, ведущие к этому последнему от ближайшего амбара, оказались усыпанными соломой — это барсуки таскали ее себе для постели, заодно утверждаясь в правах хозяев территории. Теперь я снова могла гулять в окрестностях фермы в сопровождении моей милой Блюбелл и Кэткин. Как я была счастлива!

Тем временем поступил еще один сигнал, позвавший нас с Дерекком в путь: звонили с соседней фермы, где нашли покалеченного барсука. Его пока поместили в сарае, за небольшой дощатой загородкой. Отловить барсука в его временном убежище оказалось несложно: из-за ран животное совсем обессилело. Мы привезли его к себе на ферму, поместили в «больничную палату», и Дерек бросился звонить ветеринару: пусть решает, что с ним делать. Глядя в окошко, я увидела у него на ноге страшную рану, полученную в борьбе за территориальные владения. Рана так и кишела личинками. Измотанный и истерзанный барсук двинулся под свет лампы и повернул ко мне морду. В первый раз в жизни я как следует взгляделась в его лицо (если так можно сказать о звере!). Шрам на носу и розовые крапинки говорили о том, что передо мной не кто иной, как Достопочтенный Барсук. Эх я, старая копченая селедка! Столько вложила в него сил и души, берегла его, пока стояла засуха, — и ради чего? Чтобы снова обречь его на физические страдания и на боль, ведомую всякому изгою, будь он зверем или человеком?! Мы повезли барсука к ветеринару — в последний путь, и всю дорогу я кляла себя за то, что обречла животное на муки. Кто я такая, что вообразила, будто могу пересилить природу?

...Прошло всего несколько дней, и как-то вечером я отлучилась по делам — прихожу, а у моего порога сумка. Я уже почти догадывалась, что там. Люди иногда приносят нам найденных на дороге мертвых барсуков. Мы расстегнули сумку — точно, мертвый барсук, точнее, барсучиха, засунутая головой вниз. Она была еще теплая, значит, погибла только что. Я вытащила труп — и увидела удивительную по красоте юную головку... Хотя смерть зверей — неизбежная составляющая моего жизненного пути, к ней никогда не привыкнешь. Но эту головку я узнала сразу же. Это была моя Кэткин! Ее сшибла машина совсем неподалеку от фермы. Как мало суждено ей было прожить на свете...

Передо мной пронеслись картины ее детских дней. Помню, была таким «гадким утенком», а стала полной жизни красавицей! Взяв в ладошки ее маленькую головку, я сказала ей последнее «прости».

И дернул же меня черт выпустить ее так близко от фермы! Есть же места вдалеке от проезжих дорог — отвезла бы туда, не случилось бы этой беды! А впрочем, мест для выпуска всегда не хватает. В этот сезон через наши руки прошло семнадцать барсучат, из которых выжили одиннадцать. Пятеро барсучат из нашей «кухонной компашки» были взяты под наблюдение Обществом покровительства животным, включены в группы для выпуска. Но поскольку Кэткин больше других была привязана к ферме, казалось естественным закрепить нашу землю за ней. А главное, сколько мы живем на этой ферме, на нашей дороге барсуки никогда не попадали под машину. И вот теперь... За что ей это?! За что мне такое горе?!

Бывает, жизнь наносит тяжелые удары, но все равно надеешься: хуже уже не будет. Как бы не так...

Все случилось в течение одной недели: Кэткин погибла в субботу, инцидент в Уэмбдоне, когда барсуки оказались погребенными под тоннами грунта, произошел в понедельник, но как я могла знать, что ждет меня во вторник!

В то утро я читала лекцию в Каннингтоне. Уже потом мне рассказали, что в мое отсутствие Блюбелл неожиданно сделалось совсем плохо. Барсучиха выбралась из рукотворного гнезда и поползла в поле, где и была подобрана одной из наших работниц. Мой сын Симон немедленно отвез ее к ветеринару. И надо же было так совпасть, что по дороге домой я заехала к тому же ветеринару Марку прикупить еды для собак. Я колебалась, заезжать или не заезжать — у нас оставался еще один пакет, так что было не к спеху, к тому же на дороге

было очень много машин. И все-таки я решила заехать. Вхожу в приемную, а дежурная сестра огорошивает меня вопросом: — Приехали проведать Блюбелл?

Я поняла, что с барсучихой что-то очень серьезное.

Сестра повела меня в заднюю комнату. Блюбелл по-прежнему находилась в клетке и глубоко дышала. Когда я вошла, она встала, а я упала перед клеткой на колени.

Марк пытался объяснить мне причины случившегося коллапса; я слушала и все больше осознавала, что это конец. Вдруг Блюбелл зарычала, выгнула спину, распласталась на полу — и недвижно застыла. Я подняла ее, положила на стол — все было кончено. Она отмучилась. Она словно дожидалась моего приезда, изо всех сил борясь за жизнь, чтобы умереть у меня на руках. Это было высшее проявление ее любви ко мне.

В это мгновение вошел Стюарт, который только сейчас получил известие, что в лечебницу поступила Блюбелл.

— А, это ты, Блю,— сказал он, ласково погладив ее по голове...

Оставляя барсучиху для вскрытия, я сказала: «Я заберу ее» — и выскользнула в дверь, пока не пришлось говорить что-то еще.

...Вскрытие показало, что легкие у Блюбелл были в очень плохом состоянии, и ни о какой надежде не могло быть и речи. Мы разослали Группам по защите барсуков извещение о ее смерти, об этом сообщили и по радио, и по телевидению — ведь мою Блюбелл знали многие.

Вот это сообщение — слово в слово.

БЛЮБЕЛЛ

Блюбелл появилась на ферме Нью-Роуд в конце февраля 1989 года. Их было трое — сестрички Блюбелл и Примроуз и братишка Уиллоу. Они осиротели, когда их мать была нечаянно убита строителем, прокладывавшим дренажные трубы. Увидев, как трое барсучат сосут свою мертвую мать, один из рабочих вспомнил о существовании фермы Нью-Роуд и передал барсучат на попечение Паулины Киднер.

Когда Блюбелл попала на ферму Нью-Роуд, ей было около пяти недель от роду и в длину она была всего восемь дюймов. У нее была бархатная шубка, а глаза только-только начинали открываться, но при этом она уже могла похвастаться длинными коготками и симпатичной полосатой мордашкой.

Именно Блюбелл, Примроуз и Уиллоу стали первыми барсуками, которым была уготована широкая известность,— фо-

тографии Паулины, гуляющей по полям с таким эскортом, покорили сердца публики. Популярность барсуков привлекла на ферму Симона Кинга, снимавшего Блюбелл еще с младенческого возраста.

Хотя другие барсуки покинули ферму Нью-Роуд, Блюбелл продолжала возвращаться каждую ночь — она по-прежнему считала ферму родным домом. Она аккуратно выкопала в цветочных клумбах перед домом новое гнездо (хотя никогда не жила в нем), и если дверь в доме была распахнута, нередко приходила к Паулине кланить бисквиты.

28 февраля 1992 года Блюбелл родила двоих детенышей. Кроме того, она в том же году воспитала как своих еще троих барсучат. Каждый год она учила молодняк, как стать настоящими барсуками. Когда было принято решение о создании специальной группы по финансовой поддержке, все согласились, что лучшим названием для нее будет «ОБЩЕСТВО БЛЮБЕЛЛ».

В конце лета 1994 года Блюбелл серьезно заболела, и ее пришлось изолировать от других барсуков, находившихся в рукотворном гнезде. У нее развилась легочная инфекция с плевритом и воспалением грудной полости. В течение некоторого времени борьба с болезнью шла успешно, но затем снова наступило ухудшение, сопровождавшееся резким увеличением количества белых кровяных телец. Едва кризис миновал, она была возвращена обратно к другим барсукам, но вскоре снова заболела бронхопневмонией.

Барсучиха Блюбелл ушла из жизни 8 сентября 1994 года.

В память о ней работа в Центре по спасению барсуков и других животных «Тайный мир», руководимом Паулиной Киднер, продолжается. Мы всегда будем ее помнить.

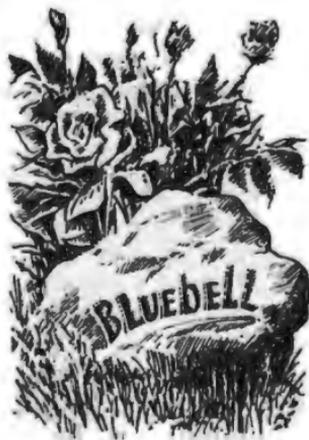
Блюбелл обрела вечный покой у нас во дворе перед главным домом; на ее могиле разбили цветочную клумбу. Место ее последнего приюта отмечено большим камнем с ее именем, который по ночам освещается мощным прожектором. Я прихожу туда почти каждый вечер. Этот камень — первое, что я вижу, когда возвращаюсь домой.

Тем, кто не познал дружбы с диким животным, не понять всей горечи понесенной мною утраты. Теперь, когда я брожу по полям, мне незачем оглядываться назад — я уже не увижу ее полосатой мордашки, не увижу, как моя Блюбелл — ах, что это была за сорви голова! — резвится на лужайке. Мне выпало счастье разделить с нею жизнь. Я не забуду ее. Она была моей Блю.

Никогда прежде я не чувствовала себя до такой степени опустошенной и измотанной. Я ни за что не поверю, что люди, заботящиеся о диких животных, хоть иногда не задают себе вопросы: «Зачем все это? Не бесполезная ли трата времени, не измена ли здравому смыслу?» Те, кто видит нашу работу лишь со стороны, нередко говорят: мол, какие вы счастливые, что живете такой судьбой! Да, так оно и есть, но как часто эта судьба бывает горькой!

В течение многих лет мы вели борьбу с банками, пытаюсь выцарапать из них деньги на финансирование нашей работы. И всегда нас преследовала мысль: если придется расстаться с фермой, что же будет с Блюбелл?

Я была счастлива в семейной жизни — какие бы волны ни обрушивало на нас житейское море, мы с Дерекком все-таки выплывали. Теперь, когда главный источник ответственности исчез, я почувствовала опустошенность. Мне казалось, я могу просто встать и уйти, куда ноги понесут.

Глава девятая
ПОСЛЕ БЛЮБЕЛЛ

Когда осиротело рукотворное гнездо, другие обитавшие там барсуки стали все чаще наведываться в жилище, вырытое Блюбелл в саду. Я решила: коль скоро эта группа барсуков прочно закрепилась на территории нашей фермы, построю-ка я для них еще одно гнездо, а то, первое, предназначу только для временного пребывания поступающих ко мне барсуков. Мы построили новое гнездо при помощи одной строительной фирмы, которая прислала к нам рабочего с лопатой, и при участии добровольных помощников. Все строительство заняло один день, и уже ночью животные справили новоселье.

...Теперь, по прошествии времени, я понимаю, что в ту непростую для меня пору готовилась к самому худшему — продаже фермы. В таком случае, даже если первое рукотворное гнездо, построенное для наблюдений, окажется закрыто, останутся еще одно рукотворное и одно настоящее — места хватит всем! Волновала меня и еще одна вещь: если вдруг все и в самом деле пойдет прахом, что ждет работающих с нами девушек, преданных делу спасения зверюшек, влюбленных в эту работу?

Прошел октябрь, наступил ноябрь, а энтузиазма у меня по-прежнему не прибавилось. Как-то я уехала на весь день читать пенсионерам лекцию с показом слайдов. Лекция прошла хорошо, и я ненадолго забыла о своем горе, демонстрируя фотографии разных живших у нас зверюшек и рассказывая забавные истории, приключавшиеся с ними.

Тут из аудитории поступил вопрос:

— Любезная Паулина, вы, конечно, чувствуете себя в такой обстановке как рыба в воде. Но держу пари, что окружающие вас простые смертные стонут, когда вы пристааете к ним с какими-нибудь заковыристыми просьбами. Как вам удается выкручиваться из подобных ситуаций?

— Хотите самую щекотливую? Пожалуйста. Однажды весной у меня на попечении были две премиленькие серые белочки, девочка и мальчик. Житье у них было прекрасное, да вот беда: девочка пристрастилась... Ну, как бы вам это объяснить? В общем, заниматься со своим братишкой любовью на французский манер. Допускаю, от этого оба получали немало удовольствия, особенно мальчонка, но стручок-то у него от этого стал ненормально красным, как язва. Еще немного — и никогда бы не стать ему мужчиной. И я подумала...

Публика замерла в ожидании.

—...Дай-ка я позвоню знакомому фармацевту. Может, он подскажет, что делать в таких случаях? Я чувствовала, как он густо покраснел, потом хохотал в трубку, как сумасшедший, а затем доложил о ситуации своему ассистенту, который готовит лекарства на заказ. В итоге я смазала бельчонку его мужское достоинство вазелином, к которому добавила капли горького алоэ. Сестренка потом весь день плевалась — что ж, получила хороший урок!

Как здорово, когда другие люди с радостью слушают рассказы о твоей работе — ведь, ко всему прочему, это вызывает интерес к окружающей нас дикой природе!

Когда я вернулась с лекции, уже спускалась ночь. Проезжая мимо клумбы, под которой покоилась моя барсучиха, я обратила внимание, что на стебельках уже появились бутоны. Вот войдет весна в свои права — и вспыхнет целый фейерверк голубых цветов, салютуя в память о ней.

Я медленно катила через двор по шуршащему под колесами гравию и любовалась множеством скворцов, круживших в небесах. Они слетались с разных сторон, криком приветствуя друг друга, так что казалось, будто небо темнеет от них. Скворцы зимуют в наших краях уже много лет. Сплетая в воздухе подобие кружева, стаи птиц то садились на краткий миг на

хвойные деревья, то устремлялись вниз, к прудам, то снова взмывали ввысь и возвращались на деревья.

На первый взгляд скворцы, может быть, ничем и не примечательны, но присмотришься повнимательнее — увидишь, сколь красиво их оперение, особенно в брачный период, когда белые кончики оттеняют блестящие, черные до синевы перья. Эти птицы, готовые есть практически все, что подвернется, легко приспосабливаются к жизни как в деревне, так и в городе, и благодаря этой приспособляемости и живучести резко возросла их численность. Бог знает сколько их зимует в наших краях, но известно, что в одном месте на зимовке их может насчитываться свыше миллиона. К ночи они собираются, точно пчелы, и каждому ведомо, где его дерево и даже ветка. На заре они снимаются точно в таком же порядке, как усаживались; группы отправляются в полет с регулярными интервалами, а вечером возвращаются вновь.

Я предвкушала — весна вот-вот заявит о себе в полный голос, и воздух будет напоен их песнями. Где ты, где ты, моя единственная, прилетай скорей! Впрочем, своим пением скворцы легко могут ввести слушателя в заблуждение. Они ведь блестящие подражатели и часто копируют других пернатых, как-то: кроншнепов, лысух и желто-коричневых сов, а иногда даже пытаются имитировать человеческий голос! Брачный период скворцов напомнит о себе множеством неопрятных гнезд, появляющихся на карнизах, и дуплами в старых, сплетающихся ветвями яблонях в нашем саду. Вскоре земля окажется усыпанной бледно-голубыми скорлупками яиц — это значит, что у скворцов вывелись маленькие, а ненужные скорлупки выброшены родителями, чтобы содержать гнезда в чистоте. И снова у скворцов хлопот полон рот — они ведь ротастые, птенцы-то!

...Так повторяется из года в год, из сезона в сезон. А пока я с наслаждением наблюдала каждый вечер одну и ту же картину и думала, как же все-таки блестяще синхронизированы явления жизни дикой природы, о которой мы знаем по-прежнему так мало!

Девушки, окончив рабочий день, надели куртки, взяли сумки и, помахав мне на прощание, пошли через залитый электрическим светом двор. Теперь, когда спустилась ночь, в нем царил тишина. Дерек, как обычно, ушел на вечерний крикетный матч, а я, оставшись одна в доме, прислушивалась к шуму стучавшего в окошко дождя.

Отхлебнув еще глоток кофе, я приподнялась с уютного кресла и оглядела кухню. Все собаки, всласть набегавшись за

день, спали без задних ног. Наша маленькая шнауцерица Сэм растянулась у камина, раскинув задние лапы, — усталость и тепло быстро сморили ее. Барни, как всегда, занял другое кресло — под массой коричневой курчавой шерсти не было видно, открыты у него глаза или закрыты. Но то, как он подрыгивал ногами, показывало, что он видит уже, пожалуй, десятый сон: он все гоняется за кроликами и никак не может их настичь. Мой «крошка» Мэрри разлегся у огня бок о бок с Сэм — он занял собой столько пространства, что требовалось большое искусство, чтобы пройти по кухне и при этом не задеть его: чем пытаться, проще сразу искать обходной маршрут. На прошлой неделе к нам приезжали из Общества покровительства животным — посмотреть, как он себя чувствует: он ведь у нас уже полгода. Я мимоходом бросила взгляд на его регистрационную карточку — там в графе «порода» стояло: «Помесь немецкой овчарки с доберманом».

Бедный Дерек! Как сейчас помню: «Пусть будет кто угодно, но только не овчарка!» А тут мало того что собака именно этой породы, так еще ее преданность не больно-то жалующему ее хозяину вполне сравнима с ростом! По утрам Дерек обыкновенно встает первым и первым же сталкивается нос к носу с этой громаднейшей псиной, ибо Мэрри несется по гулкому коридору навстречу каждому, чьи шаги слышит. Как-то утром Дерек, накинув халат, отправился в кухню поставить чайник — и вдруг я слышу его гроыхающие шаги, несущиеся в обратном направлении и сопровождающиеся раскатистыми многоэтажными выражениями, а сзади — гулким топотом собачьих ног! Дереку удалось-таки выиграть бешеную гонку и вскочить в спальню, захлопнув дверь перед самой мордой Мэрри!

— Твоя псиная... Знаешь, что наделала твоя псиная!!! — ревел мой благоверный (удивительно, как только какое-нибудь животное нашкодит, так оно непременно мое!). — Твоя псиная, — в который раз повторил Дерек, дабы убедиться, что я уже точно проснулась и выслушаю все, что у него на душе наболело, — прыгнула на меня, халат расстегнулся, так она мне чуть под корень не оторвала! Вон, посмотри, какая царапина!

Тон его голоса был такой, что я мигом стряхнула остатки сна и сделала все возможное, чтобы выразить своему супругу сочувствие и не расхохотаться при этом.

Несмотря на все, Дерек повторил свой поход в кухню, однако напялил для надежности прочные штаны, готовясь принять на себя новую атаку. Так что свой кофе в постель я все же получила, из чего заключила, что прощена.

Теперь собаки мирно почили, все вокруг дышало покоем. Я снова оглядела мою кухню, мою тихую пристань... И мне все это оставить, поменять на другую судьбу?

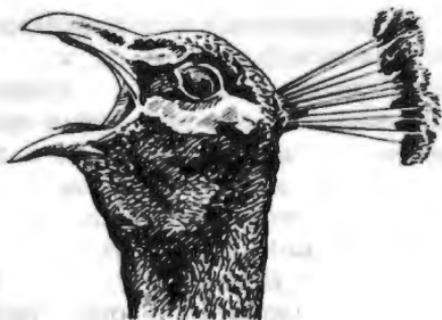
Но теплую, уютную кухню все же пришлось покинуть. Я сделала над собой усилие и неохотно встала с

кресла — время было кормить барсуков, живших в рукотворном гнезде. У нас в эту зиму жили два самца — они поступили слишком поздно, чтобы предыдущим летом можно было включить их в формирующиеся группы для выпуска, и теперь будут выпущены вместе с детенышами, которые к нам поступят.

От моих шагов все собаки проснулись и спустились со мной вниз по лестнице. Я натянула куртку, потому что снаружи дул холодный ветер, и взяла еду для барсуков. Собаки остались в той части двора, где они всегда играют, а я, светя фонарем, отправилась в отдаленную часть фермы.

Когда луч фонаря коснулся загонов с птицами, из глубины раздались хриплые крики маленьких сов. Как всегда, проходя мимо большого конского каштана, я посветила на его крону, методично считая павлинов и цесарок, рассеявшихся на голых ветках, — очевидно, им было наплевать на холодный ветер, несущийся с плоской равнины. Длинные цепочки птиц так и раскачивались под его ударами — удивительно, как это они умудрялись не терять равновесия.

Внезапно мне в глаза бросилась полосатая морда, метнувшаяся к сенному амбару. Сколько ни вожусь с барсуками, а все равно волнуюсь, когда вижу, как они носятся по ферме. Выключив фонарь, я оперлась на ограду и стал ждать: при ярком свете луны я могла ясно различать происходящее и без фонаря. Сперва до моих ушей донеслось фырканье, а затем я увидела, как большое серое тело неуклюже движется по направлению к новому искусственному гнезду. Это был Акорн. Из-под подбородка у него свисал пучок золотой соломы, которую он нес себе для постели. Заботясь о сохранности своей драгоценной ноши, он оперся о бетонную ограду, с помощью лапы свернул солому шаром — так целее будет, меньше потеряется по дороге, а то и так уже весь путь от сарая до гнезда услан соломинками. Превосходно зная направление, он нырнул в нору и, виляя задом, чтобы не застрять, исчез из виду.

Как хорошо тому, у кого есть не только собственный дом, но и мягкая мебель!

Я продолжила путь к старому рукотворному гнезду, где, как я уже сообщала, у меня живут два барсука, и разбросала им еду по всей территории — пусть-ка погоняются за кусочками, как их сородичи на поле гоняются за червяками и жуками. До чего же мне хотелось впоследствии благополучно даровать им свободу!

Дорога к следующим загонам лежала через овечий — там было по колено грязи, потому что туда стекалась вся дождевая вода. Двигаясь дальше, я проведала сипух в «совешнике», который построил Симон Кинг, — в этом просторном сооружении они могли летать, как и их сородичи в дикой природе. Пока что они с азартом поедали предложенное кушанье с подноса. В 1994 году они стали героями фильма Симона Кинга «Сипуха Тайто», и надеюсь, доживут свой совиный век в нашей славной компании. А чего еще совам надо? Просторно, летай без опаски, крыша над головой и корм всегда под клювом.

Далее я осмотрела «больничные палаты». В первой у нас жили ежи — мы взяли их на зиму, поскольку они не набрали достаточно веса, чтобы выдержать зимовку в дикой природе. Многих из них я не нашла на месте — очевидно, забились куда-нибудь в уголочке и переваривают пищу, копя жирок. Лучше поздно, чем никогда.

Тут, услышав мой голос, мне ответил наш давний жилец Сейдж. Он уже стар — под старость странствия опасны. Зиму проводит в «больничной палате», наслаждаясь теплом инфракрасной лампы — с такой штукой не страшны самые холодные ночи. Теперь он, как обычно, подлетел к проволочной сетке, чтобы я почесала ему голову.

В одной из «больничных палат» живет барсучиха со сломанной ногой. Я тихо вошла к ней и перевернула ее на другую сторону, чтобы она не отлежала себе бок. Я говорила ей тихие ласковые слова, она же не сводила с меня глаз. Но, как я ни старалась ее утешить, она по-прежнему страшно нервничала, ведь несчастье выбило ее из привычной колени. Перелом у нее был тяжелый, так что пройдет еще много дней и недель, прежде чем ей станет лучше.

И наконец, в последней «больничной палате» у нас жил барсук-самец, восстанавливавший силы после операции в ухе. Его «палату» можно было не открывать — я ясно видела в окошко, как он растянулся на одеяле под лампой. Его нашли в саду в самом центре городка Уэстон-Сьюпер-Мэр. Хозяин

страшно гневался на этого барсука, который через лазейку для кошек забрался к нему в сад, где у него были разбиты цветочные клумбы, и изрядно покопался там, причем разрыл не одну какую-нибудь клумбу, а все, так что их пришлось восстанавливать заново.

Как читатель уже понял, мы живем в весьма густо заселенном и застроенном краю, так что, если барсук среди бела дня сунул свой блестящий нос куда не положено, следует ждать неприятностей. Когда поступил сигнал об этом животном, я пригласила с собой активистку нашего «Общества Блю-белл» Линду Гровс — мы решили посадить животное в ящик, привезти на ферму и там как следует осмотреть. Линде впервые подвернулась возможность участвовать в отлове барсука, и она горела желанием увидеть все собственными глазами. Барсук лежал, свернувшись клубочком, позади кустарника и выглядел совсем небольшим; накрыв его одеялом, я осмотрела загривок и ноги и хотела взять его на руки. Однако чем выше я его поднимала, тем больше ахала: ух, какой же он здоровущий, бродяга! Оказывается, он так зарылся в почву, что глазу оставалась видна только «верхушка айсберга», и маленький, как я думала, детеныш на деле оказался солидным барсучищем. Слава Богу, он не предпринял попыток к сопротивлению и спокойно дал посадить себя в ящик. Линда так и сияла от восторга!

— У тебя получилось так, будто это совсем несложно, — заметила она.

— Поверь, — ответила я, — на сей раз так оно и было на самом деле. Но они не все такие податливые, как этот.

Итак, Урби — как назвала его Линда, потому что его нашли среди шума городского¹, — стал новым гостем нашего Центра. Осмотрев его дома, я не обнаружила каких-либо увечий, и мы решили отвезти барсука назад и выпустить — разумеется, подальше от клумб. Но в первую ночь он даже не притронулся к предложенному угощению, и мы решили подержать его еще немного у себя. На следующую ночь — с пятницы на субботу — повторилась та же история, но в субботу было много всякой возни, и мотаться еще куда-то, прямо скажем, не было ни времени, ни сил. Но к воскресенью я поняла, что у него что-то неладно с ухом, по исходившему оттуда тяжелому запаху, и отвезла его к врачу. Оказывается, у бедняги развился абсцесс уха. Разумеется, ему были введены антибиотики, а на следующий день врач под наркозом вычистил ему все по

¹ От латинского *urbs* — город.

правилам науки. Курс инъекций помог ему справиться с недугом — оставалось только подержать его еще дней пять до полного восстановления сил.

Заглянув в его «историю болезни», я поняла, что животное скоро нужно будет выпускать на волю. Иные зададут вопрос: как можно выпускать зверя в густонаселенном районе? Но раз он там приспособился и жил, кто мы такие, чтобы сомневаться в пригодности этой территории для его проживания? Я записала себе — надо звякнуть Линде, когда придет пора его выпускать.

Тщательно заперев ворота, ведущие к загонам, я еще раз подумала обо всей той работе, которую мы делаем. Эх, каких-нибудь несколько месяцев назад по эту сторону ворот меня поджидала бы моя милая Блюбелл — барсучиха почуяла бы, что я рядом, и терпеливо дожидалась бы моего появления. Да, подчас приходится тяжело, да, порой не знаешь, как достать денег на строительство новых загонov, но во имя животных, которые приходят к нам за помощью и защитой, и во имя людей, которым нужно внушать мысль о необходимости беречь и защищать природу родного края, я готова нести свой крест.

Конечно, я бы не выдержала, если бы не самая разношерстная помощь стольких людей. Ну вот, к примеру, девушки, что у нас работают. Некоторые из них направлены к нам агентствами по трудоустройству молодежи, и оклады у них не ахти какие, но они искренне преданны братьям нашим меньшим и трудятся, себя не щадя. А добровольные помощники и помощницы — как бы я обошлась без них? Многие из них пришли к нам, влекомые одним энтузиазмом, любовью к животным и слабо представляя себе, что здесь им придется столкнуться и с потоками крови, и с вонючими лужами, и со смердящими кучами. Даже такая простая вещь, как потрошить мертвых замороженных цыплят зверям на завтрак, и то поначалу требует мужества! А ведь молодцы, не испугались и остались с нами.

Каждый из наших помощников (и, разумеется, каждая из наших очаровательных работниц) готов поведать массу приключившихся с ним историй, забавных и не очень. Ну взять, например, Бекки — она пришла к нам прямо со школьной скамьи. Крепкая такая, здоровенькая пышечка. С жаром взялась за дело и исполняла все до мелочей. Правда, и растолковывать ей приходилось каждую мелочь, а стоило один раз не растолковать — и случилась трагикомическая история...

Читатель понял, что при всей моей любви к животным я не всесильная. Даром воскрешать из мертвых Бог меня не наградил. Такова рутина нашей жизни, от этого никуда не деться! И нашей уютной печке «Рейберн», которая своим теплом спасла столько пернатых и четвероногих, подчас приходится служить и крематорием, где рассыпаются в прах тела тех, кому Бог не дал счастья выжить... Как-то Бекки возилась вместе с Мэнди с ежами, находившимися на излечении в «больничной палате» и обнаружила, что ночью одного из них Бог прибрал. Зафиксировав факт смерти в его «истории болезни», Мэнди завернула усопшего в газету и сказала Бекки: — На вот, отнеси на кухню.

Что Бекки мигом и выполнила.

Вернувшись домой из офиса, я зашла на кухню и уловила непривычный, но довольно приятный аромат. «Это Дерек, должно быть, греет рыбу или чипсы,— подумала я.— Вот уж мы ими полакомимся!» А надо вам сказать, что подогревают эти вещи перед тем, как подать на стол, завернутыми в газете.

Я глянула на печку; да, действительно, на плите грелся сверток, причем уже начал сильно дымить. Я распечатала его с помощью плоскогубцев — и поняла, что произошло: Мэнди поленилась подробно объяснить Бекки, что нужно открыть топку и швырнуть ежа в пламя. Фразу «неси ежа на кухню» Бекки поняла так, что его нужно приготовить... Долго еще сконфуженной бедняжке не давали забыть об этом эпизоде.

Но самый забавный и притом пикантный случай произошел с юной красавицей Мартиной, нашей добровольной помощницей. У нее была прелестная, изящная фигура, которой позавидовала бы любая фотомодель. Золотые кудри, убранные, как хвост пони, ниспадали вниз плавными волнами — ну какой мужчина пройдет равнодушно, не окинув взглядом! Куда бы она ни направлялась, за ней всегда волочился кто-нибудь из наших парней, готовый исполнить любое ее поручение, а уж таскать ведра с кормом для животных ей и вовсе не приходилось: мужчины чуть не дрались между собой за право поднести грязное ведро. Но это ее ничуть не испортило — преданности делу и умения находить общий язык с нашими питомцами ей было не занимать.

Как-то раз — это было давным-давно, когда она у нас только появилась, — Дерек был занят беседой с Симоном Кингом и парнями из его киногруппы, снимавшими у нас фильм. Увидев красавицу Мартину, вся компания застыла в изумлении.

— К-к-кто это?! — промямлил первый, к кому вернулся дар речи.

— Наша новая добровольная помощница, — ответил Дерек, пряча хитрую улыбку. — А почему это вас так интересует?

— Ну... — смутился Симон Кинг, — если ей самой требуется помощь, мы к ее услугам.

В тот вечер я показывала ей, как кормить детеныша летучей мыши из пипетки. Покормив детеныша, я поместила его в специально сшитый кармашек на веревочке, который носила на шее. Летучие мыши — существа общественные, гнездятся огромными колониями, и естественно, детеныш чувствует себя счастливее, когда слышит биение сердца другого живого существа и ощущает тепло, чем если бы он жил один-одинешенек в какой-нибудь картонной коробке.

— Ты сегодня дежурная, — сказала я Мартине, торжественно вешая ей на шею, будто медаль, кармашек с живым существом, — тебе и присматривать за ним!

— Рада стараться, — ответила Мартина, поправляя веревочку на шее и мешочек под пуловером так, как это делаю я. — Будь спокойна, у меня уж он не простынет!

Я наказала ей еще покормить крольчонка, а сама отправилась в «больничную палату» забрать полотенца для стирки.

— Ну как, покормила крольчонка? — спросила я Мартину на обратном пути.

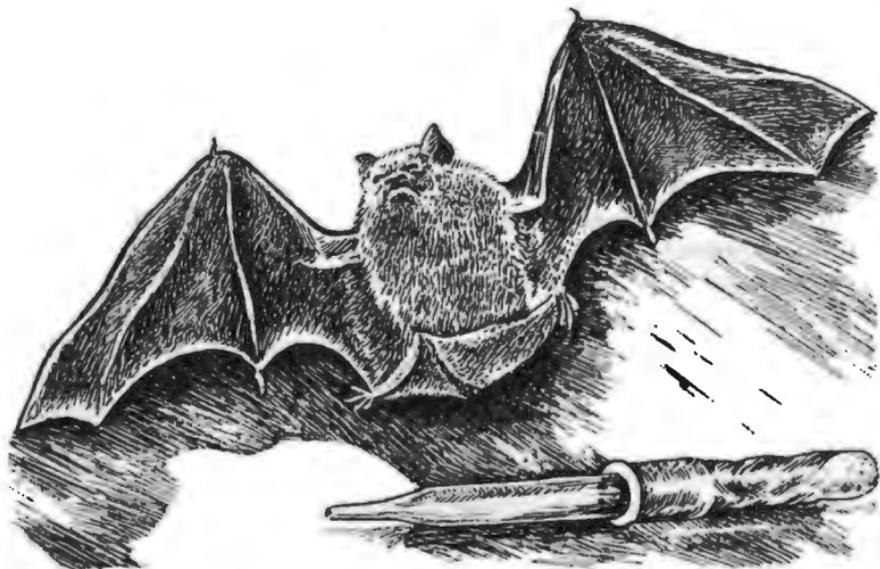
— Все в порядке, крольчонок покушал хорошо, — ответила она. — Только... — запнулась она и пошарила у себя под нижней рубашкой. — Боюсь, мышонок куда-то запропастился.

Я подошла к Мартине. Она с покорным видом стащила пуловер, затем рубашку и осталась голышом до пояса, только женские прелести по-прежнему скрывались под нарядным кружевным бюстгалтером — жаль, такое произведение искусства не покажешь на публике, не такие у нас на ферме нравы! Ну, думаю, у нее начался сдвиг из-за потери.

— Можешь найти его? — спросила Мартина, переживая за детеныша.

Вот это да, подумала я. Птичьи яйца у нас в женском лифчике уже были, так теперь еще и летучая мышь! А надо вам сказать, что Мартина, дабы казаться еще пышнее, носила лифчик на номер больше, так что туда не только детеныш — взрослая летучая мышь и то поместилась бы.

Сказать по совести, мне стоило большого труда отыскать летучего мышонка среди хитрых кружевных узоров бюстгалтера. Снять его было нельзя — а то потеряем живое существо! — можно было только аккуратно прощупать пальцами.

Но вот наконец среди кружев отыскался летучий мышонок, и Мартина с облегчением натянула рубашку, а затем и пуловер.

...Закончив стирку, я пошла по другим делам и увидела, как Дерек о чем-то оживленно беседует со всей мужской половиной коллектива.

— Чему ты так радуешься? — спросил он, и я без утайки рассказала им о случившемся.

— Вот так номер! — ответил один из парней. — Что ж ты нас не позвала, мы бы его мигом нашли!

— Это не для ваших мужских пальцев, — парировала я. — Еще раздавили бы, чего доброго!

Конечно, наш коллектив работает как большая дружная семья, но могла ли вообще осуществляться наша деятельность, если бы не зоркие глаза и отзывчивые души чужих (как не хочется употреблять это слово!) людей, которые дают себе труд позвонить и сообщить о найденных ими животных, нуждающихся в помощи, а порою и сами, жертвуя своим временем, привозят их к нам, дабы мы побыстрее облегчили их страдания. Но и на этом не заканчивается роль отзывчивых сердец. Вылечить зверя — полдела, нужно еще подобрать подходящее место, где его можно выпустить: чтобы животное было в состоянии там прокормиться, чтобы оно не было занято его сородичами. А это требует времени. И здесь опять же большую помощь оказывают нам посторонние (к сожалению — посторонние!) люди.

Возьмем, к примеру, тех же барсуков: в среднем с момента, когда к нам поступает барсучонок-найденыш, и до момента, когда он уже совершенно не нуждается в поддержке человека, проходит 15 месяцев. Сколько раз говорилось на страницах этой книги, как ревниво барсуки охраняют от пришельцев свою территорию — могут и покусать чужака, и даже убить. Значит, для успешного выпуска барсуков требуются люди, готовые заниматься планированием данной работы. В течение зимних месяцев кто-то должен вышагивать милю за милей в поисках территории, свободной от барсуков и при этом способной обеспечить пищей целую группу этих животных. Особенно трудно отыскивать такие территории на юго-западе Англии, где уже сосредоточена четверть всего барсучьего населения Британских островов. Вот почему очень часто сформированные для выпуска социальные группы барсуков приходится отвозить на другие территории, например в Эссекс или Суффолк. Как только нужные территории найдены, их регистрируют ответственные за выпуски выкормленных людьми барсуков природозащитники — скажем, Колин Сэддон из Общества покровительства животным, — и следующей осенью животных туда выпускают.

Осиротевшие или получившие увечья барсучата начинают поступать с марта, так как именно в это время они и выходят добывать себе пищу. Барсучат подбирают и выхаживают разные люди по всей стране, но важно, чтобы по возможности барсучонок не оставался в одиночестве. Правда, это правило действует для всех зверей и птиц — ведь если животное не имеет контакта с себе подобными, а только с людьми, то в его сознании отпечатывается, что он такой же, как и те, кто его выкармливает. А раз так, его уже никогда нельзя будет вернуть в дикую природу. Особенно применимо данное правило к барсукам — у этих животных чрезвычайно развито чувство семьи, им обязательно нужны сородичи, с которыми можно играть и общаться.

Как только барсучата отучаются пить из бутылочки, их нужно скорее включить в общественную группу, насчитывающую до 10 особей; желательно, чтобы там было сбалансировано число самцов и самок. Такие группы помещают в просторные загоны, чтобы свести к минимуму контакт с человеком, и им должна быть предоставлена возможность самим добывать себе пищу.

Когда барсучата достигают приблизительно шести месяцев от роду, группу перевозят на ее новую территорию. Выпуск обычно начинается с июля. Сначала барсуков держат за за-

бором со слабым током, а внутрь кладут тюки соломы — в качестве временного укрытия, пока они не построят себе гнезда. Обычно они обустроиваются быстро, особенно если есть пригодные для жилья заброшенные кроличьи норы.

Но и на этом забота человека о барсуках, которым он даровал землю и волю, не заканчивается. Кто-то должен в течение шести месяцев кормить их и вести за ними каждодневные наблюдения. За это время животные проруют ходы, уводящие за пределы обнесенной забором территории; замечено, что при этом они выбегают наружу и входят назад, уже чувствуя себя собственниками территории, где их поселили. Забор с током на данном этапе убирается. Теперь остается дожидаться следующей весны, когда они ощутят себя полноправными хозяевами. По мере того как они осваивают новые места и все успешнее кормятся сами, подкормка их человеком уменьшается.

В реализации плана по выпуску барсуков важен каждый человек, занятый на каждой стадии. Сейчас, когда я пишу эти строки¹, исполняется четыре года с тех пор, как мы начали осуществление описанной выше схемы, и теперь с уверенностью можно говорить, что она принесла успех: выпущенные нами барсуки, которых мы выкормили с младенческого возраста, успешно закрепились на дарованных им территориях и сами обзавелись потомством.

Заметим, что в разных регионах Англии применяются разные методы. Так, например, в Йоркшире, где уровень преследования барсуков человеком особенно высок (любители барсучьих боев раскапывают до 80 процентов гнезд!), не следует строить временные укрытия из соломенных тюков, так как подобные сооружения послужили бы лишь приманкой для негодяев. К несчастью, в этих условиях могут работать только беззаветно преданные барсукам природозащитники, а гнезда приходится укреплять проволочными ограждениями и бетоном! Спросите, что это — дом барсука или крепость? Дом барсука и должен быть крепостью, не следует забывать о двуногом звере! Кроме того, все барсуки, перевозимые из одной местности в другую, должны быть подвергнуты анализу на туберкулез, а в Уэльсе, кроме того, для их транспортировки требуется лицензия.

Сходная проблема и с лисицами — для их выпуска тоже очень трудно подобрать территорию. Недавно были предприняты исследования с целью выяснения, сколь успешно они

¹ Рубеж 1994/1995 гг.

адаптируются к жизни в дикой природе, будучи выкормленными в неволе. Но мне кажется опасным делать выводы на основании ограниченных исследований, проведенных в пределах одной территории и только в одно время года путем слежки за лисицами, на которых надеты радиоошейники. Конечно, чем больше мы познаем, тем ценнее накопленные нами сведения, но надо принимать во внимание факт, что каждая ситуация требует особого подхода.

Бывало, мне оказывали поддержку люди, с которыми я так никогда и не встретилась. Как-то раз один журнал по сельскому хозяйству опубликовал статью о нашем Центре и моем интересе к барсукам. В этом же журнале несколько недель спустя появилась статья некоего фермера, который негодовал по поводу того, что каждый год теряет из-за барсуков ягнят, и вновь поднимал набивший оскомину вопрос о связи между барсуками, коровами и чахоткой. В течение почти 20 лет правительство так и не смогло доказать существование этой связи и тем не менее продолжает уничтожать до 5000 барсуков в год, что обходится ежегодно в 1 200 000 фунтов, и все ради одной цели — показать, что оно чем-то занимается.

Но нашелся и другой фермер — мистер Дрю из Шотландии. Прочитав статью о нашем Центре, а затем материал своего коллеги-злопыхателя, он понял, какую рану нанес мне последний. Мистер Дрю нашел время позвонить мне и заверить, что есть-таки фермеры, считающие ошибочной «выбровку» барсуков. Сквозь его густой шотландский акцент разобрать слова иной раз было непросто, но разговор с ним пролил бальзам на мою душу.

— Знаю, статья расстроила вас, — говорил он, — но, ей-богу, не все фермеры такие! Вот мой приятель Джимми МакКавиш — он переехал в Сомерсет, выписал здоровых коров из Шотландии — и ничего, не знал никаких проблем! Барсуков убивать не надо. Даже я знаю — туберкулез передается с кровью, слюной и мочой. Барсуки и коровы не кушают друг друга, значит, кровь в данном случае отпадает. Барсуки не целуются с коровами — значит, слюна тоже отпадает. Мы ставим электрические заборы — значит, они не ходят к нам на пастбища и не метят их, так что моча тоже отпадает.

Я поблагодарила мистера Дрю за то, что он побеспокоился и позвонил мне.

— Если вам, — сказал мистер Дрю — потребуется ссылка на фермера, который любит барсуков, звоните мне.

— Вот, мистер Дрю, я и поймала вас на слове! Я уверена, что в один прекрасный день правительство поймет свою не-

правоту и прекратит уничтожать ни в чем не повинных животных. Как можно продолжать убивать до 5000 барсуков в год, если не доказано, что ситуация с туберкулезом от этого улучшится?!

...Когда нам сообщили, что мы выиграли приз «Страна зверей», мы были на седьмом небе от восторга. Полагающаяся при этом денежная премия тоже кое-что значила — на нее мы могли достроить загоны. Благотворительная организация «Забота о дикой природе», которая столько делает во имя помощи диким животным по всему свету, также подкинула нам денег на строительство загонов — и то, о чем мы могли только мечтать, стало явью.

Активисты созданной нами природозащитной организации «Общество Блюбелл» стараются из всех сил, чтобы поддержать нас в работе, и деятельно участвуют во всем, что бы мы ни затевали. Устраиваются мероприятия, призванные поддержать нас в финансовом отношении, и преданные нашему делу люди своими вкладами — будь они крупными или маленькими — помогают нам продолжать работу. Так, например, член Общества Хейзел Вудс, фанатично преданная нашим любимцам, устроила для нас «Лондонский марафон», который собрал свыше 1200 фунтов.

...А что же здоровенный барсучище Урби, спросите вы? Он благополучно оправился от инфекции, и именно Линде поручили отвезти его назад. Пусть и в густо застроенной городской среде, но все же там его родной дом. В глубине сада, где его когда-то нашли, нашлась большая игровая площадка с короткой травой — вполне достаточно, чтобы барсук мог отыскать здесь себе червей. Туда его и решили выпустить.

..Линда подъехала к нашей ферме в полночь, и мы посадили Урби в ящик, чтобы отвезти домой. Когда я объяснила, что и как нужно делать, Линда даже порозовела от волнения — как в тот день, когда мы с ней поехали отлавливать барсука. Я помахала ей на прощание, пожелала удачи ей и Урби, и у меня отлегло от сердца, когда машина скрылась за поворотом и ее рубиновые фонарики наконец исчезли вдали.

Полчаса спустя Линда припарковала машину возле игровой площадки. В дороге Урби вел себя спокойно, но как только Линда вынула клетку из машины и поставила на лужайку, он принялся яростно царапать о решетку. Он понял, что он дома! Подождав несколько минут, пока он немного привыкнет, Линда отворила дверцу — и животное пулей вылетело из клетки и помчалось к противоположному краю площадки.

А далее началось самое чудесное. Она увидела, как он бежит вдоль изгороди — но не один, его догоняет сородич! Момент — и барсуки, переживая волнение от встречи, радостно приветствуют друг друга на своем барсучьем языке, и вот они уже резвятся вместе! «Я дома! Я дома!» — радовался Урби. Неожиданно барсуки исчезли, и площадка для игр снова стала пустынной и тихой, как прежде.

— Это было что-то фантастическое! — воскликнула Линда, рассказывая мне об этом наутро по телефону. — Теперь я понимаю, почему ты так любишь свое дело!

Радости и горести — вот чем полна жизнь человека, заботящегося о животных.

И мне... и мне все это бросить? Оставить? Сдаться? Снова вступила в свои права весна, и я снова сижу в своем уютном кресле на кухне, и снова на руках у меня свернулся клубочком крохотный барсучонок — мальчик, которому всего-то недели три от роду и у которого еще не открылись глаза. Его серебристо-серое тельце прекрасно вписалось в изгиб моей руки, а полосатая мордочка доверчиво уткнулась мне в грудь.

Я назвала его Глейд — Полянка. Когда в лесу падает от старости дерево-великан, на образующуюся при этом полянку проникают солнечные лучи — и семена цветов, дремавшие здесь, возможно, сотни лет, возрождаются к жизни. Ветер приносит на полянку семена деревьев, они прорастают — и новая жизнь возрождается на пространстве, где доживало свой век старое дерево. С этого барсучонка начался для меня новый полный хлопот сезон, в который — я в этом уверена — столько предстоит сделать!

ДРУГОЙ БЛЮБЕЛЛ У МЕНЯ УЖЕ НЕ БУДЕТ ТО ВРЕМЯ УШЛО В ПРОШЛОЕ. НО ОТ НЕГО ОСТАЛОСЬ НЕМАЛО СЧАСТЛИВЫХ ВОСПОМИНАНИЙ. ХОЧЕТСЯ НАДЕЯТЬСЯ, ЧТО КОГДА-НИБУДЬ ТОЧНО ТАК ЖЕ Я СКАЖУ О ВРЕМЕНАХ ГРЯДУЩИХ.

ОБРАЩЕНИЕ ПРИРОДОЗАЩИТНОГО «ОБЩЕСТВА БЛЮБЕЛЛ»

Мы ощущаем острую потребность в друзьях, которые, посредством членства в «Обществе Блюбелл», готовы поддержать работу по спасению диких животных, проводимую на ферме, где когда-то жила эта ставшая легендой барсучиха.

За многие годы работы по выхаживанию осиротевших и увечных животных значительно укрепилась наша репутация. Немало таких животных было доверено нам ветеринарами, Обществом покровительства животным и просто людьми, любящими братьев наших меньших. Мы имеем опыт работы с различными видами животных и ныне располагаем специальными помещениями, позволяющими свести к минимуму присутствие человека и тем самым ограничить стрессовые нагрузки на животных. У нас имеются госпитальная палата с обогревательными лампами и большие загоны для содержания увечных барсуков и лисиц (пострадавших главным образом в результате происшествий на дорогах).

Наша главная цель — вернуть животным здоровье и хорошую форму, а затем вернуть их в дикую природу. Их выпускают или в тех местах, где они были найдены, или в более подходящих, если таковые удастся подобрать. Некоторых животных передают Отделу дикой природы Общества покровительства животным в Хэтч-Бошамп (Hatch Beauchamp), с которым мы тесно сотрудничаем.

С 1986 года, когда мы решили посвятить себя делу служения дикой природе, через наши руки прошло свыше тысячи

животных. Мы доступны в течение 24 часов в сутки и никогда не отвергаем попавшее в беду животное. Но наша работа требует колоссальных затрат времени и средств. Только по счетам ветеринаров мы выплачиваем до 2000 фунтов в год. Как и многие другие предприятия, мы стоим перед угрозой финансового краха. Банк уже не раз информировал нас о том, что не готов поддерживать бизнес, который не сулит прибыли.

Тем не менее мы считаем свою работу слишком важной, чтобы ее можно было просто так бросить, и пытаемся изыскать дополнительную финансовую поддержку. Всего нам требуется около 5000 фунтов в год.

Кроме всего прочего, наше Общество принимает участие в Национальной программе по разведению обыкновенной сони. Эти очаровательные, несмотря на ироничное название, существа стали теперь очень редкими, но есть надежда, что нам удастся вернуть их в лесные уголья, где они почти полностью исчезли.

Информация для желающих вступить в «Общество Блюбелл»

Вступающим в Общество вручается пакет, содержащий удостоверение члена Общества; наклейку на стекло автомобиля; документ, дающий право на скидку при покупке входных билетов на нашу ферму; листовки, содержащие сведения о животных, а также письмо, подписанное Симоном Кингом. Этот пакет может быть идеальным подарком к Рождеству или дню рождения. Членские взносы: взрослые — 12 ф. 50 п. в год, дети — 7 ф., семья — 30 ф., безработные — 8 ф. 50 п.

За дальнейшими разъяснениями
обращайтесь по адресу:

Pauline KIDNER at SECRET WORLD
East Huntspill, Somerset
TA9 3PZ UNITED KINGDOM

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИСТОРИЯ БАРСУЧИХИ

Предисловие	7
<i>Глава первая.</i> Ферма Нью-Роуд, или Как все это начиналось . .	10
<i>Глава вторая.</i> Всякие твари являются по паре	31
<i>Глава третья.</i> Про птиц и летучих мышей, или Попался, который клевался	51
<i>Глава четвертая.</i> Мои барсуки: три полосатые морды и один герцог	65
<i>Глава пятая.</i> Кое-что о совах: наш Сейдж держит марку?	91
<i>Глава шестая.</i> Приятели Дерекы: лисы в шкафу для игрушек . .	106
<i>Глава седьмая.</i> Колючие проблемы, или Как ежи преподнесли мне сюрприз	123
<i>Глава восьмая.</i> «Мама, на кого ты меня покинула?» (Сиротские истории)	136
<i>Глава девятая.</i> Еще несколько барсучьих историй	158
<i>Глава десятая.</i> Вы это тоже можете!	188

МОЙ ТАЙНЫЙ МИР

Вступление	205
<i>Глава первая.</i> Субботний ребенок	208
<i>Глава вторая.</i> Про искусственные ноги и выхлопные трубы . . .	225
<i>Глава третья.</i> Крикет	250
<i>Глава четвертая.</i> Мы и пресса	281

<i>Глава пятая.</i> ...Ну куда спешить тому, кто всегда в своем доме?	304
<i>Глава шестая.</i> Барсучьи проблемы	318
<i>Глава седьмая.</i> Слизни, утки и щенячьи хвостики	345
<i>Глава восьмая.</i> Пир на весь мир	360
<i>Глава девятая.</i> После Блюбелл	391
Обращение природозащитного «Общества Блюбелл»	407

К ЧИТАТЕЛЯМ!
Издательство просит отзывы об этой книге и Ваши
предложения по «Зеленой серии»
присылать по адресу:
125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 376
Издательство АРМАДА

Киднер П.

К 38 / Мой тайный мир: История барсучихи; Мой тайный мир/ Пер. с англ. С. Лосева; Худож. А. Ермаков.— М.: АРМАДА, 1997.— 410 с.: ил.— (Зеленая серия).

ISBN 5-7632-0582-0

О забавных приключениях людей и зверей в Центре по спасению животных, о полной заботе будничной жизни небольшой фермы в английском графстве Сомерсет, о печальных и даже драматических событиях, которые, к сожалению, там тоже случаются, рассказывает эта добрая, ироничная, веселая и одновременно грустная книга английской писательницы, пронизанная искренней любовью к природе.

УДК 82-311.8(02)

ББК 84(4)-44я5

Зеленая серия

**ПАУЛИНА КИДНЕР
МОЙ ТАЙНЫЙ МИР**

•

**ИСТОРИЯ БАРСУЧИХИ
МОЙ ТАЙНЫЙ МИР**

Ответственный редактор
Е. П. Карзина

Художественный редактор
В. В. Голубева

Технический редактор
П. Э. Кутепов

Изд. лицензия ЛР № 040627 от 12.05.93. Формат 84x108 ¹/₃₂.
Бум. кн.-журн. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 21,84. Тираж 18 000 экз.
Изд. № 2077. Заказ № 5940.

Издательство АРМАДА
125499, Москва, Кронштадтский бульвар, 376

Отпечатано в типографии издательства
«Самарский Дом печати»
443086, Самара, просп. Карла Маркса, 201

СЛЕДУЮЩАЯ КНИГА СЕРИИ

РОЙ БЕДИЧЕК

*Приключения техасского
натуралиста*

Американский исследователь-натуралист Рой Бедичек родился и вырос в Техасе. Влюбленный до упоения в природу родного края, он много путешествовал в поисках новых открытий, и результатом дорожных заметок стала замечательная книга «Путешествие техасского натуралиста». Это не только занимательный рассказ натуралиста о своих открытиях и впечатлениях, но одновременно и ценная научная энциклопедия о природе края и его обитателях. «Лирический» настрой не мешает автору проявить свою принципиальную позицию убежденного защитника животного и растительного мира, ведь главная тема его исследований – проблемы экологии, защита окружающей среды от негативного воздействия человека.

ИНФОРМАЦИЮ О НОВЫХ КНИГАХ ИЗДАТЕЛЬСТВА **АРМАДА**
ПУБЛИКУЕТ ЖУРНАЛ

«В МИРЕ ЖИВОТНЫХ ~ WORLD of ANIMALS»

НАИБОЛЕЕ УВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ ОТРЫВКИ ИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДАРРЕЛЛА И КУСТО,
ДРОЗДОВА И ГРЖИМЕКА, ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ФОТОПОРТРЕТЫ ИХ ПЕРСОНАЖЕЙ
И МНОГОЕ ДРУГОЕ.

Подписной индекс **47050** в каталоге Роспечати.

ЛЮБИТЕЛЯМ ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ О ПУТЕШЕСТВИЯХ
ПО ЭКЗОТИЧЕСКИМ УГОЛКАМ НАШЕЙ ПЛАНЕТЫ

ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ

ВОКРУГ СВЕТА

В новый цикл «ВОКРУГ СВЕТА», который издается в рамках хорошо известной читателям «ЗЕЛеной СЕРИИ», выйдут произведения зарубежных и отечественных авторов о путешествиях в экзотические страны и неизведанные уголки планеты.

Книги подсерии – не сухие путеводители для туристов, а увлекательные повествования, в основу которых легли уникальные этнографические наблюдения, рассказы о быте и нравах разных племен и народов, о животном и растительном мире Земли, о природе, пейзажах и климате тех мест, где побывали путешественники.

Книги нового цикла несомненно найдут отклик у широкого круга читателей, так как в рамках подсерии будет издаваться как научно-популярная, так и художественная литература. Среди авторов – всемирно известные путешественники, исследователи, натуралисты: Жак-Ив Кусто, Тур Хейердал, Бернгард Гржимек, Николай Дроздов, Перси ГARRISON Фосетт, Фарли Моуэт, Норбер Кастере и многие другие.

ПЕРВЫЕ КНИГИ ВЫЙДУТ В КОНЦЕ 1997 – НАЧАЛЕ 1998 г.:

Тур Хейердал	«ЭКСПЕДИЦИЯ «КОН-ТИКИ»
Бернгард Гржимек	«АВСТРАЛИЙСКИЕ ЭТЮДЫ»
Николай Дроздов	«ПОЛЕТ БУМЕРАНГА»

* Книги Б.Гржимека и Н.Дроздова выйдут в одном томе под общим названием «Австралийские этюды».

Уважаемые читатели! Вы можете оформить подписку на книги подсерии «Вокруг света», отправив заявку по адресу: 125499, Москва, Кронштадтский бул., д.37 б, издательство АРМАДА, с пометкой «Книга – почтой» на конверте.

*Если Вы решили завести кота или собаку,
или другую какую-нибудь живность,
если у Вас уже живет мохнатый,
а то и крылатый воспитанник,
Вам не обойтись без*

газеты и журнала «Кот и Пёс»!

**«Кот и Пёс» – независимая ГАЗЕТА для семейного
чтения – выходит при участии «АиФ».**

Подписной индекс 50227 в зеленом каталоге.

Журнал «Кот и Пёс» выходит один раз в месяц.

В каждом номере – большой постер (плакат), на одной стороне которого красочная, выразительная фотография кота, а на другой – не менее интересная фотография собаки. Оба они – лучшие представители пород.

Каждый из читателей журнала сможет стать участником конкурса «Симпатяга-97», прислав цветные фотографии и слайды своих любимцев, яркие рассказы об их жизни и проделках, лучшие из которых мы опубликуем. Победителями станут те кошки и собаки, которые вызовут у читателей наибольшую симпатию, независимо от того, высокопородные они или дворняги.

Наши авторы – опытные ветеринары, владельцы лучших питомников, специалисты по дрессировке – популярно рассказывают читателям о том, как правильно:

**ВЫХАЖИВАТЬ, КОРМИТЬ, ЛЕЧИТЬ,
ВОСПИТЫВАТЬ и ОБЕРЕГАТЬ**

не только четвероногих друзей нашего дома, но и птиц, гадов (то есть пресмыкающихся), аквариумных рыб – всех, кого привел человек к себе в семью, кого приручил...

Подписной индекс журнала 71517.

**По вопросам размещения рекламы
в журнале и газете «Кот и Пёс» обращайтесь
по тел.: (095) 250-00-84 и факсу (095) 254-53-09.**

Вопросы распространения решаются по тел.: (095) 200-10-89.

Адрес для писем: 103006, 1-я Тверская-Ямская, д. 2, строение 1
(редакция журнала «Кот и Пёс»).

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

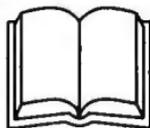
К вашим услугам книготорговые организации, в которых можно приобрести книги издательства АРМАДА мелким оптом и в розницу:

АСТРАХАНЬ:	"Вариант"	ул.Чернышевского, д.12
ВОЛГОГРАД:	"Эзоп"	(8442) 37-25-19
КАЗАНЬ:	"Сериал"	(8432) 35-63-34
КАЛИНИНГРАД:	"Экслибрис"	(0112) 45-75-44
КАЛУГА:	"Аэлита"	(08422) 4-42-45
ТУЛА:	книжный магазин	просп. Ленина, д.20
УССУРИЙСК:	ИЧП "Матвеев"	(42341) 2-34-56

Оптовые партии книг по ценам издательства вам предлагают наши региональные представители:

МОСКВА:	"Рест"	(095) 150-07-82
	"Колокол"	(095) 261-93-05
	"Стрела"	(095) 755-91-66
	"Тригон"	(095) 251-49-11
С.-ПЕТЕРБУРГ:	"Русский Север"	(812) 530-05-36
	"БИМ+"	(812) 262-44-87
ВОРОНЕЖ:	"Амиталь"	(0732) 23-00-02
ЕКАТЕРИНБУРГ:	"Полибук"	(3432) 53-87-54
КИЕВ:	"Олса"	(044) 435-52-59
Н.НОВГОРОД:	"Логос"	(8312) 36-25-80
НОВОСИБИРСК:	"Топ-книга"	(3832) 39-63-63
ОМСК:	"Сибинформ"	(3812) 65-36-64
ПЕРМЬ:	"Тигр"	(3422) 44-73-54
РОСТОВ-на-ДОНУ:	"Эмис"	(8632) 32-87-71
САМАРА:	"Реал +"	(8462) 41-87-30
ЧЕЛЯБИНСК:	"Корвет"	(3512) 36-75-10
	"РИФ-2"	(3512) 61-25-80

«КНИГА - ПОЧТОЙ»!

Если вы хотите подписаться на интересующую вас серию или заказать отдельные книги, пришлите заявку по адресу:

125499, Москва, Кронштадтский бул., д. 376, издательство АРМАДА, с пометкой "Книга - почтой" на конверте.

Оформить подписку можно также по любому из адресов (г.Москва):

**ул. Красная Пресня, д.14, магазин «Пресня»;
Дмитровское ш., д.25, библиотека №84;
проспект Мира, д.41, строение 1,
помещение Художественного салона.**

ПАУЛИНА
КИДНЕР

---

*История
Барсукихи*

*Мой
тайный мир*